

ПРОТОПЕРЕЙ
СЕРГИЙ
ЧЕТВЕРИКОВ

ПРОВОДОМОНА
АНБРОСИИ

ПРОТОИЕРЕИ
СЕРГИЙ
ЧЕТВЕРИКОВ

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАТРИАРХИЙ

Сергий, иеромонах (Четвериков)

Преподобный Амвросий

Оглавление

- ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ СОСТАВИТЕЛЕ
- ОТ СОСТАВИТЕЛЯ
- Глава I. ВЕЧНАЯ ПРАВДА ПРАВОСЛАВИЯ
- Глава II. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ДУХОВНОГО ОБЛИКА СТАРЦА О. ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСИЯ
- Глава III. ЮНЫЕ ГОДЫ О. АМВРОСИЯ В ДОМЕ И В ШКОЛЕ
- Глава IV. ЗОВ БОЖИЙ
- Глава V. ОПТИНА ПУСТЫНЬ — БЛАГОДАТНЫЙ УГОЛОК РУССКОЙ ЗЕМЛИ
- Глава VI. ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОМ ИНОЧЕСТВЕ И УЧАСТИЕ В НЕМ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ
- Глава VII. ДУХОВНОЕ ВОЗРАСТАНИЕ О. АМВРОСИЯ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ПОД РУКОВОДСТВОМ СТАРЦЕВ О. ЛЕОНИДА И О. МАКАРИЯ
- Глава VIII. ОТЕЦ АМВРОСИЙ — СТАРЕЦ
  - Первые годы старчества
  - Отец Амвросий в его переписке со светскими и монашествующими
  - Отец Амвросий в своей келейной обстановке. Будничный и праздничный день старца. Дни исключительные
  - Духовно-нравственный облик старца и его пастырское попечение о людях
- Глава IX. ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ ЛЮБВИ СТАРЦА О. АМВРОСИЯ — УЧРЕЖДЕНИЕ ШАМОРДИНСКОЙ КАЗАНСКОЙ

ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ И ЗАБОТА О НЕЙ

- Глава X. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСИЯ, ЕГО КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ
- Глава XI. ОСОБЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ БЛАГОДАТНОЙ СИЛЫ БОЖИЕЙ В СТАРЦЕ О. АМВРОСИИ
- Глава XII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ И ЕЕ СОСТАВИТЕЛЕ

Имя протоиерея Сергия Четверикова знакомо, пожалуй, каждому почитателю оптинских старцев, но мало кто в России знает о его судьбе, поскольку духовный писатель, подвижник и пастырь закончил свои дни на чужбине. Для благочестивого читателя неожиданным открытием будет даже то, что автора книги об иеросхимонахе Амвросии тоже следует поминать как иеросхимонаха — как и старец Амвросий, о. Сергей келейно принял схиму с сохранением прежнего имени.

«Я происхожу из небогатой и глубоко религиозной купеческой семьи маленького уездного города» — так писал о себе отец Сергий^[1].

Он родился 10 июня 1867 года в городе Бахмуте Екатеринославской губернии. Мальчику было всего два года, когда умерла его мать. Тем не менее детство осталось в его памяти одним из самых светлых воспоминаний: отец женился во второй раз, и мачеха, взявшая на себя заботу о детях, разделявшая с ними радости и печали, бывшая рядом и в дни болезней, и в дни праздников, по воспоминаниям отца Сергия, стала для него «почти родной матерью»^[2].

Из отчего дома дорога вела к дому Божию. «Отец научил меня молиться, любить церковь и церковное пение. Благодаря отцу церковь и праздники, особенно Рождество и Пасха, занимали в нашей домашней жизни центральное место, являлись ее главным содержанием и воспитывающим элементом. Каждую субботу я ходил с

отцом ко всеобщей и полюбил церковное пение. Без наставлений и поучений церковь овладела моею душою»^[3].

С этих детских переживаний, быть может, и началось становление отца Сергия как священника, пастыря, духовного наставника многих и многих сотен людей. Для него самого родство кровное неразрывно соединялось с родством духовным. А потому и слова «русский православный народ» были для отца Сергия не просто привычной фразой, но словами глубоко прочувствованными, пережитыми лично.

Девяти лет мальчика отдали в подготовительный класс духовного училища, но не потому, что хотели сделать из него священнослужителя, просто другой школы в городке тогда не было. Через три года его перевели во 2-й класс Таганрогской прогимназии, потом в гимназию. Мальчик имел живой ум, любил учиться, много читал — гимназию он окончил первым учеником. Однако дальнейший путь оставался для него неопределенным.

Наступила пора юношеских исканий. Как и многие молодые люди, отец Сергей пережил период сомнений и разочарования в том, что было дорого ему с детства, что наполняло жизнь смыслом. Это были «самые тяжелые годы моей жизни, — писал он, уже будучи 80-летним старцем, — во мне угасла вера, утратилась душевная и телесная чистота»^[4].

Он приехал в Москву, поступил в университет на медицинский факультет, затем перешел на историко-филологический. Однако ни ученые занятия, ни шумная студенческая жизнь не захватили его полностью.

Летом 1891 года «мы, четыре студента Московского университета (один медик, два юриста и один филолог), путешествовали пешком из Москвы в Киев с целью поближе познакомиться с нашей родиной»^[5]. Встреч и впечатлений за время путешествия было множество. Молодому человеку как будто заново стала открываться жизнь русского православного народа и Русской Православной Церкви.

В раздумьях о том, какой путь избрать, как найти дело, которому можно было бы посвятить жизнь, студент Сергей Четвериков приехал в Троице-Сергиеву Лавру. Беседа с архимандритом Антонием (Храповицким)^[6], тогдашним ректором Московской духовной академии, оказалась решающей: будущий отец Сергей перешел из университета в академию. Он сдал экзамены и был принят на стипендию преподобного Сергия. «Окончился период моих блужданий. Я нашел свой путь и успокоился»^[7].

На четыре года Лавра стала для него домом. Он полюбил и ночные молебны в часовне близ того места, где явилась преподобному Сергию Матерь Божия, и праздничную толчею, когда толпы богомольцев заполняли не только храмы, но и двор монастыря. Книги и лекции преподавателей воспитывали ум будущего пастыря, а душа возрастала под мудрым водительством старца Варнавы, жившего недалеко от Троице-Сергиевой Лавры, в скиту Черниговской иконы Божией Матери.

Летом 1894 года будущий пастырь снова побывал в Оптиной пустыни, прожил там неделю, говел (впервые он увидел Оптину во время своего путешествия по Руси — как бы мимоходом). На этот раз он «близко рассмотрел Оптину пустынь» — и «ощутил там веяние истинной духовной жизни»^[8]. Он стал выписывать оптинские издания, вероятно, не предполагая, что в будущем сам напишет две книги и несколько статей о знаменитом монастыре и его подвижниках.

В 1896 году Сергей Иванович Четвериков закончил курс духовной академии. «В том году на Академическом акте читал свою знаменитую речь о преподобном Сергии профессор академии и университета В. О. Ключевский. Я слушал эту потрясающую речь, и она указала мне программу моей новой жизни»^[9]. Вскоре он был рукоположен: 14 июля 1896 года во диакона, через неделю, 21 июля, — во священника.

Свое священническое служение отец Сергей начал в 1896 году в Глуховском уезде Черниговской губернии в качестве настоятеля Крестовоздвиженской церкви при Русском Трудовом Православном братстве. Братство было основано черниговским помещиком Н. Н.

Неплюевым, знакомство с которым произвело на отца Сергия неизгладимое впечатление.

Некоторое время (с 1898 года) ему довелось быть настоятелем знаменитой Пятницкой церкви в Чернигове — памятнике древнерусского зодчества XII века.

Почти одновременно со священническим служением началась и педагогическая деятельность отца Сергия. Более двадцати лет прослужил он законоучителем в различных учебных заведениях: сначала в Образцовой школе при Саратовском женском епархиальном училище (1898–1900), затем во 2-й Саратовской гимназии (1901) и, наконец, в Петровском Полтавском кадетском корпусе (1907–1919). Здесь он приобрел огромный опыт и в 1911 году стал председателем братства законоучителей, а в июне 1917 года был избран товарищем председателя Всероссийского съезда духовенства и мирян в Москве, куда был делегирован как представитель Полтавской епархии.

Лето отец Сергий с семьей обычно проводил в монастыре. В 1905 году, живя в Оптиной пустыни, он участвовал в подготовке собрания писем старцев Амвросия и Анатолия (Зерцалова). Письма были изданы обителю в 1909 году^[10]. «Знакомство с письмами о. Амвросия возбудило во мне желание составить его полное жизнеописание, что и было мною сделано летом 1911 года в той же Оптиной пустыни. Следующее лето я провел в Шамордине, заканчивая там и подготавливая к печати свое жизнеописание старца о. Амвросия»^[11]. В память об этой работе настоятель Оптиной архимандрит Ксенофонт благословил отцу Сергию в подарок келейную исповедническую епитрахиль великого старца.

От работы над оптинским материалом отец Сергий вполне закономерно перешел к работе над жизнеописанием старца Паисия Величковского, тем более что служить ему довелось в Полтаве, на родине старца. С 1913 года по благословению церковных властей отец Сергий занялся изучением материала в архивах Санкт-Петербурга, Москвы, Орла, Оптиной пустыни, Ново-Нямецкого монастыря в Бессарабии. Однако закончить работу удалось не скоро.

В 1919–1920 годах вместе с Полтавским кадетским корпусом он эвакуировался за границу. Владикавказ, Кутаис, Боржом, Батум, потом Крым и, наконец, Константинополь. Некоторое время отец Сергей продолжал свою преподавательскую деятельность в корпусе, но вскоре — «по нервному расстройству», как он сам пишет^[12], — попросился на приход.

На этот раз служить ему пришлось в небольшом сербском селе Лика, где-то между Боснией и Хорватией. Здесь отец Сергей прослужил три года. В тишине сельского прихода он смог вновь обрести мир душевный, а затем привести в порядок и свои материалы по истории старчества.

В 1924 году глава русских православных приходов в Западной Европе митрополит Евлогий (Георгиевский) удовлетворил прошение о. Сергия о переводе в Братиславу, где жил его сын. Владыка знал, что «о. Сергей — священник выдающийся, высокого пастырского настроения, аскетического монашеского духа и знаток русского монашества и старчества», поэтому с радостью назначил его настоятелем основанного там русского Крестовоздвиженского прихода. «Отец Четвериков поставил приход отлично и Братиславой не ограничился, а стал простираться и далеко за ее пределы. В Словакии разбросано немало русских гнезд — семьи чехов-военнопленных, вернувшихся из России женатыми на русских. Отец Четвериков развил широкую миссионерскую деятельность по всей Словакии, окормлял до десяти таких гнезд»^[13].

В 1928 году он переехал в Париж, где на бульваре Монпарнас, была устроена церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы. Церковь стала привлекать богомольцев со стороны и обросла приходом.

По отзывам современников, отец Сергей был огромным авторитетом не только для мирян, но и для духовенства. В храме, настоятелем которого он был, находили себе приют и утешение, получая возможность служить литургию, православные священники, временно оказавшиеся без приходов.

Пастырство было его призванием. Помочь человеку вспомнить о Христе, войти в церковную ограду и тем самым упорядочить и освятить то, что кажется обычной житейской суетой — да и является таковою, если не освящается мыслью о Вечном... Людям, волею судеб оторванным от Родины, но не желавшим забывать, кто они и откуда, нужен был именно такой пастырь — с живым чувством традиции, истинно русский и истинно православный батюшка.

Отца Сергия называли «мучеником письменного стола», ведь кроме громадного количества писем, которые он считал себя обязанным писать всем, кому требовался его духовный опыт, он опубликовал несколько значительных книг и около пятидесяти статей. Основная тема его трудов — традиции русской духовной жизни: он писал о русском старчестве, о Паисии Величковском, об Амвросии Оптинском и Оптиной пустыни; в кругу его интересов был пастырский опыт Иоанна Кронштадтского и просветительская деятельность Димитрия Ростовского; есть у отца Сергия книги и статьи об «умном делании» — молитве Иисусовой; многие его работы посвящены педагогическим проблемам, которые он рассматривал с точки зрения православного священника.

Писал отец Сергей только о том, что хорошо знал. В предисловии к книге об Оптиной пустыни он замечает: «Весь мой последующий рассказ будет основан, главным образом, на моих собственных наблюдениях и впечатлениях»^[14]. В 1931 году, дорабатывая книгу о преподобном Паисии Величковском (к его прославлению Русской Православной Церковью вышло 2-е издание этой книги на русском языке)^[15], отец Сергей побывал в Бухаресте, ознакомился с библиотеками Нямецкого и Секульского монастырей, где подвизался старец Паисий, еще раз посетил Ново-Нямецкий монастырь на Днестре.

Значительное место в жизни отца Сергия занимал Валаамский монастырь — «северный Афон», подвижники которого, так же как и оптинцы, деланием рук своих и «умным деланием» оживили лучшие традиции православного монашества.

После путешествия на Валаам в 1930 году отец Сергей полюбил тишину этого монастыря и неоднократно уезжал туда для литературной и духовной работы. По просьбе игумена Харитона он принимал участие в составлении замечательного памятника валаамской духовной литературы — книги «Что такое молитва Иисусова по преданию Православной Церкви», хотя ни на титульном листе, ни в предисловии его имя не упоминается.

Вероятно, именно в это время отец Сергей сподобился келейного схимнического пострига, но продолжал до конца жизни деятельное пастырское служение.

В 1939 году, приехав на Валаам, он стал свидетелем трагических дней в истории обители. В сочельник 1940 года отец Сергей вместе с братией монастыря вынужден был эвакуироваться в Финляндию.

Сначала он жил во внутреннем помещении монастыря, а потом — чтобы не обременять братию — переехал в Гельсингфорс, откуда перебрался в Братиславу к своему сыну Феодосию Сергеевичу. Здесь прошли последние годы жизни о. Сергия.

Он по-прежнему продолжал трудиться за письменным столом (в это время им была написана работа «Тысяча лет России у ног Христа»), не оставляя своим попечением жаждущих духовного утешения. Сам же отец Сергей более всего тяготился тем, что пришлось жить в трех километрах от церкви, которую он по крайней слабости не мог посещать.

Отец Сергей Четвериков отошел ко Господу 29 апреля 1947 года, на 80-м году жизни и 51-м году пастырской деятельности.

В духовном завещании, написанном 13 декабря 1944 года, с дополнением в День Святой Троицы 24 июня 1945 года, он просил: «Отпевание мое прошу совершить по схимническому чину, как состоящего в келейном схимническом постриге, хотя я и провел всю свою жизнь в деятельном пастырском служении. Впрочем, вопрос о чине погребения предоставляю окончательно решить братьям-

сопастырям. В конце концов все же мне думается: так как постриг был тайный, то его и не следует обнаруживать».

«Принадлежащую мне келейную исповедническую епитрахиль оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, полученную мной в память составления его жизнеописания от настоятеля Оптиной пустыни о. архимандрита Ксенофонта, прошу принять на молитвенную память и в знак благодарности и любви моего духовного отца о. игумена Филимона, валаамского постриженника».

«Похоронить меня прошу как можно проще, в самом простом деревянном гробу, без украшений, на кладбище в Славием Удолье, среди русских могил».

Великий старец Оптиной пустыни иеросхимонах Амвросий первым из сонма преподобных отцов и старцев оптинских был причислен к лику святых для всероссийского почитания — на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 6–9 июня 1988 года: «Старец Амвросий канонизирован за святость жизни и явленные ею добродетели: смирения, заботы о ближних, прозорливости и чудотворения. Основанием также является непрекращающееся почитание его народом церковным, который чтит своего старца как великого подвижника, имеющего большое дерзновение перед Богом»^[16]. «Благодати Божия сокровище некрадомое унаследовал еси и тихое, безмятежное пристанище на небесех обрел еси. Действием же Промысла Божия во дни торжествуемаго тысячелетия Крещения Руси прославлен и к лику святых причислен был еси. Ныне, убажашаще память твою святую, поем вси: Аллилуиа»^[17].

Брошюра объемом в 50 страниц «Житіе и наставления преподобнаго Амвросія, старца Оптинскаго» (1989) стала первой книгой, вышедшей из стен Оптиной пустыни после возобновления в ней монашеской жизни.

В 1992 году издательство «Посад» при участии Свято-Троицкой Сергиевой Лавры репринтно переиздало составленное оптинским архимандритом Агапитом (Беловидовым) «Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия с его

портретом и факсимиле в двух частях» (Москва, 1900) — самое пространное и обстоятельное жизнеописание преподобного Амвросия. Ранее это оптинское издание дважды, в 1965 и 1990 годах, репринтно переиздавалось в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (США, штат Нью-Йорк), а в 1997 году вновь издано Оптиной пустынейю.

В 1993 году в Москве Братство святителя Алексия под заголовком «Преподобный Амвросий Оптинский и его эпистолярное наследие», объемом 191 страница, посмертно опубликовало работу архимандрита Иоанна (Маслова, † 29. VII. 1991), написанную им в качестве курсового кандидатского сочинения по кафедре патрологии Московской духовной академии в 1968–1969 годах^[18].

В том же 1993 году вышло в свет и серьезное научное исследование игумена Андроника (Трубачева) «Преподобный Амвросий Оптинский. Жизнь и творения» (издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря) объемом 223 страницы. Эпиграфом к изданию этого фундаментального труда, выполненного в преддверии канонизации старца Амвросия, были взяты слова оптинского рясофорного монаха Ераста Вытропского: «Все, что до сих пор напечатано было об отце Амвросии, меня совсем не удовлетворяет; впрочем, полагаю, что меня никогда ничто не удовлетворит, хотя бы потому, что теперь еще очень много нельзя о нем писать... Что Вы скажете или как выразите чувства того, кто лично пришел к старцу с негодующим помыслом на него самого, в мучительном раздумье, как бы преобедить себя, чтобы высказать ему этот самый помысл свой? Что Вы скажете, если старец сам избавил от этого неприятного чувства — пересказа такого помысла; встретив меня, он улыбнулся и положил свою руку себе на голову, изображая кающегося человека! Такие таинственные душевные движения, эту жизнь душ никак невозможно положить на бумагу»^[19].

Воспроизводимый ныне труд протоиерея Сергия Четверикова^[20] был последним жизнеописанием преподобного Амвросия, изданным «старой» Оптиной, — к 100-летию со дня рождения приснопоминаемого старца^[21].

Думается, что и в нынешнюю эпоху всемирной апостасии, когда отступление от истины становится нормой жизни, новое издание книги о. Сергия Четверикова станет хорошим подарком всем верным почитателям великого оптинского старца, «во Отечестве и в рассеянии сущим».

Издатель

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

До настоящего времени Оптиной пустыней изданы два жизнеописания приснопамятного оптинского старца иеросхимонаха Амвросия: одно краткое, — написанное Е. В., другое — пространное, составленное о. архимандритом Агапитом. Но первое слишком уж кратко, а второе давно распродано.

Между тем за последнее время в печати появились некоторые новые сообщения о старце, вышло собрание писем старца к монашествующим и мирским особам, изданное Оптиной пустыней.

Ввиду этих новых данных сама собою возникла надобность в составлении нового жизнеописания покойного батюшки.

Независимо от сказанного, — у составителя настоящего жизнеописания, многим обязанного Оптиной пустыни в упорядочении своей внутренней духовной жизни, было особое побуждение заняться составлением описания жизни о. Амвросия. Ему хотелось поближе стать к личности старца, пожить, так сказать, в лучах его духовного света, пережить шаг за шагом обстоятельства жизни старца, запечатлеть глубже в своем сознании и чувстве мысли, слова, настроения, наставления старца, и в этом найти себе и назидание, и утешение, и нравственную опору.

Не будучи иноком, не зная даже лично о. Амвросия, составитель, конечно, не мог проникнуть глубоко во внутренний мир старца, и это,

несомненно, неблагоприятно отражалось на его труде, но он искренно желал сделать все, чтобы представить в своем описании живой образ великого учителя жизни и любвеобильного руководителя к Богу, и, если это ему не удалось, он просит читателей покрыть его ошибки своею снисходительной любовью.

В нынешнем году истекает ровно сто лет со дня рождения о. Амвросия.

Да послужит же эта книга, написанная с искреннею любовью и благоговением к старцу, к оживлению и усилению духовной связи духовных чад старца с их приснопамятным наставником, да привлечет она к нему сердца и тех, кто не имел утешения знать его лично, да научит она всех нас понимать, любить и по мере сил осуществлять в себе самих тот светлый облик христианина, дивным олицетворением которого был почивший незабвенный старец! Да будет, наконец, она благоприятным приношением старцу от недостойных его почитателей и почитательниц, потрудившихся в ее составлении и издании, и да покроет любвеобильный старец всех нас своими святыми молитвами пред Престолом Божиим!

Тех из читателей и читательниц настоящего жизнеописания, которые имеют какие-либо сведения или воспоминания о старце о. Амвросии, не помещенные в этой книге, составитель усердно просит сообщить их или настоятелю Оптиной пустыни, или составителю жизнеописания. Все эти новые сведения могут пригодиться при последующем издании книги.

Составитель

1912 года. Июля 14 дня. Шамордино

P. S. Чтобы не обременять текст книги выносками, помещаем здесь список пособий, которыми пользовался составитель:

1. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Изд. Оптиной пустыни, 1900 г.

2. Иеромонах Григорий. Сказание о житии Оптинского старца о. иеросхимонаха Амвросия. 1892 г.
3. Краткое сказание о жизни Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Изд. Оптиной пустыни, 1893 г.
4. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. Оптиной пустыни, 1896 г.
5. Историческое описание скита Оптиной пустыни. Изд. Оптиной пустыни, 1862 г.
6. Казанская Амвросиевская женская пустынь и ее основатель старец иеросхимонах Амвросий. Изд. Шамординской пустыни, 1908 г.
7. Жизнеописание Оптинского старца Леонида. Издание Оптиной пустыни, 1890 г.
8. Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни, иеросхимонаха Макария. Сост. И. Л. 1861 г.
9. Жизнеописание настоятеля Оптиной пустыни, архим. Моисея. 1882 г.
10. К. Леонтьев. Отец Климент Зедергольм. Изд. Шамординской пустыни, 1908 г.
11. Сахаров. В Тихом пристанище.
12. Е. Поселянин. Отец Амвросий.
13. О. С. Соколов. Приснопамятный старец русской земли, подвижник Козельской Оптиной пустыни, о. Амвросий (Гренков). Изд. Тамбовской Архивной Комиссии.
14. Собрание писем о. Амвросия к монашествующим. Вып. 1 и 2. Изд. Оптиной пустыни, 1908 г.

15. Собрание писем его же к мирским особам. Изд. Предтечева скита, 1906 г.

16. Собрание писем иеросхимонаха Макария к монашествующим. 1863 г.

17. Добротолюбие.

18. Житие и писание Молдавского старца Паисия Величковского.

19. Ф. П. Ч-н. Тяжелая утрата.

20. Ласковский. Братья Киреевские.

21. Устные и письменные рассказы и воспоминания разных лиц.

Глава I. ВЕЧНАЯ ПРАВДА ПРАВОСЛАВИЯ

Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ей

(Мф. 16, 18)

Величайшая святыня русского народа, основание всей его духовной и государственной жизни есть православие. На заре своего исторического существования русский народ в лице своего великого и святого князя Владимира равноапостольного и его бабки Ольги стал под святое знамя православной веры. В удельно-вечевой период Христова вера смягчала вражду князей и полагала начало их объединению под властью единого великого князя. Монастыри, их основатели-подвижники, каковы преп. Антоний, преп. Феодосий и преп. Сергей, самоотверженные проповедники веры среди язычников, каковы св. Исаия, св. Леонтий и св. Стефан своими трудами, слезами и молитвами глубоко закладывали в сердцах русских людей заветы и идеалы истинно-христианской жизни. Христова вера помогла пережить невыносимое иго татарское. Православие одушевило, и Православная Церковь благословила свергнуть это иго. В смутные годы Россия спаслась, объединившись под знаменем православия, поднятым Троице-Сергиевой Лаврой. Вера Христова помогала народу переносить тяжесть крепостного состояния. Словом, куда мы ни оглянемся, куда ни посмотрим, всюду видим, что христианство, в его чистейшем выражении — православии, — составляет самую душу жизни русского народа. Однако никогда еще, кажется, православие и Русская Православная Церковь не подвергались столь многим и столь ожесточенным нападкам, как в настоящее время.

Не разбирая подробно всех этих обвинений, мы скажем только, что во всех них заключается одно основное заблуждение — из-за частных, временных и внешних сторон и условий церковной жизни обвинители Церкви не замечают самого содержания этой жизни, той животворной

силы благодати Божией, которая неизменно пребывает в Церкви Православной, и в частности в Церкви Русской, и которая и составляет самое драгоценнейшее для членов Церкви ее достояние.

Что эта животворная и спасительная сила благодати Божией пребывает неизменно в Церкви, в этом нельзя сомневаться уже по тому одному, что Церковь, основанная на земле Господом Иисусом Христом, призвана совершать на земле не свое дело, а дело Божие. Она предназначена быть хранительницей на земле спасительной истины Божией, совершительницей нравственного обновления и духовного роста людей. Допустить, что Церковь изменила своему предназначению, что погас на земле светильник истины и святости, возженный не человеческой, а Божественной рукой — не значит ли это усомниться в силе Божией, отречься от веры во Христа Сына Божия? Если Церковь утратила доверенную ей истину, если она заблудилась на распутьях жизни и потеряла верный путь ко Христу, то не являются ли пустым звуком слова Спасителя *«Созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют Ей»* (Мф. 16, 18)?

Итак, уже вследствие одного Божественного происхождения Церкви и предназначенной ей свыше задачи, Христос не может оставить ее, но как в первые времена христианства, так и теперь неизменно светит в ней своим тихим небесным светом, и этот внутренний в Церкви свет видят те, кто имеет очи, чтобы видеть.

Что это действительно так, об этом можно судить и по плодам жизни церковной. *«Не может древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити... Темже убо от плод их познаете их»* (Мф. 7, 18, 20). Плоды Вселенской Церкви следующие — мученики, святители, преподобные, бесребреники и другие, о подвигах которых повествует история Вселенской Церкви, и которые, как яркие звезды, светят своей внутренней нравственной красотой всему человечеству.

Такие же точно плоды приносит и наша Русская Церковь. Достаточно вспомнить имена святых — князя Владимира, Антония и Феодосия Печерских, Александра Невского, Сергия Радонежского, Исаии и Леонтия Ростовских, Евфросинии Полоцкой, Стефана Пермского, Зосимы и Савватия Соловецких, Петра, Алексия, Ионы и Филиппа

Московских, Дмитрия Ростовского, Тихона Задонского, Серафима Саровского, приснопамятных: Филарета Московского, Филарета Киевского, Иоанна Кронштадтского, Амвросия Оптинского и многих других, чтобы увидеть это. На протяжении целого тысячелетия Русская Церковь воспитывает в недрах своих сонмы святых, т. е. людей, исполненных духа Христова. Откуда же она почерпает силу для этого, если с ней не пребывает Христос, если сила благодати Божией не почивает в ней, не одушевляет ее? Эту пребывающую в Русской Церкви силу благодати Божией, действующую в ней во все времена — и во времена митрополитов, и во времена патриархов, и в синодальный период, — чувствовали наши предки, чувствуем все мы — верные чада Церкви, ибо и мы все ею освящаемся.

А если так, если плоды, приносимые Русскою Церковью одинаковы с плодами Церкви Вселенской, если Русская Церковь сообщает своим членам благодатную жизнь так же, как и Церковь Вселенская, то очевидно, что ни Русская, ни Вселенская Церковь не омертвели, что дух и жизнь не отлетели от них, несмотря на те или другие, по-видимому, неблагоприятные условия их внешнего положения.

Одним из главных центров, где сосредоточивается жизнь Церкви, где идет упорная борьба за сохранение живой веры в Бога и за согласование с этою верою всей жизни или, иначе сказать, где упорно борются с грехом во имя святости и чистоты жизни, являются православные монастыри. На них-то с особенною силою и обрушивается злоба отрицающего Церковь неверия. Защитить от несправедливых обвинений церкви и монастыри, открыть очи слепым и уши глухим нельзя одними словами, одними возражениями. Лучшим средством показать обществу правду Церкви должно считать ознакомление общества с живыми плодами истинной церковной жизни, по слову Евангелия, «*прииди и виждь*» (Ин. 1, 46), виждь, что дает Церковь обществу, виждь ее неопценное значение для него!

Одним из таких зрелых плодов жизни церковной является оптинский старец иеросхимонах Амвросий, скончавшийся 20 лет тому назад, коего биографический очерк и предлагается нами вниманию читателей.

Пусть предлагаемое нами жизнеописание этого замечательного старца не только доставит утешение людям верующим, но и покажет неверующим, что все богатство своего духа, всю силу своего милосердия и любви, всю пронизательность своего разума этот дивный старец развил из недр Русской Церкви, вселенского православия, древнего и русского монашества, коим он принадлежал всем своим существом и под воздействием которых он возрос и воспитался, и пусть, видя это, и они почувствуют истину и силу православия, почувствуют правду и красоту Русской Церкви, ощутят в ней силу благодати Божией, и с радостью в сердце увидят в Церкви оплот истины Божией на земле, сокровищницу высоких благодатных дарований и путь к небесному блаженству.

Глава II. ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ДУХОВНОГО ОБЛИКА СТАРЦА О. ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСИЯ

Не тесно вмещаетеся в нас

(2 Кор. 6. 12)

Недалеко от уездного города Козельска, в трех верстах, в Оптиной пустыни, есть заветная, дорогая для православного русского сердца могила — старца иеросхимонаха Амвросия, «батюшки Абросима», как называл и называет его простой народ. Эта могила находится по правую сторону от главного монастырского храма Введения во храм Пресвятой Богородицы. Над могилою приветливо белеет небольшая часовенка, внутри которой с левой стороны помещается белый мраморный надгробный памятник с трогательной надписью, точно определяющей значение личности и жизни старца: *«Бых немощным яко немощен, да немощныя приобретаю. Всем бых вся, да всяко некия спасу»* (1 Кор. 9, 22).

По стенам часовни висят святые иконы: Воскресения Христова, Казанской Божией Матери, особенно чтимой старцем, и св. Амвросия, епископа Медиоланского, его небесного покровителя. Пред иконами теплятся неугасимые лампы. Тихим покоем, благоговейной молитвой веет и в самой часовне и вокруг нее. Богомольцы любят посещать это место, служить на могиле панихиды по старце и изливают ему, как живому, свои многочисленные скорби и нужды.

Много лет прошло со дня кончины о. Амвросия, а народная тропа к его могилке не зарастает травой, и благоговейная память о нем и искренняя вера в него, как в небесного покровителя и помощника, не только не ослабевают в обители и в народе, но по видимому все более и более распространяются и крепнут.

Чем же так привлек и привлекает к себе сердца людей о. Амвросий? На старце Амвросии, очевидно для всех, почивала великая сила благодати Божией, наполнявшая сердце его неисчерпаемой радостью и любовью, а ум — премудростью и прозорливостью, делавшая его в истинном смысле христианским мудрецом, умевшим разъяснить самые запутанные и мучительные загадки жизни, выводит из самых затруднительных и, по видимому, безысходных нравственных и материальных запутанных обстоятельств. В продолжение более тридцати лет он был заботливою, любящею матерью страждущего человечества: к нему ежедневно приходили десятки и сотни людей самого разнообразного звания и состояния, каждый со своим недоумением, со своею просьбою, со своею скорбью, и никто не был им отринут, никто не уходил от него необласканным, неутешенным, неуспокоенным. В его маленькой келлии и вокруг нее толпились монахини, монахи, крестьяне, купцы, помещики, священники, студенты университета и духовных академий, гимназисты, гимназистки, курсистки, врачи, писатели, сановники... Его беседы искали епископы, великие князья! И каждому у него находилось соответствующее «слово на пользу»! Со всеми он был одинаково обходителен, прост, вразумителен! И все чувствовали себя перед ним, как дети пред опытным, добрым, мудрым отцом!

Все свои отношения к людям он устанавливал исключительно на интересах совести приходивших к нему, ему было дорого, прежде всего, вечное спасение той души, которая вверяла себя его попечению! Оттого-то все его отношения к людям были так святы, просты, бескорыстны и значительны! Оттого-то так и льнули к нему души, так и стремились открыться пред ним до самого дна! А если кто и не умел этого сделать, то сам старец помогал ему, ибо он имел удивительный дар проникать во внутренний мир людей, читать в сердцах их, как в раскрытой книге, и разъяснять им то, чего они сами в себе не понимали и даже не замечали!

Разносторонность и богатство его духа были необычайны. Он совмещал в себе и живую веру, и деятельную жизнь, и строгость, и ласку, и серьезность, и шутливость, и собранность духа, и разговорчивость, и уединенность, и общительность, и величие духа, и простоту, и обширные теоретические познания, и житейскую опытность, и всецелую жизнь в Боге, и хозяйственную практичность!

Старец Амвросий был мудрец, — но его мудрость не была простым многознанием или богословской начитанностью: это была громадная опытность ума и сердца в глубочайших переживаниях христианских чувствований и умение пользоваться этой опытностью применительно к данным людям и к данным обстоятельствам. В своих советах он обыкновенно не бывал многословен, но он умел одним метким словом, шуткою, одним движением, поговоркою попадать в самое больное место вопрошавшего, ободрять его, утешать и указывать ему жизненный выход.

И настолько была велика жизненная мудрость о. Амвросия, столько в нем было отзывчивой теплоты чувства, так умел он понять каждого человека и подойти к его душевным ранам, что не только простой народ, искони льнувший к монастырям и старцам, но и сама наша интеллигенция, столь нередко слабая в вере, измученная сомнениями, малодушная, ропщущая, самолюбивая, нетерпеливая, а иногда и враждебная к Церкви и всему церковному, заметила его, оценила его и потянулась к нему, чтобы отогреться у его нежного, любящего сердца и поучиться у него мудрости христианской! И отогревалась, и научалась!

Таким образом, о. Амвросий явился во 2-й половине девятнадцатого столетия тем связующим звеном между образованным обществом, народом и Церковью, необходимость которого давно уже ощущается в нашей русской общественной жизни и которым до известной степени являлась и сама Оптина пустынь еще в первой половине девятнадцатого столетия, когда под ее сенью объединялись с одной стороны — старцы Леонид, Макарий, Моисей и Антоний, с другой стороны — братья Киреевские, Гоголь, Шевырев и другие представители русской интеллигенции того времени.

И в этом обстоятельстве заключается новая особая заслуга старца Амвросия пред русским народом, пред русской историей, заслуга, в которой он никем другим еще не был превзойден.

Обрисовав в общих чертах нравственный облик старца о. Амвросия и указав его значение для русского народа, обратимся теперь к более подробному и последовательному изображению его жизни и личности.

Глава III. ЮНЫЕ ГОДЫ О. АМВРОСИЯ В ДОМЕ И В ШКОЛЕ

Таковых бо есть царствие Божие

(Мк. 10, 14)

Отец Амвросий, в мире Александр Михайлович Гренков, был сыном пономаря села Большой Липовицы Тамбовской губернии Михаила Феодоровича и его жены Марфы Николаевны, имевших многочисленную семью и живших в доме своего отца, священника того же села и благочинного Феодора Егоровича. 23 ноября 1812 года в доме о. Феодора по случаю какого-то семейного торжества было большое собрание гостей. И вот — в этот-то именно день и родился Александр Михайлович.

Рассказывая впоследствии об этом, о. Амвросий любил пошутить: «На людях я родился, на людях и живу».

Родители старца были людьми глубоко благочестивыми.

О своей матери Марфе Николаевне он отзывался впоследствии так: «Она жила благочестиво, спасалась по-своему». Строй семейной жизни, по обычаю духовенства того времени, был простой, строгий, церковно-православный. О раннем детстве Александра Михайловича сохранилось немного сведений. Рос он мальчиком живым, веселым, резвым, непосидчивым. Заставит его, например, мать качать колыбель младшего брата, а ему скучно. Вот он выждет минуту, когда мать выйдет из комнаты, выпрыгнет в окошко и убежит играть с товарищами. Саша любил приятелей, лошадок, голубей, сельское приволье, любил возиться с братьями и сестрами.

Его резвость и непосидчивость не нравились, однако, строгим старшим членам семьи, и ему неоднократно приходилось выслушивать укоризны и от матери, и от бабки, а дед иногда дирал его и за вихор. Саше казалось, что его не любят родные, он завидовал своим братьям и сестрам, но он ошибался: его любили, только держали построже других. Строгий уклад жизни священнического дома старого времени был несомненно полезен для живого мальчика — он умерял его шаловливые порывы и напечатлевал в его душе сознание важности и серьезности жизни.

Когда Саша подрос, его, помолясь Богу, стали учить грамоте. Учили, как было принято, по церковнославянскому букварю, Часослову и Псалтири, и вдохновенные песни царя Давида, с самого раннего возраста стали оглашать слух и западать в сердце будущего великого старца. Каждый праздник, а то и чаще, отец брал Сашу с собою в храм Божий, и он скоро научился там петь и читать на клиросе. Пришло время отдавать Сашу и в школу. Школьное учение мальчика началось сравнительно поздно. Ему было уже 12 лет, когда его отвезли в 1-й класс Тамбовского духовного училища. Там уже учился в это время его старший брат, которому училищное начальство дало фамилию «Гренков». Эта фамилия утвердилась и за Сашей. Бедна, сурова, неприглядна была старая бурса! Но это не помешало Саше сохранить и

здесь свою природную веселость и живость характера и учиться с большим успехом. Темные стороны жизни бурсы, печальное зрелище бедности и забитости многих товарищей и их родителей только сильнее разожгли в мальчике свойственное ему от природы чувство сострадания и жалости ко всем скорбящим и обремененным! Он и сам умел ценить оказываемую ему ласку, каковой, по всей вероятности, бывало немного в тогдашней школе. «Когда я был мальчиком, — рассказывал он о себе впоследствии, — был у нас общий портной. Я был высокенький, и он меня все Сашей звал; других же моих товарищей так ласково не называл; признаюсь, меня это очень трогало». Этот, по видимому, маловажный случай много говорит и о чутком сердце мальчика, жаждавшем ласки и любви, и о способности его уже в эти детские годы внушать к себе любовь со стороны окружающих. Сашу любили и товарищи за его веселость и доброту. На праздники Рождества Христова и Пасхи Саша вместе со старшим братом приезжал домой в родное село, где другой их брат, бывший уже причетником, катал их на лошади по селу и доставлял им другие незатейливые сельские развлечения.

Будучи сыном небогатого и многосемейного причетника, Саша пользовался в училище полуказенным содержанием. Учился же он так хорошо, что из 148 своих товарищей по классу окончил курс духовного училища первым по списку.

18-ти лет Александр Гренков поступил в Тамбовскую духовную семинарию. И здесь он учился очень хорошо благодаря своим прекрасным способностям. Его товарищ по семинарии рассказывал: «Бывало, на последние копейки купишь свечку, твердишь-твердишь заданные уроки; он же и мало занимается, а придет в классы станет отвечать наставнику, как по писанному, лучше всех!» И в семинарии Гренков всегда был душою товарищеского кружка. Но, любя общество, будучи веселым, жизнерадостным и остроумным юношей, он всегда сохранял нравственную чистоту и скромность, внутреннюю строгость духа и глубокое, искреннее религиозное чувство, что, может быть, и привлекало к нему особенно сердца всех. Уже будучи старцем, он живо припоминал и интересно рассказывал многие случаи из своей семинарской жизни, причем метко характеризовал некоторых из своих

ректоров и наставников. Между прочим о. Амвросий рассказывал и о том, как он пробовал, будучи в семинарии, писать стихи. «Признаюсь вам, — говорил он, — пробовал я раз писать стихи, полагая, что это легко. Выбрал хорошее местечко, где были долины и горы, и расположился там писать. Долго-долго сидел я и думал, что и как писать, да так ничего и не написал. Это похоже на то, как рассказывали мне про одного лаврского монаха, на которого, вероятно, сочинили академики, что он, пробуя тоже писать стихи, написал так:

*Тече, тече Днепер тихий.
Писал сии стихи монах Исихий».*

Не сделавшись поэтом, он, однако, будучи уже старцем, любил по временам говорить своим слушателям наставления в рифму для того, по всей вероятности, чтобы грубая правда в его устах не казалась столь тяжкой для самолюбивых сердец и, растворенная шуткой и складной формой, охотнее ими воспринималась и крепче запоминалась.

Глава IV. ЗОВ БОЖИЙ

Многи мысли в сердца мужа: совет же Господень во век пребывает.

(Притч. 19, 21)

От Господа стопы человеку исправляются.

(Пс. 36. 23)

Имея от природы веселый и живой характер, любя общество людей, увлекаясь пением и музыкой и даже одно время мечтая о поступлении в военную службу, Александр Михайлович и не думал быть монахом. Но, видно, мысли наши — не мысли Божии, и пути наши — не пути Божии. «В монастырь я не думал никогда идти, говорил впоследствии сам старец, — впрочем, другие почему-то предрекали мне, что я буду в монастыре». То обстоятельство, что другие провидели в Александре

Михайловиче будущего инока, очень замечательно: оно показывает, что несмотря на свою веселость и общительность, Александр Михайлович был и казался другим человеком, «не от мира сего». Это значит, что уже в годы своей ранней молодости он, заметно для всех, не имел действительной, внутренней привязанности ни к чему мирскому, был настолько чист сердцем, настолько внутренне был с Богом, что ему и люди не могли предназначать иного пути жизни, как путь всецелого посвящения себя Богу в монашестве.

И хотя сам Александр Михайлович и не отдавал еще себе ясного отчета в своем жизненном призвании, но бывали моменты, когда это призвание неожиданно и властно заявляло само о себе в его душе.

Так за год до окончания курса в семинарии Александр Михайлович заболел очень серьезно. Надежды на выздоровление почти не было.

«Все отчаялись в моем выздоровлении, — рассказывал о. Амвросий, — мало надеялся на него и я сам. Послали за духовником. Он долго не ехал. Я сказал: „Прощай, Божий свет!“ И тут же дал обещание Господу, что если Он воздвигнет меня здоровым от одра болезни, то я непременно пойду в монастырь».

Не думавший, как он сам говорил, никогда о монастыре, Александр Михайлович вдруг дает обет сделаться монахом. Не ясно ли из этого, что этот обет, неведомо для него самого, давно уже сложился и жил в глубине его сердца, уже был там крепко напечатлен всеми предшествующими обстоятельствами его жизни и чертами его личного характера, и что только недоставало подходящего случая для того, чтобы он ясно вспыхнул в сознании благочестивого юноши?

Таким образом, уже в 1835 году, будучи 23-х лет от роду, Александр Михайлович пред лицом угрожавшей ему смерти определил себе свой жизненный путь. Но этот путь вместе с тем и испугал его. Испугала его та великая ответственность, которую он готовился принять на себя пред лицом Бога и людей, страшил его и разрыв со светлыми сторонами жизни в миру. В душе его началась жестокая внутренняя борьба между принятым решением и невольными сомнениями.

Пригоден ли он для избираемого пути? Seriously ли принятое им решение? Не берет ли он на себя легкомысленно непосильное бремя? Не впадает ли в самообольщение? Такие и подобные вопросы не могли не приходить ему в голову, не могли не смущать его духа. Четыре года провел он в этой тяжелой внутренней борьбе, тщательно скрывая от всех свое душевное состояние и ожидая определенного указания свыше, от Господа.

Конечно, пока он еще находился в семинарии, он не мог серьезно думать о приведении своего обета в исполнение: надо было сначала закончить свое образование. Но когда семинарский курс был окончен, для Александра Михайловича явилась необходимость определить свой дальнейший жизненный путь! Не чувствуя еще в себе решимости принять монашество, он хотел избрать для себя такое общественное положение, которое давало бы ему возможность во всякий данный момент свернуть с него туда, куда влекло его чувство долга, но к чему он еще не чувствовал себя достаточно созревшим. Поэтому он не пошел ни в духовную академию, которая связала бы его свободу снова на несколько лет, не пошел он тем более и во священники... Он с радостью принял предложение одного помещика быть домашним учителем его детей. В этой должности он пробыл более года. И уже здесь стало в нем заметно обнаруживаться его удивительное знание людей и умение обращаться с ними, направляя их в добрую сторону. «Бывало, — рассказывал он впоследствии, — размолвят муж с женою, и оба обращаются ко мне с жалобами друг на друга. Думаю себе: как тут быть? Они хотя и поразмолвили, а через час или два опять помирятся. А мне, если хоть раз принять одну чью-либо сторону, нужно через это вооружить против себя другую. Так, бывало, слушаю только их жалобы, а сам посматриваю на них да молча улыбаюсь. Вскоре хозяева мои, конечно, помирились, и я был с обоими ими в хороших отношениях». Из этого рассказа видно, что уже в то время, когда А. М. было всего 25 лет, окружающие его люди, подчиняясь его влиянию, сами определяли ему особое место в своем кругу, делая его судьей интимных случаев своей жизни. В Александре Михайловиче определялся уже понемногу будущий старец с его участливостью к людям и умением вывести их из затруднительного положения. Живя в семье помещика, Александр Михайлович впервые близко

познакомился со светским обществом, что принесло ему большую пользу, расширив его жизненный опыт.

Между тем в Липецком духовном училище открылась вакансия преподавателя. Александр Михайлович выразил желание занять эту должность и был определен к ней 7 марта 1838 года.

Как преподаватель духовного училища Александр Михайлович оставил по себе светлую память. Умный, вдумчивый, наблюдательный, живой, веселый, чрезвычайно добрый и вместе с тем строгий тем особым видом строгости, который вырабатывается в человеке высоким понятием о чести и обязанностях человека, он был незаменимым воспитателем юных душ и прекрасным членом училищной корпорации. Казалось бы, ему теперь предстояла ровная, безмятежная жизнь за любимым делом в кругу искренно расположенных к нему сослуживцев. Но на самом деле было не так. Неотступная дума о монашестве, о принятом обете не покидала его сердца. Переходы от внешней многопопечительной деятельности и от светских развлечений в кругу молодежи ко внутренним уединенным беседам со своею совестью становились все острее, все мучительнее. Совесть неумолимо казнила его за неисполнение данного обета, за пустое времяпрепровождение. Глубоко верующий Александр Михайлович искал тогда утешения и успокоения в пламенной молитве. Ночью, когда его товарищи по службе, с которыми он жил на одной общей казенной квартире, засыпали, он становился перед иконою Царицы Небесной, именуемой «Тамбовскою», своим родительским благословением, и долго-долго, незримо и неслышимо для людей, молил Божию Матерь упредить путь его. Однако об этих его ночных молитвах скоро узнали товарищи, и некоторые из них даже позволили себе неуместные над ним насмешки. Тогда А. М. стал прятаться на чердак и там продолжал изливать свои молитвенные чувства к заступнице рода христианского. Уединенная пламенная молитва, а отчасти и переносимые из-за нее насмешки со стороны товарищей, все более и более закрепляли в душе молодого человека чувство серьезной и глубокой любви к Богу. Мысль о Боге все более и более овладевала его сердцем, становилась для него все сладостнее, все ближе. Чтобы полнее и беспрепятственнее отдаваться этому растущему чувству

богообщения — Александр Михайлович стал уходить за город. Вблизи Липецка, по ту сторону реки Воронежа, виднеется и теперь огромный казенный лес, напоминающий оптинские леса. Туда нередко, в свободное от занятий время, любил уходить Александр Михайлович для уединенной прогулки и богомыслия. Однажды во время такой прогулки он случайно подошел к протекавшему ручейку и стал прислушиваться к его журчанию. В этом журчании ручейка ему ясно стали слышаться слова: «Хвалите Бога, храните Бога!» «Долго стоял я, слушая этот таинственный голос природы, и очень удивлялся», — рассказывал впоследствии старец. Сердце его еще живее ощутило близость Бога, еще горячее зажглась в нем пламенная молитва, еще решительнее потянуло его из мира, под сень уединенной, тихой иноческой обители.

Сознавая всю великую важность складывавшегося в душе его жизненного решения, Александр Михайлович страшился принять его на свою единоличную ответственность. Ему хотелось найти для себя нравственную опору в другой сильной и святой воле, которая благословила бы его на избранный путь и освободила бы его душу от мучительного чувства одиночества при принятии столь решительного шага.

Наступило лето 1839 года. Экзамены в духовном училище окончились, и школьники разбрелись по родительским домам. Наступил отдых и для преподавателей. Александр Михайлович проводил лето у своего друга, сына священника села Сланского, Павла Степановича Покровского. Недалеко от с. Сланского жил в то время знаменитый Троекуровский затворник о. Иларион, к которому многие обращались за советами и лично, и письменно. Задумали побывать у затворника и наши друзья, чтобы испросить у него совета и благословения на дальнейший образ жизни.

Отдохнув некоторое время в Сланском, молодые люди отправились пешком в Троекурово, находившееся от Сланского в 30 верстах. Отец Иларион принял их ласково. Глубоко трепетало сердце Александра Михайловича, когда, изложив старцу свои думы и чувства, он услышал от него слова: «Иди в Оптину! Можно бы и в Саров пойти, но там уже

нет теперь таких старцев, как прежде». При этом, как передают некоторые, о. Иларион прибавил: «Ты в Оптиной нужен!»

Итак, жребий, казалось, был брошен. Но благоразумный и осторожный Александр Михайлович все еще не спешил осуществить желание своего сердца — он хотел получить еще одно благословение, благословение великого игумена всея России, преподобного Сергия, Радонежского Чудотворца, основателя монашеской жизни в северных пределах нашего отечества. Так как времени до начала учебных занятий в училище оставалось еще не мало, то он уговорил своего друга предпринять новое путешествие в Троице-Сергиеву Лавру.

Павел Степанович, сам чувствовавший влечение к монашеству и любивший посещать святые обители, с радостью согласился. Начались сборы. Александр Михайлович своими руками гнул из молодых веток дуги, прикреплял их к задней части простой деревенской телеги и укрывал их войлоком и рогожами, чтобы иметь защиту от дождя и солнечного зноя. Священник Стефан Покровский, отец Павла Степановича, сочувствовавший поездке молодых людей, дал им с радостью, несмотря на рабочую пору, собственную лошадь. Наконец все было готово для пути. Погода благоприятствовала, и юные друзья двинулись в дорогу, бодрые и веселые, напутствуемые благословениями и благожеланиями родных и знакомых.

Как легко и радостно стало на душе их, когда широкий простор полей, освежаемых легким ветерком, и беспредельная глубина синего неба охватили их со всех сторон! Души их, казалось, погружались в бездну беспредельности, соприкасались иным мирам и ощущали на себе живое прикосновение Всемогущего Бога! В общении с природой, в общении с людьми — незаметно проходили для них день за днем, и наконец, миновав шумную Москву, прибыли они в Троице-Сергиеву Лавру.

По установившемуся обычаю побывали они и в Хотьковском женском монастыре, где поклонились могилам родителей преп. Сергия, Кирилла и Марии. Там же А. М. долго беседовал наедине с затворницей Марфой, но что они говорили, осталось тайной.

Неизъяснимое чувство умиления охватило здесь душу Александра Михайловича! Он увидел перед собою те холмы, которые, будучи некогда покрыты дремучим лесом, были свидетелями уединенных молитвенных подвигов юного Сергия! Как эти подвиги были понятны, были пленительны для его собственного благоговейного сердца! Вот источник, проистекший по молитве преподобного! Вот та дивная келлия, ныне обращенная в часовню, где в продолжение всей ночи возносились пламенные молитвы преп. Сергия, через порог которой однажды переступили стопы Богоматери, где и ныне так дивно совершается «утру глубоку» каждую субботу умильный параклисис в память этого чудесного посещения! А вот и самый храм, где нетленно почивают святые мощи великого угодника Божия! Сколько мыслей, сколько великих воспоминаний, сколько глубоких и сладостных чувств нахлынуло в юную, чистую, чуткую душу Александра Михайловича, когда он припал к земле у гробницы великого молитвенника земли русской, испрашивая себе благословения, помощи, укрепления на избираемый путь жизни! И молитва его, конечно, не была тщетна. Глубокий внутренний мир и спокойная решимость снизошли в душу его в этом священном месте. Юные богомольцы поговели здесь, исповедались и причастились Св. Христовых Таин. Наконец дни богомоления окончились. Наступило время отправляться в обратный путь. С грустным, но и с благодарным чувством, полные пережитых высоких впечатлений, покинули наши паломники святую обитель. Незаметно совершили они свою обратную дорогу, а по окончании каникул возвратились в Липецк.

Намерение Александра Михайловича определилось окончательно, и он стал ожидать благоприятного случая для его осуществления или, лучше сказать, последнего решительного зова Божия. Зов этот скоро и последовал. Начались учебные занятия, Александр Михайлович приступил к своим урокам.

Как-то в конце сентября Александр Михайлович вместе со своими сослуживцами был у кого-то на вечеринке. Было особенно весело. Александр Михайлович был, что называется, в ударе: он шутил, смеялся, много говорил, заражал своей веселостью и гостей, и хозяев. Придя домой, он, однако, почувствовал небывалую еще тоску и укоры

совести. Внутренний голос властно сказал ему: «Будет! Пора положить всему конец! Нельзя служить и Богу, и мамоне! Надо выбирать что-нибудь одно! Надо всецело прилепиться к единому Богу! Надо бросить мир!»

На другой день, встретившись с Покровским, Александр Михайлович сказал ему потихоньку от всех: «Еду в Оптину». Тот изумился: «Как же ты поедешь? Ведь уроки только начались — тебя не пустят!» — «Ну что же делать, — отвечал Александр Михайлович, — не могу больше жить в миру; уеду тайно, только ты никому об этом не говори!»

И вот спустя немного времени Александр Михайлович исчез из Липецка. Смотрителем училища был в то время священник Кастальский, настоятель Липецкого собора. Исчезновение учителя поставило его в затруднительное положение. Нужно было донести о случившемся семинарскому начальству, а вместе с тем жаль было и Александра Михайловича. Не зная, что предпринять, смотритель училища решил до времени молчать об исчезновении Александра Михайловича, выжидая дальнейшего хода обстоятельств.

•

Глава V. ОПТИНА ПУСТЫНЬ — БЛАГОДАТНЫЙ УГОЛОК РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Коль возлюбленна селения Твоя, Господи сил! Блажени живущии
в дому Твоем!

(Пс. 83, 1, 5).

Пока Александр Михайлович, положившись на волю Божию, с радостным сердцем поспешает к цели своих стремлений — Оптиной пустыни, скажем несколько слов об этой святой обители.

Возникновение Оптиной пустыни некоторые относят ко временам домонгольской древности. Сохранившиеся в синодиках обители имена схимников и схимниц показывают, что первоначально обитель была «общая» и что она существовала уже в XV веке, так как в начале XVI в. «общие» монастыри были упразднены.

Первое письменное упоминание об обители относится к началу XVII в., когда в обители была одна деревянная церковь и шесть келлий. Цари Михаил Феодорович, Алексей Михайлович и Феодор Алексеевич оказывали обители свою «милостыню».

В XVIII в. обитель, как и многие другие в то тяжелое для монастырей время, пришла в упадок, и к концу этого века в ней оставались всего три престарелых монаха, из которых один был к тому же слепой.

Своим возрождением обитель обязана знаменитому Московскому митрополиту Платону, в ведение которого она поступила в самом конце XVIII века. Объезжая в 1796 году свою епархию, он обратил внимание на чудесное местоположение Оптиной пустыни, нашел его очень удобным для пустынножительства и решил принять меры к благоустройению обители. Призвав к себе настоятеля Песношского

монастыря о. Макария, бывшего учеником знаменитого молдавского старца Паисия Величковского, митрополит потребовал от него способного и добросовестного человека, которого он мог бы послать настоятелем в Оптину пустынь. Отец Макарий ответил: «Да у меня нет таких, владыко святой! — А вот разве дать тебе огородника Авраамия?» — прибавил он, подумавши. Под предлогом производства покупок в городе Авраамий был доставлен в Москву и представлен митрополиту. Он произвел благоприятное впечатление на владыку и немедленно же был отправлен приводить в порядок Оптину пустынь. Неохотно принял на себя эту обязанность о. Авраамий. Прискорбно было ему расставаться со своим огородным одиночеством. Но делать было нечего — приходилось покориться. Прибыв в Оптину, о. Авраамий нашел там крайнее запустение. «Не было полотенца рук обтирать служащему, а помочь горю и скудости было нечем; я плакал да молился, молился да плакал».

Проживши в обители два месяца и не видя ни откуда помощи, о. Авраамий упал духом. Он отправился на Песношь к о. Макарию и стал просить своего бывшего настоятеля снять с него непосильное бремя управления Оптиной пустынью.

Отец Макарий успокоил его и при помощи знакомых помещиков снабдил множеством необходимых для обители вещей, а также дал ему несколько добрых помощников из числа братьев своего монастыря. После этого дело пошло иначе, и мало-помалу обитель начала приходить в благоустройство. Отец Авраамий управлял Оптиной пустынью 20 лет, он отдал ей всю свою душу и положил твердое основание ее последующему благосостоянию духовному и материальному.

После митрополита Платона очень много добра сделал Оптиной пустыни епископ Филарет, бывший впоследствии митрополитом Киевским. При нем, в настоятельство о. игумена Даниила, положено было в 1821 году основание Иоанно-Предтеченскому скиту при Оптиной пустыни, и привлечены были в обитель для устройства скита братья-подвижники о. Моисей и о. Антоний (Путиловы). О деятельности этих замечательных иноков, приведшей к расцвету

монашеской жизни в обители, нам придется еще говорить в другом месте, а потому, не распространяясь о них здесь, перейдем к описанию внешнего вида Оптиной пустыни и производимого ею впечатления.

Оптина пустынь расположена на правом берегу глубокой, хотя и неширокой реки Жиздры, у опушки векового, величественного бора, протянувшегося на десятки верст кругом обители. Откуда бы ни приближался к обители путник — по большой ли почтовой дороге от Калуги, по луговому ли или лесному берегу от Козельска, глухою ли лесною дорогою от уездного города Лихвина, обитель производит на него одинаково сильное, неизъяснимо-сладостное, глубоко-умиротворяющее впечатление. Громадный сосновый бор напоен чудным живительным ароматом, который, как благоухание необъятного кадила, возносится к Престолу Божию. Под сводом вековых сосен царит невозмутимая тишина, особенно в тихий, жаркий летний день. Лишь изредка она нарушается шорохом падающей ветки, пролетевшей птички, пробежавшего зверька. Тихо струится причудливо-извилистая, зеркально-серебристая в изумрудной оправе берегов Жиздра. Раскинувшийся на противоположном от монастыря берегу реки широкий луг радуется взор своею свежестью, пестротой множества разнообразных цветов. Белые постройки монастыря, синие главы церквей с их золотыми крестами красиво выступают на темной зелени леса.

Виднеющийся в стороне живописно расположенный город Козельск оживляет местность, не нарушая ее уединения.

Но вот среди невозмутимой тишины природы раздается вдруг мягкий звук монастырского колокола, и чем-то родным, близким, а вместе с тем и святым, небесным повеяло в душу путника. Да, поистине в этой обители все полно удивительной гармонии — и лес, и луг, и река, и белые стены монастыря, и опрокинувшийся над всем этим необозримый небесный свод — все охватывает душу единым, цельным впечатлением, ставит ее невольно пред лицом Божиим, наполняет ее отрадным чувством умиления!

Это первое впечатление не только не ослабляется, но еще более усиливается при вступлении в самую обитель. Медленно движущийся

паром, управляемый спокойным и приветливым монахом, перевозит богомольца с лугового на лесной — монастырский — берег. Сойдя с парома, богомалец прежде всего видит с правой стороны укрепленный на столбе образ Божией Матери, как бы благословляющей вступление путника в посвященную Ей обитель. Обогнув довольно обширный фруктовый сад, путник подходит к началу широкой и высокой каменной лестницы, ведущей к Святым вратам. Вправо и влево от лестницы, с наружной стороны монастырской ограды, тянутся двухэтажные корпуса монастырской гостиницы. Каменная выбеленная монастырская ограда охватывает обитель широким четырехугольником. Поднявшись по лестнице, на одной из площадок которой помещается монастырская иконная и книжная лавка, богомалец чрез Святые врата входит с западной стороны во внутренний двор обители. Прямо перед собой он видит главный храм обители в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы, с приделами во имя святителя Николая и преп. Пафнутия, Боровского Чудотворца. Направо, в некотором расстоянии от Введенского храма, находится храм в честь Казанской иконы Божией Матери, а налево, к северу от Введенского храма, находится храм во имя преп. Марии Египетской и св. праведной Анны, св. благоверного князя Александра Невского и святителя Амвросия Медиоланского, с очень красивым иконостасом. На восток от Введенского храма есть еще храм — в честь Владимирской иконы Божией Матери.

Таким образом, эти четыре главных храма обители вместе с колокольнею, помещающейся над Св. вратами, составляют правильный четырехконечный крест. Вокруг храмов — вдоль ограды — расположены монастырские здания: трапезная, братские келлии и др. Все пространство между храмами занято частью братским кладбищем, частью засажено фруктовыми деревьями.

Если выйти из монастырской ограды направо через ворота, находящиеся в южной стороне ограды, то здесь мы увидим прекрасно устроенную монастырскую больницу с храмом при ней во имя преп. Илариона Великого, а далее — к югу — новое монастырское кладбище, «село скудельниче», по выражению архимандрита Досифея, с церковью во имя Всех Святых, за которым начинается лес.

Если выйти из монастырской ограды налево, через ворота, находящиеся в северной стороне ограды, то здесь мы найдем новый гостиный двор, а далее прачечную, скотный двор, за которыми тянутся монастырские огороды. Наконец, если от Св. врат пройти прямо на восток, мимо Введенского храма, и выйти из ограды монастыря в небольшие восточные ворота, то мы вступим прямо в густой лес, через который ведет дорожка в скит, находящийся в четверти версты от монастыря.

Внутри монастырской ограды, после храмов, особенное внимание посетителей обители привлекает к себе братское кладбище.

Здесь — в характерных могильных эпитафиях — изображена интересная и поучительная духовная история братства обители, история внутренней жизни многих иноков и мирян, имевших близкое духовное отношение к обители.

Читая эти надписи, есть чему поучиться, есть о чем задуматься, есть над чем умилиться!

Вот, например, рядом с могилой о. Амвросия могила его наставника и предшественника по старчеству иеросхимонаха Макария (родом из орловских дворян), надпись на коей гласит, что «он делом и словом учил особенно двум добродетелям — смирению и любви». Рядом с о. Макарием похоронен его предшественник по старчеству о. Леонид (из карачевских граждан), который «оставил по себе память в сердцах многих, получивших утешение в скорбях своих». У ног этих великих старцев находятся могилы духовных детей о. Макария — Ивана Васильевича и Петра Васильевича Киреевских, столь известных в истории русского просвещения^[22]. На памятнике Ивана Васильевича написано: «Премудрость возлюбих и поисках от юности моя. Познань же, яко не инако одержу, аще не Господь даст, приидох ко Господу».

«Узрят кончину премудрого и не уразумеют, что усоветова о нем Господь».

Чудная надпись, изображающая весь порядок духовной жизни подвижника, помещена на могиле ученика о. Амвросия,

скитоначальника иеросхимонаха Анатолия (из духовного звания): «Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою. И возведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя. И вложи во уста песнь нову, пение Богу нашему». В этих словах псалмопевца со всею точностью изображен весь путь духовного возрастания христианина — от первоначального пребывания в тине страстей до совершенного упокоения и утверждения чистым сердцем в Господе!

На могиле схимника Карпа написано: «Схимонах Карп, внимательный подвижник, слепец, из крестьян... весь день проводил в тяжелом послушании, а ночь почти всю в рукоделии и молитве. Кротость, молчание с постоянным самоукорением, приветливое обращение с братиею и непрестанное понуждение себя на все благое были отличительными чертами сего подвижника».

На могиле 22-летнего монаха Гавриила читаем: «В семилетнее пребывание свое в монастыре никого не оскорбил, жил в обители как странник, хранил молчание, был послушлив и почтителен ко всем, кроток и благоумен; имел великое воздержание в пище; к церкви был примерно усерден; во всем открывал свою совесть пред старцем и неуклонно исполнял его советы. Болезнь свою переносил с терпением и благодушием. *Скончався в мале, исполни лета долга*»

На могиле схимонаха Пахомия читаем: «Скончался 96 лет, а по свидетельству некоторых 106 лет... С самых юных лет до глубокой старости проводил странническую христианскую жизнь, по евангельскому слову, не имея, где главы подклонити. В продолжение своей жизни по несколько раз посетил все русские святые замечательные места, проживая, где сколько заблагорассудится. За 6 лет до смерти, ослабевши телесными силами, остался совсем на жительство в Оптиной пустыни, где и окончил тихо дни свои. Был неграмотный, но хорошо знал жития всех святых и твердо помнил дни празднования их. Постоянные молитвы его были: „Богородице, Дево, радуйся!“ или „Ангел вопияше Благодатней“... и „Светися, светися, Новый Иерусалиме!“, которые он всегда пел, входя в дома, посещаемые им, и выходя из них.

Имел обычай просить милостыню, но вскоре затем отдавал оную другим неимущим. Говорил очень мало, но слова его оправдывались впоследствии самым делом, через что многие имели доверие и расположение к нему. На нем исполнились псаломские слова *„Живый в помощи Вышняго, в крове Бога небеснаго водворится. На Мя упова, и избавлю и...“*»

Далее следуют столь же выразительные надписи на могилах иеросхимонахов Пимена, Саввы и других, которые мы не приводим. В них заключается много жизненных уроков как для иноков обители, так и для мирян. Читаешь их, и страница за страницей раскрываются перед тобою неведомые миру но сохраненные в назидание братии примеры святой, богоугодной жизни... И не хочется оторваться от этих страниц, не хочется отойти от этих безмолвных наставников!

Но вот ударили к вечерне. Входим в храм, куда со всех сторон уже потянулись темные фигуры иноков в длинных мантиях.

Оптинские храмы не поражают ни своими размерами, ни своим богатством, ни красотой архитектуры. В них все в меру, все просто и скромно, но так уютно, так светло, так радостно, что не хочется расставаться с ними. Богослужение совершается уставно и одушевленно. Величественно проходят по храму священнослужащие, распустив свои мантии. Пение не поражает ни витиеватостью, ни громогласием, но в каждом слове дышит живое чувство и сообщается молящимся. Кто из посетителей Оптиной 90-х годов XIX столетия не помнит особенно игумена Марка, 80-летнего старца, с юношеским одушевлением запевавшего стихиры и ирмосы!

Отчетливое, ясное, вразумительное чтение, прекрасный выбор поучений дополняют красоту оптинской церковной службы.

Перейдем теперь из монастыря в скит^[23]. Довольно широкая дорожка, проходящая в чаще леса, приводит нас от восточных ворот монастыря к Святым вратам скита, находящимся под небольшой колокольней, окрашенной в розовый цвет. Скит занимает довольно значительное пространство и обнесен деревянной оградой на каменных столбах с каменными башнями по углам. Справа от Св. врат виден маленький

домик — это бывшее жилище о. Амвросия. Слева от Св. врат другой такой же домик — в нем жил учитель о. Амвросия о. Макарий.

Уединенный, окруженный со всех сторон высоким лесом, скит производит глубокое впечатление на всякого посетителя. Это впечатление так передается одним из посетителей скита: «С благоговением, с непокрытою головою открывает богомолец тихую, беззвучную дверь и переступает за священный порог скита. В некотором отдалении, против входа, встречает и приветливо зовет его к себе скромная, но изящная деревянная церковь.

Едва входит богомолец в скит, как его обдает благоухание цветов. По обеим сторонам широкой дорожки, тщательно усыпанной желтым песком, стоят они целыми семействами от входа до церкви, подступают почти к самому ее порогу, венком окружают храм, разбегаются по боковым тропинкам к трапезе, к келлиям, к пасеке, к скитскому пруду, к кедровой аллее, к башням, к скитским могилам.

И среди этой благодати приютились свежие, опрятные, с прозрачными, чистыми стеклами келлии скитяян, с невысокими крытыми крыльцами со спускающимися прямо в зелень ступеньками, с галереями на крыльцах и с белыми деревянными скамьями на галереях. Порядок и чистота везде изумительные, а безмолвие даже поражает своею строгостью. Хотя бы чей-нибудь вздох вырвался из чьей-либо груди в этой стране безмолвия и изобличил, что живут же здесь живые люди. Но только и звуков здесь слышится, что за скитской оградой, по гулкому лесу, простонет тоскливое кукованье кукушки, или прорежет замерший воздух скрипучая дробь одинокого дятла, да из открытых окон церкви медленно, звучно прольются и словно замрут чистые, полные, сосредоточенные звуки церковных стенных часов...»

Своеобразна и скитская церковь: «Это не обычного устройства храм, а скорее та евангельская братская храмина, в которой Спаситель со своими апостолами разделял свою вечерю и возвещал свои прощальные заветы... При входе, в простых деревянных рубленых сенях богомолец встретит даже деревянное ведро с водою, с деревянным ковшом в нем и душистые цветы на окнах, а налево от входной двери, внутри же храма, устроена крошечная, уютная келлия

для скитского пономаря, который тут же, при храме, и живет. Самые окна устроены не так, как обычно устраиваются они в церкви: мрачные, с железными решетками снаружи, как в тюрьме. Нет, это большие, замечательно светлые и, как в домах, открывающиеся наружу окна. Стены, оклеенные белой глянцевитой бумагой, смотрят так светло, так приветливо. По стенам изредка развешаны в простых крашеных рамах, без всяких окладов и ненужных украшений, изображения древних подвижников с серьезным, но благодушным выражением лиц. Вообще все в этом храме носит характер простой братской домашней храмины, предназначенной не для мирских посетителей, а именно для своей семейной, уединенной молитвы»^[24].

Такова Оптиная пустынь со своим скитом — этот поистине благодатный уголок русской земли, который нельзя не полюбить, раз побывавши в нем. Однако главное значение Оптиной пустыни заключается не в ее внешнем благоустройстве и благообразии, не в красоте ее местоположения, а в том, что волею Божией ей суждено было явиться в XIX столетии средоточием высокого христианского духа и подвижничества в лице ее знаменитых старцев и настоятелей — о. Леонида, о. Макария, о. Антония, о. Моисея, о. Амвросия и других, менее известных, но напоенных тем же духом подвижников. Чтобы понять характер оптинского подвижничества, чтобы правильно оценить значение Оптиной пустыни в духовной жизни русского народа, чтобы, наконец, ясно представить себе ту духовную атмосферу, в которой духовно возрастал старец о. Амвросий, мы должны сделать краткий исторический очерк того духовного движения, которое совершалось в русском иночестве во второй половине XVIII и в начале XIX века, и которого главным деятелем явился приснопамятный молдавский старец о. архимандрит Паисий Величковский.

Глава VI. ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ ДУХОВНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОМ ИНОЧЕСТВЕ И УЧАСТИЕ В НЕМ ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ

Начало премудрости страх Господень, разум же благ всем творящим и...

(Пс. 110, 10)

Приидите, чада, послушайте мене, страху Господню научу вас.

(Пс. 33, 12)

Заслуга старца о. Паисия Величковского заключается не в том, что он открыл какие-либо новые пути иноческого подвижничества, а в том, что он восстановил и утвердил в сознании своих многочисленных учеников истинный смысл монашества, истинную цель христианского подвига и указал тот путь или тот способ, коим эта цель достигается.

Его учение не было его собственным измышлением, а было лишь восстановлением древнего святоотеческого, подвижнического учения, которое о. Паисий извлек из древних святоотеческих книг и напомнил своим современникам, стараясь запечатлеть его в умах и сердцах их своим личным примером.

Старец Паисий, основываясь на святоотеческих творениях, учил, что истинный смысл монашества, истинная цель христианской жизни состоят в том, чтобы достигать уподобления Богу. Внешние подвиги ценны не сами по себе, а лишь постольку, поскольку они содействуют осуществлению вышеуказанной цели.

Уподобление Богу достигается путем непрестанного очищения сердца и напечатления в нем христианских добродетелей — смирения, покаяния, кротости, любви, целомудрия, молитвы и других.

Чтобы преуспевать в этом подвиге и не уклониться на ложный путь, необходимо иметь опытного наставника, иметь постоянное чистосердечное откровение пред ним своих помыслов и доверчивое, искреннее ему послушание. Если же нет такого наставника, тогда необходимо обратиться к творениям святых отцов-подвижников и самому попытаться найти у них для себя жизненное руководство.

Таково учение старца Паисия. Что это учение есть учение святоотеческое, можно подтвердить следующими, например, свидетельствами св. отцов.

«Все старание, весь подвиг (человека), — пишет преп. Симеон Новый Богослов, — должны быть обращены на то, чтобы стяжать дух Христов, и таким образом приносить плоды Духа Святого, ибо в этом и состоит духовный закон и благобытие»^[25].

«И в будущей жизни христианин не будет испытует, отрекся ли он мира, постился ли, совершал ли бдения... но будет тщательно испытует, имеет ли он какое-либо подобие Христу, как сын отцу, как говорит и Павел: „*Чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится в вас Христос*“ (Гал. 4, 19). Подобие же Христу составляют истина, кротость, правда и вместе с ними смирение и человеколюбие»^[26].

Тот же преп. Симеон пишет о «старчестве»: «Надлежит со всем усердием, тщанием и вниманием, со всею бдительностью и многими молитвами блюстись, чтобы не напасть на какого-либо прелестника, или обманщика, или лжеапостола, или лжехриста, но обрести руководителя истинного и боголюбивого, который имел бы внутри себя Христа и точно знал учение, правила и постановления св. апостолов и догматы св. отцов или, лучше сказать, который знал бы волю и тайны Самого Владыки и Учителя апостолов Христа. Такого учителя надлежит нам взыскать и обрести, который сначала слышал бы все это в слове и научился тому со слов, а потом научен был всему таинственно и во истине Самим Утешителем Духом через делание и опыт; так чтобы и он сподобился услышать от Самого Христа Господа, научившего апостолов: „*Вам дано есть разумети тайны Царствия Небесного*“» (Мф. 13, 11)^[27].

У преп. Иоанна Лествичника читаем о старчестве: «Прельстились те, которые, возложив упование на самих себя, сочли, что не имеют нужды ни в каком путеводителе»^[28].

«Как корабль, имеющий хорошего кормчего, при помощи Божией, безбедно входит в пристань, так и душа, имея доброго пастыря, удобно восходит на небо, хотя и много грехов некогда сделала. Как не имеющий путеводаителя удобно заблуждает на пути своем, хотя бы и весьма был умен, так и идущий самочинно путем иночества легко погибает, хотя бы и всю мудрость мира сего знал»^[29].

«Кто идет самочинно, без евангельского разума и без всякого наставления, — говорит Марк Подвижник, — тот много претыкается, впадает во многие ямы и сети лукавого, и во многие впадает беды, и не знает, какой конец получит. Ибо многие прошли путь свой со многими трудами, подвижничеством и злостраданием, и многие труды претерпели Бога ради; но самочиние, нерассуждение и то, что они не искали от ближнего наставлений, соделало таковые труды их тщетными»^[30].

У преп. Кассиана Римлянина читаем следующее: «Рассудительность есть дар Божий, который, однако же, надлежит развивать и воспитывать. Как? Отдавая все свое на рассуждение опытейших отцов. Это самая мудрая школа рассудительности, в которой научаются добре рассуждать о достоудном даже и такие, которые не имеют к тому особой способности...

Приобретается истинная рассудительность истинным смирением, коею первым доказательством служит — открывать отцам не только то, что делаем, но и то, о чем думаем, ни в чем не доверяясь своему помыслу, но во всем следовать наставлениям старцев и считать хорошим или худым только то, что они признают таковым. Такое действие и способствует безопасно пребывать на правом пути и охраняет от всех сетей диавольских.

Тому, кто свою жизнь располагает не по своему суждению, а по совету преуспевших, невозможно пасть от прельщения бесовского. Так предание рассуждению отцов своих помыслов заменяет свою рассудительность и научает ей! Враг не любит света, потому откровение злых помыслов тотчас, как они открываемы бывают, разгоняет их и истребляет. Как змея, извлеченная из темной норы на

свет, старается убежать и скрыться, так и злые помыслы, будучи обнаружены откровенным признанием и исповедью, стараются бежать от человека. Это подтверждается многими и премногими примерами и опытами»^[31].

О плодах послушания преп. Иоанн Лествичник пишет в 4-м слове следующее: «От послушания рождается смирение, от смирения же рассуждение... от рассуждения — рассмотрение, а от сего прозрение. Кто же не пожелает идти добрым путем послушания, видя, что от него истекают такие блага?»^[32].

Он же пишет: «Пользу послушания возвестят тебе те, которые отпали от него, ибо они тогда только узнали, на каком стояли небе»^[33].

Из многих святоотеческих наставлений об истинной цели жизни христианской и монашеской, а также и о «старчестве», мы привели лишь немногие^[34], но и из них видно, что учение старца Паисия основывалось всецело на святоотеческом учении.

Впрочем, как показывает жизнеописание этого старца, ему пришлось употребить много усилий и труда, прежде чем он достиг ясного познания истины, утратившейся к тому времени в сознании иноков.

О. Паисий Величковский был уроженцем Малороссии. Он родился в г. Полтаве в 1722 году в семье соборного священника, в мире именовался Петром, образование получил в Киевском духовном училище.

С ранних лет он был проникнут горячею любовью к Богу и горел желанием всего себя посвятить Ему. Увлекаемый этим желанием, он, не окончив курса духовного училища, поступил в Любечский монастырь, откуда потом перешел в другие малорусские монастыри. Переходя из монастыря в монастырь, он везде искал человека, который бы научил его истинному монашескому житию, и, не находя такового, отправился в Молдавию и Валахию, где и провел несколько лет в разных обителях, пользуясь советами и руководством лучших по жизни молдавских иноков. Сердце его все более и более разгоралось любовью к Богу, а между тем он продолжал чувствовать себя неудовлетворенным, так как не находил себе желаемого наставника

духовной жизни. Наконец, он удалился на Афон, где, обойдя некоторые обители, поселился в совершенном одиночестве. Ему было в это время 25 лет. Он жил в крайней нестяжательности: у него не было даже рубашки; был только подрясник и очень ветхая, вся в заплатках ряса. Время его проходило в молитве и в чтении святоотеческих книг, которые он доставал в соседних обителях.

В это время его нашел один молодой инок по имени Виссарион и умолял его позволить ему поселиться с ним и быть его учеником.

Замечателен ответ о. Паисия, данный им Виссариону: «Брат! О горестном деле понуждаешь ты меня говорить тебе... Ибо и я также с великим тщанием и скорбию искал наставника, и не нашел. И много скорбей претерпел я, да и теперь еще терплю. Спасение души, которого ты ищешь, не может быть с удобством совершаемо иначе, как через истинного духовного наставника, который и сам понуждает себя исполнить все заповеди Господни. Ибо как может кто наставлять другого на путь, которым сам не ходил? Должно прежде самому подвизаться до крови против всех страстей душевных и телесных, победить при помощи Христовой похоть и ярость, гордость, сластолюбие, славолубие и сребролюбие, чтобы научиться и других врачевать и наставлять их на заповеди Божиим... Такого, брат, следовало бы нам найти себе наставника, но увы! Какое наше время! Предвидя духом Божиим это злополучное время, богоносные отцы, из жалости к нам, оставили нам святые свои писания, в которых мы и должны с великою заботливостью и со многими слезами день и ночь поучаться!»

Следуя этому правилу, внимательно изучая творения отцов-подвижников и осуществляя самим делом их наставления, о. Паисий достигал постепенно все большей и большей опытности, так что в скором времени был замечен многими искателями христианской мудрости, которые, поселившись около него, неотступно просили его быть их руководителем на пути ко спасению. Отец Паисий долго отказывался, но наконец должен был уступить их просьбам, и, таким образом, около него возникло общество его учеников.

Спустя несколько лет он переехал со своим братством в Валахию и поселился сначала в монастыре Драгомирне, а затем в монастыре Нямец, которым и управлял до самой своей кончины в 1794 году 15 ноября.

С того времени, как о. Паисий стал во главе духовного братства иноков, он все свои заботы направил на осуществление в жизни братства святоотеческих подвижнических заветов. Целью иноческих подвигов он поставил, как мы сказали выше, духовное возрастание во Христе, а средством к достижению этой цели «путь старчества», т. е., путь искреннего откровения помыслов со стороны учеников и любящего руководства со стороны наставников. По заведенному им порядку все братия должны были всякий вечер открывать свои помыслы духовным отцам. Если между братиями возникало неудовольствие, то оно должно было в тот же день прекращено примирением. Если же кто не хотел мириться, старец подвергал его отлучению, чтобы он и на порог церковный не вступал, и молитву «Отче наш» не читал, пока не помирится. Чтобы лучше ознакомить братию с истинною задачею подвижничества, о. Паисий считал необходимым для нее постоянное и внимательное изучение святоотеческих подвижнических творений. Одна из величайших заслуг о. Паисия не только для русского монашества, но и для всего русского православного общества состоит в том, что он с большим трудом и с большими издержками собрал древние славянские, а также молдавские переводы и греческие подлинники святоотеческих творений, тщательно сверял их друг с другом, исправлял, а иногда и с большим искусством переводил их сызнова на церковно-славянский язык. Этому своего труда он не оставлял до самой своей кончины. Когда он уже не мог вставать с постели, он на кровати обкладывался кругом книгами; тут у него лежали словари, Библия греческая и славянская, грамматика греческая и славянская и книга, которую он переводил; а среди книг стояли зажженные свечи. Сам же он, согнувшись, писал по целым ночам, забывая и немощь тела, и тяжкие болезни и труд.

Когда наступал Рождественский пост, все братия обители о. Паисия ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, собирались по

вечерам в трапезу. Зажигались свечи. Приходил старец. Он садился на обычном своем месте и начинал чтение переведенных им святоотеческих творений: св. Василия Великого, Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Феодора Студита или же Симеона Нового Богослова. Братия слушали с глубоким вниманием. Такие чтения продолжались всю зиму, до Лазаревой субботы. Читая книгу, старец в то же время толковал ее, приводя свидетельства из Священного Писания обоих заветов и из учения святых отцов Церкви. И он имел такой дар, что своими словами мог одушевлять самого унылого, утешить самого печального и возбудить в каждом усердие ко спасению. Таким образом, обитель о. Паисия являлась поистине школой духовной жизни, где и словом, и делом братия наставлялись в правилах истинно-христианского подвижничества. Особенное внимание старец обращал на укрепление в своих духовных детях чувства братской любви и милосердия. В Нямеце он устроил больницу и приют для странников. Туда он помещал и своих престарелых братьев, и посторонних — хромых, слепых и расслабленных. Служителям приказывал прислуживать больным, как Господу, каждую субботу мыть им головы и переменять сорочки, следить за чистотой постелей и кроватей, а летом проветривать их одежды на солнце.

Долголетние и неустанные труды о. Паисия не остались бесплодными. Его имя скоро стало известно не только на Афоне и в Валахии, но и в России. Он вел обширную переписку со многими русскими иноками и священниками. Целый сонм подготовленных им, им воспитанных учеников-старцев, снабженных рукописями его переводов, направился из его обители в Россию, разошелся здесь по многим обителям и влил свежую, живую струю в жизнь русского иночества. Сделанный им перевод святоотеческих творений, книга Добротолюбие, заинтересовал С.-Петербургского митрополита Гавриила, и по просьбе последнего ученик старца Афанасий доставил ему и эту книгу, и ее греческий подлинник. По распоряжению митрополита книга была напечатана в С.-Петербурге в 1793 году, а затем выпущена последующими изданиями при митрополите Московском Филарете в 1822 и в 1832 годах. Кроме Добротолюбия о. Паисий перевел еще книгу великого наставника внутренней жизни св. Исаака Сирина и некоторые другие. Все эти переводы о. Паисия распространялись в рукописях среди

русских иноков, тщательно переписывались, с усердием изучались и укрепляли в иноках стремление к духовной жизни, к духовному совершенствованию.

Из учеников о. Паисия, живших в России, упомянем некоторых, имевших отношение к Оптиной пустыни. Таковы:

1) Архимандрит Софрониевой пустыни Феодосий. С ним впоследствии имел общение о. Макарий Оптинский.

2) Клеопа, живший в обителях Островской и Тихвинской и в Московском Симоновом монастыре. Он оставил многих учеников, из которых особенно замечателен строитель Песношской обители Макарий, сам бывший в переписке с о. Паисием и поставивший в Оптину пустынь своего замечательного ученика Авраамия, о котором было сказано выше.

3) Новоспасские иноки Александр и Филарет. Они имели духовное общение с о. Паисием и оказали сильное духовное влияние на будущих оптинских иноков Моисея и Антония (Путиловых), о которых скажем ниже.

4) Афанасий (из сенатских секретарей), доставивший митрополиту Гавриилу Паисиев перевод Добротолубия, подвизавшийся потом с некоторыми другими Паисиевыми учениками в Свенском монастыре, где вместе с ним жил одно время и вышеупомянутый Моисей.

5) Другой иеромонах Клеопа и его друг схимонах Феодор, много лет жившие в обители о. Паисия, принявшие от него пострижение и им основательно утвержденные в духовной жизни. В Россию они пришли в 1801 году. С ними сблизился и под их руководством возрос знаменитый — впоследствии первый старец оптинский — иеросхимонах Лев, или Леонид (Наголкин).

6) Другой схимонах Афанасий (бывший ротмистр гусарского полка), живший при старце Паисии семь лет, перешедший в Россию в 1777 году и скончавшийся в Площанской пустыни Орловской епархии, где

под его духовным руководством возрастал другой оптинский старец — иеросхимонах Макарий (Иванов).

Из этого краткого перечня учеников о. Паисия видно, какую широкую духовную сеть раскинул он по земле русской. В эту-то сеть и попали те лица, коим суждено было положить начало духовной жизни по заветам о. Паисия в Оптиной пустыни. Не считая вышеупомянутого Авраамия, лица эти были следующие: Моисей и Антоний (Путиловы), Леонид (Наголкин) и Макарий (Иванов). О них-то мы теперь и должны сказать подробнее.

Сын серпуховского купца Тимофей Иванович Путилов (так назывался в мире о. Моисей) вырос в семье, отличавшейся строгим благочестием, и сам был очень благочестив. 19-ти лет он поступил на службу в Москву по торговому делу. Здесь он все свое свободное время проводил в чтении Свящ. Писания и любил бывать у людей высокой духовной жизни. На него оказали сильное влияние инокия Ивановского монастыря Досифея и новоспасские иноки Александр и Филарет, державшиеся, как мы уже сказали, Паисиевой закваски. Слушая их беседы, Тимофей и сам разгорался жаждою всецелой жизни в Боге и наконец вместе со своим младшим братом Ионою ушел в Саровскую пустынь, где в то время подвизался о. Серафим Саровский. Иона здесь и остался навсегда, а Тимофею Господь судил перейти в Свенский монастырь, где к тому времени собрались многие из учеников Паисиевых — иноки Афанасий, Серафим, Василий и др., к обществу которых и примкнул Тимофей. Прослышав, что в непроходимых рославльских лесах Смоленской губернии поселилась в отдельных келлиях другая группа учеников старца Паисия, Тимофей возгорелся желанием разделить их образ жизни и в 1811 году перешел к ним. Здесь он принял пострижение с именем Моисея и целых десять лет жил совершенным отшельником, по подобию древних пустынножителей, под руководством старцев Афанасия, Досифея и Дорофея.

Время его проходило в молитве, в чтении и списывании святоотеческих книг Паисиева перевода. Еще будучи в Свенском монастыре, он переписал для себя полууставом с перевода о. Паисия

книгу св. Иоанна Лествичника и житие преп. Симеона Нового Богослова. В рославльском лесу, у старца Афанасия, он нашел много других переводов о. Паисия, которыми также поспешил воспользоваться для своего духовного назидания. В 1816 году к нему переселился его другой младший брат, Александр, который вскоре был также пострижен в иночество с именем Антония.

Чтобы показать читателю, какими мыслями и чувствами были проникнуты юные подвижники в их лесном уединении, приведем отрывок из письма о. Моисея к брату — тогда еще мирянину — Александру, письма, написанного о. Моисеем после возвращения из поездки в Москву в свое лесное убежище. «Достигши своего пустынного гнезда, желал и спешил душою скорее сообщить вам мои строки... Можно сказать, что как после трудов сладок покой, так и по окончании странствования и бывшей при этом рассеянности очень приятно быть в пристанище тихого уединения. Собственный опыт при этом открывает, что находясь в кругу предметов, занимающих зрение, вкус, слух и все чувства, не может уже быть столь сладко мысленное занятие в памяти Бога и поучение святого закона Его. Удалением же от мира освободившись от чувственных встреч, увлекающих ум и мысли, все духовное занятие становится живее, сладостнее, потому что ум, освобождаясь от случаев к рассеянию, начинает собираться к себе, а чрез то и душа начинает чувствовать присутствие Божие, благоговейный к Нему страх и любовь ощутительнее...

Для того-то нам, желающим спасения Божия, но имеющим немощное и испорченное грехом естество, весьма хорош, легок и действителен способ к покаянию — удаление от света. Ум, через уединение и внимание собираясь к себе, видит исходящие от сердца и к нему приходящие противные мысли, а видевши, разумеет свою нечистоту и, не терпя оной, понуждается к очищению. Очищать же и противоборствовать им, будучи сам собою не в силах, узнает на опыте немощь свою, и окаянство, и совершенную нужду в Спасителе-Христе. Для того, взыскивая помощи Христовой, обращается к Всемогущей силе Его, как немощный в собственном разуме своем и силе. Призывает всеблагое и всеильное имя Иисусово, с искренним самого себя умалением, охуднением и сердечною печалию, да очистит,

укрепит и подаст руку спасения. И таким образом, по узнании прежде окаянства своего и немощи, узнает потом и спасение Божие, заступающее во время брани внутренней. Ибо *близ Господь всем призывающим Его во истине* (Пс. 144, 18) и сокрушенных духом спасет. Узнавши же сие спасение в чувстве сердца, радуется как о полученном облегчении от находящихся нечистых помыслов, так особенно о благости Божией и Промысле Его, соприсутствующем ему и спасающем. А через то входит в живую веру достоверным ощущением в себе силы не своей, но Христовой, почему со сладостию сердечной особенно привергает себя к Спасителю и предает всего себя Ему, с несомненным на Него упованием и любовью. Сие предание себя и сердечное упование сообщает душе превосходный мир и радость, составляющие внутреннее Царствие Божие, которого Христос Спаситель прежде всего искать нам повелевает. И оно-то поистине есть полное и удовлетворительнейшее для человека блаженство, так что все прочее чувственное благо, желаемое свету, представляется уже слишком грубым, ничего не значащим и не стоящим никакого искания.

Все сие при начатии письма пришло мне на ум написать не потому, чтобы я точно в таком был теперь устроении духа, но отчасти познавая ход внутренней жизни в безмолвии, которое привлекает душу ради истинного покаяния...»

Из этого письма видно, что главное внимание о. Моисея и его духовных друзей было обращено на внутреннее состояние своего сердца, причем он, пользуясь, без сомнения, советами своих старцев и указаниями святоотеческих книг, тонко подмечал особенности этого состояния и определял точный путь, приводящий человека к живому познанию Бога, через ясное сознание своих немощей и ощущение в себе самом очевидной помощи свыше. При таком духовном устроении Моисей, как видно, был уже достаточно подготовлен к тому, чтобы стать руководителем и других людей по пути к духовному спасению. И действительно, в скором времени в его внешнем положении совершилась большая перемена. В Оптиной пустыни в начале XIX века жил один подвижник высокой жизни, также из учеников Паисиевых, о. Феофан. Он был дружен с о. Моисеем. Через о. Феофана о. Моисей стал известен настоятелю Оптиной пустыни о. игумену

Даниилу. Как раз в это время преосвященный Калужский епископ Филарет с целью дать желающим инокам Оптиной пустыни возможность более уединенной и созерцательной жизни задумал учредить при обители скит. Настоятель пустыни представил преосвященному о. Моисея, как человека могущего послужить осуществлению этого дела. Преосвященный принял о. Моисея очень благосклонно, — и 6 июня 1821 года группа рославльских отшельников, имея во главе о. Моисея, прибыла в Оптину пустынь и, с благословения преосв. Филарета, принялась за устройство скита, который в скором времени и был устроен и освящен. Отец Моисей был назначен первым начальником скита.

В 1825 году, когда освободилось место настоятеля Оптиной пустыни, о. Моисей был перемещен на эту должность, а начальником скита был назначен его брат о. Антоний, который и нес эту обязанность до 1839 года, когда в свою очередь получил иное назначение^[35]. Отец же Моисей оставался настоятелем Оптиной пустыни до самой своей кончины, последовавшей в 1862 году.

Сделавшись настоятелем Оптиной пустыни, о. Моисей, воспитанный в заветах старца Паисия, желал насадить и в Оптиной пустыни тот порядок духовной жизни, который о. Паисий завещал своим ученикам, т. е. порядок «старчества». Но сам о. Моисей и по своим многосложным обязанностям настоятеля обители, и по другим соображениям не мог быть «старцем» для своей братии. Надо было подыскать такого человека, который, не занимая официального положения в обители, мог бы по своим высоким личным качествам, и по своей духовной опытности, и по своему знанию пути «старчества» привлечь к себе доверие, любовь и уважение братии и стать во главе ее духовного подвига. Такого именно человека Господь вскоре и послал о. Моисею. Это был о. Леонид (в схиме Лев) Наголкин, знаменитый, первый в ряду великих оптинских старцев.

Отец Леонид родился в 1768 году в г. Карачеве Орловской губернии. В молодости он занимался торговлей и в должности купеческого приказчика объездил многие уголки России, повсюду вступая в

сношения с людьми всяких званий и состояний, так что еще в молодости приобрел большое знание людей и жизненную опытность.

В 1797 году он оставил мир и поступил в Оптину пустынь, но пробыл здесь на этот раз недолго. Скоро он перешел из Оптиной пустыни в Белобережскую, под руководство одного из вышеупомянутых учеников старца Паисия — Василия Кишкина. В 1804 г. о. Леонид был избран настоятелем Белобережской пустыни, но, тяготясь этим званием, он в 1808 году оставил настоятельство и вместе с учениками Паисия — схимонахом Феодором и Клеопой — поселился в двух верстах от обители, в глухом лесу, в убогой келлии, где и проводил время в уединенной молитве, богомыслии и изучении святоотеческих творений. Проживши здесь некоторое время, друзья нашли необходимым перебраться на далекий север. Сначала о. Феодор, а за ним о. Леонид и о. Клеопа переселяются на Валаам, где и подвизаются в течение шести лет. По выражению одного тамошнего юродивого, они «торговали хорошо», т. е. и сами преуспевали и других вели вперед по духовному пути. Однако здесь их ожидало испытание. Некоторые валаамские иноки и даже сам настоятель весьма смутились тем, что они, будучи схимниками, все время проводили с народом, беседуя о спасении души. По их мнению, такой образ жизни не подходил схимникам. Смущало их и учение старцев об откровении помыслов и о внутреннем делании. И вот они, наконец, послали донос Петербургскому митрополиту Амвросию, обвиняя старцев в том, что они будто бы проповедуют ересь. Было произведено дознание, и старцы были оправданы. Но оставаться им после этого на Валааме было уже неудобно, и в 1817 году они переселились в Александро-Свирский монастырь, где были замечены Императором Александром Благословенным. Здесь в 1822 году схимонах Феодор скончался, а о. Леонид, потеряв своего духовного друга и наставника, решил возвратиться в родные места, на юг. Некоторое время он прожил в Площанской пустыни Орловской губернии, где сблизился духовно с тамошним подвижником иеромонахом Макарием (Ивановым), а затем, по приглашению о. Моисея, переселился в апреле 1829 года в Оптину пустынь, где и прожил до самой своей кончины, последовавшей в 1841 году.

В лице о. Леонида о. Моисей нашел истинного старца для своей обители. Отец Леонид стал душою обители. Не занимая никакого начальственного положения, единственно в силу своих высоких дарований и громадного жизненного опыта, он стал духовным руководителем оптинского братства. Без благословения старца никто из его духовных детей не делал ни одного шага в своей жизни. Ежедневно вечером к его келлии стекались братья с целью открыть ему свою душу за истекший день и получить полезное указание или утешение. За братией потянулись миряне. Из городов и селений стали являться всякого звания люди — дворяне, купцы, мещане и крестьяне обоюга пола. Все прослышали о его мудрости и прозорливости, все верили и на себе испытывали силу его молитвы. Отказа никому не было. Двери келлии старца ни перед кем не закрывались. Все были принимаемы старцем с отеческим расположением и любовью, и никто не выходил из его келлии неутешенным.

Любопытную картину келейной жизни старца и его отношений к посетителям рисует известный странник инок Парфений, посетивший о. Леонида незадолго уже до его кончины.

«Войдя в келлию, — пишет он, — я убоялся и вострепетал. Ибо почти полная была келлия людей разного звания: господ, купцов и простых; и все стоят на коленях со страхом и трепетом, как пред грозным судиею, и каждый ожидает себе ответа и наставления; и я также, позади всех, пал на колени. Старец же сидит на кровати и плетет пояс. Это было его рукоделие — плести пояски и давать посетителям в благословение... Между этими людьми стоял пред старцем на коленях один господин, приехавший на поклонение в обитель и для посещения великого старца. Старец спросил его: „А ты что хочешь от меня получить?“ Тот со слезами ответил: „Желаю, отче, получить от вас душеполезное наставление!“ Старец спросил: „А исполнил ли ты то, что я тебе прежде приказал?“ Тот ответил: „Нет, отче святой, не могу того исполнить!“ Старец сказал: „Зачем же ты, не исполнивши первого, пришел еще и другого просить?“ Потом грозно сказал ученикам своим: „Вытолкайте его вон из келлии“. И они выгнали его вон.

Я и все там бывшие испугались такого строгого поступка и наказания. Но старец сам не смутился и продолжал кротко беседовать с прочими и отпускать людей... Потом я спросил старца: „Отче святой, за что вы так весьма строго поступили с господином?“ Он же отвечал мне: „Отец афонский! Я знаю, с кем как поступать; он раб Божий и хочет спастись, но впал в одну страсть, привык к табаку; он прежде приходил ко мне и спрашивал меня о том; я приказал ему отстать от табаку и дал ему заповедь более никогда не употреблять его, и пока не отстанет, не велел ему и являться ко мне. Он же, не исполнивши первой заповеди, еще и за другой пришел. Вот, любезный отец афонский, как трудно из человека исторгать страсти!“ Когда мы беседовали, привели к нему три женщины одну больную, ума и рассудка лишившуюся, и все три плакали и просили старца о больной помолиться. Он же надел на себя епитрахиль, положил на голову болящей конец епитрахили и свои руки и, прочитавши молитву, трижды перекрестил голову больной и приказал отвести ее на гостиницу... На другой день я снова пришел к нему, и он снова принял меня с любовью и много со мной беседовал; потом пришли вчерашние женщины, и больная была с ними, но уже не больная, а совершенно здоровая; они пришли благодарить старца. Видя это, я удивился и сказал старцу: „Отче святой, как вы дерзаете творить такие дела? Вы славою человеческою можете погубить все свои труды и подвиги“. Он же в ответ сказал мне: „Отец афонский! Я это сотворил не своею властью, но это сделалось по вере приходящих, и действовала благодать Святаго Духа, данная мне при рукоположении; а сам я человек грешный“. Потом снова приходил вчерашний господин и просил у старца прощения со слезами. Он же простил и приказал исполнить то, что приказано было прежде. Потом отпустил нас всех».

Громадный духовный опыт и высокий авторитет старца о. Леонида видны из следующих, например, случаев.

Рассказывают, что в конце 20-х или 30-х годов он посетил проездом Софрониеву пустынь. В то время там жил в затворе иеросхимонах Феодосий, которого многие почитали духовным мужем и прозорливцем, так как он предсказал и войну 1812 года, и некоторые другие события. Отцу Леониду его устроение показалось

сомнительным. Побеседовав с затворником, старец спросил его, как он узнает и предсказывает будущее. Затворник отвечал, что Дух Святой ему возвещает об этом. На вопрос старца, каким образом возвещает, затворник объяснил, что Дух Святой является ему в виде голубя и говорит с ним человеческим языком. Отец Леонид, видя, что это явная прелесть вражия, начал предостерегать затворника, говоря, что подобным вещам не следует доверять. Но тот обиделся и с негодованием возразил старцу: «Я думал, что ты, подобно другим, хочешь от меня попользоваться, а ты пришел меня учить!» Отец Леонид удалился и, уезжая из обители, сказал настоятелю: «Берегите вашего святого затворника, как бы с ним чего не случилось». Едва о. Леонид доехал до Орла, как узнал там, что Феодосий удавился.

Недалеко от Оптиной пустыни жил помещик, который хвалился, что стоит ему взглянуть на о. Леонида, как он его всего насквозь увидит. Вот однажды этот помещик приехал к старцу когда у того было много посетителей, и входит в его келлию. Ростом он был высокий и телом тучный. Отец Леонид имел такой обычай: когда хотел произвести на кого-нибудь особое впечатление, то загородит глаза рукою, приставив ее ко лбу козырьком, как будто рассматривая какой-либо предмет на солнце. Так и при входе этого помещика он поднял левую руку и говорит: «Эка остолопина идет! Пришел насквозь увидеть грешного Леонида, а сам, шельма, 17 лет не был на исповеди и у Св. Причастия». Помещика эти слова старца так поразили, что он затрясся, а после плакал и каялся, что он, грешник неверующий, действительно, 17 лет не исповедовался и не причащался Св. Таин.

Был еще такой случай. Один из помещиков, благодетельствовавший монастырю и посещавший его изредка, жил в явной связи с крепостною своею женщиною до старости, хотя от своей законной жены имел уже детей взрослых и женатых. Наслышавшись о старце Леониде, который многих принимал на исповедь, помещик через настоятеля о. Моисея просил у о. Леонида позволения исповедоваться у него. Старец отказал, к немалому оскорблению помещика, который стал просить и о. Моисея, и других лиц, близких к старцу, быть ходатаями за него пред отцом Леонидом. После вторичной просьбы старец неохотно согласился, сказавши, что не отвечает за последствия.

Помещик исповедался и не был допущен старцем до Св. Причастия. Можете себе представить огорчение и стыд гордого барина, привыкшего на всех смотреть свысока и не знавшего никогда ни в чем себе противодействия! К еще большему его стыду, сопровождавшая его замужняя дочь его готова была благодарить великого старца за такое решение. Еще раз помещик попытался просить о. настоятеля о заступничестве, но тот отказался и по совести, и потому, что знал непреклонность в таких случаях старца. Что же произошло потом? Помещик, возвратившись домой, через месяц или менее разорвал свою многолетнюю незаконную связь, к общей радости своей законной семьи.

Два последних случая особенно ясно показывают нам великое нравственно-воспитательное значение истинного старца. Какую надо было иметь силу и глубину веры, какую независимость и неподкупность духа, какую твердость убеждения, чтобы сломать и растопить, как воск, толстую и твердую кору гордости и сластолюбия, сковавшую сердца таких людей, как вышеупомянутые помещики! Из окружающих их лиц, из белого духовенства, конечно, никто не посмел бы и заикнуться произнести те слова, которые ничтоже сумняся высказал старец. А если бы и произнес, они произвели бы совсем не такое впечатление. В устах же старца они вызвали смягчение сердца, заставляли плакать, производили нравственное обновление, вызвали глубокий нравственный перелом.

Особенно близок был о. Леонид к простому народу, жалел его, любил и был им взаимно горячо любим и почитаем. Он всегда был осаждаем толпой крестьянок и крестьян, которые несли к нему все свои скорби и нужды.

Он, если можно так выразиться, стоял у самого народного сердца, слушал его биение, то радостное, то скорбное. И простой народ разносил молву о своем любимом старце далеко за пределами Калужской губернии.

Так же близко стоял о. Леонид и к монахиням многих женских монастырей. Под его руководством и там утвердилось старческое

окормление, и многие монахини научились внимательно относиться к своей внутренней жизни.

Однако, по слову Псалмопевца, *«многи скорби праведнику»*, и о. Леониду пришлось перенести в Оптиной пустыни немало скорбей. Нашлись иноки, которые в правиле откровения помыслов усмотрели злоупотребление Таинством Исповеди, в приеме многочисленных посетителей, особенно женского пола, увидели нарушение схимнических обетов, в помазании болящих освященным елеем — горделивую притязательность на дар чудотворения. И вот полетели доносы и жалобы в Калугу, к тогдашнему преосвященному Николаю, а также и в консисторию. Некоторые духовники женских обителей со своей стороны жаловались, что о. Леонид своею проповедью откровения помыслов старцам и старицам умаляет авторитет духовников, заводит новшество и даже ересь.

Преосвященный, желая положить конец неудовольствиям и ропоту, приказал перевести о. Леонида со скитской пасеки в монастырь, запретив старцу принимать посетителей — мирян, а в женских обителях началось настоящее гонение на учениц о. Леонида: многие из них были изгнаны из монастырей как еретички, другие взяты под строгий начал, лишены мантий и т. п. Самому старцу запретили носить схимническое одеяние. Тяжко скорбел старец от всех этих неприятностей, но скорбел не за себя, а за своих несчастных учениц, в которых старался письмами поддерживать бодрость духа.

И вот как раз в то время, когда о. Леониду приходилось переживать все эти испытания, Господь даровал ему и великое утешение — найти себе близкого духовного друга и помощника в лице иеромонаха Макария (Иванова). Это был второй знаменитый оптинский старец, преемник о. Леонида и наставник о. Амвросия, почему мы и считаем нужным сообщить о нем несколько биографических сведений^[36]. Отец Макарий происходил из дворян Орловской губернии и в миру именовался Михаилом Николаевичем.

Родился он в небольшом имении своего отца под Калугой. Родители его были людьми простыми, добрыми и благочестивыми. В раннем детстве на него имела большое влияние его кроткая и глубоко

верующая мать. Она часто посещала с ним Калужский Лаврентиев монастырь, и беседы тогдашнего настоятеля монастыря, архимандрита Феофана, неизгладимо запечатлелись в его младенческой душе. Он так любил о. Феофана, что однажды, присутствуя с матерью за литургией, которую совершал о. Феофан, бросился к нему в алтарь через раскрытые Царские врата. Здоровье Михаила Николаевича от природы было довольно слабое, характером же он обладал впечатлительным, серьезным и глубоким, восприимчивым ко всему высокому, прекрасному и святому.

Он очень любил природу, любил музыку и пение, сам играл на скрипке и пел^[37]. Он получил образование сначала в приходском училище, а потом дома, под руководством приглашенного учителя. Когда ему исполнилось четырнадцать лет, его определили на службу бухгалтером в Львовское уездное казначейство; эту должность он занимал четыре года. В 1806 году умер отец Михаила Николаевича, и он вышел в отставку, чтобы заниматься хозяйством в деревне и принять на свое попечение младших братьев и сестер. Хозяйство у него не ладилось. Он был очень добр и не умел никому ни в чем отказывать. Он готов был все свое имущество раздать просящим. В то же время он увлекался чтением Священного Писания и книг духовного содержания. Братья уговаривали его жениться. Он не отказывался решительно, но когда родители избранной им девушки ответили, что она еще молода, и они еще подумают, Михаил Николаевич очень обрадовался этому ответу и совсем перестал думать о женитьбе.

6 октября 1810 года, когда ему было 22 года, он отправился на богомолье в Богородицкую Площанскую пустынь Орловской губернии и оттуда домой уже не возвратился. Он нашел свое настоящее место. Площанская пустынь произвела на него неотразимое впечатление. По его словам, когда он вошел в монастырь, он сам не знал, где находится, «на земле или на небе, и все монашествующие казались ему, как Ангелы Божии». Оставшись в обители, он ревностно принялся за иноческие труды. Первым его наставником в иноческой жизни был строгий подвижник Иона, под руководством которого он провел шесть лет. В 1815 году Михаил Николаевич был пострижен в мантию и получил новое имя — Макария.

В этом же году в Площанскую пустынь прибыл на жительство один из учеников старца Паисия схимонах Афанасий, имевший большое влияние на дальнейшую духовную жизнь о. Макария. По собственному свидетельству о. Макария, о. Афанасий не отличался начитанностью, но он весь был напоен духом старца Паисия и заветы его претворил в свою плоть и кровь. Отец Афанасий был весьма простодушен, исполнен умиления, искренности и сердечной теплоты. Он был кроток, снисходителен, сострадателен, любовен. Он не мог видеть нуждающегося, чтобы сейчас же не помочь ему. Любил принимать странников и снабжал их необходимым на дорогу, при этом говорил: «Нам присылают, а они где возьмут». С посетителями разговаривал очень охотно, и притом не от книг, а по опыту сердца, умудренного руководством старца Паисия. Любил говорить о Царствии Небесном, о будущей муке, о милосердии к бедным, о том, что настоящая жизнь должна служить подготовлением к будущей. Все это он говорил с такою задушевностью, с таким смирением, что трогательно было смотреть на него, и слова его невольно проникали до глубины души. Такого именно наставника давно жаждало смиренное и кроткое сердце о. Макария. Он поспешил сойтись с о. Афанасием и крепко к нему привязался преданною сыновнею любовью. Наконец в 1817 году он совсем переселился, по благословению настоятеля, в келлию старца и с этих пор оставался при нем неотлучно, ухаживал за ним и поучался от него до самой его кончины, последовавшей в 1825 году. Помимо личного глубокого влияния и рассказов о старце Паисии и о других великих подвижниках, о. Афанасий имел для о. Макария громадное значение еще и тем, что он привез с собою в Площанскую обитель много рукописных списков переводов святоотеческих творений, сделанных старцем Паисием.

Читая с глубоким интересом и вниманием эти рукописи, о. Макарий постепенно все более и более проникался их духом. С этих именно пор о. Макарий стал духовно складываться в того великого старца-наставника и знатока внутренней жизни, каким он явился потом в Оптиной пустыни. Рукописные переводы старца Паисия бережно были сохранены о. Макарием и впоследствии были им напечатаны, о чем подробно будет сказано ниже. Читая переводы святоотеческих творений старца Паисия, о. Макарий особенное внимание обратил на

учение св. отцов об умной или сердечной молитве Иисусовой, т. е. о постоянном сердечном молитвенном хранении имени Господа Иисуса Христа. Отцу Макарию очень хотелось научиться этому высокому духовному деланию.

Но старец Афанасий имел от о. Паисия запрещение касаться этого молитвенного подвига и проходил по его наставлению лишь устную Иисусову молитву, устное постоянное обращение к Господу Иисусу, а потому и не мог удовлетворить желание своего ученика о. Макария, а может быть, и не хотел, находя это делание для него преждевременным. Отец Макарий не оставлял, однако, своего намерения. В 1819 году он отправился пешком на богомолье в Киев. На обратном пути он заходил в Глинскую пустынь. Здесь он познакомился с одним из учеников настоятеля пустыни, игумена Филарета, иеродиакон Самуилом, который был делателем сердечной молитвы, проходя таковую под руководством своего настоятеля. Отец Макарий очень обрадовался этому знакомству. Три дня провели они за книгой св. Исаака Сирина, беседа о сердечной молитве.

Однако, по собственному позднему признанию о. Макария, он в это время, по своему духовному возрасту, еще не мог вместить в себя это высокое делание и едва не повредил себе преждевременным к нему обращением.

В 1825 году, как мы уже сказали, скончался о. Афанасий. Сильно скорбел об этом о. Макарий, утративший в о. Афанасии своего наставника и друга. Тягостно было ему его духовное одиночество. Но Господь вскоре утешил его. В 1828 году прибыл в Площанскую пустынь из Александро-Свирского монастыря о. Леонид. Прибытие этого старца чрезвычайно обрадовало о. Макария. Он нашел в нем себе нового наставника, еще более сильного духом и опытом, нежели о. Афанасий. Испушенный в борьбе с врагами, видимыми и невидимыми, о. Леонид мог и испушаемому протянуть руку помощи; обладая великим даром духовного рассуждения, он свободно и легко разрешал всякие недоумения и давал полезные советы. Отец Леонид со своей стороны был очень рад встрече с о. Макарием. При всем своем глубоким смирении о. Макарий имел в это время уже очень большой

духовный опыт и мог быть не только учеником, но и другом о. Леонида. Единство духа, единство воспитания и единство стремлений быстро связали сердца старцев тесною, взаимною дружбой, которую ничто уже не могло расторгнуть. И когда, спустя некоторое время, о. Леонид перешел из Площанской пустыни в Оптинский скит, всю свою душу потянулся туда и о. Макарий. Однако прошло еще немало времени, пока желание его смогло осуществиться. Только в 1834 году состоялось его перемещение в Оптину. Слезно простился он с Площанской пустынью, под сенью которой прожил он 24 года, и отправился в путь. Вскоре по прибытии в Оптину пустынь он был назначен в 1836 году духовником всего Оптинского братства, а в 1839 году, уже по приезде в Оптину Александра Михайловича, и скитоначальником.

В заключение этих кратких биографических сведений о двух знаменитых оптинских старцах — предшественниках о. Амвросия — приведем описание их внешности. Отец Леонид от природы был одарен крепким сложением, силою необычайною: он мог поднимать до 12 пудов. Лицо его смугловатое, круглое осенялось густыми, длинными волосами; под старость они сделались у этого льва настоящею гривой желто-седою, волнистою и спускались гораздо ниже плеч.

Глаза небольшие, сероватые смотрели прямо, пронизательно; рост его был выше среднего, походка очень красивая: мужественная и легкая.

Отец Макарий с детства был слабого, болезненного телосложения, которое с годами несколько укрепилось, но в старости он страдал занятием духа. Во время своего пребывания в Оптиной он был уже весь седой, среднего роста; ходил он в келлии в белом холщевом или канифасовом^[38] балахончике, имея на голове черную вязаную шапочку; для молитвенных келейных правил употреблял краткую мантию; для письма и чтения надевал очки в стальной оправе старой формы. Выходя из дому надевал он летом старенькую мухояровую^[39] ряску и башмаки, зимой — весьма поношенную, крытую зеленым драдедамом^[40] шубку, имея при этом в одной руке костыль, а в другой четки. Лицо — ничем не поражающее с первого взгляда, некрасивое,

даже несколько неправильное (по недостатку в глазах), с печатью постоянного углубления в себя, поэтому на вид более суровое, нежели ласковое; но такова сила благодати, что лицо это, служа зеркалом чистой, любвеобильной души, сияло какою-то неземною красотой, отражая в себе свойства внутреннего человека.

Из сделанного нами очерка духовного движения в русском монашестве конца XVIII и начала XIX века читатель может ясно представить себе ту духовную атмосферу, которая должна была охватить Александра Михайловича по прибытии его в Оптину пустынь. Понятным становится и то, почему о. Иларион Троекуровский направил его не куда-либо в другое место, а именно в эту обитель: «Иди в Оптину — и будешь опытен!» Здесь именно были все необходимые условия для всестороннего духовного усовершенствования молодого подвижника.

Управлял обителью исполненный мудрости, и духовной и житейской, о. игумен Моисей, заботливый охранитель истинных монашеских заветов. Его сотрудниками в деле духовного руководства братии и богомольцев-мирян были такие столпы духа, как о. Леонид и о. Макарий. В то же время в обители имели свое пребывание многие другие, не столь яркие, но все же очень видные светильники веры и благочестия — каковы: иеромонах Антоний, брат о. Моисея, вскоре по прибытии в обитель Александра Михайловича перемещенный в настоятели Малоярославецкого монастыря; о. архимандрит Мелхиседек, своими глазами видевший святителя Тихона Задонского и удостоившийся его наставлений; Валаамский игумен Варлаам, уединенник и молитвенник, обладавший даром слез; иеросхимонах Иоанн, обратившийся из раскола и сам написавший о нем несколько книг; великий любитель безмолвия, духовник о. Макария иеросхимонах Иов и другие.

Под влиянием всех этих старцев вся обитель приобрела какое-то особенное, светлое, умиленное, одухотворенное настроение, сияла истинным духовно-христианским просвещением, постоянно очищая свою совесть чистосердечным исповеданием старцам своих помыслов.

В такую-то благодатную среду, как в уютную духовную колыбель, был помещен Промыслом Божиим Его новый избранник, жаждавший

духовного возрастания и воспитания, Александр Михайлович.

Здесь предстояло ему под умелым руководством опытных старцев раскрыть свои богатые духовные дарования, воспринять мудреную науку христианской жизни, возрасти в великого духовного наставника, воссиять яркою звездой над горизонтом не только Оптиной пустыни, но и всей православно-верующей России и даже всего православного Востока.

Наблюдая это удивительное действие Промысла Божия в судьбах русского иночества, в жизни старца Амвросия, в истории духовного просвещения русского народа, как не воскликнуть: «Дивна дела Твоя, Господи! Вся премудростию сотворил еси!»

Глава VII. ДУХОВНОЕ ВОЗРАСТАНИЕ О. АМВРОСИЯ В ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ ПОД РУКОВОДСТВОМ СТАРЦЕВ О. ЛЕОНИДА И О. МАКАРИЯ

Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою: и возведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя: и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему.

(Пс. 39, 2 — 4).

СеюЩИи слезами, радостию пожнут.

(Пс. 125, 5).

После сделанного нами необходимого отступления возвратимся снова к давно уже нами покинутому нашему путешественнику.

По песчаной, тяжелой Белевской дороге медленно подвигался Александр Михайлович к Оптиной пустыни, радуясь своему освобождению от уз мира и призывая благословение Божие на начало новой жизни.

Вот уже на темной зелени густого бора показались белые стены, синие со звездами главы и золотые кресты обители. Было воскресенье 8 октября 1839 года. В Оптиной пустыни шла поздняя литургия.

Оставив своего извозчика на гостинном дворе, Александр Михайлович направился в церковь, а по окончании богослужения пошел вместе с другими богомольцами к старцу о. Леониду, жившему тогда в монастыре. Первое впечатление от старца было у него неблагоприятное. «Пришел я к старцу, — говорил он впоследствии, — вижу, сидит старец на кровати, сам тучный, и все шутит и смеется с окружающим его народом. Мне это на первый раз не понравилось». От старца Александр Михайлович отправился к игумену о. Моисею. Тот спросил его, понравился ли ему старец. Александр Михайлович ответил о. игумену, что у старца много народа, а о том, что старец не понравился, промолчал.

Скоро, однако, его отношение к о. Леониду изменилось. В тот же день или на следующий пришлось ему увидеть, как к о. Леониду шел скитский иеросхимонах Иоанн. Его только что постригли в схиму. Лицо у него было светлое, ангельское. Он очень понравился Александру Михайловичу, и он пошел вслед за схимником к старцу. Пришедши в келлию о. Леонида, схимник поклонился ему в ноги и стал говорить: «Вот, батюшка, я сшил себе новый подрясник, — благословите носить его». Старец отвечал: «Разве так делают? Прежде благословляются сшить, а потом носят. Теперь же, когда уже сшил, так носи — не рубить же его!» Наблюдая эту сцену, Александр Михайлович, как он потом рассказывал, понял, в чем тут дело, понял и духовную высоту о. Леонида, и смирение схимника, и с этой минуты сам полюбил старца и захотел вручить ему себя для духовного воспитания, уверившись, что путь, которым поведет его старец, приведет его к истинному, вечному благу.

Он открыл о. Леониду свою душу, объяснил ему все обстоятельства своей жизни и просил совета, ожидая от него с трепетом решения своей участи. Старец выслушал Александра Михайловича со вниманием и участием. Он велел ему отпустить извозчика и остаться в монастыре. Александр Михайлович так и сделал. На том дворе, где ныне находится новая гостиница, налево от ворот был двухэтажный флигель (теперь от него остался только нижний этаж). В этом флигеле во втором этаже отвели небольшую комнату Александру Михайловичу. Расположившись в отведенном ему помещении, Александр Михайлович ежедневно ходил к службам Божиим, ежедневно посещал старца о. Леонида, присматривался к его обращению с народом, слушал его наставления и вообще наблюдал монастырскую жизнь. В свободное же время дома занимался по поручению старца переписыванием рукописи под названием «Грешных спасенье»^[41]. Так незаметно проходили дни за днями. Между тем местопребывание Александра Михайловича стало известно смотрителю Липецкого духовного училища, и он обратился к о. игумену Моисею с запросом, не у него ли в обители пребывает наставник училища Александр Гренков? Вследствие этого запроса Александр Михайлович, по совету старцев Леонида и Макария, написал смотрителю извинительное письмо за свой самовольный уход из училища, и в то же время подал Тамбовскому епископу Арсению прошение о разрешении ему принять монашество в Оптиной пустыни.

Вспоминая об этом времени, старец рассказывал впоследствии^[42]: «Приехал я в Оптину и думал пожить еще так, не поступая в монастырь, а сам послал просьбу Тамбовскому преосвященному Арсению об увольнении. Он сделал запрос архимандриту Моисею: примут ли меня? Архимандрит приходит ко мне и спрашивает: „Желаете ли приуказиться?“ Я говорю: „Нет, мне бы хотелось еще так пожить“. — „А так, — говорит, — нельзя“. Преосвященный Арсений не хотел давать мне увольнения, не узнав прежде наверно, остаюсь ли я в монастыре. Так и приуказили меня еще в мирском платье. Год жил в монастыре на кухне. Пять келлий переменил. Жил и в келлии о. Игнатия, и в башне. На кухне год прималчивал, т. е. спросят что, скажу... Сперва был я помощником о. Геннадия, а о. Геннадий поваром. Потом он отлучился, а меня и сделали поваром. Он вернулся,

а его мне в помощники дали. Он что-то, смотрю, хмурится. „Что ты, — спрашиваю, — о. Геннадий, на меня словно косишься?“ — „Да я на тебя не мирен“ — говорит. А то начнем посуду мыть, он и скажет: „Пока вода горяча, сядем да потолкуем!“ Да и протолкуем, пока вода остынет». «А к старцу-то вы ходили?» — спросили присутствующие. — «Каждый день ходил: то благословляться насчет кушаний, то ударять к трапезе. В то же время был я у него чтецом. А через год меня прямо в келейники взяли». — «Как же это случилось?» — спросили. — «Да так: покойный старец (о. Леонид) призвал батюшку (о. Макария) и говорит: „Вот человек к нам ютится, а я уж стал слаб, так вот тебе его передаю из полы в полу, как лошадей передают“, — прибавил батюшка шутя. Он (покойный старец) звал меня химера». Какая-то монашенка спрашивает: «Что ж это значит, батюшка, химера?» — «Да вот, — говорит, — когда цветут огурцы, то из одних цветов плод выходит, а другие бывают так, пустоцветы»... «А то, — продолжал батюшка, — стояла раз, не помню, какая-то севская монашенка — у него ведь просто было, и мужчины, и женщины, и монахи, и миряне — все заодно бывали, — старец снял с ее головы шапку, да на меня и надел»... — «Ну, а как же вы келейничали? — спросили присутствующие. — Вы обрадовались, когда вас назначили келейником?» Батюшка не отвечал. «Поближе-то к старцу быть», — пояснила вопрошавшая. — «Да, поближе», — сказал батюшка. «Ну, как же, вы и картофель чистили и стряпали?» — «Да как же иначе, — сказал батюшка, принимая как бы недовольный тон! — разумеется стряпал, какой же я такой. Я и хлеб, и просфоры научился печь; я и то учил узнавать, готовы ли просфоры агнции, а то все сыры: воткнуть лучинку — если ничего не останется на ней — значит готовы, а если не готовы, то непременно прилипнет к лучинке тесто».

И так Александр Михайлович недолго оставался в монастыре. Перемещенный в скит, он прожил там около 50 лет, до самого своего последнего отъезда в Шамордино летом 1890 года.

Как видно, старец о. Леонид выделял его среди других послушников и, предчувствуя свою близкую кончину, поручил его особенному попечению старца о. Макария. По свидетельству некоторых, он иногда открыто указывал на Александра Михайловича как на будущего

«великого человека». Даже в шутках своих, которыми о. Леонид часто прикрывал свою прозорливость, например, в том, что он надел на голову Александра Михайловича шапку с головы монахини, нельзя не заметить указания на будущие заботы старца Амвросия об устройении женских иноческих обителей.

В июле 1841 года Александра Михайловича навестил его старый друг и сослуживец Павел Степанович Покровский, сам имевший влечение к монашеству и впоследствии принявший пострижение в Оптиной пустыни с именем Платона. Александр Михайлович в это время был уже пострижен в рясофор. Войдя в келлию своего друга, Павел Степанович был поражен ее крайней бедностью. В святом углу виднелась маленькая икона Тамбовской Богоматери, родительское благословение Александра Михайловича. На койке валялось что-то вроде истертого ветхого полушубка, который служил и постелью, и изголовьем. На стене висела ветхая ряса с клобуком. Больше он ничего не заметил в келлии. Вспоминая прежнюю жизнь Александра Михайловича в училище, Покровский, при виде этого убожества, едва мог удержаться от слез. Но Александр Михайлович не только не смущался простотою и скудостью своей материальной обстановки, а, наоборот, утешался ею, сознавая, что внешняя скудость более приближает дух его к Богу.

11 октября 1841 года Александр Михайлович понес тяжелую утрату — скончался его первый духовный наставник, старец о. Леонид.

После кончины о. Леониды Александр Михайлович всецело прилепился сердцем к о. Макарию. Исполняя при нем обязанности келейника, о. Амвросий, вместе с некоторыми другими лицами, помогал о. Макарию и в его обширной переписке, т. е. по его поручению и по его указаниям отвечал на некоторые из получаемых старцем писем менее значительного содержания, так как на более важные о. Макарий всегда отвечал сам.

Келейником о. Макария Александр Михайлович пробыл около четырех лет.

Эти годы были для Александра Михайловича своего рода высшей школой, в которой он проходил науку монашеской жизни. Они поставили его в постоянное и близкое общение со старцем о. Макарием, дали ему возможность близко наблюдать его жизнь, слушать его речи и наставления, быть посредником между старцем и проходящими к нему посетителями, учиться у него мудрости обращения с людьми.

Уже сам будучи старцем, о. Амвросий нередко в своих разговорах употреблял выражения: «батюшка о. Макарий говаривал так-то», «при батюшке о. Макарии бывало так-то», «батюшка о. Макарий в таких случаях поступал так-то». Одновременно с этой практической школой постоянного обращения с о. Макарием, Александр Михайлович проходил, конечно, по указанию и под руководством о. Макария и другую школу — келейной молитвы, ежедневного чтения слова Божия, житий святых, святоотеческих творений, в особенности подвижнических, где каждое неясное слово, каждое выражение, требовавшее истолкования, находило себе опытного толкователя в лице о. Макария. Присоединим к этому ежедневное внимательное испытание своей совести, сопровождавшееся нередко слезами искреннего сокрушения о своих грехах, ежедневное чистосердечное откровение помыслов старцу — и мы получим круг тех духовных деланий и переживаний, в которых возматурала и крепла душа Александра Михайловича.

Александр Михайлович так быстро подвигался вперед в своем духовном возрастании, что, спустя три года по прибытии в Оптину пустынь, 29 ноября 1842 года был уже пострижен в мантию и получил новое имя — Амвросия, в честь св. Амвросия, епископа Медиоланского, память которого совершается 7 декабря. В это время Александру Михайловичу исполнилось ровно 30 лет.

Через два месяца после пострижения в мантию о. Амвросий был рукоположен в иеродиакона.

Когда некоторые впоследствии выражали удивление тому, как скоро в те времена постригали в мантию, о. Амвросий отвечал: «Да нет! И тогда бывало, что лет по двенадцати жывали, а так уж меня! (Батюшка

при этом рукой махнул.) Да всегда еще к посту приходило от Синода разрешение, а нам в октябре. Дело в том, что товарищ мой служил в Синоде, он очень мной интересовался, но не знал, где я, а как только узнал, так тотчас и разрешение выхлопотал. А на другой год сделали и иеродиаконом. Назначили нас к посвящению: и меня, и еще одного, мы с ним и толкуем, что мы не смеем принять рукоположения, что мы недостойны, — и пошли об этом говорить старцу (о. Макарию). Входим к нему. Батюшка сам начал: „Ну, вас назначили, назначили — это хорошо!“ А мы мнемся. Товарищ мой начал первый. Говорит: „Вот об этом-то я и пришел с вами поговорить, батюшка, я ведь недостойн“. — „Так и думай, так всегда и думай, что ты недостойн“, — перебил его старец». «А я уж не посмел после этого и рта открыть», — прибавил батюшка, весело смеясь.

В сане иеродиакона о. Амвросий пробыл около трех лет. Поступивший в 1844-м году в Оптину пустынь о. игумен Феодосий, вспоминая это время, говорил, что о. Амвросий в сане иеродиакона служил всегда с великим благоговением.

Сам о. Амвросий, будучи уже старцем, говорил одному немощному иеродиакону, тяготившемуся отправлением чреды священнослужения: «Брат! Не понимаешь дела. Ведь жизни причащаешься!»

В этих словах старца можно видеть отображение того чувства, с которым он сам, будучи иеродиаконом, приступал к Св. Христовым Тайнам. Но сам же о. Амвросий не скрывает от нас и тогдашних своих немощей. Однажды, когда он, по оптинскому чиноположению, служил в монастыре позднюю литургию, приехал в Оптину пустынь Малоярославецкий о. игумен Антоний, бывший скитоначальник, хорошо известный молодому служащему иеродиакону. «Во время чтения часов, — рассказывал потом о. Амвросий, — входит он в алтарь. По обычаю кланяюсь ему и подхожу под благословение. — „Ну, что, привыкаете ли?“ — обращается ко мне смиренный о. игумен. — „За вашими св. молитвами, батюшка, слава Богу, привыкаю“, — довольно развязно ответил я. Вдруг о. игумен переменил тон и речь: „Ко смирению-то?“ — „Я и не знаю, что отвечать“». Так духовные

оптинские старцы умели наставлять молодых иноков, не стесняясь ни местом, ни временем.

В декабре 1845 года о. Амвросий был рукоположен в иеромонаха. Для рукоположения пришлось ему ехать в Калугу на лошадях. Был сильный холод. Отец Амвросий, приехав на первую же станцию, почувствовал сильную боль в желудке, и это было началом всех его последующих болезней. По возвращении в Оптину о. Амвросий чувствовал себя постоянно нездоровым, но все-таки не оставлял чреды священнослужения. Однако по временам он бывал уже так слаб, что, как после сам вспоминал, не мог долго держать потир одной рукой. «Однажды много было причастников — рассказывал он. — Преподавая Пречистые Тайны Христовы одной рукой, другою я держал потир. И вот почувствовал я, что рука моя стала слабеть и неметь. Чтобы несколько дать отдых руке, я пошел в алтарь поставить на малое время на престол св. Чашу, а вслед за мной слышу голос какой-то женщины, подходившей к причащению: „Знать я, грешная, недостойна!“ — Ах, Боже мой, подумал я, тесно мне отовсюду!»

В начале сентября 1846 года о. Амвросий еще выезжал по Белевской дороге за 18 верст от Оптиной навстречу Курскому архиепископу Илиодору, которого он должен был пригласить посетить обитель, а семнадцатого сентября заболел так серьезно и пришел в такое изнеможение, что 26 октября во время утрени был особорован и приобщен Св. Христовых Таин. В это же время он был келейно пострижен в схиму с сохранением имени Амвросия. Эта тяжкая болезнь продолжалась более года и имела очень большое значение для внутренней духовной жизни о. Амвросия. Чувствуя крайнюю слабость и потеряв надежду на улучшение своего здоровья, о. Амвросий в декабре 1847 года подал прошение об оставлении его в обители за штатом. Исследовавший состояние его здоровья, по поручению Духовной консистории, козельский врач Субботин дал такой отзыв о его болезни: «Отец иеромонах Амвросий имеет болезненный желтый цвет лица, с болезненно-блестящими глазами, всеобщую худобу тела; при высоком своем росте и узкой грудной клетке — сильный, больше сухой кашель, с болью при нем в груди, боль в подреберных сторонах, преимущественно в правой; нытье под ложкой и давящую боль в

стороне желудка; совершенное расстройство пищеварения, упорные, постоянные запоры и частую рвоту не только слизями и желчью, но и принятой пищею; бессонницу и, наконец, повременный озноб к вечеру, сменяющийся легким жаром. Припадки эти означают медленную изнурительную лихорадку, происшедшую вследствие затвердения брюшных внутренностей, преимущественно же желудка». На основании этого отзыва уездного врача Калужское епархиальное начальство признало иеромонаха Амвросия неспособным ни к каким монастырским послушаниям и постановило исключить его, как неспособного, из штата братии Оптиной пустыни, оставив его на пропитании и призрении обители. В это время о. Амвросию было всего только 36 лет.

Таким образом, несмотря на столь молодые годы о. Амвросия, земная деятельность его, по обычным человеческим соображениям, казалась уже совершенно закончившейся. Разбитый тяжкою болезнью, признанный неспособным ни к какому полезному труду, он должен был доживать свой век инвалидом на иждивении приютившей его обители. Но, видно, мысли наши — не мысли Божии, и пути наши — не пути Божии. То, что человеческому рассуждению представлялось концом жизни и деятельности, на самом деле было, быть может, началом, зародышем и основанием новой, истинной, высокой жизни. На о. Амвросии исполнялись слова Господа *«аминь, аминь глаголю вам, аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод сотворит»* (Ин. 12, 24).

Эта тяжкая и продолжительная болезнь была, в действительности, лишь новым действием Промысла Божия, столь явно обнаруживавшегося в жизни о. Амвросия. Подобная же тяжкая болезнь, перенесенная им в семинарские годы, впервые заставила его серьезно подумать о монашестве.

Промысл Божий привел его к Троекуровскому старцу Илариону, внушил ему желание побывать у св. мощей преп. Сергия, направил его путь в Оптину пустынь и поставил его здесь под духовное руководство великих светильников истинного монашества о. Леонида и о. Макария.

И вот, когда в душу о. Амвросия глубоко запало посеянное этими старцами семя духовной жизни, Промысл Божий находит необходимым как бы отстранить о. Амвросия от всякого рода общественной деятельности, приковать его к одру болезни, удалить от него все внешние впечатления, поставить его лицом к лицу лишь со своими страданиями и с Богом... Для чего? Для того, чтобы воспринятое им в свою душу семя новой жизни растворилось там, переработалось, вошло, так сказать, в его плоть и кровь, пустило там ростки и корни и стало живым достоянием всего его нравственного существа.

А этот процесс восприятия божественной жизни требует прежде всего от человека сознания своего бессилия, своей беспомощности, своего ничтожества и всецелого упования лишь на милость Божию. Спаситель говорит: *«Аще кто хочет по Мне идти, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет»*. Сродниться со Христом, испытавшим всю горечь крестных страданий, можно только путем страданий. Человек, не испивший этой горькой чаши, никогда не постигнет истинной глубины христианства, никогда не сумеет понять и облегчить чужое страдание.

Отцу Амвросию, будущему целителю больных душ человеческих, необходимо было самому пройти через горнило болезней и страданий, да *быв искушен сам, мог бы и искушаемым помощи*, ибо, по преданию старчества, *муж неискушен — неискусен*. Нужно прибавить при этом, что о. Амвросию, как человеку образованному, умному, деятельному, угрожала, если бы он был здоров, опасность пойти обычным путем монашеского служения, т. е. занимать те или другие внешние монашеские должности, постепенно поднимаясь по их лестнице, а это могло бы помешать ему развиться в полную меру старческого служения... Тяжкая болезнь и исключение из штата обители заградили ему путь внешнего возвышения и всецело направили его жизнь на путь внутреннего духовного развития. Кто не усмотрит в этом премудрого и благостного действия Божественного Промысла?!

Что о. Амвросий после своей тяжелой болезни действительно оказался уже подготовленным для старческого служения, это видно из того, что

с этого времени о. Макарий начинает многих направлять к нему для духовного руководства, несмотря на его сравнительную молодость.

Проведя на одре болезни около полутора лет, о. Амвросий, к общему удивлению, начал поправляться. В летнюю пору 1848 года он в первый раз вышел на воздух. «Помню, — рассказывал он об этом, — в летний ясный, тихий день вышел я впервые из келлии и побрел, опираясь на палку, едва передвигая ноги, по дорожке за сажелкой. (Это самая уединенная дорожка внутри скита, вдоль восточной стены.) Первый навстречу мне попался игумен Варлаам (бывший Валаамский настоятель). „Ну что, — спрашивает, — поправляешься?“ — „Да, вот, — отвечаю, — слава Милосердому Богу, — оставил на покаяние“. Отец игумен остановился и, глядя на меня, начал говорить смиряющим тоном: „А что ж, ты думаешь, — лучше что ли будешь? Нет, не будешь лучше: хуже, хуже будешь“». . . . Вспоминая эти слова, о. Амвросий приговаривал: «Вот теперь и сам вижу, что стал хуже».

После перенесенной тяжелой болезни здоровье о. Амвросия никогда уже не восстанавливалось вполне. До самой его кончины недуги не оставляли его. То усиливался у него катар желудка и кишок, открывалась рвота, то ощущалась нервная боль, то простуда с лихорадочным ознобом. К тому же еще стали появляться геморроидальные страдания, которые по временам до того измождали страдальца, что он лежал в постели точно мертвый. Ко всем этим недугам, несмотря на их мучительность, о. Амвросий всегда относился весьма благодушно, признавая, что они ниспосланы ему Богом. В одном из писем он так определял значение болезней для монаха: «Милостив Господь! В монастыре болящие скоро не умирают, а тянутся и тянутся до тех пор, пока болезнь принесет им настоящую пользу. В монастыре полезно быть немного больным, чтобы менее бунтовала плоть, особенно у молодых, и менее пустяки приходили в голову. А то, при полном здоровье, особенно молодым, какая и какая пустошь не приходит в голову...»

Избавившись от смертельной болезни, о. Амвросий, по слабости здоровья, более уже не отправлял церковных богослужений, но в храм Божий еще ходил, где и приобщался пречистых Таин Христовых,

вероятно, по-схимнически — раз в месяц, как делал это и старец его о. Макарий. В это время о. Амвросий, вследствие болезненности, лето и зиму носил фланелевые рубашки и шерстяные чулки, и часто, по причине испарины, то и другое переменил. Келейные же правила вычитывал для него ежедневно живший рядом с ним в особой келлии брат, назначенный ему для послужания.

Еще до своей болезни о. Амвросий был освобожден от келейничества при старце о. Макарии и поселился в корпусе, находящемся на северной стороне от скитской церкви. Здесь застигла его и болезнь, здесь он остался жить и по выздоровлении. Обстановка жизни его и теперь была крайне проста. В переднем углу стояло несколько икон. Около двери висели ряса и подрясник с мантией. Затем кровать с постланным на ней холщовым, набитым соломой тюфяком и такой же подушкой. Вот и все убранство его келлии.

Один из послушников, относившийся в это время к о. Амвросию, заметил еще как-то у него под койкою плетушку, которая, вероятно, служила ему вместо комода или сундука, где хранились у него шерстяные чулки и фланелевые рубашки, в которых он имел теперь крайнюю нужду, и спросил: «Эта плетушка-то для чего у вас, батюшка?» Желая скрыть от него свою крайнюю неприязнательность, смиренный о. Амвросий ответил ему в шутовском тоне: «Да вот хочу гусыню на яйца сажать». После такого ответа и гость и хозяин только посмеялись.

В употреблении пищи о. Амвросий, как и прежде, соблюдал строгое воздержание. Несмотря на болезненное состояние желудка, он продолжал, по временам, довольствоваться и трапезною пищею. Нужно заметить, что хотя в Оптинском скиту готовят довольно вкусно, но пища круглый год, исключая шести сплошных седмиц, готовится, как мы уже говорили, с постным маслом, а в посты, в положенные Св. Церкви дни, и совсем без масла. И для людей со здоровыми желудками бывает иногда ощутительна недостаточность такого питания, тем более для о. Амвросия с его испорченным, болезненным желудком. Однако он не переставал, когда имел возможность, вместе с братьями ходить в трапезу.

По выздоровлении от смертельной болезни о. Амвросий продолжал помогать старцу о. Макарию в его переписке, а вместе с тем, приняв должное участие и еще в одном деле, предпринятом в это время о. Макарием — именно в пересмотре и в подготовке к печати переводов святоотеческих подвижнических творений, сделанных о. Паисием Величковским и до того времени еще не напечатанных в полном виде.

По особому устройению Промысла Божия в Оптиной пустыни к этому времени оказались самые верные списки письменных трудов старца Паисия, и в числе их было даже несколько рукописей, принадлежавших самому старцу Паисию, переписанных по его благословию с черновых его тетрадей ближайшими его учениками, исправленных и подписанных собственною его рукою; такова, например, рукопись слов великого учителя внутренней жизни св. Исаака Сирина^[43]. Кроме этой рукописи в келейной библиотеке старца о. Макария к началу издания книг оказались верные копии: 1) с исправленных старцем Паисием древних славянских переводов писаний Макария Великого, Иоанна Лествичника, свв. Варсонофия и Иоанна; 2) с переведенных им самим книг: Максима Исповедника слово по вопросу и ответу, Феодора Студита (с новогреч. языка), житие Григория Синаита, слово Григория Паламы, некоторые другие творения святых отцов-подвижников. Всеми этими сокровищами старец пользовался как сам, так и делился ими со всеми жаждущими духовного назидания и спасения, вовсе не смея, по собственному его признанию, помышлять об издании их в свет, будучи доволен и благодаря Бога и за то, что удостоил его иметь такие сокровища.

Между тем обстоятельства сложились так, что открылась возможность опубликовать эти драгоценные рукописи.

Недалеко от г. Белева, находящегося в 30 верстах от Оптиной пустыни, имеется село Долбино, старинная вотчина рода Киреевских. В 1805 году долбинский помещик Василий Иванович Киреевский женился на племяннице В. А. Жуковского Евдокии Петровне Юшковой, и от этого брака 22 марта 1806 года родился в Москве Иван Васильевич Киреевский, известный впоследствии литератор и основатель так называемого славянофильства или, говоря проще, русского, народного,

православного направления мысли в среде образованного общества. Выросший в кругу людей высокообразованных и с прекрасными качествами сердца, Иван Васильевич и сам воспринял от них все лучшее. В раннем детстве на него произвел неизгладимое впечатление В. А. Жуковский. Под руководством матери и весьма образованного отчима, А. А. Елагина, Иван Васильевич прекрасно изучил математику, языки французский и немецкий и перечитал множество книг по словесности и истории философии из библиотеки, собранной еще его отцом. В Москве он брал уроки у профессоров университета: Мерзлякова, Снегирева и др., слушал публичные лекции о природе проф. М. Г. Павлова, последователя немецкого философа Шеллинга. В то же время он учился языкам английскому, латинскому и греческому. По окончании учебного курса Иван Васильевич поступил на службу в Москве, где скоро вокруг него образовался кружок серьезной молодежи, жаждавшей просвещения. В этот кружок вошли А. И. Кошелев, братья Веневитиновы, Соболевский, Шевырев и др. Впоследствии к ним примкнули М. П. Погодин, М. А. Максимович, поэт Баратынский, А. С. Хомяков. Вращаясь в такой среде, Иван Васильевич Киреевский сначала посвятил себя изучению политической экономии, а с 1824 года всецело увлекся германской философией.

В 1829 году И. В. Киреевский впервые выступил на литературное поприще со статьей о Пушкине, обнаружившей удивительно ясное понимание творчества этого поэта. В этой статье он уже высказывает сомнение в безусловной истине немецкой философии и указывает необходимость самобытного развития русской научной мысли. «Философия немецкая укорениться у нас не может. Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаваться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта». Но вместе с тем мы не должны отвергать и опыта западно-европейской мысли. «Венец просвещения европейского служил колыбелью для нашей образованности; она рождалась, когда другие государства уже доканчивали круг своего умственного развития, и где они останавливались, там мы начинаем. Как младшая сестра в большой дружной семье, Россия прежде вступления в свет богата опытностью старших».

В 1834 году Иван Васильевич женился на Наталье Петровне Арбеновой, девушке глубоко верующей и православной, имевшей своим духовником старца Московского Новоспасского монастыря Филарета, одного из учеников архимандрита Паисия. Наталья Петровна познакомила со своим духовником и своего мужа Ивана Васильевича, который также сделался духовным сыном о. Филарета. Под влиянием о. Филарета Иван Васильевич ближе и глубже стал вникать в православие и изучать его в творениях отцов и учителей Церкви.

Женившись, Иван Васильевич зиму проводил в Москве, а на лето уезжал в свое имение Долбино, находившееся, как мы сказали, неподалеку от Оптиной пустыни.

Живя в имении, он вместе с женою посещал Оптину пустынь и ее старцев, познакомился при этом с о. Макарием, который после смерти о. Филарета сделался с 1842 года духовником обоих супругов Киреевских, и сам по их просьбе нередко посещал Долбино, где для него была устроена его заботливыми хозяевами и друзьями келлия в саду^[44].

В 1845 году И. В. Киреевский, издавая в то время журнал «Москвитянин», предложил о. Макарию поместить в этом журнале какую-либо статью духовного содержания. Старец принял это предложение с благодарностью и ответил, что если это возможно и удобно, то он предлагает поместить жизнеописание старца Паисия. Иван Васильевич, разделяя мнение о. Макария об услугах, оказанных блаженным старцем Паисием всему православному иночеству и славянской литературе вообще (утверждением в ней аскетической терминологии), с удовольствием согласился на предложение украсить эту статью страницы издаваемого им журнала. Статья была напечатана в 12-й книге «Москвитянина» за 1845 год и украшена портретом старца Паисия. Так было положено начало печатному обнаружению духовных сокровищ Оптиной пустыни.

В следующем 1846 году, в бытность свою в гостях у Киреевских в их имении, старец, говоря о разных духовных предметах, коснулся вопроса о недостатке духовных книг, руководствующих к деятельной

христианской жизни, и при этом упомянул, что у него есть довольно рукописей творений свв. отцов-подвижников перевода старца Паисия, исполненных духовного разума и силы. Оказалось, что и у Н. П. Киреевской сохранилось также несколько подобных рукописей, доставшихся ей в наследство от ее прежнего духовника о. Филарета Новоспасского. Тогда сам собою возник вопрос: почему бы не явить миру эти духовные сокровища? Старец со свойственным ему смирением заметил, что он считает себя неспособным заняться таким важным делом, что он никогда ничем подобным не занимался, что, видно, на это еще нет воли Божией и т. п., но Киреевские сказали, что они доложат об этом владыке Филарету, митрополиту Московскому, и если он благословит, то нужно будет приступить к печатанию рукописей. При этом Киреевские стали просить о. Макария сейчас же, не откладывая, написать предисловие к предполагаемому изданию.

Помолившись Богу, старец написал первую страницу. В тот же день Киреевские обратились с письмом в Москву к профессору Московского университета С. П. Шевыреву, прося его от их имени испросить у владыки митрополита благословение на издание рукописей старца Паисия.

Владыка был столь милостив, что не только дал свое благословение на это дело, но и обещал со своей стороны оказать ему поддержку.

В Оптиной закипела работа. Рукописи были переписаны набело и отосланы на цензуру к профессору Московской духовной академии протоиерею Ф. А. Голубинскому, и до приезда Киреевских в Москву в сентябре 1846 года было напечатано С. П. Шевыревым 8 листов «Жизнь и писания старца Паисия», а в начале 1847 года вышла в свет и вся книга под следующим заглавием: «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского (с портретом старца).

Таково было начало святого дела, продолжавшегося до самой кончины о. Макария в течение 15 лет при горячем содействии Киреевских и под высоким покровительством владыки митрополита Филарета Московского. Ознакомление с переводами святоотеческих творений старца Паисия оказало глубокое влияние на ход мыслей Ивана Васильевича Киреевского и привело его к совершенному уяснению

духа истинного православно-христианского просвещения в сравнении с просвещением западно-европейским, что и было им раскрыто со всею подробностью в его последующих философских сочинениях.

Его душа, всегда пламенно стремившаяся к познанию истины, наконец нашла себе глубокое нравственное удовлетворение и успокоение, и, соединенный крепкими узами любви и благодарности с Оптиной пустыней и ее старцами, он завещал и похоронить себя в стенах этой обители, где его могила, вместе с могилами брата Петра Васильевича и жены Натальи Петровны, расположена у ног здесь же погребенных старцев о. Леонида и о. Макария. Всеми занятиями как по приготовлению к печатанию славянских переводов старца Паисия (с подстрочными пояснительными примечаниями неудобопонятных слов и выражений), так и при переводе некоторых из них на русское наречие, — руководил непосредственно сам старец, а помогали ему его ученики из скитской братии: иеромонах о. Амвросий, монахи о. Ювеналий (Половцев)^[45], о. Леонид (Кавелин)^[46] и о. Платон (Покровский)^[47].

Для своих занятий все вышеупомянутые лица ежедневно собирались в келлии (в приемной комнате) старца о. Макария, который, не прекращая своих обычных занятий с братиею и приходящими, посещая в определенное время и гостиницу, тем не менее принимал самое деятельное участие в трудах своих учеников; можно утвердительно сказать, что ни одно выражение, ни одно слово не было вписано в отсылаемую в цензуру рукопись без его личного утверждения. Деятельность его в этом отношении была поистине изумительна: старец, одаренный от природы живым, энергическим характером, в этих занятиях точно забывал себя, почасту жертвуя для них и тем кратким отдыхом, который был очевидно необходим его утружденному и немоществующему телу. Хотя и у всех участвовавших в сих трудах не было недостатка в усердии, но нельзя не сознаться, что если кто чувствовал по временам изнеможение от усиленных занятий, то отнюдь не старец, — он был неутомим! Но зато как щедро были вознаграждаемы им его сотрудники! Кто из внимающих себе не отдал бы нескольких лет жизни, чтобы слышать то, что слышали их уши: это объяснения старца на такие места писаний отеческих, о которых, не

будь этих занятий, никто из учеников его не посмел бы и спросить его, а если бы и посмел, то несомненно получил бы смиренный ответ: «Я не знаю сего, это не моей меры, может быть, ты достиг ее, а я знаю лишь: даруй ми, Господи, зрети моя прегрешения! Очисти сердце — тогда и поймешь!»

Кто из участников работы в состоянии был забыть, с какою снисходительностью выслушивал старец их детские замечания и делал уступки, в желании изящнее или яснее выразить мысль там, где не видел нарушения духовного смысла, сопровождая свои уступки добродушной шуткой: «Пусть будет так, я новейшей литературы не знаю, а ведь вы народ ученый!» Если возникало разногласие в понимании, старец немедленно устранял его, или предлагал свое собственное мнение, или оставлял такое место вовсе без пояснения, говоря: «Это не нашей меры, кто будет делать, тот поймет, а то — как бы не поставить наше гнилое вместо его (т. е. старца Паисия) высокого духовного понимания».

При таких постоянных совместных занятиях в конце 1847 года вышло в свет второе издание жития и писаний блаженного Паисия, в конце 1848 года изданы «Четыре огласительных слова к монахине» Никифора Феотокия, вышедшие в 1849 году вторым изданием. В том же году вышли отдельным изданием писания старца Паисия об умной молитве и «Толкование на „Господи помилуй“». В 1849 году, кроме того, отпечатаны: преподобного отца нашего Нила Сорского «Предание ученикам своим о жительстве скитском», с подстрочными примечаниями, и сборник из отеческих писаний под заглавием «Восторгнутые классы в пищу души» в переводе старца Паисия Величковского, с пояснительными подстрочными примечаниями трудных для понимания мест.

В 1852 году отпечатана книга преподобных отцов Варсонофия Великого и Иоанна «Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошение учеников» — древний славянский перевод, исправленный старцем Паисием. Книга эта была вновь сверена с греческим подлинником, издана на славянском наречии русскими буквами, снабжена также подстрочными примечаниями, служащими к

объяснению неудобопонятных мест текста, особым алфавитным указателем и украшена литографированным изображением преподобных отцов Варсонофия и Иоанна.

21 октября 1852 года начали заниматься составлением пояснительных примечаний к славянскому переводу старца Паисия книги св. Исаака Сирина и сличать его с греческим текстом; 29 ноября труд этот был закончен, книга переписана с подстрочными примечаниями, и рукопись отослана в цензуру. В том же году начали перевод книги свв. Варсонофия и Иоанна на русский язык, каковой и закончили в апреле следующего 1853 года.

В начале этого же года вышел из печати славянский перевод старца Паисия «Оглашение» преподобного Феодора Студита, а в конце года — преподобного отца нашего Максима Исповедника толкование на молитву «Отче наш» и его же слово постническое по вопросу и ответу.

В марте 1854 года вышло в свет драгоценнейшее из всех изданий Оптиной пустыни — св. отца нашего Исаака Сирина, епископа Ниневийского, «Слова духовно-подвижнические», переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Книга напечатана на славянском наречии гражданскими буквами, снабжена подстрочными примечаниями и алфавитным в конце книги указателем, которым прилежно занимался сам старец о. Макарий. Первый печатный экземпляр этой книги был прислан издателями в обитель на самый светлый праздник апреля 18 дня и был принят старцем, как самый драгоценный к великому дню подарок. Впрочем, не один старец о. Макарий, но и все любители духовной литературы были чрезвычайно обрадованы выходом в свет этой замечательной книги^[48].

В 1855 году издан русский перевод книги преподобных отцов Варсонофия и Иоанна, и в том же году «Преподобного отца нашего аввы Фалассия главы о любви, воздержании и духовной жизни» переложены со славянского перевода старца Паисия на русское наречие и напечатаны оба текста, славянский и русский, гражданскими буквами. В 1850 [1856?] году изданы «Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания, с присовокуплением

вопросов его и ответов на оные Варсонофия Великого и Иоанна Пророка», в русском переводе.

В том же году напечатано житие преподобного отца нашего Симеона Нового Богослова на славянском наречии. В 1858 году изданы в свет «Преподобного и богоносного отца нашего Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова», в русском переводе. В 1859 г. издана переведенная с латинского языка К. К. Зедергольмом книга «Преподобного отца нашего Орсисия аввы Тавеннисийского учение об устройении монашеского жительства». Наконец, в 1860 году издана в русском переводе книга — «Преподобного отца нашего аввы Исаии, отшельника египетского, духовно-нравственные слова».

Под руководством же о. Макария составлялся полуславянский перевод Лествицы преп. Иоанна, над которым исключительно потрудился о. Амвросий.

В основание этого труда был положен перевод старца Паисия, как мужа, исполненного духовного разума, прошедшего опытом духовные советы святого отца, не постигаемые одним книжным обучением, а кроме того, принимались во внимание, изучались и сравнивались между собою и другие донные известные печатные издания и переводы Лествицы, например, перевод бывшего алтайского миссионера архимандрита Макария, а также и подлинный греческий текст книги. Имелось в виду при этом дать такой перевод, который возможно более облегчал бы исполнение заключающихся в этой книге духовных наставлений, что и удалось, так что сделанный о. Амвросием перевод Лествицы и до сих пор не имеет равного себе по ясности, точности и жизненной удобоприменимости изложения заключающихся в ней нравственных истин.

К переводу, сделанному отцом Амвросием, старец о. Макарий сам составил алфавитный указатель предметам, о которых говорится в книге, и собственноручно переписал его. Впоследствии с этого полуславянского перевода Лествицы было сделано переложение ее на русское наречие иеромонахом Ювеналием (Половцевым). Лествица не вошла в число собственных изданий Оптиной пустыни, а была отослана в Св. Синод, которым и была выпущена в свет.

Участие в пятнадцатилетних литературных трудах о. Макария, соединенное с постоянным, внимательным чтением и перечитыванием святоотеческих подвижнических творений под руководством мудрого старца, явилось завершением духовной подготовки о. Амвросия к самостоятельному подвигу старчества, в который ему пришлось вступить по кончине о. Макария, последовавшей 7 сентября 1860 года.

Итак, вот те ступени, по которым совершалось духовное восхождение о. Амвросия в Оптиной пустыни. Двухлетнее пребывание под руководством о. Леонида, продолжительное келейничество у о. Макария, тяжкое испытание долгою и мучительною болезнью, участие в переводах святоотеческих творений, долголетнее наблюдение старческой деятельности о. Макария, содействие ему в его духовнических трудах и, наконец, личный постоянный подвиг молитвы и непрерывного внимания себе. По этим ступеням медленно, но заметно для других, восходил о. Амвросий к своему будущему служению — самостоятельному старчеству.

Глава VIII. ОТЕЦ АМВРОСИЙ — СТАРЕЦ

Кроме внешних, нападение еже по вся дни, и попечение всех церквей. Кто изнемогает, и не изнемогаю; кто соблазняется, и аз не разжизаюся; аще хвалитися ми подобает, о немощи моей похваляюся.

(2 Кор. 11, 28-30)

Чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас.

(Гал. 4, 19)

Первые годы старчества

Старчествовать о. Амвросий начал еще при жизни о. Макария и, конечно, с его благословения и под его руководством. Здесь мы считаем необходимым указать, что старчество необходимо различать от духовничества. Духовничество есть принятие исповеди кающегося христианина и разрешение грехов его по власти, данной пастырям Церкви Господом Иисусом Христом; старчество не связано с таинством покаяния и состоит в том, что один человек открывает другому человеку, более опытному в духовной жизни, состояния души своей и получает от него полезный совет и руководство, отнюдь не соединенные с прощением грехов его. Духовником может быть только священник, старцем может быть и не имеющий священной степени мирянин, старицею может быть и женщина. Конечно, старчество может быть совмещаемо и с духовничеством, но это не обязательно.

В обителях духовники назначаются высшим начальством из лиц, заслуживающих быть таковыми по своему высоконравственному образу жизни, опытности и, наконец, по своему возрасту. Старцы не назначаются. Избрание старца есть дело добровольное. Старец — лицо неофициальное. Бывали печальные явления, когда те, кого и братия обители, и богомольцы-миряне единодушно признавали своими старцами, не признавались таковыми и подвергались гонению со стороны монастырского начальства или епархиальной духовной власти. Так было со старцами Феодором и Леонидом на Валааме, так было со старцем Леонидом в Оптиной пустыни, со старицей Анфией в Белевском женском монастыре.

Незадолго до своей смерти о. Леонид в одном из своих писем к монахиням так говорит о различии между старчеством и духовничеством и о пути «старчества» вообще. «Неужели многократные опыты наших наставлений от Божественных писаний и святых богоносных отцов, — писал старец, — не могли удостоверить вас в истине спасительного пути, коим шествовали преподобные отцы, которым мы тщимся подражать по мере сил наших? Хотя недостойны и скудны в добродетелях, но желаем вам, хотящим спастися, шествовать путем, указанным нам ими; а потому не мало огорчает нас ваше малодушие... Рассматривая едва не по тонку действие врага рода человеческого, видим, как он тщится, под предлогом истины, совратить вас с пути избранного, с пути добродетели. Спрашиваем вас: может ли учить иностранному языку тот, кто его не знает? Великое различие между людьми, дознавшими по опыту и знающими по одному слуху. Кто в какой чин призван, тот в нем да пребывает. Опыт лучший учитель. Писано есть: „*Да будут тебе друзи мнози, но советник един от тысящ*“ (Ср.: Сир. 6, 6). А когда усомневаетесь в советах и наставлениях наших, почто прибегаете к нам? Мы никого к себе не привлекаем, вы это знаете. По уставам иноческого предания, при пострижении от Евангелия предают старицам, а не духовным отцам, которым (т. е. старицам) и должны новоначальные открывать свою совесть, для получения советов и наставлений, как противостоять искушениям вражиим; но это не есть исповедь, а откровение; и в сем случае исполняется апостольское предание „*исповедайте друг другу согрешения ваша*“ (Ср.: Иак. 5, 16). Тайнство же исповеди совершенно

другое и не имеет к откровению никакого отношения; обязанности духовника совершенно другие, нежели отношения к старицам... Что же касается того, что будто в келлии без священника нельзя молиться, то это более удивления достойно, нежели вероятия. Сколько видим святых жен, в пустыне жительствовавших, в посте просиявших; чем они занимались, как не молитвою в уединении? Святая Мария Египетская в пустыне без пресвитера приносила свои молитвы и токмо в последний год жизни удостоилась узреть святого Зосиму и принять от него Св. Христовы Тайны. Насчет же того, что без благословения старицы ничего не делать, это не только полезно, но и спасительно. Из множества примеров, имеющих в патерике и писаниях св. отцов, напоминаем о том ученике, который, будучи послан на послушание от старца в город, едва не впал в любодееяние; но, вспомняв старца, невидимую силою был восхищен и очутился в келлии своей. Что относится до старцев, то в девичьих монастырях подразумевать должно о старицах. Не все старцы были священники, сие ясно можно видеть из жития преп. Пафнутия, Боровского Чудотворца (1 мая), ибо у него в монастыре из 700 братьев не было ни одного священника, но все были под руководством старцев. Итак, лучше сообразоваться с уставами иноческого жития, и быть спокойными. В Добротолубии, в послании св. Кассиана к Леонтину игумену (IV части лист 157-й на обороте) напечатано: „Авва Моисей рече: да не точию, яже творим, но и яже помышляем, открываем отцем; и да ни в чем же своему помыслу веруем, но и во всем словесем старец да последуем; и оно быти добро веруем, еже аще они искусят. Сие же делание не точию истинным рассуждением и правым путем инока неврежда пребывати устрояет, но и от всех сетей диавольских без вреда того сохраняет“».

Старца выдвигает его духовная опытность или действующая в нем сила благодати Божией. Эта опытность, эта сила благодати чувствуются верующими. Каждое слово старца, совет, наставление сопровождаются очевидными добрыми результатами; иногда в их словах обнаруживается явная прозорливость, иногда они обладают даром чудотворения — все это привлекает к ним людей. И никакие препятствия, никакие запрещения и угрозы не могут остановить это движение людей к тому, от кого они получают очевидную для себя духовную пользу, кто заставляет их души переживать новые,

неведомые дотоле чувства нравственного обновления и живой веры в Бога.

Таким-то вот именно старцем был и о. Амвросий, преемственно подготовленный к этому великому служению старцами Леонидом и Макарием.

Отец Амвросий не был указным духовником обители; духовниками в его время были о. Пафнутий, о. Иларион, о. Анатолий. Он был только старцем, хотя, имея священную степень, принимал и на исповедь. Первое указание на старчество о. Амвросия относят обыкновенно к 1846 году, но это мнение требует оговорки. Действительно, в скитской летописи под 1846 годом записано, что в этом году 23 августа скит посетил преосвященный Калужский Николай, слушал в скиту бдение и, уходя, остановился у скитских ворот, окруженный скитскою братиею. Обращаясь к ней, он сказал: «Спасайтесь, отцы и братия, Имейте мир и любовь между собою. Начальникам повинуйтесь». Затем, обратившись к здесь же стоявшему иеромонаху Амвросию, он прибавил: «А ты, о. Амвросий, помогай о. Макарию в духовничестве. Он уже стар становится. Ведь это тоже наука, только не семинарская, а монашеская». Из этих слов преосвященного Николая, сказанных, как думают, по предварительной просьбе о. игумена Моисея и о. Макария, видно, что уже в то время о. Амвросий, которому было всего 34 года, отличался большою духовною опытностью, но видеть в этих словах благословение на старчество нет основания, так как преосвященный говорит не о старчестве, а о духовничестве, т. е. о том, чтобы о. Амвросий помогал о. Макарию исполнять его обязанности духовника братии, а мы уже знаем, что духовничество и старчество совсем не одно и то же. Впрочем, если допустить, что преосвященный Николай употребил здесь слово «духовничество» не в собственном смысле, а в смысле духовного руководства, то могут быть правы и те, кто с этого именно случая полагает начало старчеству о. Амвросия. Однако более вероятно заключается в том мнении, что о. Амвросий начал старчествовать лишь с 1848 года, т. е. после того уже, как перенес свою тяжкую болезнь. С этого именно года начинаются вполне ясные и определенные свидетельства о его старчестве. Так иеромонах Геронтий рассказывает о себе, что он поступил в монастырь в 1848

году, и о. Макарий тотчас же благословил ему относиться к о. Амвросию, как к старцу, за духовными советами. О. Геронтий рассказывает и о том, как старчествовал в эти первые годы о. Амвросий. «Придешь, бывало, к нему, — так говорил о. Геронтий, — скажешь, что нужно, а он развернет книгу и заставит меня прочитать ответ на мое недоумение. В то время я возымел было ревность к высоким иноческим подвигам, но о. Амвросий вразумил меня, что ревность моя была не по разуму, и заставлял меня прочитывать св. Исаака Сирского в Добротолубии. Впрочем замечу, что в продолжение пятилетнего срока, начиная с 1848 г., ходили на совет к о. Амвросию только немногие из монастырских и скитских братий, и не иначе, как по благословению старца Макария».

Другой инок, схимонах Геннадий, также рассказывает о себе, что нередко навещал о. Амвросия, имея нужду просить совета по какому-либо делу, и при этом упоминает о том, что его посещали монастырские и скитские братия для советов и откровения помыслов. Что в это время о. Амвросия посещали еще немногие, это само собою понятно, так как о. Макарий не мог на первых же порах поручать его руководству многих и должен был постепенно приучать его к делу старчества.

Особенно подробные и интересные сведения о старчестве о. Амвросия при жизни о. Макария сообщает о. игумен Марк, поступивший в Оптиную пустынь в 1854 году и также получивший от старца о. Макария благословение относиться за духовными советами к о. Амвросию. Он говорит о своих отношениях к о. Амвросию следующим образом: «Сколько мог я заметить, о. Амвросий жил в это время в полном безмолвии. Ходил я к нему почти ежедневно для откровения помыслов, и всегда почти заставлял его за чтением святоотеческих книг; если же не заставлял его в келлии, то это значило, что он находится у старца Макария, которому помогал в переписке с относившимися к старцу за духовными советами или трудился в переводах святоотеческих книг. Иногда же я заставлял его лежащим на кровати и слезящим, но всегда сдержанно и едва приметно. Мне казалось, что старец Амвросий всегда ходил пред Богом, или как бы ощущал присутствие Божие, по слову Псалмопевца, „предзрех

Господа предо мною выну“ (Пс. 15, 8); а потому все, что ни делал, старался Господа ради и в угодность Господу творить. Через сие он всегда был сетованен, боясь, как бы чем не оскорбить Господа, — что отражалось и на лице его. Видя такую сосредоточенность своего старца, я в присутствии его всегда был в трепетном благоговении. Да иначе мне и нельзя было быть. Ставшему мне по обыкновению пред ним на колени и получившему благословение, он, бывало, весьма тихо сделает вопрос: „Что скажешь, брате, хорошенького?“ Озадаченный его сосредоточенностью и благоумием, я, бывало, скажу: „Простите Господа ради, батюшка, может быть, я не вовремя пришел“. — „Нет, — скажет старец, — говори нужное, но вкратце“. И, выслушав меня со вниманием, преподает полезное наставление с благословением и отпустит с любовью. Наставления же он преподавал не от своего мудрования и рассуждения, хотя и богат был духовным разумом. Если он учил духовно относившихся к нему, то в чине учащегося, и предлагал не свои советы, а непременно деятельное учение св. отцов. Для сего, бывало, раскроет книгу того или другого отца, найдет, сообразно с устройством пришедшего брата, главу писания, велит прочитать и затем спросит, как брат понимает ее. Если кто не понимал прочитанного, то старец разъяснял содержание святоотеческого учения весьма толково. И все это делалось с безграничною отеческою любовью и благопожеланием. Случалось же иногда и так, что неистово воспламенившись гневом на ближнего за какое-либо личное оскорбление моего самолюбия, приду, бывало, к нему на откровение, еще не успокоившись, и стану высказывать свою безрассудную печаль и огорчение без самоукорения, вопреки учению св. отцов-подвижников, а напротив, с обвинением ближнего, и даже по причине засевшего в душе неприязненного чувства, с таким желанием, чтобы старец сейчас же строго вразумил огорчившего меня брата. Выслушав все со свойственным ему невозмутимым спокойствием и сочувствием моему горю, болезненный старец, бывало, скажет плачевным тоном: „Брате, брате! Я человек умирающий!“ или: „Я сегодня-завтра умру. Что я сделаю с этим братом? Ведь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться пред братом, — и успокоишься“. Выслушав такой жалобно произносимый ответ, оцепенеешь. Вместе с тем, глубоко сознав свою виновность, смиренно падешь в ноги старцу, прося

прощения, и получив от него разрешение и благословение, пойдешь успокоенным и утешенным, как на крыльях полетишь.

Случалось мне приходить к старцу весьма рано — часов в пять утра. По обычной молитве, получив позволение войти в келлию, я всегда находил его трезвенным и бодрым, как бы совершенно не спавшим, и отечески-любезным сверх моего чаяния; неудовольствия же за ранние мои посещения у него почти не проявлялось. Кто был внимателен к себе и помнил его назидательные слова или наставления старца Макария, таковым братом о. Амвросий оставался всегда весьма доволен, оказывал к нему внимание и даже приближал к себе. К согрешающим, но чистосердечно кающимся и исправляющимся был снисходителен и милостив паче меры. Он не различал богатого от убогого, достойного от недостойного, по примеру Господа, ядшего и пившего с мытарями и блудницами, лишь бы заблудивших возвратить на путь истины и привлечь к страху Божию. Никогда не порицал он чужих согрешений, и не терпел он клеветы на ближнего, строго относясь к клеветникам, не разбирая лиц».

Приведенный нами рассказ о. игумена Марка о его отношениях к о. Амвросию замечателен не только тем, что с несомненностью подтверждает старчествование о. Амвросия задолго до кончины о. Макария, но и тем, что дает нам живой и яркий образ о. Амвросия как старца. Из слов о. Марка видно, какую самоуглубленную и сосредоточенную жизнь проводил уже и в это время о. Амвросий, как он был глубоко погружен в молитву и богомыслие, как он нередко плакал, как внимательно изучал святоотеческие писания, как он все советы свои и наставления обосновывал не на своем рассуждении, а на ясном свидетельстве святых отцов, с какою любовью и вниманием принимал он обращавшихся к нему, как обстоятельно давал им ответы на их недоумения и до какой степени нравственно удовлетворенными и утешенными отпускал их от себя. В этих духовных чертах 42-летнего иеромонаха Амвросия мы находим все основные черты и его позднейшего духовного облика.

Посылая к о. Амвросию некоторых из братьев для духовного руководства, о. Макарий поручал ему также собеседования и со

светскими посетителями, собиравшимися в хибарке, примыкавшей к келлии о. Макария с внешней стороны скита. Отец Амвросий ревностно и с любовью занимался этим послушанием, обращаясь в недоуменных случаях к о. Макарию за советом и указанием. Видя о. Амвросия, окруженного толпою собеседников, о. Макарий шутливо говорил: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает, хлеб отнимает». Самому же о. Амвросию заметит: «Смотри, помянешь ты это времечко».

По поручению старца Макария о. Амвросий ходил, как и сам о. Макарий, для беседы с посетителями и на гостиницу. Мешок с рубашками и носками был обыкновенно неизменным его спутником. Как только нужно бывало на гостиницу идти, навалит себе его на плечо и пойдет.

Рассказывают, что однажды о. Макарий послал о. Амвросия на гостиницу к какой-то приезжей богатой госпоже, которая готовилась к причащению Св. Таин. Наслышавшись об о. Амвросии много хорошего, она стала говорить ему о каких-то своих неудачах, вызывавших в ней чувство огорчения, и ожидала услышать от о. Амвросия слово сочувствия. Но он, выслушав ее речь, спокойно сказал: «По делам вору и мука». Не понравились эти слова госпоже, и она прекратила с о. Амвросием разговор, а он немедленно удалился в свою келлию. На следующий день после обедни старец Макарий пошел в гостиницу поздравить эту госпожу с принятием Св. Таин, взяв с собою и о. Амвросия. Увидев о. Амвросия, она сказала: «Ну уж, батюшка, повозилась я с вашим словечком, — чуть-чуть причастия не отложила, — всю вечерню продумала и утреню; пришла к обедне, а сама все никак не успокоюсь; только уже во время Херувимской согласилась, что вы правду сказали».

В пятидесятых годах приехало в Оптину пустынь богатое семейство Ключаревых; старики, отец и мать, имели намерение принять монашество. Это семейство поселилось на гостином дворе, в отдельном, небольшом корпусе, и было поручено о. Макарием заботам о. Амвросия, который и посещал Ключаревых почти ежедневно. «Однажды, — рассказывал батюшка, — был при этом такой случай.

Ключарева часто присылала за мной лошадь. Архим. Моисею это не нравилось, должно быть. Вот он раз вышел мне навстречу и стал, опершись на палку, на перекрестке, где мне нужно было проезжать. Делать нечего, я снял шапочку и раскланялся. С тех пор более уже не ездил, а ходил пешком».

В это же время духовному окормлению о. Амвросия поручены были относившиеся к оптинским старцам монахини Борисовской пустыни Курской губернии. И потому, когда они приезжали в Оптину, он по обязанности немедленно отправлялся к ним на гостиницу.

Так постепенно все более и более расширялся круг лиц, пользовавшихся духовными советами и руководством о. Амвросия как среди братий обители, так и среди приезжавших в Оптину пустынь монашествующих и светских лиц. Отец Макарий, видимо, подготавливал его в преемники себе. Замечательно при этом, что незадолго до своей кончины он предрек о. Амвросию его будущую деятельность и сказал: «Будешь жить в хибарке по ту сторону ворот, и смотри — вот тебе мой завет — никого из проходящих не оставляй без утешений».

Однако, когда о. Макарий скончался, о. Амвросий не был еще таким общепризнанным и бесспорным его преемником, каким в свое время оказался о. Макарий после кончины о. Леонида. Сам о. Макарий, умирая, не указал прямо на о. Амвросия как на своего заместителя, и на вопрос братии «Как нам быть без вас, батюшка?» — он приказал подать ему алфавитный патерик и прочитать в нем ответ аввы Исаака скитского на подобный же вопрос его учеников. Авва Исаак ответил им: «Вы видели, как я вел себя пред вами; если хотите подражать сему, сохраняйте и вы заповеди Божии, и Бог пошлет благодать Свою, и сохранит место сие; если же не будете сохранять заповедей, не пребудете на месте сем. И мы также скорбели, когда отходили от нас к Господу отцы наши; но, соблюдая заповеди Господни и заветания старцев, жили так, как будто они были с нами. Поступайте так и вы, и спасетесь!»

Святитель Московский Филарет, хорошо знавший дела оптинские, писал по поводу кончины о. Макария: «Оптинские лишились о.

Макария. Думаю, остались от него добрые духовные наследники; но найдется ли, кто мог бы поддержать их в единстве духа и возглавить?»

Таким образом, определенного преемника о. Макарию по старчеству после его кончины не было. Обращавшиеся к о. Макарию при его жизни за наставлениями и руководством избрали себе различных руководителей. Отец архимандрит Моисей избрал своим духовником и старцем своего брата игумена Антония; иные обратились к новому скитона начальнику о. Пафнутию, ставшему вместе с тем и духовником обители; другие избрали своим старцем иеромонаха Илариона, бывшего последние годы келейником о. Макария; а иные, наконец, сделались учениками о. Амвросия. Как высоко уже в это время многие ставили о. Амвросия, видно из следующих отзывов о нем.

Один из духовных сыновей о. Макария, К. К. Зедергольм, о котором мы скажем подробнее ниже, писал 17 ноября 1860 г. своему брату: «Осиротели мы с тобою (после смерти о. Макария). Доселе мне кажется, что с батюшкою о. Макарием скончалось все утешение мое. Обращаюсь к о. Амвросию, истинному ученику батюшки, проникнутому его духом». В 1861 году инспектор Томской духовной семинарии иеромонах Владимир в письме к о. архимандриту Моисею выражал радость, что его брат, принятый в Оптину пустынь, «удостоился получить в духовные руководители такого старца, как о. Амвросий!» Около того же времени иеромонах Антоний (Бочков) писал об о. Амвросии, что обитель Оптиная «от него получает укрепление и назидание. Причиною тому служат: его кротость, доброта и простота. Его благой пример и советы могут сотворить чудо... Хвалить его напрасно. Дела лучше слов говорят за него... Видно, назначено ему спастись болезнями; редкое его незлобие и младенчество христианское все переносить благодушно: и Божие наведение, и человеческие неправды». Преосв. Вениамин, епископ Воронежский, приезжавший еще при жизни о. Макария в Оптину, долго беседовал с о. Амвросием, и всегда после того относился к нему с глубоким уважением.

С течением времени слухи о духовной опытности и мудрости о. Амвросия все более и более распространялись, и число относящихся к

нему все более возрастало. Относившиеся на первых порах, по неведению, к о. Амвросию с недоверием, стали изменять о нем свое мнение.

Так одна барыня, глубоко огорченная кончиною о. Макария, услышав, что в Оптиной пустыни есть теперь новый старец, о. Амвросий, воскликнула: «Как! Чтобы я после Макария пошла к этому монаху, который все вертелся в батюшкиных келлиях и расхаживал с мешочком! Это невозможно!» Но спустя некоторое время, случайно побеседовав с о. Амвросием, она вышла от него растроганная и впоследствии говорила: «Я знала обоих, но чувствую, что о. Амвросий еще выше о. Макария».

В 1862 году скончался настоятель Оптиной пустыни о. архимандрит Моисей. Преемником ему старшая братия, большинством голосов, избрала скитона начальника о. Пафнутия. Однако преосвященный Григорий не утвердил этого избрания, так как был осведомлен от о. Амвросия, что преемником о. Моисея, по указанию о. Макария, должен быть скитский иеромонах Исаакий; его-то и назначил преосвященный настоятелем обители, пообещав о. Пафнутию не оставить и его, что и исполнил вскоре, определив его настоятелем Малоярославецкого монастыря.

С перемещением о. Пафнутия в Малоярославец многие из его духовных детей стали теперь относиться к о. Амвросию. В 1865 году скончался брат архимандрита Моисея о. игумен Антоний, последний из великих оптинских старцев — устроителей скита. Его ученики также в значительном числе обратились к о. Амвросию, — и с этого времени в Оптиной пустыни явилось, таким образом, два главных духовных руководителя: о. Амвросий, старец, и о. Иларион, духовник братства.

К этому времени о. Амвросий становится уже известным и святителю Московскому Филарету, который в том же 1865 году, с одним бывшим в Москве оптинским монахом, прислал старцу на благословение образок Нерукотворного Спаса.

По вступлении в подвиг старчества о. Амвросий продолжал нести свой тяжкий крест болезней, которые стали его неразлучными спутницами до самой кончины.

В конце 1862 года, зимою, о. Амвросий, едуци из скита в монастырь навестить новопостриженных монахов, принятых им как старцем от Евангелия, какими-то судьбами вывалился из саней и вывихнул себе руку. Вследствие неудачного лечения он долго и сильно страдал. Здоровье его, и без того слабое, еще более ослабело, так что с этого времени он уже не мог ходить в храм Божий на церковные службы и даже причащался Св. Христовых Таин у себя в келлии через каждые три, две, а иногда и одну, недели. На воздух же в зимнее время не выходил до самой своей кончины.

Как бы в подкрепление телесной немощи старца, Господь в это именно время посылает ему несколько деятельных и преданных помощников. В 1863 году поступил в скит в число братии Константин Карлович Зедергольм, сын московского реформатского суперинтендента^[49], человек с университетским образованием, друг Т. И. Филиппова и поэта Б. Н. Алмазова, магистр греческой словесности, бывший некоторое время чиновником особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода графе А. П. Толстом, путешествовавший на Восток и хорошо знавший положение восточных церквей, за десять лет перед поступлением в скит присоединенный из реформатства в православие в том же скиту старцем иеросхимонахом Макарием. Это был человек глубоко верующий и преданный православию, которое с самого детства привлекало его к себе.

Поступив в скит, Зедергольм сделался одним из ближайших учеников старца о. Амвросия, помогал ему в его обширной переписке, а также и в книгоиздательстве, которое продолжалось и при о. Амвросии, как прежде при о. Макарии.

В монашестве Зедергольм получил имя Климента и, прожив в скиту 15 лет, скончался в 1878 году от воспаления легких^[50]. Почти в одно время с о. Климентом поступили в скит взятые старцем к себе в келейники: из Москвы — Максим, впоследствии иеромонах Михаил,

около 20 лет келейничавший при о. Амвросии, и из Харьковской губ. — Иоанн, в монашестве Иосиф, остававшийся при старце до переезда его в Шамордино и впоследствии старчествовавший в Оптиной пустыни до самой своей кончины в 1911 г. На этих двух лицах и на их помощниках лежал нелегкий труд доклада старцу о посетителях, а также и исполнение тех или других поручений старца и уход за ним. При содействии о. Климента, а также о. Леонида (Кавелина), о. Анатолия (Зерцалова), о. Агапита и других лиц, о. Амвросий продолжал начатое о. Макарием дело книгоиздательства. При нем и под его руководством Оптиною пустыню в 60-х и 70-х годах были изданы: 1) Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария (составленное архимандритом Леонидом Кавелиным), 2) Собрание писем о. Макария в шести томах, 3) новое издание аввы Дорофея, приготовленное к печати о. Климентом и о. Анатолием, 4) Симеона Нового Богослова 12 слов в переводе о. Климента и о. Анатолия, 5) Жизнеописание игумена Антония (составленное о. Климентом), 6) Преп. отца нашего Феодора Студита огласительные поучения в русском переводе — труды о. Климента, о. Анатолия и о. Агапита, 7) Поучения Петра Дамаскина в переводе о. Ювеналия, 8) Жизнеописание старца Леонида (составленное о. Климентом), 9) Описание Козельской Оптиной пустыни (составленное о. Леонидом (Кавелиным)), 10) Царский путь Креста Господня в переводе о. Климента, 11) Жизнеописание архимандрита Моисея (составленное архимандритом Ювеналием) и др. Кроме того, Оптиною пустыню в это же время издано двадцать брошюр разного содержания и печатались новые издания раньше выпущенных книг.

В августе 1868 года о. Амвросий снова тяжело заболел припадками своей обычной жестокой болезни — геморроя. Кровотечения продолжались ежедневно целых пять недель. За отсутствием козельского уездного врача о. Амвросий девять дней оставался без медицинской помощи. И только шестого сентября приехал из Белева врач, который и помог несколько страдальцу. Ввиду того, что болезнь все-таки не прекращалась, бывший в это время в Оптиной пустыни почитатель о. Амвросия и его духовный сын граф А. П. Толстой, а также и другие духовные дети старца стали просить о. игумена Исаакия послать монаха в с. Калуженку (в 70 верстах от Оптиной) к

тамошнему священнику с просьбою привезти в монастырь известную святыню — чудотворную Калуженскую икону Божией Матери, чтобы всем вместе духовным детям старца Амвросия помолиться перед нею о его исцелении. Святую икону привезли, и в келлиях старца отслужен был молебен с акафистом Царице Небесной, а затем и келейное бдение. Хотя и после этого болезнь старца продолжалась еще некоторое время, но у всех оживилась надежда на его выздоровление. И действительно, к концу сентября старец поправился. Но едва ему стало легче, как 1 ноября о. Амвросий снова простудился и снова заболел. Простуда бросилась на правый глаз, в котором сделалось воспаление, так что старец месяца два не мог читать.

Дорожа молитвенным уединением и нуждаясь по временам в отдыхе, ввиду непрерывного наплыва посетителей и своих тяжких болезней, о. Амвросий имел обыкновение каждое лето проводить некоторое время на уединенных монастырских дачах в глубине леса.

В 1869 году его почитатели задумали устроить для него удобное помещение на одной из таких уединенных монастырских дач. Начало этому делу положено было следующим образом. В сопровождении своего секретаря о. Климента, письмоводителя обители о. Михаила (Струкова) и маленького сынишки последнего, Евгения, о. Амвросий прибыл на место, назначенное для постройки келлии. Обратившись к своим спутникам, старец сказал: «Благословите, братие, келлию здесь построить». Все молчали. Тогда старец, взяв руку мальчика, перекрестил ею назначенное место и заставил его повторять за собою слова: «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь. Бог благословит на добро здесь пожить».

К следующему лету лесная батюшкина келлия была готова. Тринадцатого июля вечером о. Амвросий перебрался в новое помещение. Первым делом старца было освятить новое место пребывания молитвою. Было совершено всенощное бдение Божией Матери, св. Иоанну Предтече и св. Амвросию Медиоланскому. На другой день утром был отслужен молебен Спасителю, свт. Николаю Чудотворцу, преп. Макарию Египетскому и св. благоверному князю Александру Невскому. Была прочитана молитва на освящение дома, и

все помещение было окроплено св. водою. Сюда, в это уединенное местечко, несколько лет кряду, старец Амвросий уезжал из скита, стараясь избирать неделю с будничными днями, и гостил здесь дней пять-шесть.

Один из духовных сыновей о. Амвросия, писатель К. Н. Леонтьев, так описывает это летнее местопребывание старца.

«В семи верстах от Оптиной, в лесной глуши, есть дача, на которую ездит иногда отдыхать от многолюдства давно уже изнемогающий оптинский старец отец Амвросий. Там на небольшой зеленой лужайке построена простая, чистая и просторная изба; в ней по несколько дней проводит от времени до времени о. Амвросий. Люди, однако, и там находят его. Когда я посетил в первый раз Оптину, я должен был ехать на эту дачу, чтобы передать духовнику письма, которые у меня были к нему с Афона^[51]. Вокруг избы на лугу уже было довольно много народа: монахи, крестьяне, крестьянки, монахини, дамы. Длинные жерди на столбиках были заложены со всех сторон, чтобы все разом не теснились к старцу и не мешали ему беседовать тихо с тем, кого он уже позвал. Все терпеливо ждали: иные сидели на траве, другие стояли, облокотившись на жерди, в надежде, что старец, проходя мимо, благословит их или скажет хоть два каких-нибудь слова. Многие, имея какое-нибудь дело, желали только одного, чтобы при начале этого дела старец молча перекрестил их. Больше ничего. Для этого многие приходят издалека. Было очень жарко. Болезненный старец в это время ходил тихонько по лугу под большим полотняным зонтиком и разговаривал с каким-то мужиком. Они беседовали долго. Когда очередь дошла до меня, то старец, уже утомленный ходьбой, позвал меня в комнату...»

С особенным радушием старец принимал у себя в лесной келлии приходивших навестить его близких к нему монахов. Придут, бывало, на вечер человека два. Их там угостят скромным ужином. Уснут усталые путники, и старец уже не велит будить их рано, даже и для слушания утреннего правила. Когда гости встанут и, прослушав вместе со старцем часы, подойдут к нему под благословение с извинением, что проспали утреню, он отечески снисходительно

скажет: «Ну, уж мы гостей не беспокоим». В другой раз, когда также пришли к старцу на дачу монахи из Оптиной, и наутро главный келейник стал, было, будить их на правило, о. Амвросий с огорчением сказал ему: «Дурак! Разве к тебе сюда молиться идут? Они и в монастыре намолятся; а им нужно отдохнуть». Такова была любовь старца!

Одним из любимых гостей о. Амвросия в его лесной келлии был послушник Елисей, пятьдесят два года проживший в обители и все время отказывавшийся от всяких монастырских повышений и отличий. Он жил в версте от старцевой дачи в маленькой хатке-караулке, караулил лес. Этому рабу Божию о. игумен Исаакий предлагал однажды постричься в мантию или хотя бы в рясофоры и даже требовал этого с угрозой. «Иначе, — говорил он, — я пошлю тебя в кухню!» — «А вот мне, — отвечал Елисей, — и рясофор!» — «Я тебя на поклоны поставлю!» — «А вот мне и мантия!» Пребывая долгое время в лесном уединении, Елисей и сам сделался как бы дитя природы. Лесных птичек зимою он из рук кормил. Выйдет на воздух, посыплет себе на голову, на бороду, на руки конопляного семени, и лишь только проговорит: «Птички, птички, птички!», как со всех сторон налетят они на него, — какие сядут на голову, на бороду, какие на руки, и всего его облепят. Умер он в глубокой старости, в монастырской больнице. Перед кончиною, когда братия обращались к нему со словами утешения и ободрения, он отвечал: «Слава Богу! Он и здесь утешал меня, — даровал мне любить, восхвалять и прославлять Его! С Богом и здесь и там — везде хорошо. С нами Бог, разумеете языцы, яко с нами Бог!»

В феврале 1871 года со старцем снова начались тяжкие геморроидальные припадки. Но вот 24 февраля прислали ему с Афона большую икону св. великомученика и целителя Пантелеимона, заказанную духовными дочерьми старца, монахинями Белевского монастыря. В тот же день было отправлено в келлиях о. Амвросия бдение угоднику Божию, а на другой день отслужен ему молебен. И с этого дня болезнь старца, беспокоившая его около недели и не уступавшая никаким врачебным средствам, прекратилась.

Однако 8 августа того же 1871 года болезнь снова повторилась в сильнейшей степени и не оставляла старца до 10 сентября. По желанию старца в его келлии 17 августа был отслужен молебен с акафистом перед принесенною Калуженскою иконою Божией Матери, а 18-го — перед Ахтырскою иконою Божией Матери, доставленною из Козельска. Наконец, 30 августа была привезена из Мещовского Георгиевского монастыря чудотворная икона Божией Матери «Всех Скорбящих Радость», и пред этою иконою все окружавшие страдальца, вместе с ним, усердно молились о его выздоровлении. По поводу этой своей болезни старец писал одному своему духовному сыну, Томскому епископу Петру: «Здоровье мое в настоящее время более прежнего неисправно. Летом, по примеру прежних годов, уезжал я несколько раз в устроенную мною лесную келлию. И хотя там в утренние и вечерние часы имел свободу от посетителей, но зато в остальное время они так меня обременяли, что к концу лета я выбился из сил, и в августе заболел; открылось геморроидальное кровотечение, продолжавшееся целый месяц. Потом, благодарение Господу, понемногу стал поправляться; но после этой болезни я заметно стал слабее прежнего».

В декабре месяце геморроидальная болезнь снова повторилась, хотя и в меньшей степени, нежели раньше. Старец совсем обессилел. В день своего Ангела, 7 декабря, он был настолько слаб, что не мог даже принять и поздравлений. Келейники под руки переводили его из келлии в келлию. Однако молитвы духовных детей воздвигли и на этот раз болящего старца от одра болезни, и снова началась его обычная многозаботливая и самоотверженная деятельность. Впрочем, и после этого старец неоднократно до самой своей кончины подвергался припадкам никогда не оставлявших его болезней.

Отец Амвросий в его переписке со светскими и монашествующими

С возрастанием числа духовных детей о. Амвросия увеличивается и его переписка с лицами, искавшими его духовного руководства. К нему

обращались не только монашествующие, но и светские люди самых различных положений, состояний и даже национальностей и вероисповеданий, с самыми разнообразными вопросами, касающимися веры и жизни христианской. Отец Амвросий считал своим долгом давать ответы на обращаемые к нему вопросы, и в этих ответах ярко обнаруживаются личность о. Амвросия, его взгляды на те или другие вопросы веры и жизни и его отношения к людям.

Ввиду этого считаем необходимым познакомить читателей с важнейшим содержанием переписки старца.

Отец Амвросий убеждал искавших его советов, что никогда, ни при каких жизненных затруднениях и неприятностях не надо унывать, а надо надеяться на Промысл Божий. «Старинные люди давно решили, — пишет о. Амвросий, — что век без притчи не проживешь, и прибавили, что и горшок с горшком сталкиваются, кольми паче людям, живущим вместе, невозможно пробыть без столкновения. И особенно это бывает от различных взглядов на вещи; один о ходе дел думает так, а другой иначе; один убежден в своих понятиях, кажущихся ему твердыми и основательными, а другой верует в свои разумения. Ежели в первоначальном правиле арифметики слагается один и один, то выходит два; если же в третьем правиле помножить два на два, то выйдет уже четыре; если же дело дойдет до дробей, то окажутся цифры вверху и внизу, а посреди них черта, так бывает и в делах человеческих. Если их очень раздроблять, то окажется неудобство и вверху, и внизу с какою-либо преградой посреди. Я как тебе писал и говорил прежде, так и теперь скажу: ежели будешь веровать в Промысл Божий и надеяться на всемогущую Божию помощь, то не встретишь таких неудобств, какие предполагаешь, и сверх того, будешь всегда пользоваться возможным спокойствием душевным». В другом письме о. Амвросий пишет: «Получил от вас два письма отчаянных. Пишете мне: „Я погибла, потому что лошадей украли на хуторе“. Опомнитесь, что вы говорите? Что у вас украли лошадей, это не есть какой-либо грех смертный, за который надо погибать; и сверх того, вы не могли бы взять лошадей с собою на тот свет. Туда пойдут с нами одни дела наши, или добрые, или злые. Если не имеем добродетелей, то постараемся, по крайней мере, избавиться от грехов

покаянием и терпением находящих скорбей, которые посылаются Промыслом Божиим к очищению души нашей от грехов, и пороков, и всякой неключимой примеси. Знаю, что у вас много скорбей и домашних неприятностей; но говорите себе и вразумляйте себя тем, что в аде хуже, и томительнее, и безотраднее; и оттуда уже нет надежды избавиться. А если человек терпит скорби с покорностью воле Божией, исповедуясь во грехах своих, то чрез это избавляется от тяготы вечных мучений. Поэтому лучше потерпим здесь неприятности, как бы они тяжки ни были, возверзая печаль свою на Господа и молясь Ему со смирением, да избавит нас от малодушия и отчаяния, которые хуже всех грехов».

Матери, скорбевшей о безбожии и вольнодумстве своего сына, о. Амвросий пишет: «Вы писали, что, подав однажды нищему милостыню о здравии вашего сына, смутились, когда он стал молиться о упокоении его, Не смущайтесь этим. От ошибки и недоразумения нищего не могло и не может произойти ничего противного для вашего сына. И ничего большего и лучшего никому нельзя пожелать, как в свое время сподобиться Царствия Небесного. А что вы в скорби своей о сыне иногда думали, что лучше бы было для него умереть, нежели жить так, как он живет, — за это укорите себя и с полною верою предайте и себя самую, и сына вашего воле всеблагого и премудрого Бога. Если Господь чьи дни сохраняет, то благодетельствует; если чью жизнь пресекает, паки^[52] благодетельствует. И вообще, по слову Св. Церкви, Господь глубиною мудрости человеколюбно все устраивает и полезное всем подают. И потому для человека нет ничего лучше и полезнее преданности воле Божией; а нам судьбы Божии непостижимы. Вы сознаете, что во многом сами виноваты, что не умели воспитать сына, как должно. Самоукорение это полезно; но, сознавая вину свою, должно смиряться и раскаиваться, а не смущаться и отчаиваться; также не должно очень тревожиться вам мыслью, будто вы одни — невольною причиною теперешнего положения вашего сына. Это не совсем правда: всякий человек одарен свободною волею, и сам за себя более и должен будет отвечать пред Богом.

Спрашиваете, не написать ли вам сыну вашему наудачу в Москву, и как ему написать, чтобы тронуть его сердце? Напишите ему сперва

вкратце, чтобы узнать, где он теперь находится, а когда это узнаете, то можете написать ему и подробнее. Можете тогда ему сказать, что он теперь, вероятно, собственным опытом испытал, к чему ведет безбожие и вольнодумство; что, стремясь к необузданной свободе, он забыл, что от греха, особенно досаждения родителям, произошло самое рабство, которого прежде не было на земле и т. п. Помолясь Богу, пишите, как Господь положит вам на сердце... Вообще же, вам должно теперь не столько заботиться вразумлять его, но более молиться за него, чтобы Сам Господь, имиже весть судьбами, вразумил его. Велика сила матерней молитвы. Вспомните, из какой глубины зла извлекла блаженного Августина молитва благочестивой матери его. А молясь за сына, молитесь и о себе, чтобы Господь простил вас, в чем вы по неведению согрешили».

Другой матери, скорбевшей о болезни дочери, старец писал: «Слышу, что вы скорбите паче меры, видя страдания болящей дочери. Действительно, по-человечески нельзя не скорбеть матери, видя дочь свою малютку в таких страданиях, и страждущую и день, и ночь. Несмотря на это, вы должны помнить, что вы христианка, верующая в будущую жизнь и будущее блаженное воздаяние не только за труды, но и за страдания произвольные и невольные; и потому не должны нерассудно малодушествовать и скорбеть паче меры, подобно язычникам, или людям неверующим, которые не признают ни будущего вечного блаженства, ни будущего вечного мучения. Как ни велики невольные страдания дочери вашей малютки С., но все-таки они не могут сравниться с произвольными страданиями мучеников; если же равняются, то она и равное с ними получит блаженное состояние в райских селениях. Впрочем, не должно забывать и мудреного настоящего времени, в которое и малые дети получают душевное повреждение от того, что видят, и от того, что слышат; и потому требуется очищение, которое без страданий не бывает; очищение же душевное по большей части бывает чрез страдания телесные. Положим, что и не было никакого душевного повреждения. Но все-таки должно знать, что райское блаженство никому не дается без страданий. Посмотрите: и самые грудные младенцы без болезни ли и страданий переходят в будущую жизнь? Впрочем, пишу так не потому, что желал бы смерти страждущей малютке С., но пишу

собственно все это для утешения вас, и для правильного вразумления, и действительного убеждения, чтобы вы нерассудно и паче меры не скорбели. Как ни любите вы дочь свою, но знайте, что более вас любит ее всеблагий Бог наш, всяким образом промысляющий о спасении нашем. О любви Своей к каждому из верующих Сам Он свидетельствует в Писании, глаголя: *„Аще и жена забудет исчадие свое, Аз же не забуду тебе“*. Поэтому постарайтесь умерить скорбь вашу о болящей дочери, возвергая печаль сию на Господа: *„якоже бо хочет и благоизволит, так и сотворит с нами по благодати Своей“*. Советую вам приобщать болящую дочь с предварительною исповедью. Попросите духовника, чтобы поблагоразумнее расспросил ее при исповеди».

Вступившим в брак и начинающим семейную жизнь о. Амвросий дает следующее наставление: «Всегда вы должны помнить и не забывать, что тогда только жизнь наша будет проходить мирно и благополучно, когда мы не будем забываться и забывать Бога, Создателя нашего, и Искупителя, и Подателя благ временных и вечных. Не забывать же Его значит стараться жить по Его Божественным и животворным заповедям, и в нарушении их по немощи нашей искренно каяться и немедленно заботиться об исправлении своих ошибок и отступлений от заповедей Божиих».

«Если бы супруги ровно по-христиански разделяли тяготу жизни своей, — пишет старец в другом письме, — тогда людям и на земле было бы хорошо жить. Но как супруги часто бывают упруги, оба или один из двух, то наше благополучие земное и не упрочивается». С какою любовью относился о. Амвросий к своим духовным детям, видно из следующего. Одной из своих учениц, выразившей опасение, что старец оставит ее, о. Амвросий писал так: «Давно собирался я успокоить вас, многозаботливая К., касательно боязни вашей, что будто я оставляю вас и не буду писать вам. Ежели я, по слабости моего характера, не отказался от вас, не зная вас, как должно, а согласился на предложение ваше, не желая оскорбить вас, в крайней нужде духовной находящуюся, то теперь ли могу оставить вас, когда я, по недостатку истинного рассуждения, презрел свою душу, и собственное спасение оставил на произвол судьбы, мнясь заботиться о душевной

пользе ближних? Не знаю, есть ли кто неразумнее меня?!» Отчего бывает у людей тоска? «Тоска, по свидетельству Марка Подвижника, есть крест духовный, посылаемый нам к очищению прежде бывших согрешений. Тоска происходит и от других причин: от оскорбленного самолюбия или от того, что делается не по-нашему; также и от тщеславия, когда человек видит, что равные ему пользуются большими преимуществами; от стеснительных обстоятельств, которыми испытывается вера наша в Промысл Божий и надежда на Его милосердие и всесильную помощь. А верую и надеждою мы часто бываем скудны, от того и томимся».

«Пред судом Божиим имеют значение не характеры, а направление воли, — говорит о. Амвросий. — Знайте, что характеры имеют значение только на суде человеческом, и потому или похваляются, или порицаются; но на суде Божиим характеры, как природные свойства, ни одобряются, ни порицаются. Господь взирает на благое намерение и понуждение к добру, и ценит сопротивление страстям...»

Как надо исповедоваться? «Надобно исповедовать, как согрешили и в чем согрешили, — вот и все. Хорошо заблаговременно написать не по книге исповедь и прочитать самому перед духовником. Будет и ему понятно и незатруднительно, и исповедующемуся легко и отраднo».

По вопросу о том, что нужно давать читать детям, о. Амвросий писал: «Мнение мое такое, чтобы прежде всего занимать юный ум священной историей и чтением житий святых, по выбору, незаметно засеивая в них семена страха Божия и христианской жизни; и особенно нужно, с помощью Божией, суметь внушить детям, как важно хранение заповедей Божиих, и какие бедственные последствия бывают от их нарушения. Все это выходит из примера прародителей наших, вкусивших от запрещенного древа, и за то изгнанных из рая. Крылова басни можно оставить до времени, а пока занимать ребенка изучением наизусть некоторых молитв, символа веры и избранных псалмов, например: „Живый в помощи Вышнего“, „Господь просвещение мое“, и подобных. Главное, чтобы ребенок был занят по силам и направлен к страху Божию. От этого все доброе и хорошее, как и напротив,

праздность и невнушение детям страха Божия бывают причиною всех зол и несчастий.

Без внушения страха Божия, чем детей ни занимай, не принесет желаемых плодов в отношении доброй нравственности и благоустроенной жизни. При внушении же страха Божия всякое занятие хорошо и полезно».

В другом письме о. Амвросий писал о воспитании детей так: «Пишете, что замечаете в сыне своем сухость, или мало чувства и другие недостатки. Но в детстве вообще не у многих бывает истинное, настоящее чувство: а большей частью оно проявляется в более зрелом возрасте, уже тогда, когда человек более начнет понимать, и кое-что испытает в жизни. Притом, избыток внутреннего чувства незаметно служит поводом к тайному возношению и осуждению других; а недостаток чувства и сухость невольно смиряют человека, когда он станет понимать это. Потому много не огорчайтесь тем, что замечаете в сыне вашем этот недостаток; со временем, может быть, и в нем неизбежные в жизни испытания пробудят должное чувство; а только позаботьтесь о том, чтобы передавать ему по возможности о всем здравые понятия, согласно учению Православной Церкви. Пишете, что до сих пор сами занимались с ним и прошли с ним священную историю Ветхого завета; и спрашиваете, как и чему его учить, и кого избрать для этого? Прошедши с ним Ветхий завет, вам самим должно кончить это дело, то есть перейти к Новому завету; а потом уже начать катехизическое учение. Вы боитесь, что сухость катехизиса не прибавит ему теплоты. Катехизис никому не прибавляет теплоты; а довольно того, чтобы дети имели правильные понятия о догматах и других предметах Православной Церкви. Если желаете, чтобы православное учение действовало и на сердце вашего сына, то читайте с ним „Православное Исповедание“ и „Училище Благочестия“; а законоучитель пусть обучает его по катехизису, принятому в учебных заведениях. Что касается до выбора учителя, то я, не зная никого из московского духовенства, вам ни на кого не могу указать; а помнится нам, что батюшка о. Макарий кому-то советовал избрать в законоучителя для детей младшего возраста не священника, а диакона: это проще, а потому бывает удачнее; московские диаконы — все

кончившие курс в семинарии, и катехизис хорошо знают... Вы затрудняетесь выбором и назначением духовника. Чтобы своего духовника не огорчить, только наперед сами объясните ему все то, что находите нужным и полезным для вашего сына, с прибавлением прошения исполнить это, так как по вашему сознанию священная обстановка при исповеди для ребенка нужна, хотя для понимающего она особенного значения не имеет. Перед исповедью и сами вы займитесь вашим сыном и приготовьте его к этому Таинству, как сумеете. Заставьте его пред исповедью прочесть заповеди с объяснением. Касательно исправления его недостатков вообще можете ему говорить иногда полушутливым тоном: „Ты ведь молодой князь, через такие поступки не ударяй себя лицом в грязь“. Пишете, что вы глубоко уверены, что нет для человека иного источника благополучия на земле и вечного блаженства на небе, кроме Церкви Христовой, и что все вне оной — ничто, и желали бы передать это убеждение детям своим, чтобы оно было как бы сокровенной их жизнью; но вам кажется, что не имеете призвания учить и не можете говорить с должной силой убеждения об этом великом предмете. Как мать чадолюбивая, сами передавайте сведения об этих предметах вашим детям, как умеете. Вас в этом заменить никто не может, потому что другим вы должны бы еще сперва растолковать ваши понятия и желания, и при том другие не знают ваших детей и их душевное расположение и потребности; и при том слова матери более могут действовать на них, нежели слово постороннего человека. Наставления другие действуют на ум, а наставления матери на сердце. Если же вам кажется, что сын ваш многое знает, многое понимает, но мало чувствует, то, повторяю, не огорчайтесь и этим. А молитесь о сем Богу, да устроит полезное о сыне вашем, якоже весть. Вы пишете, что у него прекрасная память; пользуйтесь и этим. Передавайте ему кроме наставлений, душеполезные повести, и по времени спрашивайте его, чтобы он вам повторял, как помнит и как понимает. Все, что он от вас услышит, будет сперва храниться в его памяти и уме, а потом, с помощью Божией, при содействии опытов в жизни, может перейти и в чувство».

О том же предмете старец еще писал одной духовной дочери: «Веками утвержденный опыт показывает, что крестное знамение имеет великую

силу на все действия человека, во все продолжение его жизни. Поэтому необходимо позаботиться вкоренить в детях обычай почаще ограждать себя крестным знаменем, и особенно пред приятием пищи и пития, ложась спать и вставая, пред выездом, пред выходом и пред входом куда-либо, и чтобы дети полагали крестное знамение не небрежно или по-модному а с точностью, начиная с чела до персей, и на оба плеча, чтобы крест выходил правильный... Ограждение себя крестным знаменем многих спасало от великих бед и опасностей».

«Пишете — желала бы я, чтобы мы избегли с мужем того пагубного разногласия в деле воспитания, которое почти во всех супружествах вижу я. — Да, вещь эта действительно премудренная! Но спорить об этом при детях, вы и сами заметили, что не полезно. Поэтому, в случае разногласия, лучше или уклоняйтесь и уходите, или показывайте, как будто не вслушались, но никак не спорьте о своих разных взглядах при детях.

Совет об этом и рассуждение должны быть наедине, и как можно похладнокровнее, — чтобы было действительнее. Впрочем, если вы успеете насадить в сердцах детей ваших страх Божий, тогда на них разные человеческие причуды не могут так зловредно действовать».

О недопустимости развода старец писал одной из своих духовных дочерей следующее: «Пишете, что ваша мать всячески старается заставить вас уговорить невестку на развод с мужем, а вы этому не сочувствуете. И хорошо делаете, что не поддерживаете их в этом. Разводные браки ненавистны Богу. Ежели и допускаются, то это по человеческой немощи. Защищайте свою невестку, как можете; уступать в этом матери не должно, хотя бы через это и пришлось понести от нее неприятность. Вы не только себя, но и мать свою избавите от греха... Призывая на вас, и на мужа вашего, и на скорбящую невестку вашу, и на детей ее мир и благословение Божие, остаюсь с искренним благожеланием, многогрешный И. Амвросий».

Будучи сам строгим подвижником и точным хранителем уставов Церкви, о. Амвросий был в то же время очень снисходительным к действительным немощам других людей, поставляя смирение и самоукорение выше всякого телесного подвига.

«Наступающий пост, — пишет он одной духовной дочери, — старайтесь проводить рассудительно, соображаясь с телесными силами. По нездоровью и в 69 апостольском правиле разрешается елей в среду и пяток, и даже некоторым на Страстной седмице с покаянием и самоукорением, памятуя мудрое изречение св. отцов, что мы не телоубийцы, а страстоубийцы. Св. Исаак Сирийский пишет об одном старце, который вкушал пищу через два дня. Если же приходилось ему побеседовать с приходящими час или два, тогда он уже не мог вкушать пищу обычно, а принуждаем был сокращать срок времени, и вкушал более обычной порции. Вам должно помнить, что вы хозяйка дома, окруженная детьми; к тому же и нездоровье привязывается к вам. Все это показывает, что вам нужно более заботиться о душевных добродетелях; касательно же употребления пищи и других телесных подвигов, у вас должно стоять впереди всего благое рассуждение со смирением. Ежели в душевных недостатках приемлется покаяние, смирением растворенное, то в телесных немощах покаяние и самоукорение еще более имеют место. Св. Лествичник приводит слова: «Не постихся, ни бдех, ни на земли возлегах; но смирихся, и спасе мя Господь». Начните, помолившись Богу, вкушать пищу в посте с елеем. Если же нужда потребует, по нездоровью вашему, и большего, то в виде лекарства можете употреблять и большее. Представьте со смирением немощь вашу Господу, и силен Он устроить все во благо. Во время приготовления к Св. Тайнам нужно несколько дней употреблять пищу без елея, но только советую вам придумывать пищу попитательнее, из сухих плодов и подобного, по желудку вашему, чтобы вы были способны к службам (если это возможно) и присматривать за детьми и в доме».

Облегчая пост немощным, о. Амвросий строго осуждал то предубеждение против поста, которое в настоящее время свойственно многим, и не советовал полагаться на мнения врачей, отвергающих пост.

«Тебе не нравится, что Н. принуждает свою супругу к скоромному столу в постные дни. Да и невозможно, чтобы это нравилось кому-либо из благонамеренных, разве только одним новым и модным людям. Можешь сказать ему наедине, чтобы он не принуждал к этому

свою супругу, а иначе могут быть вредные последствия, и для него самого неприятные. Когда жена, из угождения к нему, сперва невольно обременит совесть свою презрением святого поста, потом уже и добровольно будет презирать и то и другое. Зло не стоит в одном положении, а обыкновенно возрастает и прибавляется».

«Пишешь, что доктор советует тебе и в постные дни употреблять скоромную пищу...

Думаю я, что если весь Великий пост прожила без скоромной пищи, то как же двух дней в неделю не поститься? На докторские слова нельзя очень полагаться, потому что доктора большею частью предубеждены против постной пищи. Слышал я, что в Москве только один и есть доктор, беспристрастный в этом отношении. Хотя он лютеранин, но и сам, кажется, почти не употребляет мясной пищи, и больных не заставляет есть мясо в постные дни. Если хочешь, можешь с ним посоветоваться».

Обличая нарушителей св. постов, о. Амвросий и во всем другом твердо отстаивал истину и чистоту православия против всякого рода заблуждений. Так, он писал о спиритизме: «Спиритизм есть не что иное, как новое заблуждение и новая прелесть вражеская. Это учение есть общение людей с духами, но, разумеется, с духами не света, а с духами тьмы. Апостол Павел пишет: *„Аще и ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет“* (Гал. 1, 8). Апостол упоминает это не об Ангелах благих, потому что благие Ангелы не будут благовестить ничего противного учению евангельскому и апостольскому; но явно, что говорит это об ангелах тьмы, сверженных с неба, которые принимают на себя вид Ангелов света для обольщения нерассудных... Через спиритизм будто бы и безбожники делаются очень религиозными. Но если хорошо вникнуть в душевное состояние этих мнимых религиозников, то явно откроется, что они в этом положении сделались еще опаснейшими для имеющих с ними сношения, нежели как были в состоянии атеистов. Явных безбожников всякий отвращается и удаляется; людей же, прикрывающихся видом ложной религиозности, в душе же своей пропитанных старым или новым заблуждением прелести вражией, не

вдруг распознает кто-либо и из понимающих дело. Апостол говорит: „Христос вчера и днесь тойже, и во веки“ (Евр. 13, 8). Значит, какое учение в Православной Церкви насаждено вначале Духом Святым чрез Апостолов и чрез отцов вселенских соборов, то должно продолжаться до скончания века. Все новые учения суть не что иное, как новые заблуждения, посеваемые, так или иначе, древним врагом, и ненавистником, и наветником рода человеческого, который, по слову св. апостола Петра, „яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити“ (1 Пет. 5, 8). Враг этот в учении спиритизма прикрывается под видом вызывания мертвых душ, которые будто бы яснее растолковывают учение евангельское. Но это явное обольщение вражие и явное заблуждение людей, которые решаются верить духам тьмы, являющимся в виде людей умерших. Для душ святых в Православной Церкви удостоверение совсем другое. Они удостоверяют о святости своей явным нетлением мощей. Души же грешные, по учению Православной Церкви, заключены во аде и не имеют власти не только учить других, но и исходить оттуда, в страшном стенании ожидая Страшного Суда Божия. Следовательно, вызываются и являются не души умерших, а духи тьмы греховной и обольстители рода человеческого».

По поводу одной предполагавшейся дуэли старец писал: «Вы хотите кончить вражду свою по-язычески, т. е. по примеру людей неверующих, которые не верят ни будущей жизни, ни будущему вечному блаженству, ни будущим вечным мукам, — кончить дуэлью, этим адским узлом двух убийств или, вернее, соединением убийства с самоубийством, потому что, хотя один иногда и остается в живых, но тот и другой думал убить, и себя самого добровольно подвергал умерщвлению, наперед душевно умирая. Прилично ли все это христианину? Посмотрите на Начальника веры и на Совершителя нашего спасения, Сына Божия, Царя Ангелов и Архангелов, как не отвратил Он лица Своего от заплевания и заушения и смиренно перенес всякий вид поношения и унижения! Мы же, нарицающиеся последователями Его, не хотим по-христиански смириться!.. Умоляю вас именем Господа нашего Иисуса Христа — понесите вы благорассудно, ради своего спасения, нанесенное вам оскорбление, не примешивая тут никого, и ни для кого, и ни для чего. Хорошо

пожертвовать своею душою для Господа, для пользы ближнего и для собственного своего спасения. Но не только не хорошо, но и безрассудно и достойно всякого сожаления пожертвовать собою для погибели другого, и для погибели собственной своей вечной, нескончаемой, не возвращаемой никогда. Подражайте Искупителю нашему, молившемуся к Отцу Своему за распинавших Его: „*Отпусти им, не введут бо, что творят*“». Как глубоко верующий православный христианин, о. Амвросий не сомневался в окончательной победе добра над злом в мире, но он отвергал нравственный прогресс человечества.

Однажды о. Амвросию был прислан на его разрешение следующий вопрос: обязанность христианина — делать добро и стараться, чтобы добро восторжествовало над злом. При конце мира, в Евангелии говорится, зло восторжествует над добром. Каким же образом можно стараться о победе добра над злом, зная, что старания эти не увенчаются успехом, и что зло в конце восторжествует? По Евангелию, общество людей перед концом мира представляется в самом ужасном виде. Этим отвергается возможность постоянного совершенствования человеческого. Можно ли после этого трудиться на благо человечеству, будучи уверенным, что никакие средства не в состоянии в окончательном результате перед концом мира достигнуть возможного нравственного совершенства человечества?

Старец ответил: «Зло уже побеждено — побеждено не старанием и силами человеческими, а Самим Господом и Спасителем нашим, Сыном Божиим, Иисусом Христом, Который ради сего и снисшел с неба на землю, воплотился, пострадал человечеством, и крестными своими страданиями и воскресением сокрушил силу зла и злоначальника — диавола, владычествовавшего над родом человеческим, освободил нас от диавольского и греховного рабства, как Сам сказал: „*Се, даю вам власть наступати на змию и на скорпию и на всю силу вражю*“ (Лк. 10, 19). Теперь всем верующим христианам дается в Таинстве Крещения сила попирать зло и творить добро, при посредстве исполнения евангельских заповедей, и никто уже не бывает одержим злом насильно, кроме одних нерадящих о хранении Божиих заповедей, и преимущественно тех, кто добровольно предается грехам. Хотеть же своими силами побеждать зло, — которое

уже побеждено пришествием Спасителя, — показывает непонимание христианских таинств Православной Церкви и обнаруживает признак горделивой самонадеянности человеческой, которая хочет все делать своими силами, не обращаясь к помощи Божией, тогда как сам Господь ясно говорит: *„Без Мене не можете творити ничесоже“*. Вы пишете, в Евангелии говорится, что при кончине мира зло восторжествует над добром. В Евангелии этого нигде не сказано; а говорится только, что в последнее время умалится вера (Лк. 18, 8), и *„за умножение беззакония иссякнет любви многих“* (Мф. 24, 12). А св. апостол Павел говорит, что пред Вторым Пришествием Спасителя *„явится человек беззакония, сын погибели, противник и превозносяйся паче всякого глаголемого Бога“*, т. е. антихрист. Но тут же сказано, что *„Господь Иисус убьет его духом уст Своих, и упразднит явлением пришествия Своего“* (2 Сол. 2, 3–8). Где же тут торжество зла над добром? И вообще всякое торжество зла над добром бывает только мнимое, временное.

С другой стороны, несправедливо и то, будто человечество на земле постоянно совершенствуется. Прогресс, или улучшение, есть только во внешних человеческих делах, в удобствах жизни. Например, мы пользуемся железными дорогами и телеграфами, которых прежде не было; выкапывается каменный уголь, который скрывался в недрах земных, и т. п. В христианско-нравственном же отношении всеобщего прогресса нет. Во все времена были люди, которые достигали высоконравственного христианского совершенства, руководствуясь истинною верою Христовой и следуя истинному христианскому учению, согласному с откровением божественным, какое Бог в Церкви Своей являл через мужей богодухновенных, пророков и апостолов.

Такие люди будут и во время антихристово, которое их ради и сократится, по сказанному: *„избранных же ради прекратятся дние оны“* (Мф. 24, 22). И опять: во все времена были люди, которые предавались различным порокам и беззакониям, или впадали в различные ереси и заблуждения, увлекаясь лжеименным разумом (1 Тим. 6, 20) и умствуя по земным началам, вопреки предостережению св. апостола Павла, который говорит: *„Братие, блюдитесь, да никтоже вас будет прельщая философиєю и тщетною лестию, по*

преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе... “ (Кол. 2, 8) Нравственное совершенство на земле (несовершенное) достигается не всем человечеством в совокупности, а каждым верующим в частности, по мере исполнения заповедей Божиих и по мере смирения.

Конечное же и совершенное совершенство достигается на небе, в будущей бесконечной жизни, к которой кратковременная земная жизнь человеческая служит лишь приготовлением, подобно тому, как годы, проведенные юношей в учебном заведении, служат приготовлением к будущей его практической деятельности. Если бы назначение человечества ограничивалось земным его существованием, если бы для человека все кончалось на земле, то почему же *„земля и яже на ней дела сгорят“*, как говорит св. апостол Петр? (2 Пет. 3, 10) Он же присовокупляет: *„Нова же небесе и новы земли по обетованию Его чаем, в нихже правда живет“* (2 Пет. 3, 13). Без будущей блаженной, бесконечной жизни земное наше пребывание было бы бесполезно и непонятно. Желание трудиться на благо человечества — весьма благовидное, но поставлено не на своем месте. Царственный пророк св. Давид говорит: сперва *„уклонись от зла, а потом уже сотвори благо“* (Ср.: Пс. 33, 15). У нынешних же людей дело выходит навыворот. Все хотят на словах трудиться на благо ближним, и нисколько или весьма мало заботятся о том, что наперед нужно самим уклониться от зла, а потом уже заботиться о пользе ближних. Широкие затеи молодого поколения о великой деятельности на пользу всего человечества похожи на то, как если бы кто, не кончив курса в гимназии, много мечтал о себе, что он мог бы быть профессором и великим наставником в университете. Но, с другой стороны, думать, что если мы не можем двинуть вперед всего человечества, то вовсе не стоит трудиться, — это опять другая крайность. Каждый христианин обязан, по силам своим и сообразно своему положению, трудиться на пользу других, но с тем, чтобы все это было вовремя и в порядке, как выше сказано, и чтобы успех наших трудов представлять Богу и Его святой воле».

В одном из позднейших своих писем (1875 г.) о. Амвросий опровергает ряд обвинений, направленных против православия и нередко высказываемых и в наши дни. Он по порядку приводит эти обвинения,

высказанные братом одной его духовной дочери, и по порядку их разбирает. «Брат ваш пишет вам, что евангелистам принадлежат очень немногие догматы. Главных догматов Православной Церкви только два: догмат о Св. Троице и догмат о воплощении Сына Божия. Об этих догматах говорит все Евангелие. А кратко и ясно изложено об этом в предисловии каждой Псалтири... Сами это прочтите и брату укажите.

Брат ваш пишет: „Догматы — это положения, ясно сформулированные. Догматы выработались вселенскими соборами“. Догмат есть не положение человеческое, ясно сформулированное, а истина Божественная о Боге, — истина, которую люди сами по себе никак не могли бы постигнуть, если бы она не открыта была самим Богом. Истину можно наследовать, истину можно познавать, истину можно утверждать, а истину полагать нельзя. Брат ваш утверждает: „От догматов до духа христианского, как до звезды небесной, далеко“. Неправда. Когда воплотившийся Сын Божий ученикам Своим апостолам открыл догмат о Св. Троице, сказав: „*Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа*“, то тут же с сим догматом соединил нераздельно и учение о духе христианском, говоря: „*И учаще их блюсти вся, елика заповедах вам...*“ (Мф. 28, 19, 20)

Брат ваш пишет: „Ересь есть уклонение от мнения большинства“. Неправда. Ересь есть уклонение от истины Божественной, а не от мнения большинства. Не большинству Господь поручил истину, сказав: „*Не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отец вам дати вам Царство*“ (Лк. 12, 32). Римская церковь численностью в несколько крат превосходит Церковь Православную, но, уклонившись от истины, она уклонилась в ересь.

Брат ваш пишет: „Я считаю совершенно возможным человека, признающего все решительно догматы веры, и вместе с тем очень далекого от духа христианства“. Правда, что иногда, к сожалению, так бывает. Только такие люди, если захотят исправить свою жизнь, очень удобно обретают путь спасения. Кто же имеет неправильные, сбивчивые и ложные понятия о вере и истине христианской, тому неудобно обрести спасение, когда бы и захотел. Кольми паче

невозможно ему иметь духа христианского и духа Христова... Вы пишете, что брат ваш кончил курс в Петербургском университете. Если бы кто стал уверять вашего брата, что не нужно учиться ни в гимназии, ни в университете, а только имей любовь к ближнему и получишь хорошую должность в окружном суде или даже в судебной палате, поверил ли бы брат ваш этому? Подобно должно рассуждать и о том, что невозможно иметь духа Христова тому, кто не имеет правильного и истинного ведения догматов веры христианской. По недосугу и по слабому здоровью более писать не имею возможности. А вкратце скажу: если брат ваш искренний и добросовестный человек, как вы пишете, то пусть с верою помолится Господу нашему Иисусу Христу, чтобы вразумил его в истине, и после пусть прочтет также с верою „Православное Исповедание“ Петра Могилы (книга эта есть в задонской книжной лавке, а если не найдется, то я могу вам выслать). Как Всеблагий Господь устроит о вашем брате, так пусть и да будет. *„Хочет бо Господь всем спастися и в разум истины прийти“*».

Одному студенту-филологу, обратившемуся к о. Амвросию со своими недоумениями, старец писал (1871 г.): «Вы пишете, что, сознательно веря в бытие Божие, вы доходите почти до убеждения, что представление Его в трех Лицах и разделение небесных сил на чины есть не что иное, как идеал государства.

Такое понятие ваше весьма неверно и далеко отстоит от истины, особенно по причине какого-то смешения Божества с тварями, от Него созданными. Иное есть Единый Бог в трех Лицах, и иное девять чинов ангельских, от Него созданных, и, наконец, совсем иное — государства земные и человеческие. Триединый Бог невидим и непостижим для твари, даже для Ангелов, кольми паче для человеков. Отчасти же ведом по откровению, сперва через пророков, вещавших Духом Святым, а потом через Единородного Сына Божия, вочеловечшегося, как говорит св. евангелист Иоанн Богослов: *„Бога никтоже виде нигде же, Единородный Сын, сый в лоне Отчи, Той исповеда“*. Как Единый Бог есть в трех Лицах, тому малое подобие видим в трисолнечном свете. Иное есть самое солнце, и иное — рождающийся от него свет, и иное — исходящие от солнца лучи. Все это одного существа и нераздельно, и с тем вместе тройственно. Второе подобие видим в

душе человека. Иное есть ум в человеке, и иное есть внутреннее слово, от ума раздающееся, которое передается другому и в то же время остается внутри нас, и иное есть дух, оживляющий человека и ведущий тайны его, по сказанному: „*Никтоже весть, яже в человеце, точию дух человека живущий в нем; якоже и Божие никтоже весть, точию Дух Божий*“. Все это составляет одно разумное существо человека, и вместе с тем есть тройственно. О Боге Едином и вместе Троином твари, особенно люди, могут делать только такое заключение. Все видимое от Невидимого. Все вещественное от Невещественного. Все, имеющее начало, от Безначального. Все, имеющее конец, от Бесконечного. Все временное от Вечного. Все, имеющее предел, от Беспредельного. Все измеримое от Неизмеримого. Все постижимое от Непостижимого. Некоторые из св. отцов любомудрствуют, что сперва были созданы десять чинов ангельских... Но десятый чин пал; осталось только девять чинов ангельских, по подобию которых существует на земле не идеальное какое-либо государство человеческое, а единая истинная Вселенская Церковь, основанная Сыном Божиим, Господом нашим Иисусом Христом и искупленная дражайшею Его Божественною кровию... Что же касается до государств человеческих, то они нисколько не относятся ни к иерархии небесной, ни даже к земной, потому что единая, истинная Церковь не ограничивается никаким государством, а существует по всей вселенной, имея членами своими истинно верующих и истинно благочестивых христиан. Для Бога все равно, в каком бы человек государстве ни жил, только был бы истинно верующим и благочестивым христианином. „*Един благоугождай Богу паче тысяч нечестивых*“, — как говорит св. Златоуст. Правда и неоспоримо, что не только Богу приятно, но и всем благочестивым, если целое государство будет процветать благочестием и истинными понятиями о вере. Но что же делать, когда пришло такое время, что многие заботятся о суетном, оставляя единое на потребу».

О театре о. Амвросий высказывался следующим образом: «Ваш Н. единственную истинную школу нравственности признает театр. А зачем же сам он ходит в храм Божий причащаться Св. Христовых Таин? Стало быть — театр не единственная школа нравственности... Да и нельзя отдавать театру особенное преимущество в нравственном

воспитании людей. Возьмите для примера две картины, — одну духовного содержания, например, распятие Господа нашего Иисуса Христа, претерпевшего ужаснейшие страдания и самую поносную смерть для спасения погибшего рода человеческого; а другую картину светскую, из народной жизни, например: как рассорились и разошлись муж с женою. Пусть N. ваш скажет по совести, какая картина будет иметь более благотворное влияние на нравственность человека. Если у него вкус в отношении к предметам нравственности еще не совсем испорчен, то, без сомнения, он должен отдать предпочтение картине, изображающей распятие Господа нашего за наши грехи. А что представляют зрителям в театрах, как не сцены из народной жизни. Прибавить к этому нужно, что сцены эти по временам бывают очень грязны. Кроме того, какая обстановка в театре? Светская музыка, не дающая возникнуть в душе человека ни одной духовной мысли, ни одному духовному чувству. А эти рассеянные лица зрителей, переглядывающихся, смеющихся, иногда пересмеивающих друг друга, а при некоторых сценических представлениях приходящих в негодование, выражающееся в бурных криках, или увлекающихся сладострастными чувствами, сопровождающимися неумолкаемым смехом и азартными рукоплесканиями и прочим? Это ли школа нравственности? Наоборот, это школа безнравственности, способная заморить в душе человека последние остатки доброй нравственности, если она в нем есть. Оттого теперь и появляются люди, подобные вашему N., — спорливые, упорные, раздражительные — что они учатся нравственности в театрах. Приходилось слышать, что некоторые называют театр порогом Церкви. Пожалуй, с этим можно согласиться, что театр есть порог Церкви, только с заднего крыльца»^[53].

Старца спрашивали, можно ли молиться за казненных государственных преступников? Отец Амвросий, по поводу смерти Каракозова, ответил следующее: «Если он нелицемерно раскаялся и принес пред Господом и пред духовником искреннее сознание и исповедание всех своих согрешений, то справедливо слово Г. А. П., что без сомнения можно его поминать, как бы его ни похоронили. Вся важность не в образе погребения, а в том, с каким душевным настроением отошел он из сей жизни. Если он только для виду и из

каких-либо человеческих предположений принес только наружное раскаяние, то какая ему будет польза от церковного поминовения. Но нам совершенно неизвестно, раскаялся ли он искренно, или нет, и даже приобщался ли; пусть разужают те, кто об этом заботится, а потом пусть поступают сообразно с тем, что узнают. А что он лишен погребения и что получил конец такую позорную смертью и подобное — все это, при искреннем раскаянии, может послужить ему к облегчению тяжкой вины преступления; другим же послужит это к вразумлению, чтобы так не забывались и так далеко не простирали своей дерзости. Господь всеблагий волею и неволею да вразумит нас всех и ими же весть судьбами да помилует произволяющих». О власти злых духов над людьми о. Амвросий писал: «Бесы имеют свойство сперва омрачить ум, а потом коснуться сердца, и уже тогда обладают всем телом, как хищные звери, прежде из головы высасывают кровь, а потом жрут все тело».

Подробнее о власти злых духов над людьми о. Амвросий пишет в следующем письме:

«Простите, что по немощи и недосугу до сих пор не мог отвечать вам на ваше письмо от 3-го июня.

Вы спрашиваете: „Неужели по желанию, или как будто по прихоти какой-нибудь бабы, может бес взойти в человека и в кого она захочет?“ Из приводимого вами самими примера о свиньях (Лк. 8, 32) видно, что совершенно ошибочно полагать, будто по одному желанию злого человека кто-либо может подвергнуться вражьему действию. — Действию сему подвергаются лишь те, кому попустит Бог, а Бог попускает не просто, но за разные грехи: за гордость, за злобу и вражду, за нечистое житие, как сказано и в письме блаженного старца Макария. Как Господь дозволил бесам взойти в свиней, так Он попускает иногда вражеской силе простираться на тех, кто проводит свинское житие или поработчен другими страстями. А кто как должно проводит христианское житие, по евангельским заповедям Божиим, на того ни злые старухи, ни самые бесы не могут иметь влияния, по сказанному: „на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия; и аще что и смертное испиют не вредит их“. — Далее пишете:

„Неужели крещение, приобщение Таин Святых и вообще все освящение, получаемое нами от разных таинств, бессильно защитит нас от подобных действий?“. Таинства сии не только не защищают нас, если мы недостойно приобщаемся их, но дают вражьей силе еще более доступа к нам, как видно на примере Иуды, который, имея злоумышление предательства, недостойно приобщился св. Вечери; и потому сказано в Евангелии: *„И по хлебе вниде в он сатана“*. — Пишете еще: „Кажется, Церковь наша запрещает, и не только запрещает, но и учит нас не верить во всякого рода гадания, волшебства, приговоры и прочее“. — Церковь запрещает прибегать к сим действиям; но из того самого, что запрещает, видно, что признает их возможность и действительность. Церковь повелевает только не верить в различные суеверия, например, приметы, замечания, различие дней и подобное. — Спрашиваете: „Почему эти тайны не известны людям ученым? Ведь они еще более могли бы зла наделать“. Очень известны. Что такое распространенные теперь между образованными людьми спириты и все подобное, как не такое же обольщение вражие? Пол-Америки в настоящее время занимаются этим. Сколько пасторов в Голландии от этого помешалось? Скольких увлек в Петербурге маг Юм? И разве не по внушению бесов люди ученые потрясают в целых поколениях веру и добрую нравственность. Чрез невежественных людей диавол действует по-невежественному и по-суеверному, а чрез ученых — по-ученому. — Разве мало зла наделал Вольтер, распространяя яд неверия и безбожия, по внушению беса? И что такое вольнодумство и всякие вымыслы, которыми люди отводятся от Бога и Церкви Божией, как не изобретение и не внушение беса? Также и в действиях некоторых из так называемых фокусников сколько есть такого, чего никак нельзя объяснить простою ловкостью или обманом, и что сами они приписывают это магии. Это то же самое, что колдовство в простом народе, но там оно обращено на суеверие или грубую зловредность, а здесь на приобретение денег и тонкую зловредность. — Пишете: „Ежели Господу угодно наказать таким несчастием, то для чего Ему употреблять орудием таких колдуний, и будто без них обойтись Он не может?“ Господь не стесняет самовластия людей и попускает иногда злым людям, при содействии вражеской силы, сотворить зло, когда хочет наказать других; и к чему же Ему употреблять иные средства, когда есть на то готовые орудия?

Это видно из слов апостола Павла *„аще неправда наша правду Божию составляет, еда неправеден Бог наводяй гнев?“* Еще пишете: „Закон Петра I не признает порчи, и, вероятно, он был согласован со Св. Синодом“. Верно, не был согласован, — а то бы этого не было. Далее удивляетесь, отчего священник из одной из своих дочерей не мог изгнать беса, между тем как привозимых к нему бесноватых он отчитывал всех почти. Всех почти — значит не всех, и, стало быть, причина в тех, кого не может отчитывать. — Наконец, спрашиваете: „Отчего же не всякий священник отчитывает бесноватых?“ — Власть дана всем, а чтобы пользоваться ею, надо иметь твердую веру и благочестивую жизнь, и особое произволение.

Желаю вам иметь разум евангельски-православный».

Будучи ревностным защитником православия, отец Амвросий еще при жизни старца Макария написал несколько статей и писем, заключающих в себе подробное и ясное обличение заблуждений лютеранства и папизма.

И когда к нему обращались за советами лица инославных исповеданий, что бывало нередко, старец, разрешив с любовью их недоумения, всегда указывал им ошибочность их исповедания и имел радость многих обратиться к Православной Церкви.

Одна француженка-католичка писала о. Амвросию следующее: «Многоуважаемый и добрый отец! Простите мою смелость, что я решаюсь написать вам несколько строк. Я слышала об вас, что вы истинный человек Божий, и потому я позволяю себе испросить чрез это письмо ваших добрых советов, в которых я очень нуждаюсь. Бес гордости владеет мною в такой степени, что не дает мне исполнять обязанность, как следует. Что должна я делать, чтобы от него избавиться? Несколько лет тому я была опасно больна, и тогда я обещала Богу, что, если Он сохранит мне жизнь и возвратит мне здоровье, я буду вести себя так, чтобы Господь мог забыть прошедшие мои грехи. Но увы! этого обещания, данного мною тогда на смертном одре, я не сдержала. Господь сохранил жизнь, а я, вместо воздаяния, сделалась еще хуже, чем прежде; и потому Бог меня наказывает и поражает меня в том, что мне дороже всего. У меня жил друг, очень

дорогой мне; он был католический священник. И Бог, который даровал мне этого друга, отнял его у меня; он умер от чахотки в Неаполе, — и упреки совести меня преследуют. Я не знаю, какая причина его болезни, потому что он ничего не открыл мне об этом. Не перехвачены ли были письма мои к нему? Или не сердился ли он на меня? Почему он мне ничего не открыл (о своей болезни)? Вот вопрос, который я постоянно предлагаю себе, и который меня непрестанно мучит. Иногда я боюсь, что сойду с ума; потому что какой-то голос мне говорит, что он мне писал. Но где его письма? От кого их требовать? — Потом другая мысль мне приходит: не я ли причина его смерти? Не понес ли он наказание за свою вину? Зачем я его мучила своими письмами? Зачем бес избрал меня, чтобы искушать его? И почему я столько страдала и еще страдаю за него, — почему я решительно не хочу забыть его? — Отец мой, помогите мне, дайте мне советы, что мне делать? Я желаю умереть, чтобы свидеться с ним. В жизни нет ничего привлекательного для меня; а я виновна, я очень дурна и не могу явиться пред Богом, ибо я была бы осуждена, и боюсь, что уже проклята. Мучения, которые я испытываю, имеют свою причину. Почему Бог посылает мне их? Чтобы я принесла покаяние, а в моем положении это очень трудно. В моей должности требуется, чтобы я была здорова, чтобы я была весела. Что я должна делать? Скажите мне. Простите, что я вас прошу ответить по прилагаемому адресу. Если вы не сочтете меня недостойною вашего ответа, то прошу вас, ответьте мне. Если не получу от вас ответа, я буду думать, что и вы меня осуждаете».

На этот вопль больной, грешной и измученной души о. Амвросий отвечал следующим, полным деликатности и христианской любви, письмом: «Получил я от вас письмо в декабре прошлого года, и не мало удивился тому, что вы, не зная меня, отнеслись ко мне письменно с таким доверием. Если вы Бога ради отнеслись доверчиво ко мне, недостойному, то никак не могу оставить без ответа письма вашего. Но только прежде буду отвечать на второй ваш вопрос, а на первый, т. е. о гордости, буду отвечать после.

Вы пишете, что имели друга, который умер от чахотки. Вас теперь мучат различные помыслы, сомнения и недоумения: не были ли вы

причиною его смерти, потому что мучили его своими письмами, на которые он не отвечал.

На это я скажу вам, что человека письмами уморить нельзя. А что он не отвечал вам, на это может быть очень простая причина: или не хотел вас огорчить известием о своей болезни, или надеялся скоро выздороветь, и тогда вам отписать, как все чахоточные думают и питают такую надежду. Еще пишете: „Не понес ли он наказание за свою вину?“ Если у вас вина была общая, то вам следует принести и покаяние, и молиться милосердому Господу, чтобы Он простил эту вину и вам, и другу вашему; потому что Сын Божий во плоти пришел на землю для того, чтобы призвать не праведников, но грешников на покаяние. Пишете также, что хотя все страдаю, но друга своего забыть не могу. Так бывает со всеми, когда кто любит другого любовью не по Богу, а любовью человеческою. Впрочем, если вы будете поминать друга своего, как выше сказано, т. е. с мыслью покаяния пред Богом, тогда такое памятование будет полезно ему и вам. К такой мысли покаяния обязывает вас и прежде данное вами обещание исправить жизнь свою и вести оную так, как было бы угодно Богу. Но вы пишете, что будто бы настоящая ваша должность препятствует такому настроению духа, так как она требует здоровья и веселости. Ни внешняя веселость, ни телесное здоровье не могут препятствовать мысли покаяния, которое хотя и требует внутреннего и духовного сетования, но это сетование может растворяться некоторой радостью, как пишет апостол Павел: „*Ко всем долготерпите, всегда радуйтесь, непрестанно молитесь и о всем благодарите. Сия бо есть воля Божия*“. Слово апостола показывает, что не одни праведные, но и согрешившие могут радоваться в некоторой степени при той мысли, что милосердый Господь даровал им средство к получению милости Божией вечной; и это средство состоит в искреннем раскаянии и в сильном исправлении своей жизни.

Теперь скажу и о первом вашем вопросе. Вы пишете: „Бес гордости владеет мною в такой степени, что он не дает мне исполнять обязанность мою, как следует. Что должна я делать, чтобы от него избавиться?“ На это должен я вам сказать слово, не всеми удобоприемлемое, а только истинно благопроизволяющими и

искренно ищущими истины и пути истинного. И скажу не от себя, а как пишет древний святой отец, св. Иоанн Лествичник: что гордость побеждается смирением, а добродетель смирения принадлежит не всем людям разных вероисповеданий, а только правоверующим. Правое же и истинное вероисповедание одно, как свидетельствует св. апостол Павел, „*един Бог и едина вера*“. Слова апостола показывают: как один истинный Бог, так и истинное вероисповедание одно, а не многие, в которых много привнесено человеческих мнений, кроме Божественной истины. Вот, например, в Евангелии Сам Господь говорит о Св. Духе, что он от Отца исходит, а в вашей римской церкви, по человеческому умозаключению, прибавлено слово: и от Сына. Еще Господь говорит о св. тайне приобщения Кровию Его: „*Пийте от нея вси*“. В римской же вашей церкви только духовенство присвоило себе право приобщаться Кровию Христовою; а мирян приобщаете только одним Телом Христовым, говоря в свое оправдание мирянам, что где тело, там и кровь. Вот я вам указал две неправильности римской церкви, первостоятель которой допустил по славолюбию и третью неправильность, присвоив себе первенство пред другими патриархами этой Церкви Христовой. А допуская славолюбие, мудрено и неудобно, и даже невозможно, бороться со страстью гордости. По этой причине предлагаю вам рассмотреть учение, правила и обряды Православной Церкви, которая неизменно соблюдает первоначальное христианское учение, получивши свое начало от Иерусалима, где распят был Господь и откуда апостолы начали свою проповедь. Что вы скажете на мое предложение? Отвечайте искренно».

Другому католику, сенатору, о. Амвросий писал: «Простите меня великодушно, что, получив от вас, чрез нашего о. игумена, десять рублей для бедных, в свое время не уведомил вас и не поблагодарил. Получивши еще от вас двадцать пять рублей (десять рублей от братца вашего для бедных, пятнадцать от вас на мое грешное благоусмотрение), приношу обоим вам искреннее благодарение за усердие ваше с приложением псаломского слова: „*Блажен разумевай на нища и убога, в день лют избавит его Господь*“ (Пс. 40, 2). Также благодарю вас за присылку мне, грешному, Библии в прекрасном переплете и в малом формате. При получении этой книги мне пришла такая мысль: Библия одна, а смысл оной понимают в разных

христианских вероисповеданиях различно. Отчего произошла такая разность? Причина этому следующая. Восточная Православная Церковь принимает во всей полноте как ветхозаветное, так и христианское вероучение, следуя словам Самого Господа, рекшего к апостолам: „*Шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам*“ (Мф. 28, 19–20). Другие же вероисповедания не считают обязательным исполнять все, а составили себе вероучение по выбору: что им нравится — принимают, а что им не нравится — отвергают. От такого выбора произошли различные ереси. Ересь происходит от греческого слова *αίρέω* — выбираю.

Разным европейским вероисповеданиям первый повод подала западная римская церковь, к евангельскому слову Самого Господа приложив, по человеческой логике, прибавление, что Дух Святой исходит и от Сына. За прибавлением неминуемо последовало и убавление по выбору вопреки слова Самого Господа, глаголящего: „*Прейдет небо и земля, иота едина, или едина черта не преидет от закона, чтобы не исполнилось все*“ (Ср.: Мф. 5, 18). Вот что, при получении от вас Библии, пришло мне в голову, то вам и написал. Простите, если написал я не у места и без надобности. Св. Иоанн Лествичник пишет: „Перед мудрыми не мудри“».

От переписки о. Амвросия со светскими лицами обратимся к переписке его с монашествующими. Впрочем, ввиду ее более специального характера, мы коснемся ее вкратце.

Отец Амвросий имел обыкновение к великим праздникам рождества Христова и Светлого Христова Воскресения рассылать своим духовным детям, главным образом, монахиням, краткие поздравления с наступающим праздником. Когда число духовных детей значительно возросло, а болезненность и слабость старца увеличились, он вынужден был заменить эти частные, отдельные поздравления общими поздравительными письмами, которые и рассылались по всем относившимся к о. Амвросию обителям. Такие общие поздравления начались с 1870 года и продолжались до самой кончины старца, причем они получили характер глубокосодержательных бесед о

смысле наступающего праздника или заключали в себе разъяснения тех или других не совсем ясных церковных песнопений и мест Священного Писания, а иногда являлись нравственными наставлениями, касающимися преимущественно монашеских добродетелей — смирения, послушания и других.

Так, к Рождеству 1870 года старец писал своим духовным детям о высоком смысле Боговоплощения: «Мудрствующим о Господе. Милостию и долготерпением Божиим паки и паки достигаем времени ежегодного празднования Рождества Христова.

Вместо простого обычного поздравления хочу вам сказать несколько слов о великом таинстве великого сего праздника. Церковь в песнях своих уже призывает верных высокими умы созерцать „Странствие Владычне и очищенными сердцами таинственно насладиться бессмертная трапезы во убозем вертепе: како везде Сущий, преклонив небеса, сниде на землю, не оставь недр Отческих; како Невидимый видим бысть; како Собезначальное Слово и Соприсносущный Сын Божий Сын Девы бывает; како Предвечный и в вышних Непостижимый от Девы рождается днесь, яко младенец; како Неприступный всем днесь, яко младенец, объемлетя матерними девическими руками; како Покрываяй облаками небо днесь, яко младенец, пеленами повивается; како вся премудростию Сотворивый днесь, яко повитый младенец, в яслех скотиих полагается, да бессловесия избавит человеки; како Питаяй всяческая днесь, яко младенец, млеко матерним питается. О, таинства страшного! О, вещи непостижимые! Како Бог непреложно человек бывает, да богом человека соделает, предголоваый пророком: Аз рех, бози есте вы, и сынова Вышнего вси! Но, о окаянства нашего! Мы же, яко человецы, умираем“. О, суетства нашего и нерадения о Божественном всыновлении! Возлюбихом паче рабство страстей и злато ради произволения нашего, волею и неволею подклоняем выю игу сопротивного. О, ослепления нашего и омрачения! Блаженны ушеса пастырей оных, слышавших, како на воздухе Ангелы, воспевая славу Богу в вышних, благовествовали мир земле и Божие благоволение человекам. Блаженны их очеса, видевшие, яко агнца непорочна, во чреве Мариине упасшегося. Блаженны и все те, которые сподобляются

Божия благоволения и мира, всяк ум превосходящего. Блаженны и премудрые волхвы, пришедшие от далеких стран поклониться Рождшемуся от Девы, принешие Ему достойные дары: злато, яко Царю, ливан, яко Богу, и смирну, яко Мертвецу бессмертному. Блаженны и все, достойно поклоняющиеся Ему духом и истиною, принося Ему дары, кийждо по силе своей: ов^[54], яко злато, праведные лепты милосердия, ов, яко ливан и благовонное кадило — славословие и чистые молитвы покаяния и исповедания; ов же, яко благоуханную смирну — благодарное воспоминание страданий и благоговейное поклонение животворящим язвам Вочеловечшегося и плотию Распеншегося за спасение наше. Но что сотворим мы, унылые и нечувственные, от них же первый есмь аз, не могуще возвышенным от земли умом и очищенным сердцем насладиться, бессмертные сея трапезы во убозем вертепе. Смирясь и зазирая себя, да внемлем усердно с благоговением чтению и пению церковному и от них, яко от источника жизни и бессмертия, да почерпаем себе утешение и вразумление, и спасение, милостию и неизреченным человеколюбием Воплотившегося нас ради Сына Божия, Ему же подобает слава и держава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем и пресвятым и благим и животворящим Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь. Неизреченно Родивыйся от Девы, помилуй нас студных за молитвы Пречистыя Твоя Матери и всех благоугодивших Тебе!» К Пасхе следующего 1871 года старец разослал своим духовным детям послание, в котором разъяснял духовный смысл пасхальных священнодействий:

«Мудрствующим о Господе! К празднику Рождества Христова вместо обычного поздравления писал я Вам о великом таинстве великого сего праздника. Желал бы и теперь сказать вам что-нибудь о таинственном значении торжества христианских торжеств, т. е. праздника Воскресения Христова. Но по слабости болезненной не имею к тому ни сил, ни возможности. Разве только скажу вкратце, что ежегодное торжественное празднование Светлого Праздника Воскресения Христова, кроме собственного значения, служит вместе для нас и напоминанием всеобщего и всемирного воскресения, что особенно видно из знаменательных действий пасхальной утрени.

Первое. В светоносную ночь, после прочтения полунощницы, бывает торжественное похождение и обхождение храма священнослужителями и всеми верными с возженными свечами при несении креста, и святых икон и звоне колоколов. Явно, что это церковное действие прямо указывает на Евангельскую притчу о десяти девах, в полночи возбужденных воплем: *„Се, жених грядет, исходите в сретение его! Тогда восташа вся девы тья и украсиша светильники своя, и изыдоша в сретение жениху“* (Мф, 25, 6–7). Девы эти — души верующих. Жених — Христос. Ночь — жизнь века сего. Светильники — вера и добрые дела. Как Евангельская притча, так и торжественное обхождение храма верующими при звоне колоколов не изображают ли всеобщее воскресение при конце мира, когда глас трубы архангельской возбудит всех мертвых, и верующие в Господа, подобно евангельским девам, изыдут в сретение Ему со светильники своими, каждый по достоинству своему.

Второе. Когда совершается это торжественное шествие около храма, двери церковные затворяются. Верные, идущие, видят в храме свет, а на пути пред собою и около себя непроницаемый мрак, и тако приходят в преддверие храма к затворенным дверям. Не означает ли сим, что все воскресшие во всемирное воскресение издали узрят чертог небесной Славы, но не все внидут в оный, а только одни достойные, у которых светильники, как у мудрых дев, не угаснут в сретении Жениха-Христа. Остальные же, у которых, как у юродивых дев, светильники угаснут, тщетно будут повторять начало церковного стиха: *„Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный и одежды не имам, да вниду в он“*.

Третье. В преддверии храма, пред затворенным оною входом, первенствующий служащий, сотворив обычное пасхальное начало прославлением Святыя Троицы и пением „Христос Воскресе“, с крестом в руках, отверзает двери церковные и первый входит во храм, а за ним входят безразлично и все прочие христиане, поюще радостную церковную песнь: *„Христос воскресе из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав“*. Повторяя оную многократно, прилагают и другие всерадостные песнопения: *„Воскресения день, просветимся, людие!“*, *„Пасха, Господня Пасха!“*,

„От смерти бо к жизни, и от земли к небеси Христос Бог нас приведе победную поюция“ и т. д. Не слышно уже обычного чтения, возбуждающего дух сокрушения, а слышно одно лишь непрерывное сладкопение, возбуждающее во всех радование. Непрестанно являются служители алтаря в блистающих одеждах, непрестанно зрим Крест Христов и поклоняемся сему знамению спасения нашего, непрестанно осеняемся курением священного фимиама; у всех в руках возженные свечи; в устах же у всех и служащих, и поющих, и предстоящих, только и слышится радостное: „Христос Воскресе!“

Так празднуется временная Пасха Христова на земле, и к сему празднованию допускаются все христиане, достойные и недостойные, потому что настоящая жизнь подлежит изменению: нередко достойные делаются недостойными, и наоборот — недостойные делаются достойными, что явно оказалось на Иуде и разбойнике. Первый был в лике избранных дванадесяти Апостолов Христовых, три лета последовал за Христом, слушая непрестанно учение Его, и имел дарование изгонять бесов и исцелять многообразные болезни. Но, наконец, обезумевши от нерадения и сребролюбия, предал Христа и погиб вечно. Последний же более 30 лет был в шайке закоренелых разбойников, но, вразумившись на кресте, исповедал волею Распещенного Сына Божия Господом и Царем и первый вошел в рай. Примеры эти да содержим всегда в памяти, чтобы воздержат себя от греха осуждения, хотя бы мы видели кого-либо и при конце жизни грешащим, как убеждает нас св. Иоанн Лествичник.

Но иной будет порядок празднования на небеси Пасхи вечной после всеобщего воскресения и суда. К празднованию оной допустятся только одни избранные, достойные. И кто единожды допущен будет в чертог небесный к празднованию Пасхи вечной, тот вечно и останется в лике празднующих оную, во глазе радования. Кто же окажется недостойным участия в этом праздновании, тот уже пребудет в вечном лишении и вечном отчуждении.

Но теперь неблагоприятно говорить подробно о горькой участи последних по причине всерадостного праздника. А скажем только одно, что все мы, христиане, пока живы, должны быть осторожны и

внимательны к своему спасению. И мнящиеся из нас стояти, по слову апостольскому, да блюдутся, да не падут, памятуя всегда ужасающий пример погибшего Иуды. Немошные же из нас и падающие да возбуждаются надеждою исправления, видя утешительный пример благоразумного разбойника, наследовавшего рай.

О, Пасха, велия и священнейшая Христе! О, мудросте и Слове Божий, и сило! Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего!»

В другом роде было пасхальное приветствие старца, разосланное им в 1881 году:

«Сестры о Господе и матери! Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! Поздравляю вас с светлым праздником Воскресения Христова и сердечно желаю всем вам встретить и провести всерадостное сие христианское торжество в мире и радовании, и утешении духовном, если кому не помешает несвойственная немощь. Вы спросите, какая же это немощь? Может быть, подумаете, что под этим разумеется неисправное проведение поста св. Четырдесятницы. Но св. Златоуст снисходит нам в этом, говоря: „Постившиися и непостившиися возвеселитесь днесь, воздержницы и ленивии день почтите!“ Также, может быть, подумаете, что это относится к памяти прежних согрешений, которая препятствует радости. Но и об этом он же говорит: „Никтоже да плачет прегрешений, прощение бо от гроба возсия“. Итак, спросите, какая же это немощь? Та несвойственная немощь, которая побудила Каина убить незлобивого Авеля, а иудеев побудила распять Христа Спасителя и Избавителя мира.

Сами можете понять, что говорю вам о страсти зависти, которая, по Писанию, не весть предпочитати полезная. Страсть зависти ни в какой радостный праздник, ни при каких радостных обстоятельствах, не дает вполне порадоваться тому, кем она обладает. Всегда, как червь, точит душу и сердце его смутною печалию, потому что завистливый благополучие и успехи ближнего почитает своим несчастьем, а оказываемое другим предпочтение считает для себя несправедливою обидою.

Один греческий царь пожелал узнать, кто из двух хуже, сребролюбец или завистливый, потому что оба не желают другим добра. С этой целью повелел призвать к себе сребролюбца и завистливого и говорит им: „Просите у меня каждый из вас, что ему угодно; только знайте, что второй получит вдвое, что попросит первый“. Сребролюбец и завистливый долго препирались, не желая каждый просить прежде, чтобы после получить вдвое. Наконец, царь сказал завистливому, чтобы он просил первый. Завистливый, будучи объят недоброжелательством к ближним, вместо получения обратился к злоумышлению и говорит царю: „Государь! Прикажи мне выколоть глаз“. Удивленный царь спросил, для чего он изъявил такое желание? Завистливый отвечал: „Для того, чтобы ты, государь, приказал товарищу моему выколоть оба глаза“.

Вот насколько страсть зависти зловредна и душевредна, но еще и зложелательна. Завистливый готов подвергнуть себя вреду, лишь бы только вдвое повредить ближнему. Мы здесь выставили самую сильную степень зависти. Но и она, как и все другие страсти, имеет разные размеры и степени, и потому должно стараться подавлять ее и истреблять при первом ощущении, моляся Всесильному Сердцеведцу Богу псаломскими словами: „*От тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади рабу Твою или раба Твоего*“ (Пс. 18, 13–14). Также со смирением должно исповедовать немощь эту пред духовным отцом. А третье средство — всячески стараться не говорить чего-либо противного о том человеке, которому завидуем. Употребляя эти средства, мы можем с помощью Божией, хотя не скоро, исцелиться от завистливой немощи.

Зависть происходит от гордости и вместе от нерадения к исполнению должного. Каин понерадел принести избранную жертву Богу. А когда Бог за такое нерадение презрел его жертву, а усердную и избранную жертву Авеля принял, тогда он, объятый завистью, решился убить и убил праведного Авеля. Всего лучше, как сказано выше, стараться истреблять зависть в самом начале смиренной молитвою, смиренною исповедью и благоразумным молчанием. Кто с помощью Божиею возможет истреблять в себе страсть зависти, тот может надеяться победить и другие страсти, и тогда не только в Светлый праздник

Воскресения Христова и в другие христианские праздники он может радоваться радостью неизглаголанною, но и в простые дни всегда будет находиться в благом расположении духа и в благом устроении. Аминь.

А меня простите за непраздничное поздравление. Хотел я в праздник сказать вам нечто и полезное, а полезное редко сходится с приятным. Кому не понравится это поздравление, пусть прочтет его на Фоминой неделе и да заметит, что зависть вначале обнаруживается неуместною ревностью и соперничеством, а затем рвением с досадою и порицанием того, кому завидуем. Итак, да будем благоразумны и осторожны при первом появлении завистливого чувства, стараясь отвергать оное, прося всесильной помощи нас ради Распеншегося и в третий день Воскресшего Христа Господа. Аминь! Аминь!!!»

Не приводя других праздничных писем, из коих, в большинстве, старец разъясняет те или другие псаломские слова и церковные песни, например, *«Уста моя возглаголют премудрость...»*, или *«Наказуя, наказа мя Господь...»*, или *«Еда забудет ущедрити Бог...»*, или *«Покрыла есть небеса добродетель Твоя, Христе...»*, или *«Жезл из корене Иесеова...»*, или *«Таинство странное...»* и т. д., скажем лишь, что этими своими письмами о. Амвросий создавал в своих духовных детях одно общее праздничное высокое настроение и, таким образом, соединял их в одну духовную семью.

Общие письма составляют лишь небольшую часть тех писем к монашествующим, которые были написаны о. Амвросием за 30 лет его старчества^[55]. Письма эти не так разнообразны по своему содержанию, как письма к светским лицам; они учат все одному и тому же: как иметь страх Божий, как искоренять страсти, как преуспевать в молитве, как вообще жить монаху или монахине, избегая прелести и обольщений; тем не менее, они глубоко назидательны и могут быть полезны не только для монашествующих, но и для мирян. Вот основные мысли некоторых из них: мудрость христианская состоит в том, чтобы во время искушений хранить веру в Господа; бодрость — от единения с Господом, уныние — от тщеславия; сознание своей немощи, самоукорение и терпение — три ступени к

смирению; кратчайший путь ко Христу — носить тяготы друг друга; главные препятствия к усвоению святости — похоть плоти, похоть очес и гордость житейская; серьезная болезнь серьезнее обращает к Богу; духовное возрождение начинается освобождением от страстей, а завершается прохождением добродетелей; о том, что грешнику полезнее вспоминать ад, нежели рай; гордый ученик должен искать старца строгого; найти совершенство без покаяния — самообман; одни правила и посты без соблюдения заповедей не спасут; должно идти средним путем; не должно вступаться не в свои дела, а себе внимать; умеренному деланию цены нет, а крайности — от диавола; об искушениях на молитве и т. д.

Отец Амвросий в своей келейной обстановке. Будничный и праздничный день старца. Дни исключительные

Внешняя обстановка жизни о. Амвросия была самой скромной. Он занимал, как было уже сказано, небольшой корпус с правой стороны от Св. скитских врат. Небольшое крылечко изнутри скита вело в сени, а оттуда в низенький и темный коридор, по обеим сторонам которого стояли скамьи для проходящих монахов и простых посетителей мужского пола. Из коридора первая дверь направо вела в небольшую приемную зальцу, куда старец выходил также на общее благословение. Передний угол зальцы занят был св. иконами. Стены сплошь увешаны картинами духовного содержания и портретами, между которыми можно было видеть портреты: Государя Императора, митрополитов Филарета и Иннокентия Московских, Филарета, Арсения и Иоанникия Киевских, епископов — Григория II, Владимира и Анастасия Калужских, Молдавского старца Паисия Величковского и других духовных старцев, оптинских и не оптинских. В зальце стояли диван, стулья, столы и этажерка с книгами духовного содержания, чтобы посетители, в ожидании приема старца, могли на досуге заняться чтением. Рядом с приемной маленькая келлилка келейника о. Михаила. Против приемной дверь в келлию самого старца Амвросия, которая

всегда была на крючке и отпиралась только во время служения келейных бдений и еще в некоторых исключительных случаях. Келлия старца была с переднею, в которой висела его простая, иногда даже заплатанная одежда: подрясника два ваточных, подрясника два холодных, балахон, легонькая меховая ряска из малороссийских беленьких смушек^[56]. Тут же хранились его мухояровая^[57] мантия, ряска и клобук. Самая келлия старца вся увешана была св. иконами и портретами духовных лиц, большею частью принесенными в дар старцу его почитателями. Между иконами особенное внимание обращали на себя: а) маленькая икона (вершка 4 высотой) Божией Матери именуемая «Тамбовскою», — родительское благословение старца Амвросия. Пред нею теплилась неугасимая лампада; б) икона Божией Матери «Скоропослушница» (вершков 12 высотой) присланная в дар старцу из Москвы из Афонской часовни; в) большая икона св. великомученика и целebника Пантелеимона, пред которою также горела неугасимая лампада; г) большое изображение на полотне Киево-Печерской Божией Матери с коленопреклоненными преп. Антонием и преп. Феодосием. Эта икона стояла над койкою о. Амвросия в его изголовье; д) икона Нерукотворного Спаса художественной работы.

Между портретами духовных лиц были: Троекуровского затворника Илариона, Вышенского затворника — епископа Феофана, протоиерея Феодора Александровича Голубинского, Кронштадтского протоиерея о. Иоанна Ильича Сергиева и других.

У восточной стены келлии стоял небольшой письменоводительский столик, где письменоводитель писал письма под диктовку старца. В святом углу аналой со шкафчиком, со следованною на нем псалтирью и другими книгами, необходимыми для вычитывания правила. Вдоль южной стены другой стол, на котором стояли некоторые иконы, подсвечники с восковыми свечами и лежало несколько духовных книг. Вдоль западной стены стояла койка старца, а около нее печка, в зимнее время вся заваленная носками и увешанная фланелевыми рубашками. К северной стене приставлен был шкаф, наполненный святоотеческими и другими духовно-нравственными книгами. Между шкафом и печкой дверь. Затем табуретки три-четыре и два старинных

кресла для почетных посетителей. Рядом с келлиею старца келлия другого его келейника, о. Иосифа, тоже вся в иконах и портретах.

Против входных дверей, в конце коридора, дверь в хибарку, или пристроенное, довольно просторное помещение для женского пола, состоявшее из нескольких комнат и коридора, который вел в заднюю еще хибарку, из которой уже был выход наружу. И здесь было множество икон, между которыми особенно выдающеюся была большая Афонская икона Божией Матери, именуемая «Достоинство есть». Такова была внешняя обстановка жизни старца Амвросия.

Будничный день старца обыкновенно начинался молитвословием. Келейники в свое время попеременно читали положенное правило, а старец слушал или стоя на своей койке, или, большею частью, по немощи, сидя на тут же устроенном для него седалище... Когда же был болен, во время чтения лежал, а правила все-таки никогда не упустил. Для слушания утреннего правила поначалу он вставал часа в четыре утра, звонил, к нему являлись келейники и прочитывали: утренние молитвы, двенадцать избранных псалмов и первый час. Затем, после краткого отдыха, старец слушал часы — третий и шестой с изобразительными и смотря по дню — канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, каковые акафисты он всегда выслушивал стоя. Описанные правила всегда были у старца с более или менее продолжительными остановками. Прослушав, например, половину утреннего правила и чувствуя ослабление сил, он отпускал от себя келейных и, отдохнувши несколько, звал опять и дослушивал правило. Так же было и во время часов. Может быть, и другие, более важные причины, заставляли старца делать эти перерывы, именно — упражнение наедине в умной молитве, о чем можно предполагать с вероятностью. Выслушав положенные молитвословия, старец начинал умываться. Кто-нибудь из келейников ставил возле его койки медный таз на табуретку и начинал понемногу лить на руки ему тепловатую воду из большого чайника; а он на коленях, нагнувшись над тазом, умывался. Во время этого действия со стороны келейников начинались вопросы: «Батюшка! Вот тот-то в таких-то обстоятельствах находится, — что ему благословите делать?» — Или: «Вот та-то просит благословения на такое-то дело, благословите или нет?» И прочее, и

прочее... Старец и свое дело делал и вместе отвечал на вопросы. После умыванья старец подкреплялся чаем, среди которого диктовал письма и затем выходил к посетителям... Впрочем, так было до 70-х годов, когда силы старца были покрепче; а после того, при умножавшемся год от году числе посетителей, вследствие крайнего переутомления, он и на правило утреннее вставал позже, часов в пять, и по выслушивании часов, с канонем и акафистом, нередко ложился на койку для кратковременного отдыха. Вставая, он, бывало, промолвит: «Ох! Все больно»... В зимнее время он весьма часто простуживался. Встанет с опухшим лицом, с лихорадочным ознобом или ревматическими болями в теле, умоется, начнет растираться спиртом или какою-либо мазью. Келейники же все-таки задают вопросы, а старец едва слышным голосом отвечает. Вместе с тем начнутся у старца переодевания и переобувания, которые в продолжение дня повторялись много раз. О своем нездоровье он и в письмах к близким лицам неоднократно писал: «Слабость и болезненность усиливаются, и переобувания и переодевания утроились; жара и холода равно не выношу. В меру только один семнадцатый градус тепла; а выше и ниже дурно влияет. Вот тут и умудряйся около одного градуса вертеться, и как один этот градус удержать, когда постоянно подходят натуральные печки и своими толками умножают жар».

Пока старец, во время своего утреннего чая, диктует письма, к его жилью мало-помалу подходят посетители, — с одной стороны изнутри скита мужчины, а снаружи женский пол. Не успел он еще окончить нужное письмо, а уж народ начал и в дверь стучаться и звонить в проведенный снаружи колокольчик. Выйдет келейник. Просят доложить. Тот обыкновенно отвечает: «Старец занят». Вскорости опять со стороны нетерпеливых посетителей стук и звон; опять та же просьба, и опять тот же ответ. Но чем дальше, тем все более и более нетерпение посетителей увеличивалось, и уже доходило до ропота. Стук и звон все чаще и чаще повторялся. Выходившему келейнику уже бесцеремонно говорили: «Что же вы не докладываете?» или: «Вы не хотите доложить» и т. п. — В хибарке набьются вместе с мирскими монахини из разных монастырей. Кто говорит: «Я вот уже живу здесь и хожу к старцу целую неделю, и никак не могу до него дойти», а иная говорит: «А я — две». Лишь только выйдет к ним келейник, как в

сотню голосов к нему: «Доложите, доложите». Желая хоть сколько-нибудь успокоить посетительниц, он спросит: «Как о вас доложить?» Каждая, конечно, рассказывает, откуда прибыла. Но где же ему в такой суматохе всех упомянуть? Своеобразно докладывал о них о. Михаил. Придет к старцу и скажет: «В хибарке вас, батюшка, ждут». — «Кто там?» — спросит старец. — «Московские, вяземские, тульские, белевские, каширские и прочие народы». — «Скажи, чтобы подождали». Выйдет опять. «Ну, что, — спросят, — докладывали?» — «Доклаживал». — «Что же?» — «Велит подождать». — «Да вы, должно быть, не докладываете». Между тем болезненный старец, подготавливаясь, выходит к посетителям, переодевался, переобувался, занимаясь вместе с кем-либо из братьев с одним или вдруг с несколькими, да велся какой-либо общий разговор. Слушая назидательную речь старца, присутствовавшие в то же время помогали ему в переодевании и переобувании. Снимали сапоги и отсыревшие носки, подавали сухие и проч. Так всегда бывало. Наконец, может быть, уже около часов десяти дня, если не позже, старец выходил к давно уже ожидавшим его посетителям. Пройдет по коридору, где бывали мужчины; кого на ходу благословит, кому скажет несколько слов; с особенными же нуждами принимал в зальце отдельно и занимался по нескольку времени. Потом проходил в хибарку и там уже оставался надолго. Нельзя не заметить при этом, что не все приходили к болезненному старцу за делом, а некоторые только отнимали у него время и тем, в особенности, отягощали его.

Он сам жаловался на таких посетителей в своих письмах: «Старость, слабость, бессилие, многозаботливость и многозабвение, и многие бесполезные толки не дают мне и опомниться. Один толкует, что у него слабы голова и ноги, другой жалуется, что у него скорби многи; а иной объясняет, что он находится в постоянной тревоге, ты все это слушай, да еще ответ давай; а молчанием не отделаешься — обижаются и оскорбляются. Недаром повторяется иногда поговорка: толкуй больной с подлекарем. Больному хочется объяснить свое положение, а подлекарю скучно слушать; а делать нечего — слушает, не желая еще более раздражить и растревожить больного толкуна».

Иным нетерпеливым посетителям старец ставил в пример великих угодников Божиих и, советуя им потерпеть, говорил им со своим обычным добродушием: «Терпел Моисей, терпел Елисей, терпел Илия, так потерплю ж и я».

Но вот настает полдень — время обедать. Не отпуская посетителей, старец шел в смежную со своею келлию — келлию о. Иосифа, своего келейника; и там, полулежа около стола от утомления, вкушал пищу, которая состояла из двух блюд — ухи из свежей рыбы, не очень жирной, и клюквенного киселя, а в постные дни вместо ухи ему готовили похлебку или картофельный суп на подсолнечном масле. Как-то пришла ему мысль обойтись без масла и, чтобы постная пища была не очень сурова, велел заправить ее толчеными грецкими орехами. Случилась тут какая-то знакомая старцу игуменья, которую он и вздумал попотчевать этим снадобьем. «Да это что же у вас такое, батюшка? — сказала она. — Это рвотное».

Пищи съедалось старцем не более, сколько может съесть трехлетний малюток. Обед его длился десять или пятнадцать минут, в продолжение которых келейники опять-таки задавали ему вопросы о разных лицах и получали от него ответы. Но иногда, чтобы хоть сколько-нибудь дать отдохнуть своей голове, старец приказывал кому-нибудь из близких, во время своего обеда, почитать что-нибудь легкое. Любил иногда прослушать что-нибудь из басен Крылова. Книга эта всегда почти лежала при нем на столе в келейной. Доставил ему однажды кто-то сочинение какого-то господина о русских монастырях, в которых, к сожалению, почтенный сочинитель кроме грязи ничего не заметил. Старец прослушал эту книгу с грустно-серьезным выражением лица и никакого своего мнения о ней не высказал.

По окончании обеда старец, если был слаб, тут же, лежа на койке, принимал кого понужнее, или вдруг принимал всех на общее благословение, сначала мужской пол, а после и женский. Набьется полная келлия. На этих общих приемах старец вразумлял нуждающихся метким словом, нередко пословицами, понятными тому, к кому они относились. Или рассказывал что-нибудь такое, что служило ответом на сокровенную мысль кого-либо из

присутствовавших. Иногда заставлял кого-нибудь из посетительниц прочитать более подходящую к делу басню Крылова; затем скажет несколько назидательных слов в шутовском тоне и, наконец, преподав всем благословение, направится к своей келлии. За ним во сто голосов: «Батюшка! Батюшка! Мне словечко сказать; мне пару слов». Но усталый, болезненный старец кое-как, при помощи келейников, протискивался сквозь толпу, уходил в свою келлию и запирался изнутри на крючок, чтобы и туда народ не нахлынул.

Если же старец после обеда имел довольно сил, то он выходил преподавать общее благословение в хибарку. Предварительно появлялся келейник и закрывал все окна, чтобы не было сквозного ветра. Все сидящие поднимались со своих мест, становились по обеим сторонам, оставляя небольшой проход для батюшки. Наконец дверь отворялась, и на пороге появлялся старец в белом балахоне, сверху которого всегда, и зимою, и летом, носил легонькую меховую ряску, и в ваточной камилавке на голове. Выйдя из двери и остановившись на ступеньке, он всегда молился перед поставленною здесь иконою Божией Матери «Достойно есть» и проходил далее, внимательно вглядываясь в просивших у него благословения и осеняя их крестным знаменем. Из толпы слышались вопросы, на которые он давал простые, но мудрые ответы. Иногда старец садился, и тогда все присутствовавшие становились вокруг него на колени, с глубоким вниманием слушая его беседу, смысл которой всегда заключал в себе полезное нравоучение или обличение чьих-либо недостатков. Чаще всего предлагал он советы о терпении, снисхождении к немощам ближнего и понуждении себя к добру, говоря, что *Царствие Божие нудится, что многими скорбьми подобает нам внити в Царствие Божие, и претерпевый до конца, той спасен будет*. Иногда эти поучительные беседы, или общие благословения, застигал час отдыха, и келейник напоминал ему об этом. Тогда батюшка снимал шапочку, раскланивался и говорил по обычаю в шутовском тоне: «Очень признателен вам за посещение; о. И. говорит, что пора...» В иной же раз келейник скажет: «Батюшка, уже два часа»; а батюшка ответит: «Ты переведи их назад, и будет час». Летом в теплые дни выходил он благословлять на воздух; и появление его было истинной радостью для всех томившихся ожиданием. От самого крыльца хибарки устроены были на столбиках жерди, по одну

сторону которых стоял народ, а по другую сторону шел согбенный старец, преподавая всем по ряду благословение и временами останавливаясь, давал по вопросам ответы. За оградку к старцу, без его позволения и благословения, зайти никто не смел; а если бы кто отважился на это, должен был, по назначению старца, положить несколько поклонов.

Бывали, хотя весьма редко, и такие дни, когда старец после обеда вовсе не отдыхал, может быть, потому, что чувствовал в себе довольно сил обойтись без отдыха; или просто так не спалось. Тогда он звал к себе писаря и диктовал кому-нибудь письмо. Таким образом у него минуты одной не проходило в праздности. Во время отдыха старца уже никто не беспокоил. Народ уходил на гостиницу. Двери кругом запирались, — и в хибарке, и в скиту на парадном крыльце. После краткого полуденного отдыха, часа в три, старец был опять на ногах и, если чувствовал здоровье свое порядочным, опять шел к посетителям толковать; если же был слаб, принимал народ в келлии о. Иосифа, лежа на его койке. Тут он среди толков с народом и чай пил часов в пять вечера. И опять, и опять принимал и толковал, толковал и принимал. — Иногда батюшка неожиданно прерывал свою беседу с посетителями и уходил на некоторое время в свою келлию — это бывали моменты, когда он чувствовал потребность побыть одному с Богом, в молитвенном самоуглублении, чтобы с освеженной душой снова возвратиться к людям на делание свое. Часов в восемь старец ужинал, — подавалось на стол то же, что и в обед. И среди ужина келейники кое о чем и кое о ком спрашивали старца, а он не переставал отвечать. Или же опять заставлял почитать что-нибудь. Вскоре после ужина, если силы старца окончательно изнемогали, он ограничивался преподаванием всем общего благословения. Если же силы еще не совсем оставляли его, то опять начинались обычные приемы и толки, которые и продолжались иногда до 11 часов ночи... Несмотря на крайнее обессиление и болезненность старца, день всегда заключался вечерним молитвенным правилом, состоявшим из малого повечерия, канона Ангелу-хранителю и вечерних молитв. От целодневных, почти непрерывных докладов келейники, то и дело приводившие к старцу и выводившие посетителей, едва стояли на ногах, однако попеременно читали положенные молитвословия... По

окончании правила старец, по обычаю, испрашивал у предстоящих прощения, елика согреших делом, словом и помышлением. В заключение келейники принимали от старца благословение и направлялись к выходу. Зазвонят иногда часы. Слабым, едва слышным голосом спросит старец: «Сколько это?» — «Двенадцать», — ответят. «Опоздали», — скажет.

Спать ложился батюшка всегда одетым — летом в балахон, а зимой в ватный подрясник, опоясанный непременно кожаным поясом. На голове имел всегда шапку монашескую, а в руках четки. Снимал только сапоги, оставаясь в одних носках. Богу известно, как проводил старец ночные часы. Только по приходе к нему на утреннее правило келейники замечали, что во время ночи он переменял несколько фланелевых рубашек, из чего можно видеть, что непрерывного сна он не имел.

Накануне каждого воскресного и праздничного дня о. Амвросий выслушивал у себя в келлии бдение. Поначалу, в шестидесятых годах, служил всегда эти бдения преданный духовный сын старца, иеросхимонах Гавриил. Тут же около двери стояли два-три человека певчих. Будущий скитоначальник о. Анатолий, в то время еще простой монах, пел басом. Келейники были чтецами; о. Климент — канонархом. Со временем обстоятельства изменялись. Нездоровые и немощные скитяне, вместо того чтобы идти слушать бдение в монастырь, испрашивали у старца благословение быть на его келейном бдении; и старец, конечно, благословлял. Умножилось, таким образом, число молящихся. Поэтому, чтобы в келлии старца не было тесно и душно, певчим велено было стоять в передней, а наконец, и в коридоре, куда во время службы растворялись двери старцевой келлии. В самой келлии оставался один служащий иеромонах, да еще, может быть, кто-либо из лиц, близких старцу. Впоследствии и в хибарке оставались некоторые, по благословию старца, послушать сквозь дверь его келейное бдение и помолиться. В летнее время неоднократно приезжал в Оптину пустынь граф А. П. Толстой и всегда любил присутствовать на келейном бдении у старца. Сам же старец и среди бдений никогда почти не оставался без обычного своего дела. Во время чтения паремий, кафизм и канона он или кого исповедовал в келлии о.

Иосифа, или принимал посетителей, кого не успел принять днем, или же, наконец, подкреплялся вечернею трапезою. Всегда только он выслушивал шестопсалмие и величание праздничное с чтением Евангелия, стоя на своей койке, как можно было заметить, с глубоким вниманием. Величание подпевал. Голос у него, несмотря на старость, был светлый и приятный теноро-бас. Пел он всегда от души и, по слову Священного Писания, *разумно*. Если же посетителей и исповедников у старца во время его келейного бдения не было, то большую часть службы он слушал сидя, в самоуглублении, а иногда от утомления и лежа. Нередко можно было видеть в это время на лице его слезы. Если старец со своими делами не успел управиться, а бдение до шестопсалмия уже отслужили, в таком случае служба на несколько минут прерывалась, и старца дожидались. По окончании келейного бдения, которое с промежутками продолжалось часа три и отходило почти вместе с бдением, совершавшимся в храме, усталые келейники для усталого старца прочитывали конец вечерних молитв и, получив благословение, отходили на отдых.

Утром, если в скиту была своя литургия, которая обыкновенно начиналась всегда не раньше шести часов, старец с келейниками вставал за полчаса или за час перед службой, прослушивал часы с изобразительными и отпускал келейников в церковь, а сам оставался один с Единым Богом. Только это короткое время и было единственным временем, когда он мог побыть в безмолвии.

Как он проводил это время, уже никому не известно. А приходившие из церкви келейники, вместе с писарем, заставляли его почти всегда сидевшим на своей койке, с поджатыми ногами, за чтением книги или Посланий апостольских, или Псалтири, или Добротолюбия, или преподобного Максима Исповедника, или, наконец, св. Исаака Сирина.

Все эти книги он читал непременно на славянском наречии, которое очень любил. На книгах он иногда делал собственноручно заметки; например, как помнится, под словами апостола Павла *«дадеся ми пакостник плоти аггел сатанин, да ми пакости деет»*, подписано было старцем: «Александр ковач». В Добротолюбии же и в книге св. Исаака Сирина было очень много для памяти подчеркнутых старцем

мест. Возвратившиеся из церкви писарь и келейники предварительно входили с молитвой к старцу и получали от него благословение; а старец, сидя за книгой, тут же иногда укажет кому-нибудь из них особенно назидательную в книге коротенькую статейку и даст прочитать; потом отпускал всех их подкрепиться чаем и сам подкреплялся. Скоро затем писарь возвращался к старцу, и начиналась обычная диктовка писем, а там подходили посетители и посетительницы. И так уже до глубокого вечера опять все побудничному. Иногда же от большого в праздничный день прилива посетителей старец утруждался больше, чем в будни.

С некоторою особенностью встречались и проводились старцем великие праздники — Рождества Христова и Св. Пасхи. Недели за две до праздника старец продиктовывал свое обычное «общее поздравление», которое и переписывалось в немалом числе экземпляров. Удивительно памятливым был старец. В продолжение двадцати одного года он диктовал эти поздравления и несмотря на то, что никогда не справлялся о содержании продиктованных в прежние годы писем, всегда говорил непременно о разных предметах. Но вот наставал канун праздника. Келейники заботились о возможной чистоте старцевых келлий. Число посторонних посетителей сравнительно уменьшалось, так как каждый заботился встретить праздник у себя дома. Старец в это время больше занят был исповедниками, и притом из своих братьев. Иногда неспешно переходил он по какой-либо надобности из келлии в келлию. Лицо такое светлое, святолепное. Видно было, что благодатный мир и невозмутимая тишина наполняли его чистую душу. Любящее сердце его отверсто было ко всем. Отчески-ласковое слово, взгляд или прикосновение рукой вызывали иногда у окружающих его слезы умиления.

Несколько раньше обычного старец ложился для краткого отдыха; а в самую полночь, когда в монастыре ударяли к утрени, вставал. Служащий иеромонах и певчие были наготове. Зажигались пред св. иконами свечи, и начиналась утрени, которая отходила несколько раньше монастырской. Затем болезненный старец ложился опять для отдыха, который, впрочем, скоро прерывался, потому что

монастырские певчие тотчас по окончании утрени приходили в скит поздравлять старца с праздником, а за ними и все скитские братия.

В праздник Рождества Христова славили Христа, а на Пасху пели девятую песнь пасхального канона, с возглашением заздравной ектении о старце. После этого старец со всеми пришедшими к нему, сидя на своей койке, христосовался и оделял красными яйцами. Пред литургией старец, по обычаю, прослушивал праздничные часы и отпускал всех своих келейников в монастырь к обедне, которая начиналась порану. В скиту в первые дни этих праздников своей службы не бывает. По окончании литургии, хотя посетителей с обычными нуждами и скорбями почти не было, зато много было поздравляющих с праздником, а потому старец и в эти великие праздники был в непрестанной молве. На другой день праздников Рождества Христова и Пасхи в скиту всегда служил литургию настоятель монастыря о. архимандрит Исаакий соборне. После литургии он, вместе со служащими иеромонахом и иеродиаконом, шел к старцу поздравлять его с праздником. Старец с любовью принимал дорогих гостей, и сам, усевшись на своей постельке с поджатыми ногами, кушал с гостями чай. Легкий разговор о чем-либо с близкими, в особенности со старшими братьями, был для него некоторого рода развлечением. Любил он послушать новости — церковные и общественные, и сам порасскажет, бывало, что-либо. Откушав чаю, о. архимандрит обедал в скитской трапезе, а старец принимал у себя поздравителей и простых посетителей.

К числу особенно торжественных дней в жизни о. Амвросия надо отнести тот день, когда в его келлию приносили чудотворный Калуженский образ Божией Матери.

Слушая бдение или молебен пред Нею, старец едва сдерживал слезы, которые иногда против его воли буквально текли ручьями... Что-то трогательно-праздничное ощущалось в это время и в душах всех окружающих старца-молитвенника; живее верилось в ходатайство пред Богом Матери Божией и святых за людей православных.

Торжественностью отличался и день Ангела старца Амвросия, седьмое декабря, празднование памяти святителя Амвросия Медиоланского.

Старец глубоко чтит своего небесного покровителя. С вечера как в монастыре, так и в скиту, и особо в келлии старца, отправлялось бдение святителю Амвросию. Один из иноков Оптиной пустыни в 70-х годах составил особую службу святителю с акафистом, которая всегда и совершалась в этот день в келлии старца. В самый день Ангела в монастыре и в скиту отправлялись соборные литургии, с молебнами св. Амвросию и с возглашением старцу Амвросию многолетия, после чего братия отправлялись в келлию старца и там приносили ему поздравление с днем Ангела, а он предлагал им со своей стороны чай и угощение. Так же радушно принимал и угощал он в этот день и посторонних поздравителей.

К особым случаям в жизни старца Амвросия можно отнести и посещения его Калужскими владыками, каковые посещения приходились, большею частью, в летнее время при обозрении епархии. Для встречи своего архипастыря старец одевался во все иеромонашеское облачение: рясу, мантию и клобук; выходил на крылечко своей келлии, при входе на которое святителя кланялся ему в ноги, принимал благословение и вводил его в зал. Здесь иногда наедине с архипастырем проводилось им несколько времени во взаимной беседе... Особенное благоговение питал старец к архиепископу Григорию. Всегдашний отзыв старца о сем святителе был таков: «Умен и свят». В 1887 году посетил Оптину пустынь Московский митрополит Иоанникий в сопровождении Калужского архиерея Владимира. Старцу сказано было встретить митрополита вместе со скитскою братиею в церкви. Не зная об этом, владыка митрополит, осмотрев храм, сказал: «Ну, теперь пойти к старцу». Но лишь только обернулся назад, как тотчас увидел пред собою самого старца. Удивленный такою неожиданностью, высокопреосвященный милостиво изволил заметить ему: «Зачем вы трудились приходить сюда? Я сам непременно буду у вас». И попросил его тотчас же удалиться в келлию. Действительно, митрополит посетил его в келлии, долго беседовал с ним наедине и, выйдя из келлии старца, почтительно простился с ним. «Благодатный старец!» — сказал высокопреосвященнейший владыка, идя по дорожке от старца.

Кроме архипастырей Церкви о. Амвросия посещали и многие выдающиеся светские лица, искавшие у него указания жизненного пути или ответов на мучившие их вопросы жизни. Был у него в 70-х годах Ф. М. Достоевский, приехавший к нему искать утешения после смерти горячо любимого сына. Старец отнесся к нему с расположением и сказал о нем: «Это кающийся».

Вместе с Ф. М. Достоевским был у него и В. С. Соловьев, о взглядах которого старец, как передают, отзывался неодобрительно. К. Н. Леонтьев жил несколько лет при старце Амвросии и по его благословению принял в Оптиной пустыни монашество.

В 1887 году о. Амвросия посетил его императорское высочество великий князь Константин Константинович, проведенный некоторое время с ним в задушевной беседе и после с любовью к нему относившийся.

Несколько раз был у старца граф Л. Н. Толстой, всегда, нужно сказать, относившийся к Оптиной пустыни и вообще к монашеству с уважением.

В первый раз Л. Н. Толстой был у старца вместе с Н. Н. Страховым в 1874 году; во второй раз пришел пешком в 1881 или 1882 году в крестьянской одежде со своим конторщиком и сельским учителем, а в третий раз в 1890 году приехал к нему со своею семьею.

-

Духовно-нравственный облик старца и его пастырское попечение о людях

В то время, как наша светская художественная литература в лице своих наиболее выдающихся писателей, каковы Гоголь, Тургенев, Достоевский и другие, безуспешно усиливается создать художественный тип идеального человека, Православная Церковь в недрах своих искони воспитывала и воспитывает своими благодатными средствами не воображаемых, а живых людей, проникнутых духом истинной, нелицемерной и деятельной любви к Богу и ближним.

Говорят, что Достоевский писал своего старца Зосиму с о. Амвросия, но если это и так, должно сказать, что изображение оказалось гораздо ниже своего подлинника, и Достоевский далеко не исчерпал всей полноты и величия духа старца Амвросия, не показал в надлежащей мере ни его самоотверженной любви к людям, ни, тем более, одушевлявшей его любви к Богу.

Только действительная правда жизни дает нам настоящий духовный облик старца, да и то лишь постольку, поскольку сохранилось сведений о нем в памяти знавших его.

Постараемся на основании этих отрывочных сведений обрисовать, сколько возможно, внутренний духовный облик старца.

Преобладающею чертою его отношения к ближним была глубокая сострадательная любовь.

«Любить ближнего так, чтобы желать ему всякого счастья, благословляемого Богом, и стараться доставить ему это счастье — было его жизнью и его дыханием», — говорит лично знавший о. Амвросия человек.

И в этом потоке любви, который обливал всякого приходившего к о. Амвросию, была такая сила, что она чувствовалась без слов, без действий. К о. Амвросию довольно было подойти, чтобы почувствовать, как сильно он любит, и, вместе с этим, в ответ на его чувство открывалось сердце приходившего, рождалось полное доверие и самая тесная близость.

«Среди общей холодности и равнодушия, при совершенном нежелании людей видеть и чувствовать дальше собственного существа, многим трудно живется. Нужен человек, к которому бы можно было сносить все, что волнуется в душе, которому бы без утайки можно было открыть все думы и надежды, доверить всякую тайну, чтобы стало легче и счастливее. И нужно, чтобы это чувство было разделенное, чтобы за вежливым словом не слышалось удивления тому, что ищут участия, а чтобы это участие, которого труднее всего добиться в жизни, светило во всяком звуке, во всяком движении. Нужен в жизни сочувственный взор, ласковое слово, нужно сознание, что нас любят и нам верят, нужно то, что в мире самое великое и самое редкое сокровище — сердце внимательное. Такое сердце билось в о. Амвросии».

«Любовь, которая одушевляла о. Амвросия, была та, которую заповедал своим ученикам Христос. Она многим отличается от того чувства, которое известно в миру. В ней не менее поэзии, но она шире, чище и не имеет конца.

Главное ее отличие, что она все дает и ничего не просит».

«Любовь о. Амвросия шла неразрывно с его верою. Он твердо, непоколебимо верил в человека, в его божественную душу. Он знал, что в самом сильном искажении человеческом, там, где-то далеко, лежит искра божественного добра, и эту искру чтит о. Амвросий. Как бы ни был грязен тот, кто говорил с ним, уже тем была велика его беседа, что она давала грешнику сознание, что святой старец смотрит на него, как на равного, что поэтому он не окончательно погиб и может возродиться. Он самым падшим людям подавал надежду, и бодрость, и веру, что они могут стать на новый путь».

«Общественную деятельность о. Амвросия лучше всего определит одно очень хорошее русское слово, такое слово, какого не сыскать в другой земле. Отец Амвросий жалел».

Однако это охватывавшее о. Амвросия чувство широкой христианской любви, сочувствия и жалости к людям, хотя и имело свое основание в его духовной природе, упрочилось и развилось в нем под влиянием всей его подвижнической жизни. Христианская любовь, как дар благодати Божией, стоит в неразрывной и глубокой связи с христианскою верою и сердечною молитвою, а вера и молитва возможны лишь при истинном смирении, которое воспитывается в человеке непрерывною внутреннею борьбою, самоуничижением, скорбями и всякого рода испытаниями. Весь этот длинный путь, ясно указанный Церковью и ее великими подвижниками-отцами, проходили все святые, прошел, под руководством своих духовных наставников, и о. Амвросий, прежде чем он пришел в меру своего полного возраста духовного. Он прошел сквозь те духовные опасности и искушения, о которых говорит в одном из своих писем старец о. Макарий: «Почтенная А. вошла к вам в обитель весьма с добрым расположением и желанием „искать Иисуса“, т. е. стяжать любовь Его. Дело сие очень доброе и благое, но надобно, чтобы имело прочное основание, ибо любовь противными искушается.

По горячности ее и по чистоте души, она увидит скоро в себе утешительные и усладительные чувства — это ее обнадежит в обретении Иисуса и любви Его. Но чувство сие весьма опасно и близко прелести: не имевши еще борьбы со страстями, не познавши своей немощи и не смирившись, не надежны и утешительные чувства. Пусть они хотя и приходят когда, но чтобы опасаться принимать оные и не обольщаться ими, но считать себя того недостойною. Св. Исаак во 2-м слове пишет: „Деяние креста сугубо есть; одно нарицается деяние и исполняется действием яростной части: претерпением досады креста; а второе нарицается видение и исполняется желательною частью, и обретается тонким деланием ума и божественным приснопоучением и пребыванием молитвы. И кто начинает второю сею частью, а не первую, на того находит гнев Божий. Хотя не от лености сие творит, но за сладость ее принимается за второю часть, не очистивши прежде

терпением скорбей страстного устроения души, т. е. не приемши распятия плоти досадою креста, мечтает во уме своем славу креста“ (т. е. утешения), которые даются уже по исцелении души от страстей, и когда смирение водрузится в сердце, и тогда бывает безопасно, почему мы и предлагаем вам, дабы вы попеклись предостеречь ее, ежели она будет иметь какие усладительные чувства, чтобы она не полагалась на них и не считала за велико; они скоро ее оставят. В противном случае обольстившись и приняв их не в свое время, скоро лишится; и когда уже будет время — не получит, подобно нерадивому и глупому земледельцу, который, на произрастании увидя цвет, счел бы его за плод и сорвал: то уже никогда плода не получит. Это многие пострадали, идущие путем сим, и сбились с него; вместо смирения, возомнив о себе, стяжали возношение, по слову того же св. Исаака: „Кто не помышляет себе грешна, молитва его несть благоприятна пред Богом“. Напоминайте ей, что любовь Божия противными искушается: восстанут различные страсти, с коими надобно иметь борьбу и кто смиренное имеет мудрование, тому и брань со облегчением бывает; а мнящему о себе нечто, или надеющемуся на свои чувства утешительные, попускается сильнее и брань, дабы, познав свою немощь, смирился. Но для них побеждение бывает несносно и доводит до малодушия; а это и есть знак их гордости. Надобно опасаться прелести, которая есть многообразна: или прельстив мнимую святостью, ослепит душевные очи, или по вспышке радостных и утешительных действий, лишась их, она впадет в многообразные страсти; а когда умеренно и постоянно вести ее, занимаясь подробнее, то из нее можно выработать что-нибудь хорошее со временем. Прикажите ей читать более деятельные учения св. отцов: св. аввы Дорофея, св. Иоанна Лествичника, св. Симеона Нового Богослова, и чтобы о всех своих словах, делах, мыслях и действиях вам открывала, ибо являемое свет, а неявляемое тьма».

Пройдя этим скорбным путем креста, под руководством опытных старцев, о. Амвросий приобрел истинное смирение, истинную веру, молитву, чистоту сердца и любовь, т. е. совокупность всех евангельских совершенств, благодаря которым он и сделался добрым пастырем, наставником, руководителем, помощником и утешителем

для всех еще мятущихся в тине страстей, еще обуреваемых греховными искушениями и вожделениями.

В шестидесятих годах о. Амвросий имел замечательный сон, раскрывший ему неизбежность этого скорбного пути спасения. «Казалось мне, — так передавал впоследствии старец своим духовным детям, о. Клименту и о. Анатолию, — будто нахожусь в своей келлии. Вдруг входит ко мне какой-то человек, по виду лицо начальственное, и со властью повелевает мне следовать за ним. Выхожу из келлии. Представляется бурная, темная ночь. Предо мною как будто волнуется море или большое озеро. У берега лодка, на которой сидят гребцы; но в темноте невозможно отчетливо рассмотреть их. По манию моего вожатого я сел в эту лодку, и она отчалила от берега. Сердитые волны начали перебрасывать ее, как легкое перо. Я был в сильном страхе за свою жизнь. Но вот вдали, через зияющую бездну, среди непроницаемой тьмы, показался мне необыкновенный свет, и я увидел какой-то город такой дивной красоты, что во всю свою жизнь нигде и ничего подобного не видал. К нему приковалось все мое внимание. Море, волны, буря — все было забыто; и я был в каком-то сладостном упоении до тех пор, пока лодка причалила к берегу. Ее толчок бортом о землю вывел меня из забвения.

Вышедши за своим вожатым на берег, я по его указанию вошел в какой-то дом, где находились два незнакомых мне человека. Один, впрочем, приняв от меня благословение, сам назвал себя Всеволодом, князем чешским; а другой казался мне русским князем Борисом Владимировичем; затем я вскоре проснулся».

В этом сновидении старца заключается глубокий и утешительный смысл для каждого ведущего внутреннюю борьбу подвижника, который всегда должен помнить — за испытанием следует и воздаяние. И чем тяжелее испытание, тем отраднее воздаяние. Без испытания не может быть и воздаяния.

Обратимся теперь к рассмотрению тех высоких душевных свойств, которые приобрел о. Амвросий путем пережитых им испытаний.

Смирение было основою всей подвижнической жизни о. Амвросия. Об этой духовной черте он так писал одной своей духовной дочери: «Всегда ты просишь, чтобы Господь даровал тебе смирение. Но ведь оно даром Господом не дается. Господь готов помогать человеку в приобретении смирения, как и во всем добром, но нужно, чтобы и сам человек заботился о себе. Сказано у св. отцов: *«Дай кровь и прими дух»*. Это значит, потрудись до пролития крови, и получишь духовное дарование. А ты дарований духовных ищешь и просишь, а кровь тебе проливать жаль, т. е. все хочется тебе, чтобы тебя никто не трогал, не беспокоил. Да при спокойной жизни как же можно приобрести смирение? Ведь смирение состоит в том, когда человек видит себя худшим всех, не только людей, но и бессловесных животных, и даже самых духов злобы. И вот, когда люди тревожат тебя, а ты видишь, что не терпишь сего и гневаешься на людей, то и поневоле будешь считать себя плохую. Если при этом будешь о плохоте своей и неисправности сожалеть и укорять себя в неисправности, и искренно каяться в этом перед Богом и духовным отцом, то вот ты уже и на пути смирения».

В этих словах о. Амвросий не только учит тому, что такое смирение, но указывает и самый путь к смирению, и притом так определенно, что мы ясно можем видеть, что он личным опытом своим узнал этот путь.

Приведем случай, подтверждающий справедливость вышеприведенных слов старца.

Одна сестра в Шамордине за невольное ослушание подверглась строгому выговору от настоятельницы. Сестра не могла поступить иначе и хотела объяснить причину, но разгневанная настоятельница не хотела ничего слушать и грозила тут же, при всех, поставить ее на поклоны. Больно и обидно было ей, но, видя, что нельзя оправдаться, она, подавив в себе самолюбие, замолчала и только просила прощения. Возвратившись к себе в келлию, сестра эта, к великому своему удивлению, заметила, что несмотря на то, что она потерпела такое незаслуженное обвинение, у нее, вместо стыда и смущения, наоборот, на душе было так светло, отрадно, хорошо, как будто она получила что-нибудь радостное. Вечером того же дня она сообщила обо всем случившемся батюшке о. Амвросию. Старец сказал: «Этот случай —

промыслителен; помни его. Господь захотел показать тебе, как сладок плод смирения, чтобы ты, ощутивши его, понуждала себя всегда к смирению, сначала к внешнему, а затем и к внутреннему. Когда человек понуждает себя смиряться, то Господь утешает его внутренне, и это-то и есть та благодать, которую Бог дает смиренным. Самооправдание только кажется облегчающим, а на самом деле приносит в душу мрак и смущение».

Преподавая мудрые советы другим, старец в то же время, по своему смирению, сам искал совета у других, не полагаясь на свой разум и при богатстве рассуждения. По кончине своего старца Макария, не имея, к кому бы обратиться за советом в своей обители, он обращался сначала к своему архипастырю Григорию. А по времени, узнавши от достоверных людей об одном сокровенном, странствующем духовном старце, тотчас постарался с ним сблизиться и уже постоянно писал к нему секретные письма с той целью, чтобы все делать с советом другого, в чем видел выражение воли Божией, боясь поступать по своей воле^[58].

Вот еще пример старцева смирения. Однажды рассматривали портрет подвижника Василиска, приложенный к его житию. Кто-то и сказал, что вот-де у него уста уж очень как-то светлы, вероятно, это потому, что он умер с молитвою Иисусовою на устах. «Да, это очень может быть, — сказал батюшка. — А вот в Глинской пустыни умер один старец, — так у него часа три после смерти рука все перебирала четки. А я вот, грешный, и не знаю, когда только их перебирал, — добавил батюшка со вздохом и печально махнул рукою. — Я даже и в монастыре-то, пожалуй, всего только один год прожил. Как только взяли к батюшке о. Макарию в келейники, так с тех пор все и живу на базаре».

«Ну, уж у вас, батюшка, не на руках, а вот там — в сердце-то — молитва безостановочно перебирается», — сказал кто-то. — «Ну, нет — на базаре не переберешь», — ответил старец и перевел беседу на другой предмет. В другой раз старец сказал: «Прожил я в монастыре 40 лет и не нажил 40 реп; истинно чужие крыши покрывал, а своя раскрыта стоит; а мне уже доходит 67-й год». В своих письмах к

разным лицам о. Амвросий часто просил помолиться о нем, «глаголящем и не творящем». Смирение о. Амвросия обнаруживалось и в том, что он готов был терпеть около себя лиц, обладавших самым тяжелым, неприятным характером. Много досаждала ему одна пренеприятная монахиня. Его спросили, как он ее выносит. Он отвечал: «Если здесь, где я стараюсь ее успокоить, ей все-таки так тяжело, каково ей будет там, где все ей будут перечить! Как же ее не терпеть!»

Глубокое смирение старца было основанием его глубоко-молитвенного настроения. Как мы говорили уже, у старца во время молитвы нередко лились слезы. Он плакал среди службы и молитвословий, отправлявшихся по какому-либо случаю в его келлии; в особенности, когда, бывало, по желанию просителей отправлялся молебен с акафистом пред чтимую им келейною иконою Царицы Небесной «Достойно есть». Во время чтения акафиста он стоял около двери, неподалеку от св. иконы, и умиленно взирал на благодатный лик Богоматери. Всем и каждому можно было видеть, как слезы струились по его исхудалым ланитам.

Во время молитвы он весь погружался в созерцание неизреченной Славы Небесной, и все лицо его преображалось.

Так однажды старец с вечера назначил придти к нему двум супругам, имевшим к нему важное дело, в тот час утра, когда он не начинал еще приема. Они вошли к нему в келлию, старец сидел на постели в белом монашеском балахоне и в шапочке. В руках у него были четки. Лицо его преобразилось. Оно особенно как-то просветлело, и все в келлии его приняло вид какой-то торжественности. Пришедшие почувствовали трепет, и вместе с тем их охватило невыразимое счастье. Они не могли ничего промолвить и долго стояли в забытьи, созерцая лик старца. Вокруг было тихо. Батюшка молчал. Они подошли под благословение. Он безмолвно осенил их крестным знаменем. Они еще раз окинули взором эту картину, чтобы навсегда сохранить ее в сердце. Старец все с тем же преображенным лицом был погружен в созерцание небесного мира.

Другой случай. Пришел, по обычаю, к старцу в конце утреннего правила его письмоводитель иеромонах В. Старец, отслушав правило, сел на кровать. Отец В. подходит под благословение и, к великому своему удивлению, видит лицо старца светящимся. Но лишь только получил он благословение, как этот дивный свет скрылся. Спустя немного времени о. В. снова подошел к старцу, когда тот уже перешел в другую келлию и занимался с народом, и по простоте своей спросил: «Или вы, батюшка, видели какое видение?!» Старец, не сказав ему ни слова, только слегка стукнул его по голове рукой. Знак особенного старческого благоволения.

Молитвенный дар старца, молитвенное созерцание им мира духовного в соединении с горячею любовью к людям, видны еще из следующего рассказа одной монахини: «У меня была знакомая семья в Москве.

Муж, человек образованный и умный, был совершенно равнодушен к вере и несколько лет не говел. В то же время он имел пристрастие к спиртным напиткам. Жена скорбела о нем и молилась, но была не в силах повлиять на него. Наконец, он потерял должность в Москве и переехал на жительство в В-скую губернию, где получил место управляющего имением. Однако и здесь он продолжал вести прежний образ жизни, так что однажды его привезли из города больным, а через несколько дней он неожиданно для всех скончался, не будучи напутствован исповедью и причащением Св. Таин. Все это очень огорчило его жену, и она не переставала плакать и молиться о нем, все думая, что ей нужно сделать для успокоения души его. Незадолго до 40-го дня она увидела своего мужа во сне, и он сказал ей, во-первых, что она неточно определила 40-й день по его кончине и в чем именно была ее ошибка, а во-вторых, что успокоить его душу может только милостыня». Вскоре после этого рассказчица-монахиня была у о. Амвросия и по просьбе жены умершего просила о. Амвросия посоветовать, как нужно молиться об усопшем, и что нужно делать в память его? Отец Амвросий очень расстроился рассказом монахини и все сокрушался о том, как же это допустили человеку умереть без покаяния. Потом сказал: «Сейчас я тебе ничего не могу сказать, скажу после». Прошло несколько дней. И вот однажды после общего благословения о. Амвросий неожиданно присылает за монахиней

своего келейника. Она приходит к старцу и застаёт его в таком виде, в каком никогда еще не видела: лицо расстроено, из глаз текут слезы. Тщательно заперев дверь, чтобы никто не слышал его слов, он сказал: «Скорее спасайте несчастного из ада! Чтобы спасти его, пусть жена продаст все его имущество и деньги раздаст бедным!» Очевидно, старец все эти дни молился о несчастном, и ему была открыта участь его и средство к его спасению. Сказанные старцем слова вполне совпадали со словами умершего, которые он во сне сказал жене, хотя монахиня и не передавала об этих словах о. Амвросию.

Жена исполнила совет старца: она продала все свое имущество и деньги раздала бедным, а сама поступила в учительницы. К сказанному прибавим, что спустя несколько времени жена снова увидела во сне своего мужа, который, держа в руках какую-то тетрадь, весело сказал ей: «Вот я получил аттестат», — а затем, перевернув страницу, прочитал: «Слава в вышних Богу... Хвалите имя Господне!» — и с этими словами скрылся.

Старец ни одного своего решения не принимал, как можно думать, без усердной молитвы и без ясного указания Божия. Одна шамординская монахиня рассказывает, что батюшка назначил ей, тотчас же по принятии ее в монастырь, трудное послушание в трапезной. Не надеясь на свои силы, она несколько раз ходила к батюшке отказываться, но старец не освобождал ее. Наконец, он ей сказал серьезным и проникновенным тоном: «Ведь я же не сам тебе назначил это послушание, такова воля Царицы Небесной».

На монахиню напал страх, и она, попросив у старца прощения, перестала беспокоить его своею просьбою и затем семь с половиною лет провела на этом послушании вполне мирно и спокойно.

Одна монахиня очень хотела перейти из какого-то другого монастыря в Шамордино и усердно просила старца принять ее. Проживая на гостинице в Шамордине, она ежедневно приходила к старцу на общее благословение и ежедневно просила батюшку взять ее в свою обитель. Старец благословлял ее, но никогда ни слова не отвечал на ее просьбу. Так прошло много времени. Наконец, измученная ожиданием и своим неопределенным положением, монахиня со слезами говорит старцу:

«Батюшка, скажите же мне что-нибудь, ведь я уже три месяца живу здесь на гостинице; мне стыдно возвращаться к своей матушке игумении»... Старец отвечал: «Что же я скажу тебе, если Царица Небесная ничего мне о тебе не возвещает?» Прошло еще несколько дней, и вдруг старец сам присылает на гостиницу за этой монахиней, и, когда она вошла к нему, он, веселый и радостный, говорит ей: «Ну, оставайся, оставайся у нас!» — словно получил об этом извещение свыше.

Другим плодом смирения старца было его глубоко-сокрушенное сердце как о своих собственных грехах, так и о грехах своих ближних. О его исповеди рассказывал иеромонах Оптиной пустыни о. Платон, бывший одно время духовником о. Амвросия: «Как назидательна была исповедь старца! Какое смирение и сокрушение сердечное выказывал он о грехах своих! Да и каких грехах! О таких, которые мы и за грех не считаем. Например, по болезненности своего желудка, следовательно, по крайней необходимости, ему приходилось иногда, вопреки уставу Св. Церкви, в среду или пяток скушать кусочка два-три селедки. И этот грех исповедовал старец пред Господом со слезами. Он стоял в это время на коленях пред св. иконами, как осужденник пред страшным и неумолимым Судиею, чая милости от Дающего милость, думается даже, как можно полагать, со смиренным помыслом, подастся ли милость, отпустится ли грех. Посмотрю, посмотрю на плачущего старца, да и сам заплачу».

Имея сам сокрушенное сердце, старец желал видеть такое же сердце и в относившихся к нему. Поэтому, если видел в ком-нибудь из своих духовных детей рассеянность и невнимательность к себе, то взглянет укоризненно и промолвит: «У, безболезненное сердце!» Любил он также повторять слова преп. Ефрема Сирина: «Боли болезнь болезненне, да мимо течеша суетных болезней болезни».

Смирение и постоянное очищение сердца своего искренним покаянием, самоосуждением и молитвою, создавали в душе старца светлое, мирное, радостное настроение, которое не оставляло его даже в минуты тяжких телесных страданий. Сколько ни приходилось ему испытывать разного рода скорбей, напастей и болезней, ничто не могло

сильно расстроить его; он всегда был весел и покоен. Лежа на одре болезни, он временем, по обычаю своему, шутил с окружающими его монахами; сам пребывая в крайнем изнеможении, утешал малодушных или через силу произнесенным словом, или отечески-ласковым взглядом, или прикосновением ослабевшей руки. Обыкновенно, когда старец находился в сильной болезни, — а это было нередко, — все почти скитские братья, в особенности недавно поступившие послушники, были в унынии. Был в скиту один инок, уже пожилых лет, с лысиной на голове. По случаю тяжелой болезни старца, расстроенный, пришел он в его келейную в надежде, — нельзя ли хоть молча получить благословение от старца. Надежда его не обманула. С тугою сердечною он подошел к лежавшему на койке страдальцу, поклонился, по обычаю, в ноги и протянул руки, чтобы получить благословение. Преподав благословение, старец слегка ударил его по голове, шутливо проговорив едва слышным голосом: «Ну, ты, лысый игумен!» — «Как гора свалилась с плеч моих, — сказывал после инок, — так легко-легко стало на душе!» Пришедши же в свою келлию, он места не находил от радости. Все ходит по келлии, да твердит: «Боже мой! Что же это такое? Батюшка-то, батюшка-то, сам едва дышит, а все шутит»...

Замечательнейшим из духовных дарований о. Амвросия было дарование рассуждения, которое у него переходило, по благодати Божией, в дарование прозорливости. Сейчас мы будем говорить только о рассуждении, а о прозорливости скажем в другом месте.

Дарование рассуждения состояло у о. Амвросия в том, что он умел сразу, в несколько минут, определить духовное устройство приходившего к нему человека, разобраться во всех его обстоятельствах как духовных, так и материальных, самому ему объяснить его состояние и дать ему самый полезный в его положении совет. Вот этот-то дар рассуждения, эта в иных случаях прозорливость, эта мудрость и привлекали к о. Амвросию тысячи людей, запутавшихся в духовных и жизненных обстоятельствах и нуждавшихся в руководстве опытного наставника.

Отец Амвросий обладал всеобъемлющею опытностью, чрезвычайно широким кругозором и мог дать совет по любому вопросу не только в области духовной, но и в области хозяйственной, торговой и т. д., применительно к данному лицу и к данным обстоятельствам.

Приведем несколько примеров. Приходит к старцу богатый орловский помещик и, между прочим, объявляет, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневох садах. «Люди говорят, — начинает старец со своих обычных в таких случаях слов, — люди говорят, что вот как всего лучше». И подробно описывает водопровод. Помещик, вернувшись в деревню, начинает читать об этом предмете. Оказалось, что батюшка описал последние изобретения по этой части. Помещик снова приехал в Оптину. «Ну, что водопровод?» — спрашивает старец. Водопровод устроен по указанию старца и уже успел принести большую пользу: у соседних садоводов урожай яблок плохой, а у этого помещика богатый, и яблоки прекрасные.

Один молодой человек, часто бывавший у старца, сказал как-то, что хочет устроить у себя душ. Батюшка сочувствует ему. — «Тебе, — говорит, — нужно, чтобы он мало места занимал? Что ж, это можно; вот как сделай»... Проходит несколько лет. Следует объявление, что появились новые усовершенствованные души. Оказалось, что они устроены так, как задолго перед тем объяснил молодому человеку о. Амвросий.

К о. Амвросию обращались купцы, прося советов и указаний по своим торговым делам. Помещикам он рекомендовал управляющих именьями или давал сельскохозяйственные советы. Он указывал, как лучше распорядиться капиталами или недвижимою собственностью, как вести хозяйство в обителях, как направить дело в суде и т. д.

Когда происходили постройки в Шамордине, старец, не выходя из келлии, знал каждый уголок Шамордина и все подробности. Приходит монах, заведующий постройкой, заходит речь о песке. «Ну, отец Иоиль, песок у тебя теперь свален; аршина... (Батюшка точно прикидывает в уме) аршина два с половиною глубины будет или не будет?» — «Не знаю, батюшка, смерить не успел». Еще два раза

спрашивает батюшка о песке, и все не мерили, а как смеряют, наконец, то непременно окажется так, как говорил батюшка.

Особенно ценны и интересны советы и наставления старца, относящиеся к области внутренней, религиозно-нравственной жизни. Надо заметить, что старец свои советы и наставления высказывал обычно в виде отдельных мыслей, афоризмов или небольших назидательных рассказов; это он делал на общих приемах своих посетителей или в ответ на отдельные вопросы. В других же случаях он являлся руководителем и устройтелем всей жизни обращающихся к нему, причем эта жизнь нередко устраивалась совершенно вопреки их желаниям и ожиданиям, но так, как это находил нужным старец, и всегда, конечно, к лучшему. Отдельные наставления и советы старца частью относились только к монашествующим, частью же к монашествующим и мирянам одинаково.

Приведем сначала примеры наставлений первого рода, записанные его духовной дочерью, почившею о Господе настоятельницею Шамординской обители, игуменьей Евфросинией (Розовой).

«Когда бывает бдение, минут за восемь надо читать вечерние молитвы».

«После всенощной к тебе придут в келлию; то ты встань, зажги свечку и скажи: „Ну-ка, сестра Варвара, прочитай-ка вечерние молитвы, — и по очереди“. Этим отучишь ходить в келлию».

«Когда ложишься спать, кровать и келлию крестить с молитвою „Да воскреснет Бог“». «Когда проснешься, сначала перекрестись. В каком состоянии будешь с утра, так и на целый день пойдешь. У св. Иоанна Лествичника об этом написано».

«Утром, когда проснешься, говори: „Слава Тебе, Боже“; батюшка о. Макарий всегда это говорил. И не должно вспоминать прошедшее и сны». «В праздности время грех проводить. И службу церковную, и правило для работы грех упускать. А то, смотри, — Господь как бы тебя не наказал за это». «К началу ходить к службе, — трезвеннее будешь». «В церкви не должно говорить. Это злая привычка. за это

посылаются скорби». «Четки даны для того, чтобы не забывать молитву творить. Во время службы должны слушать, что читают, и перебирать четки с молитвою „Господи помилуй“; а когда не слышно (чтения) то: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную (ого)“». «Непременно устами читай молитву (Иисусову), а умом не полезно, — повредиться можешь».

«Хотя шепотом произноси молитву (Иисусову), а от умной многие повредились».

«Оттого дремлешь в церкви и не слышишь службы, что помыслы бродят туда и сюда».

«К службе церковной непременно должна ходить, а то больна будешь. Господь за это болезнию наказывает. А будешь ходить, здорова и трезвеннее будешь. Батюшка о. Макарий, случалось, заболит, а все пойдет в церковь. Посидит, потом в архиерейскую келлию выйдет; там места не найдет, перейдет еще в келлию к о. Флавиану, — там побудет; но когда уже увидит, что не в силах быть более в церкви, перекрестится, да и уйдет. А то все не верит себе».

«Прежде всего нужно милости просить у Бога и молиться: „*Имиже веси судьбами*, помилуй мя грешную (ого)“».

«„Богородицу“ читать 12 раз или 24 раза в день. Она у нас одна заступница».

«Когда усердно молишься, то так и смотри, что искушение будет. Это и со всеми случается».

«Не должно тебе молиться за сестер.^[59] Это враг под видом добра подушает. Это дело совершенных. А ты только перекрестись и скажи: „Господи, помилуй нас“».

«После приобщения надо просить Господа, чтоб дар сохранить достойно, и чтобы подал Господь помощь не возвращаться назад, т. е. на прежние грехи».

«Когда ударят к „Достойно“ (если находишься в келлии), нужно встать и положить три поклона Св. Троице: Достойно и праведно поклоняться Отцу, и Сыну, и Св. Духу. Просить заступления Царицы Небесной и читать „Достойно есть яко воистину“. А если кто чужой будет (в келлии) то только перекреститься».

«Когда бьют часы, должно перекреститься с молитвою „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную (ого)“; как пишет св. Димитрий Ростовский: „Для того помилуй мя, что час прошел, ближе к смерти стало“. Можно не при всех креститься, а по рассмотрению, при ком можно, а то и не надо, в уме же молитву должно сотворить».

«Если что представится — перекреститься».

«Не надо верить приметам, и не будут исполняться».

«Лампаду засвечать; а если масла не будет, не скорбеть — пускай не горит».

«Свечей восковых в церкви не ставить, а самой свечкой быть».^[60]

«Книги читать поутру с четверть часа до работы; а потом целый день жуй — что читала, как овца жвачку».

«Списывать с книг, пожалуй, можно; только нужно усваивать. Что понятно, то читать. Читать надо меньше, но понимать».

«Евангелие можно сидя читать, только не в положенное время».

«Пред причастием читать св. Ефрема Сирина о покаянии».

«Нужно более читать в этот день (когда причастишься), особенно Новый Завет, послание к Ефесеям и Апокалипсис».

«Оттого не любишь отеческих книг, что они обличают тебя».

«Книги давай читать, хотя и маслом зальют, запачкают, — ничего; только по разбору, — кто читает».

«По воскресеньям не работать. А если праздник, например, Иоанна Златоуста и т. п., то к вечеру можно поработать».

«Объясливые уста — свиное корыто».

«Надо благодарить Господа, что Он тебе все посылает. Это для трех причин — чтобы привести в чувство, в сознание и в благодарность».

«Когда будешь кого осуждать, то скажи себе: „*Лицемере! Изми первое бревно из очесе твоего!*“»

«Гордых сам Бог исцеляет. Это значит, что внутренние скорби (которыми врачуется гордость) посылаются от Бога; а от людей гордый не понесет. А смиренный от людей все несет и все будет говорить: „Достоин сего“».

«Когда чувствуешь, что преисполняешься гордостью, то знай, что это похвалы других тебя надмевают».

«Когда нападёт гордость, скажи себе: „Чудачка ходит“».

«Дом души — терпение, пища души — смирение. Если пищи в доме нет, жилец лезет вон».

«Когда разворчишься, то укори себя, — скажи: „Окаянная! что ты расходилась, кто тебя боится?“»

«Тщеславие и гордость одно и то же. Тщеславие выказывает свои дела, чтобы люди видели, как ходишь, как ловко делаешь. А гордость после этого начинает презирать всех. Как червяк сперва ползает, изгибается, так и тщеславие. А когда вырастут у него крылья, взлетает наверх, так и гордость».

«Тщеславие, если его тронуть пальцем, кричит: „Кожу дерут“».

«Сказать хвалящей: „Не хвали, а то после рассоримся“. Лествичник велит опасаться таких людей. Лучше принять злословившего человека».

«Похвала не на пользу. Ужасно трудна похвала. За прославление, за то, что здесь все кланяются, тело по смерти испортится, — прыщи пойдут. У аввы Варсонофия написано: „Серид какой был старец, а и то по смерти тело испортилось“».

«Надо быть ко всем почтительной. Будь ласкова, но не ласкательна. Поклонись, да скорее мимо проходи».

«Надо вниз смотреть. Ты вспомни: „Земля еси, и в землю пойдеш“».

«Смирение состоит в том, чтобы уступать другим и считать себя хуже всех. Это гораздо покойнее будет».

«Сестра, кайся, смирайся; сестрам уступай — что можно, и не осуждай других, — все с немощами».

«Смирайся, и все дела твои пойдут».

«Если кто сердится на тебя, то спроси у него причину».

«Если помысл будет говорить тебе: „Отчего ты этому человеку, который оскорбил тебя, то и то не сказала?“ — то скажи своему помыслу: „Теперь поздно говорить, — опоздала“».

«Будь сама к другим снисходительна».

«Смотри на все просто».

«Жить просто значит не осуждать, не зазирать никого. Например, идет Еликонида. Прошла, да и только. Это значит думать просто. А то, при виде проходящей Еликониды, можно подумать о ней с худой стороны: она такая-то, характер у нее такой-то. Вот уже это не просто».

«Смех изгоняет страх Божий».

«Если придут хульные помыслы и осуждающие других, то укоряй себя в гордости и не обращай на них никакого внимания».

«Когда найдет день, что будто хорошо живешь — весело и покойно; а вдруг делается беспокойство, и помыслы начнут тебя смущать; тогда скажи себе: „Что ж ты теперь смущаешься? А помнишь, когда была покойна“».

Вопрос: «Как стяжать страх Божий?» Ответ: *«Должно всегда иметь Бога пред собою. Предзрех Господа предо мною выну».*

«Страх Божий приобретается еще исполнением заповедей Божиих, и чтобы делать все по совести». Вопрос: «Как себе внимать, с чего начинать?» Ответ: «Надо прежде записывать: как в церковь ходишь, как стоишь, как глядишь, как гордишься, как тщеславишься, как сердишься и проч.» «В келлии не ходить и к себе гостей не водить».

«Если кто скажет: „Зайдите“, то скажи: „Я теперь в кислом расположении — не могу“». «Свои грехи говори и себя больше вини, а не людей».

«Чужие дела не передавай».

«Помыслы те надо говорить, которые беспокоят. Иной помысл целый день приражается, и ничего; а другой в раз оцарапает, — тот и нужно говорить». «Уныние значит та же лень, только хуже. От уныния и телом ослабеешь и духом. Не хочется ни работать, ни молиться; в церковь ходишь с небрежением; и весь человек ослабевает».

Вопрос: «Помысл пришел: „Зачем спасаться? Не спасемся все равно, как ни жить. К тому же теперь нет спасающихся, как написано в видении афонского монаха?“» Ответ: «Это сказано к тому, что теперь совершенных во всем нет; а спасающиеся есть. Не каждый может быть генералом; а иной — генерал, другой полковник, майор, капитан, солдат и простой человек — такой же, как они». Вопрос: «N. долго не умирает, ей все представляются кошки и проч.» Ответ: «Всякий, хоть и маленький грешок надо записывать, как вспомнишь, а после каяться. Оттого некоторые долго не умирают, что задерживает какой-нибудь нераскаянный грех, а как покаются, так облегчаются. У нас (в Оптиной) была на скотном дворе скотница в чахотке, у которой были три греха забыты, и ей представлялось, будто кошки ее царапают, то

девка давит, а как покаялась, так и умерла. Еще в скиту был рясофорный монах больной; ему все казалось, будто за ним кто-то лежит, и никак не мог припомнить греха. В продолжение недели вспомнил грех, и как покаялся, так и умер. Непременно нужно грехи записывать, как вспомнишь, а то мы все откладываем: то грех мал, то стыдно сказать, или после скажу, а придем каяться — и нечего сказать».

Вопрос: «Отчего после приобщения иногда чувствуешь утешение, а иногда холодность?» Ответ: «У того холодность бывает, кто ищет утешения от приобщения, а кто считает себя недостойным, у того остается благодать».

Вопрос: «Что значит жить по сердцу?» Ответ: «Не вмешиваться в чужие дела и видеть в других все хорошее».

Вопрос: «Когда сердита бываю, то молюсь рассеянно». Ответ: «Кто сердится, тот лишается покрова Божия. Нужно молиться без злопамятности».

Вопрос: «Батюшка, помолитесь, чтобы мне успокаивать других». Ответ: «Успокойся прежде сама, тогда и других будешь успокаивать».

«Ты должна иметь любовь, а любовь с крылами, с одной стороны — смирение, а с другой — милостыня и всякое снисхождение к ближнему».

Вопрос: «Что значит искренно исповедоваться?» Ответ: «Ничего не скрывать, говорить прямо, не округлять».

Вопрос: «Что значит: *еще враг твой алчет, ухлеби его, угли огненное собираешь на главу его?*» Ответ: «Угли огненное на главе означает ум. Когда ухлебишь врага, то ум его согревается к тебе любовью».

Вопрос: «Говорят, когда приобщаешься, то в этот день надо постное есть?» Ответ: «Отец Леонид говорил, что надо почтить этот день и не есть молочного, а батюшка Макарий снисходил к немощи и говорил, что можно есть».

Вопрос: «В книге Варсонофия Великого написано: „Повергни немощь свою пред Богом“. Как это?» Ответ: «Когда нападут помыслы и не в силах бороться, тогда сказать: „Господи, Ты видишь немощь мою, я не в силах бороться, помоги мне!“» Вопрос: «Батюшка, помолитесь, чтобы мне исправиться». Ответ: «Самой надо споспешествовать. Пророк Нафан молился за царя Давида, а он ложе обливал слезами, молился и за Саула, а тот *спаше и храпляше*».

Батюшка говорил: «Четыре добродетели: мужество, рассуждение, целомудрие и правда. Целомудрие в том состоит, чтобы наблюдать за собой во всех действиях: в словах, в делах, в помыслах, значит соблюдать целыми все добродетели. И бесы чисты, но имеют гордость».

«Надо всегда говорить правду, не человекоугодничать. У нас был священник; я ему всегда правду говорил, когда придет ко мне. Ему это не нравилось. А когда уходил от нас, то сказал мне: „Ежели бы вы не говорили мне правду, то я не мог бы и жить здесь“». Батюшка рассказывал, что когда к старцу Леониду приходили и не сознавали себя грешными, то батюшка о. Леонид говорил: «Ежели ты не грешна, то иди, а то там грешные ждут». Вопрос: «В мирском доме стыдилась креститься, чтобы не увидали». Ответ: «П. В. С-н была в хорошем доме, ей захотелось пить, а батюшка Макарий благословил ей креститься. Она и думает: креститься нельзя и не креститься не хочется, — и не стала пить. Так и ты, не хочешь креститься, то и не пей чаю».

Вопрос: «Иногда скупость нападает». Ответ: «Давай что можно, елико рука возможет. Как один странник просил милостыню; одна была скупая и дала ему худой платок, а другая добрая и, что просил у нее странник, все ему давала. Только что ушел он от них, как сделался у них пожар, и все у них сгорело. Странник воротился и все им отдал, — той, которая много подавала, много отдал, а скупой сказал: „На тебе твой платок“».

Вопрос: «Что значит в Евангелии „труждающиеся и обремененные“?» Ответ: «Труждающиеся — кто добровольно трудится, а обремененные — кто за грехи терпит скорби с трудом, а все-таки несет».

Батюшка рассказывал: «Пришел к батюшке Макарию повар и говорит: „Рыбу некому чистить“. Батюшка Макарий надел фартук и пошел сам; братия увидели и понашли, а батюшка и говорит повару: „Вот ты говоришь, что некому чистить“».

«Помыслы самомнения непременно надо открывать. У нас был один брат, у которого были эти помыслы, но он батюшке Макарию почему-то их не говорил, а кому-то из братии высказал, и те тоже батюшке не сказали. Он вышел из монастыря и застрелился».

Вопрос: «Когда в грубые искушения впадаю, то прихожу в уныние и даже отчаиваюсь». Ответ: «Когда о. игумен Антоний был болен, то перед его смертью мы с о. Климентом приходили к нему. Отец Климент в это время о ком-то сомневался, а о. игумен говорил: „Не надо отчаиваться ни за кого, один диавол отчаялся, а прочие могут спастись“».

«Приступит человек, и сердце глубоко. И вознесется Бог, стрелы младенец быша язвы их. Приступит злой враг человек и сеет плевелы на ниве Господней. Сердце глубоко — кто сам себе внимает и не смотрит, кто и как что делает, а если он призовет Бога, то молитва победит и отгонит нападение вражие, и тогда стрелы его будут как стрелы младенцев, как мухи кусают».

Батюшка еще говорит: *«Человек яко трава. Кто гордится, тот вянет, как трава, а кто боится Бога, тот будет помилован Господом».*

Вопрос: *«Как это: возверзи печаль твою на Господа?»* Ответ: «Это значит жить просто и все упование возложить на Господа и не рассуждать, что кто сделал, что и как будет. Царь Давид когда думал и рассуждал по-человечески, тогда дошел до безнадежного состояния, ни в чем не находил себе отрады: *„Поглумляшися и малодушествова дух мой“*. А когда возложил упование свое на Бога, тогда был утешен: *„Помянух Бога и возвеселихся“*. *„На хребте моем делаша грешницы“*. Враг нападает на человека страстями, и человек делает все, что ему враг внушает, и все это на его спине отзывается».

«Будь снисходительна к другим. Симеон Новый Богослов пишет:
„Ежели сто человек успокоишь, а одного оскорбишь, то все пропало“».

Вопрос: «Что значит: *жезл твой и палица твоя, та мя утешиста?*».

Ответ: «Жезл — крест, скорбь, а палица — молитва Иисусова. Жезл — деятельная часть добродетели, а палица — умная молитва».

Вопрос: «Бывают помыслы, что вы мне доверяете». Ответ: «А я тебе притчу расскажу. Одного пустытника выбрали архиереем, он долго отказывался, но они настояли. Тогда он и подумал: „Я не знал, что я достоин, верно, есть что-нибудь у меня хорошее“. В это время явился ему Ангел и говорит: „Рядниче (рядовой монах) что ты возносишься, там люди нагрешили и им нужно наказание, вот оттого и выбрали, что хуже тебя не нашлось“».

Во время смущения батюшка никогда не благословлял делать замечания или выговора и рассказал, как у архимандрита Моисея был келейник о. Нифонт; он что-то сделал недолжное и ждал проборки, а архимандрит будто и не замечает ничего. Отец Нифонт приходит к нему и все ждет выговора, а архимандрит дает ему разные приказания. Так было несколько раз. Раз как-то о. Нифонт пришел к архимандриту очень веселый, а тот сейчас дверь на крючок и начал его пробирать.

По записям другой монахини, батюшка говорил: «Дурные сны бывают от трех вещей — от осуждения, от тщеславия и от объедения.

Некто спросил монаха: „Кто тебя научил молиться?“ Он ответил: „Бесы“. — „Как бесы?“ — „Да так! Они меня бороли разными помыслами, а я отбивался от них молитвой“.

Без преданности Промыслу Божию не приобретешь покоя. Не смиряешься, оттого и не имеешь покоя.

Златоуст говорит: „Если хочешь узнать истину о себе, ищи ее у врагов — они тебе скажут“.

Три колечка цепляются друг за друга: ненависть от гнева, гнев от гордости.

Когда говоришь со смиренным, то отдыхаешь, легко с ним; а когда говоришь с тем, кто себя оправдывает, а других винит, — ох, куда как умариваешься.

Когда бывает бесчувствие, тогда наиболее нужно упражняться в молитве устной.

Когда сердце прилепляется к земному, тогда надо вспомнить, что земное не пойдет с нами в Царствие Небесное».

О скорбях, вызываемых случающимися в монастырях сплетнями и пересудами, о. Амвросий высказывал и устно, и письменно следующее: «Кто из поступивших в монастырь прямо пойдет путем смирения в страхе Божиим, и сохраняя по совести очи, и слух, и язык, а в ошибках прибегая к самоукорению, тот мало увидит неприятных случаев, а слово „сплетня“ для него и существовать не будет. Ежели Господь ради нашего спасения перенес заплевания и заушения и всякий вид уничтожения, то кто из желающих спастись не должен знать, если только он имеет правильное стремление к спасению, что и ему должно понести подобное, хотя в меньшей мере, за грехи свои и ради своего спасения. Главная мысль при пострижении выражена так: „Имаши досадитися, и уничтожитися, и изгнатися, и вся скорбная понести“. Кто это знает и помнит, для того слово „сплетни“ не может иметь силы. Если кто спросит, для кого же они существуют и имеют силу? Разумеется — еще для немощных, хотя и благонамеренных, у которых самолюбие еще в силе, хотя бы и прикрывалось благовидно какими-либо мнимо благословными предложениями; — для тех, которые смотрят на вещи, хотя в некоторых случаях, человеческим оком, не быв еще свободны от того, чтобы получать внимание и ласку и приветствие, и некоторое почтение, а иногда и предпочтение, особенно, когда представляется на это как бы некий предлог чрез бывшие от них благотворения. Св. апостол Павел оба сказанные состояния ясно выразил упреком: „*Наченше духом, ныне плотию скончывают*“.

Как же быть в таком случае немощным? Очень просто: сознавать свою немощь, прибегать к самоукорению и смирению и в неприятных случаях более обвинять себя, а не других, и прежде всего смотреть на

вещи просто, что все мы люди, все человеки, всякий по-своему видит, по-своему понимает, по-своему судит и толкует. В этом судить нас будет один Сын Божий, Которому Единому дана сия власть от Бога Отца. Когда же оставим простоту и будем думать и толковать, что, и как, и зачем, и для чего, и кто они, и как они, тогда и не будет просто, а выйдет мудрено, паче же бестолково. Пойдут недоумения и недоразумения; не обойдется и без жалобы; а скорби-то, скорби-то будут невыносимые. Не помню, где-то написано, что тщеславие, если дотронуться до него пальцем, кричит: „Кожу дерут“. Хотя и не всегда так, а бывает, не по малой части, только в различных видоизменениях. Самолюбие наше корень всему злу. Оно есть начало всех страстей, оно есть причина всех наших бедствий и страданий, иногда в настоящее время, а иногда как последствие прежних ошибок. Впрочем, не одно самолюбие бывает причиною скорби, а часто и благая решимость жить благочестиво, как сказано у апостола: *„Вси хотящии благочестно жити, гоними будут“*. И в другом месте сказано: *„Многи скорби праведным“*, только с прибавлением ободрения: *„но от всех их избавит я Господь“*. Блажен, кто принадлежит к числу таких и терпит скорби за правду и жизнь благочестивую. Как же быть тем, о коих сказано: *„Многи раны грешному?“* И таким не должно отчаиваться, а без смущения и с упованием на милосердие Божие благодушно простираться к покаянию и смирению, подражая мытарю, который, видя во всем свою неисправность, взывал ко Господу: *„Боже, милостив буди мне грешному“*. Стараясь жить благочестиво, должно помнить и никогда не забывать, что все читаемое и понимаемое должно относиться к себе, а не к другим, к себе быть благоразумно строгим, а к другим снисходительным. Благоразумно строгим быть — значит не смущаться бестолково. Пример сего мы можем видеть в детях различного возраста, которым оказывается снисхождение по мере их понятий. Есть и дети духовные, которых возраст считается не по годам или бородам и морщинам, а положительно сказано: *„Возраст старости есть житие нескверное“*. Скоро ли доживем до такого возраста старости? А не доживши, все мы требуем друг от друга снисхождения, по любви о Бозе: снисходительно слышать, снисходительно видеть, снисходительно судить о виденном и слышанном. Все это сказано лишь к сведению, чтобы нерассудно не устрашаться. На самом же деле придется многое почувствовать,

потому что человек не вдруг стяжывает бесстрашие. А где страсти, там и скорби со многими недоумениями и недоразумениями».

Несколько другой характер носят наставления о. Амвросия, сказанные им в своей хибарке не для одних только монашествующих, но и для мирских лиц.

Надо вспомнить, какое впечатление производила эта хибарка уже сама по себе! «Как радостно забьется сердце, — рассказывает одна ее постоянная посетительница, — когда, идя по темному сосновому бору увидишь в конце дорожки скитскую колокольню, а с правой стороны убогую келлийку смиренного подвижника! Как легко на душе, когда сидишь в этой тесной и душной хибарке, и как светло кажется при ее таинственном полусвете! Сколько людей перебивало здесь! И приходили сюда, обливаясь горькими слезами скорби, а выходили со слезами радости; отчаянные — утешенными и ободренными; неверующие и сомневающиеся — верными чадами Церкви».

«Здесь жил „Батюшка“ — источник стольких благодеяний и утешений. Ни звание человека, ни состояние не имели никакого значения в его глазах. Ему нужна была только душа человека, которая настолько была дорога для него, что он, забывая себя, всеми силами старался спасти ее, поставить на истинный путь. С утра до вечера, удрученный недугом, старец принимал посетителей, подавая каждому по потребности. Слова его принимались с верой и были законом. Благословение его или особенное внимание считались великим счастьем; и удостоившиеся этого выходили от него, крестясь и благодаря Бога за полученное утешение».

Светлым, благотворным, неисчерпаемым потоком лились в хибарке тихие речи благодатного старца и разносились внимательными и умиленными сердцами слушателей по самым отдаленным уголкам России и передавались из уст в уста, как драгоценные уроки святой, чистой христианской жизни.

«Как жить? — говорил старец. — Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем — мое почтение».

«Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно; тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно». «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится, — чуть только одной точкой касается земли, а остальными непременно стремится вверх; а мы как заляжем на землю, так и встать не можем».

«Чтобы идти в монастырь, надо терпения не воз, а целый обоз».

«Чтобы быть монашенкой, надо быть либо железной, либо золотой: железной — значит иметь большое терпение; золотой — большое смирение».

«Иди, куда поведут, смотри, что покажут, и все говори: „Да будет воля Твоя“».

«Что тебе за дело, что про тебя говорят, — сказал как-то старец, — если слушать чужие речи, придется взвалить осла на плечи».

«Обещание без исполнения — все равно, что дерево без плода».

Еще говорил старец: «Где просто, там Ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного». А иногда прибавлял к этому: «Где нет простоты, там одна пустота».

Когда батюшке говорил кто-нибудь: «Не могу», он нередко рассказывал на это про одного купца, который все говорил: «Не могу, не могу, — слаб». А пришлось ему раз ехать по Сибири; он был закутан в двух шубах и ночью задремал; открыл глаза и вдруг видит точно сияние перед собою, все как будто звезды мелькают; глядит, волки... Как он вскочил... Да забыв про тяжесть шуб, прямо на дерево...

«Напрошенный крест, — говорил старец, — трудно нести, а лучше в простоте предаться воле Божией. Не попустит бо Бог искушиться выше меры, но сотворит со искушением и избытие».

О том, что без смирения невозможно спастись, о. Амвросий рассказывал: «Одна госпожа видела во сне Господа Иисуса Христа и

пред Ним толпу народа. На Его зов первою подошла к Нему девушка крестьянка, а потом мужик в лаптях и еще все люди крестьянского сословия. Госпожа подумала, что и ее за доброту и вообще за все ее добродетели Господь скоро позовет. Каково же было ее удивление, когда она увидела, что Господь перестал уже и звать. Она решила было сама напомнить о себе Господу, но Он совсем отвратился от нее. Тогда она упала на землю и начала смиренно сознаваться, что она действительно хуже всех и недостойна быть в Царствии Небесном». Батюшка затем прибавил: «А вот такие-то и годятся, таких-то там и надо».

На слова одной, стоявшей около старца, «гордость мешает во всем», он ответил: «А ты закутайся в смирение; тогда если и небо к земле прильнет, не страшно будет».

Человек в счастии забывается и все приписывает себе — своей бессильной силе и мнимой власти; но лишь посетит его какое-либо несчастье, просит пощады даже и у воображаемого врага. Эту истину о. Амвросий так изображал: «Человек как жук. Когда теплый день и играет солнце, летит он, гордится собою и жужжит: „Все мои леса, все мои луга! Все мои луга, все мои леса!“ — А как солнце скроется, дохнет холодом и загуляет ветер, — забудет жук свою удаль, прижмется к листку и только пищит: „Не спихни!“» Еще рассказывал старец, как иногда обстоятельства нечаянно смиряют человека: «Раз кто-то устроил у себя обед и разослал своих слуг приглашать гостей. Один из приглашаемых и спрашивает присланного к нему слугу: „Неужели у твоего господина получше тебя никого не нашлось послать ко мне?“ На это посланный отвечал: „Хороших-то по хорошим разослали, а меня уж к вашей милости“».

Говорил еще о. Амвросий о смирении: «Пришел, было, к настоятелю, о. архимандриту Моисею один посетитель, но, не застав его дома, отправился к его родному брату о. игумену Антонию. Среди разговора гость и спросил о. игумена: «Скажите, батюшка, какого вы держитесь правила?» — Отец Антоний ответил: «Много было у меня правил; жил я в пустыни и по монастырям, и все разные были правила; а теперь осталось одно мытарево: „*Боже, милостив буди мне грешному!*“»

«Лишь только смирится человек, — говаривал старец, — как тотчас же смирение поставляет его в преддверии Царства Небесного».

«Рассуждения, — говорил старец, — не достигнешь без любви и смирения, а смирения и любви — без послушания».

«Одна все хотела странствовать туда и сюда — и в Киев, и в Задонск; а один старец и говорит ей: „Все это тебе не на пользу; а сиди-ка лучше дома и твори мытареву молитву“».

О раздражительности старец говорил: «Никто не должен оправдывать свою раздражительность какою-нибудь болезнью, — это происходит от гордости. *А гнев мужа, по слову св. апостола, правды Божией не соделовает.* Чтобы не предаваться раздражительности и гневу, не должно торопиться».

Беседуя о зависти и памятозлобии, старец сказал: «Нужно заставлять себя, хотя и против воли, делать какое-нибудь добро врагам своим; а главное — не мстить им и быть осторожным, чтобы как-нибудь не обидеть их видом презрения и уничижения».

Кто-то сказал старцу: «Как это вы, батюшка, только не гневаетесь на тех, кто об вас нехорошо говорит, но и продолжаете любить их?»
Старец много этому смеялся и сказал: «У тебя был маленький сын, сердилась ли ты на него, если он что и не так делал и говорил? Не старалась ли, напротив, какнибудь покрывать его недостатки?»

Старец говорил о св. Александре Невском, что он был и воевода, и государь, и отец семейства, и мученик, и исповедник, и монах и, наконец, схимник. Всем был и во всем умел явить образец достойный подражания. Рассказывал про него, что когда он с другими явился в золотую Орду и, подобно другим, с ним бывшим, не стал кланяться кусту, хан, казнив его спутников, пощадил его за красоту и представительность. «Следовательно, — говорил батюшка, — красота и представительная наружность есть также дар Божий, есть талант, в употреблении которого мы также должны отдать отчет Богу».

Батюшка говорил: «Кто праздники не почитает, тому нет удачи».

Еще говорил батюшка: «Григорий Двоеслов пишет о том, какую ценою приобретается Царствие Небесное. Для него не существует цены определенной. Всякий человек должен отдать за него все, что имеет. Апостол Петр отдал сети и получил Царство Небесное, вдовица отдала две лепты; у кого миллионы, пусть даст их; а у кого ничего нет, пусть отдаст произволение».

«Если не хочется молиться, надо понуждать себя, — говорил старец; — святые отцы говорят, что молитва с понуждением выше произвольной молитвы. Не хочется, но понуждай себя: *нудится бо Царствие Небесное*».

На книге преп. Варсонофия Великого и Иоанна Пророка батюшка написал: «Кто хочет себе внимать, тот должен книгу сию внимательнее читать, побольше дома сидеть, поменьше по сторонам глядеть, по келлиям не ходить и к себе гостей не водить; других не осуждать, а о своих грехах ко Господу Богу воздыхать, дабы получить милость Божию».

О любви старец говорил: «Любовь, по слову апостола, *все прощает, долготерпит, не осуждает, ничего чужого не желает, не завидует*».

«Любовь покрывает все. И если кто делает ближним добро по влечению сердца, а не движимый только долгом, то таковому диавол мешать не может; а где только по долгу, там он все-таки старается помешать тем или другим».

«Трудящемуся Бог посылает милость, а любящему утешение».

«Любовь, конечно, выше всего. Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь ее иметь, то делай дела любви, хотя сначала без любви. Господь увидит твоё желание и старание и вложит в сердце твоё любовь. А главное, когда заметишь, что погрешила против любви, сейчас же исповедуй это старцу. Это может быть иногда от дурного сердца, а иногда и от врага. Сама ты не можешь этого разобрать; а когда исповедуешь, враг и отойдет».

«Всегда лучше уступать, — говорил батюшка, — если будешь настаивать справедливо — это все равно, что рубль ассигнацией, а если уступишь — рубль серебром».

«Кто имеет дурное сердце, не должен отчаиваться; потому что с Божиею помощью человек может исправить свое сердце. Нужно только внимательно следить за собою и не упускать случая быть полезным ближним, часто открываться старцу и творить посильную милостыню. Этого, конечно, нельзя сделать вдруг, но Господь долготерпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление».

«Если будешь принимать людей Бога ради, то, поверь, все будут к тебе хороши».

«Чтобы человеку исправить себя, не надо вдруг налегать, а как тянут барку: тyani-тyani-тyani, — отдай-отдай! — Не все вдруг, а понемногу. Знаешь рожон на корабле? Это такой шест, к которому привязаны все веревки корабля; и если тянуть за него, то потихоньку и все тянется; а если взять сразу, то все испортишь от потрясения».

«Бесстрастными ведь не сейчас можно сделаться; а всякий раз, чувствуя свою греховность, говори: „Господи, прости мне!“ Господь один силен вложить в сердце человека любовь».

О милостыне старец Амвросий говорил: «Св. Димитрий Ростовский пишет: „Если придет к тебе человек на коне и будет у тебя просить, подай ему. Как он употребит твою милостыню, ты за это не отвечаешь“».

Еще: «Св. Иоанн Златоуст говорит: „Начни отдавать неимущим, что тебе ненужно, что у тебя валяется; потом будешь в состоянии давать и больше и даже с лишением себя, а, наконец, уже готов будешь отдать и все, что имеешь“».

«Безбожникам, — говорил старец, — нет оправдания. Ведь всем, всем решительно, и язычникам, проповедуется Евангелие; наконец, по

природе всем нам от рождения вложено чувство познания Бога; стало быть, сами виноваты. Ты спрашиваешь, можно ли за таких молиться. Конечно, молиться за всех можно».

«Батюшка, — спросил кто-то, — ведь не может ощущать в будущей жизни полного блаженства тот, которого близкие родные будут мучиться в аду?» Старец ответил: «Нет, там этого чувства уже не будет; про всех тогда забудешь. Это все равно, как на экзамене. Когда идешь на экзамен, еще страшно, и толпятся разнородные мысли; а пришла — взяла билет, про все забыла».

О лени и унынии старец говорил: «Скука унынию внука, а лени дочь. Чтобы отогнать ее прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись, тогда и скука пройдет, и усердие придет. А если к сему терпения и смирения прибавишь, то от многих зол себя избавишь».

О нечувствии и бесстрашии батюшка сказал:

«Смерть-то не за горами, а за плечами; а нам хоть кол на голове теши».

«Если на одном конце деревни будут вешать, на другом конце не перестанут грешить, говоря: до нас еще не скоро дойдут».

Пришел к старцу один господин, не верующий в бесов. Старец ему рассказал: «Приехал в одну деревню барин в гости к своим знакомым и выбрал сам себе комнату для ночлега. Ему говорят: „Не ложитесь тут, — в этой комнате неблагополучно“. Но он не поверил и только над этим посмеялся. Лег. Но вдруг слышит ночью, что кто-то дует ему прямо в лысину. Он укрылся с головою одеялом. Тогда этот кто-то перешел к его ногам и сел на постели. Гость испугался и со всех ног бросился бежать оттуда, уверившись собственным опытом в существовании темной силы». Выслушав рассказ старца, господин сказал: «Воля ваша, батюшка, я даже не понимаю, что это за бесы». На это старец ответил: «Да ведь и математику не все понимают, однако она существует. Как же бесы не существуют, когда знаем из Евангелия, что Сам Господь велел бесам войти в стадо свиней?» Господин возразил: «Но ведь это иносказательно?» — «Стало быть, — ответил

старец, — и свиньи иносказательны, и свиней не существует? А если существуют свиньи, значит, существуют и бесы».

Обличая ложный стыд и малодушие в вере, старец рассказал: «Один так-то не верил в Бога. А когда, во время войны на Кавказе, пришлось ему драться, он в самый разгар сражения, когда летели мимо него пули, пригнулся, обняв свою лошадь, и все время читал: „Пресвятая Богородица, спаси нас!“ — А потом, когда, вспоминая об этом, товарищи смеялись над ним, он отрекся от своих слов». Сказав это, старец прибавил: «Лицемерие хуже неверия».

О покаянии старец говорил: «Какое ныне настало время! Бывало, если кто искренно раскается во грехах, то уже и переменяет свою греховную жизнь на добрую; а теперь часто бывает так: человек и расскажет на исповеди все свои грехи в подробности, а потом опять за свое принимается».

«Один раз сидел бес в образе человека и болтал ногами. Видевший это духовными очами спросил его: „Что же ты ничего не делаешь?“ Бес отвечал: „Да мне ничего теперь не остается делать, как только ногами болтать; люди все делают лучше меня“».

О силе покаяния старец так говорил: «Один все грешил и каялся, — и так всю жизнь. Наконец, покался и умер. Злой дух пришел за его душой и говорит: „Он мой“. Господь же говорит: „Нет, он каялся“. — „Да ведь хоть каялся и опять согрешал“, — продолжал диавол. Тогда Господь ему сказал: „Если ты, будучи зол, принимал его опять к себе после того, как он Мне каялся, то как же Мне не принять его после того, как он, согрешив, опять обращался ко Мне с покаянием? Ты забываешь, что ты зол, а Я благ“».

Спросили у батюшки: «Что значит плач?» Батюшка отвечал: «Плач — значить сетование; неплач бывает от слез, а слезы от плача».

«Грехи, как грецкие орехи, — скорлупу расколешь, а зерно выковырять трудно».

«Три степени для спасения. Сказано у св. Иоанна Златоуста: а) не грешить, б) согрешивши каяться, в) кто плохо кается, тому терпеть находящие скорби».

«Бывает, что хотя грехи наши через покаяние и прощаются нам, но совесть все не перестает упрекать нас. Покойный старец о. Макарий для сравнения показывал иногда свой палец, который давно когда-то был порезан; боль давно прошла, а шрам остался. Так точно и после прощения грехов остаются шрамы, т. е. упреки совести».

«Креста для человека Бог не творит. И как ни тяжел бывает у иного человека крест, который несет он в жизни, а все же дерево, из которого он сделан, всегда вырастает на почве его сердца».

«Вот я, например, всегда был болтуном, любил с людьми поговорить, поразвлечься; Господь и устроил так, что пришлось мне всю жизнь свою толковать с народом. Теперь и рад бы помолчать, да не приходится».

«Когда человек идет прямым путем, для него и креста нет. Но когда отступит от него и начнет бросаться то в ту, то в другую сторону, вот тогда являются разные обстоятельства, которые и толкают его опять на прямой путь. Эти толчки и составляют для человека крест. Они бывают, конечно, разные, кому какие нужны».

«Человека постоянно смущают греховные помыслы; но если он не соизволяет им, то не бывает в них виновен».

«Одна подвижница долгое время обуреваема была нечистыми помыслами. Когда же явившийся ей Господь отогнал их от нее, она воззвала к Нему: „Где Ты был доселе, о сладкий мой Иисусе?“ Господь ответил: „Был в твоём сердце“. Она же сказала: „Как же это могло быть? Ведь сердце мое было исполнено нечистых помыслов“. И сказал ей Господь: „Потому разумей, что Я был в твоём сердце, что ты никакого расположения не имела к нечистым мыслям, а более старалась избавиться от них, но не имея возможности, болезновала о сем, — и этим уготовила Мне место в сердце твоём“». «Иногда посылаются человеку скорби безвинно для того, чтобы он, по примеру

Христа, страдал за других. Сам Спаситель прежде пострадал за людей. Апостолы Его также мучились за Церковь и за людей. Иметь совершенную любовь и значит страдать за ближних».

«Отчего люди грешат? — задавал иногда старец вопрос, и сам же решал его. — Или оттого, что не знают, что должно делать и чего избегать, или, если знают то забывают; если же не забывают, то лентяются, унывают... Это три исполина, — уныние или леность, забвение и неведение, — от которых связан весь род человеческий нерешимыми узами. А за тем уже следует нерадение со всем сонмищем злых страстей. Потому мы и молимся Царице Небесной: „Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от меня смиренного и окаянного раба Твоего уныние, забвение, неразумие, нерадение и вся скверная, лукавая и хульная помышления“, и прочее».

Многим о. Амвросий советовал, и в письмах, и устно, не оставлять краткой молитвы Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного».

Батюшка о. Амвросий советовал при кознях человеческих и вражеских прибегать к псалмам св. пророка Давида, которыми молился он, когда был в гонении от врагов, а именно читать псалмы: 3-й, 53-й, 58-й, 142-й. Выбирать из этих псалмов стихи, приличные к скорби, и почаще прочитывать их, обращаясь к Богу с верою и смирением. А когда будет бороться уныние или томить душу безотчетная скорбь — прочитывать 101-й псалом, 36-й (*Не ревнуй лукавнующим, ниже завиди творящим беззаконие*), затем псалом 26-й (*Господь просвещение мое*) и псалом 90-й (*Живый в помощи Вышнего*). Ежели во имя Св. Троицы исправно читать эти псалмы ежедневно по три раза со смирением и усердием, предавая себя всеблагову Промыслу Божию, *тогда изведет Господь яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне, точию повинися Господеву и умоли Его.*

Полезно также читать псалом 39-й (*Терпя потерпех Господа, и внят ми*).

Указывая, что человеку нечем гордиться, старец прибавлял: «Да и чем в самом деле человеку тут возноситься? — Оборванный, ошипанный просит милостыни: „Помилуй, помилуй!“ — А подастся ли милость, это еще кто знает».

Когда старцу жаловались, что посторонние мысли мешают молиться, он сказал: «Ехал мужик по базару; вокруг него толпа народу, говор, шум; а он все на свою лошадку: „Но-но! но-но!“ — так помаленьку, помаленьку и проехал весь базар. Так и ты, что бы ни говорили помыслы, все свое дело делай — молись!»

Чтобы люди не оставались в беспечности и не возлагали всю свою надежду на постороннюю молитвенную помощь, старец повторял обычную народную поговорку: «Боже-то поможи, — да и сам мужик не лежи». И прибавлял: «Вспомни, двенадцать апостолов просили Спасителя за жену хананеянку, но Он не услышал их; а сама стала просить — упростила».

Чтобы показать, что Бог главным образом смотрит на внутреннее молитвенное расположение человека, о. Амвросий говорил: «Пришел как-то к о. игумену Антонию один больной ногами и говорит: „Батюшка, у меня ноги болят, — не могу класть поклоны, и это меня смущает“. Отец Антоний ответил ему: „Но ведь в Писании сказано: сыне, даждь ми сердце, а не ноги“».

Одна монахиня сказала старцу, что видела во сне икону Божией Матери и услышала от Нее: «Принеси жертву». Батюшка спросил: «Что же, ты принесла жертву?» Та ответила: «Что же я принесу? У меня ничего нет». Тогда батюшка сказал: «В псалмах написано: *жертва хвалы прославит мя*».

При разговоре о Дарьюшке-страннице старец, вздохнув, сказал: «Да, Господь почивает в простых сердцах. Золото везде видно, и везде проглянет, несмотря даже на угловатость; а другой, как ни кудрявьясь, все золотом не будет». На замечание, что Дарьюшка хорошо умерла, батюшка сказал: «Оттого и кончина была хорошая, что жила хорошо. Как поживешь, так и умрешь».

О том, как трудно искореняются греховные навыки в человеке и как много значит пример других, старец говорил: «Как на пойманную в табуне одичалую лошадь, когда накинута аркан и поведут, она все упирается и сначала идет боком; а потом, когда присмотрится, что прочие лошади идут спокойно, и сама пойдет в ряд; так и человек».

О сетях диавольских о. Амвросий говорил: «Паук ленивый сидит на одном месте, выпустив ниточку и ждет — как только попадет муха, сейчас и голову ей долой! А муха-то жужжит». При этом батюшка многозначительно прибавил: «Зажужжим! — Так и враг всегда протягивает сети; как кто попадет, сейчас ему и голову долой». Затем старец обратился к кому-то и говорит: «Смотри, — не будь мухой, а то так же жужжишь».

Сама жизнь нередко направляет человека на истинный путь. «Какой-то отец послал своего сына в лес за делом; а сын и говорит: „Батюшка, как же я там буду один? Я ничего не знаю“. — „Ничего, ступай, — говорит ему отец, — нужда всему научит“. Он поехал; но вот в лесу сломались у него сани. Вспомнил он слова отца, — „нужда всему научит“, — и давай кричать: „Нужда-а!“ — А она отвечает ему: „А-а!“ Ждал-ждал он, кричал-кричал, никто не пришел к нему на помощь. Тогда он слез, сам кое-как поправил сани, приехал к отцу и говорит: „Обманул ты меня, батюшка — ведь нужда-то не пришла ко мне на помощь“. — „Да как же ты справился?“ — „Да так уж, кое-как“. — Вот это-то самое, что ты кое-как справился, и показывает, что нужда тебе помогла“».

Батюшка любил иногда в рифму именам или фамилиям своих собеседников делать шуточные замечания, в которых под внешнею шуткою скрывался глубокий внутренний смысл и серьезное наставление. «Смотри, Мелитона, — говорил он одной монахине, предостерегая ее от высокомерия, — держись среднего тона; возьмешь высоко, будет нелегко, возьмешь низко, будет склизко; а ты, Мелитона, держись среднего тона».

«Вера, будь верой твердой, не будь верой слабой». «Надежда — да не душ наших».

«Любовь терпит и до-олго терпит, а если немного не дотерпит — ничего не будет — *претерпевый бо до конца, — той спасен будет*».

«Катя! Назад не пяти». Или: «А что Катя назад не пятит?» Еще: «Катиш! Смотри, куда катишь. Кати туда, где тишь, да гладь, да Божья благодать».

«Лизок! Смотри внизок, там находится смиренье и обретается терпенье».

«Груша просится тпруши, а мы ее притянем за уши».

«Маня! Мани, мани, да не обмани!» Еще: «Если Маня себя не обманя — будет очень, очень хорошо».

«Наш Нил всем мил, а иногда бывает и гнил».

«Будь Анна, а не Аннетта — в Аннеттах проку нету». «Мать Евмения! Собери свое разумение». Или: «Мать Евмения растеряла свое разумение».

Одной особе по фамилии Блохиной: «Когда же блохи бывают плохи?» Или: «Времена стали плохи: блохи и те испускают неправильные вздохи». (Замечательно, что когда она была еще молоденькой девочкой, сестра ее, относившаяся всегда к батюшке, раз высказала ему свое огорчение по поводу того, что, как ни уговаривала она сестру поехать с нею к старцу, она никак не соглашается. Батюшка сказал: «Когда ее блоха укусит, тогда и она к нам приедет». Она слово „блоха“ приняла просто за насекомое кусающееся, но оказалось, что слово это имело иное значение. Она вышла замуж за Блохина, и, когда в их жизни начались неприятности, она и приехала к батюшке.)

Одному скитскому послушнику Максиму батюшка при каждом почти свидании повторял: «В Коломне на кладбище есть такого рода надпись: „Под камнем сим лежит Максим. Им бы жить да веселиться, а они изволили на тот свет переселиться“». Вскоре Максим внезапно скончался.

Маленькой девочке Марфе: «Марфа печется на солнце, а вырастет — будет и других припекать».

Свою любовь к людям и заботливость о них о. Амвросий проявлял всеми возможными способами — и материальной помощью, и духовным руководством. Приносимые ему вещи он раздавал через келейников нуждающимся монашествующим; присылаемые же деньги делил на три части, — одну часть отсылал скитона начальнику на нужды скита и на помин благодетелей, другую часть определял на бедных и, наконец, третью, самую малую часть, отделял на лампадное масло и восковые свечи для отправления своих келейных бдений и других молитвословий. Милостыня всем ежедневно приходившим к нему бедным подавалась им также через келейников. В исключительных случаях подавал старец и сам. Раз как-то он поспешно выходит из хибарки в келлию и тут же, мимоходом, обращается к своему писарю: «Вот там пришла женщина с сиротами, — мал мала меньше. Всех сирот человек пять, а есть нечего. Сама горько плачет и просит о помощи. А самый маленький ничего не говорит, а только смотрит мне в глаза, подняв ручки грабельками. Как же не дать ему!» Старец стал доставать деньги. Руки от волнения дрожат, слезы против воли просятся из глаз.

Ежегодно к великим праздникам Рождества Христова и Св. Пасхи рассылалось старцем по несколько десятков денежных писем в разные места к не могущим явиться к нему за милостынею лично. Посылалось рубля по три, по пяти и более. К концу жизни старца число таких рассылавшихся к великим праздникам денежных писем возросло до двухсот. Бывали, хотя редко, случаи, когда о. Амвросий посылал одному лицу рублей по сто и более. Некоторые бедные монахини почти, можно сказать, содержались на его счет. Многим он помогал и целые семьи поддерживал материально при содействии относившихся к нему с доверием богатых людей.

Наконец, многолюдная Шамординская обитель, со множеством бедных, больных, сирот, калек и бесприютных, получала свое содержание от старца или ради него.

Любовь и сострадание старца к людям были таковы, что он не оставлял без внимания, участия и помощи самого, по-видимому, маловажного их горя, которое в глазах других людей казалось смешным и не заслуживающим никакого внимания. Однажды остановила его крестьянка, которая была нанята помещицей пасти индюшек. Индюшки у нее не жили, и барыня хотела ее рассечь. «Батюшка, — кричала в слезах баба, — хоть ты помоги мне. Сил моих нет. Сама над ними не доедаю, пуще глаз берегу, а колеют они. Согнать меня барыня хочет. Пожалей, родимый!» Присутствовавшие тут смеялись над ее глупостью, зачем она с такими пустяками идет к старцу. А старец ласково расспросил ее, как она их кормит, и дал советы как их содержать иначе, благословил ее и простился. Тем же, которые смеялись над крестьянкой, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. Индюшки у бабы перестали колеть.

Когда Шамордино только что устраивалось и сестер было мало, у батюшки попросилась в новый монастырь одна пожилая, но здоровая женщина. Батюшка принял ее и отправил на Рудновский хутор ходить за скотом. С усердием принялась она за свое послушание и трудилась исправно, но затем, мало-помалу, стала тяготиться тем, что живет она не в монастыре, от церкви далеко и молиться некогда, все только о коровах да о свиньях думать надо. Уныние овладело ею настолько, что она стала роптать и на старца, говоря: „Я просилась у батюшки в монастырь, а он меня послал к свиньям“ — и, наконец, решила уйти совсем куда-нибудь в другой монастырь, но ни старцу и никому об этом не сказала. В это время случилось, что батюшка приехал в Рудново, и следом за ним, по обыкновению, наехало много мирских, между которыми было несколько видных лиц. Батюшка принял всех на общее благословение, и приезжие стали просить старца принять их отдельно, но батюшка ответил: «Вы люди свободные, а я сюда приехал, чтобы заняться со здешними сестрами, которые постоянно трудятся и редко меня видят». С этими словами он проводил всех из своей келлии, а к себе позвал унывающую старушку-скотницу. «Дурень — сказал ей ласково батюшка, — что же ты скорбишь, что ты мне не нужна, и уходить собираешься; я всех приезжих оставил, а тебя принял. Ну, рассказывай мне, как поживают твои телята и поросята». Этих коротких, но согретых отеческой любовью слов было достаточно,

чтобы всякая мысль не только об уходе, но и о каком бы то ни было недовольстве совершенно исчезла без следа. Не только в то время, но и впоследствии, когда уже и старца не стало, в минуты, когда ослабевало терпение, эти слова служили ей одушевлением и ободрением.

Один современный писатель, вообще не расположенный к монашеству но очень благоволяющий к старцу Амвросию, сообщает следующие случаи любвеобильной попечительности старца.

«Дочь одного именитого купца, девушка образованная, но скромная, увлеченная одним молодым профессором, сделалась матерью.

Разъяренный купец выгнал ее из дому ни с чем, — на все четыре стороны. Переправилась она в соседний городок, передала ребенка какой-то мещанке, обещаясь платить, а затем, как и все в этих губерниях, т. е. Калужской и соседних с нею, растерянные люди, направилась в Оптину пустынь к старцу Амвросию „за прощением и советом“. К посетителям, которых собирались большие толпы, старец выходил в четырехугольник, обнесенный жердями; пришедшие стояли около них, дожидаясь очереди, когда он каждого позовет, а старец ходил внутри ограды, то погруженный в задумчивость, то заговаривая с тем или другим, то вызывая к себе внутрь ограды. В эту толпу вмешалась и молодая женщина. Она готовилась к тяжелой, стыдливой исповеди. Каково же было ее недоумение и смущение, когда, минуя ближних, он позвал ее издали; и едва она к нему подошла и привычно поклонилась до земли, как он ласково и участливо спросил ее, где она оставила рожденного ею младенца. Она все рассказала в слезах. Тогда он ей указал немедленно вернуться назад, взять от женщины ребенка, вернуться в отцовский город, „а деньги на пропитание Бог пошлет“... Она так и поступила.

До сих пор я передаю слышанное, а остальное уже видел своими глазами.

Во втором классе гимназии учился высокий, худенький и необыкновенно оживленный мальчик; вечные шалости, но необыкновенно наивные, невинные, так что без его шалостей было бы и скучнее в классе. И все шалости были деликатными, тихими, скорее

остроумными. Он был очень пуглив, впечатлителен, а вместе — открыт. В нем не было вовсе того маленького нахальства и назойливости, без которых, к сожалению, почти не встречается русских детей в возрасте 13-ти лет. Ставлю я раз ему балл в журнальчике и вижу, что за предыдущую неделю „свидетельство в просмотре баллов“ подписано фамилией не его, а другою. „Отчего же ты родителям не дал подписать?“ — спросил я машинально. — „Это подпись мамы“. — „Как мамы?“ И я указал на разность фамилий. У него выразилось в лице удивление: очевидно, этого никогда ему в голову не приходило. „Верно, твоя мама второй раз замужем и по второму мужу и носит эту (не сходную с фамилией мальчика) фамилию?“ — „Нет, я верно знаю, что моя мама не второй раз замужем“. Тут только я стал догадываться, что в семейном положении ученика есть ненормальность. Выставив ему балл и посадив на место, я потом, пользуясь веселостью и открытостью ученика и, как часто имел привычку делать почти со всеми учениками, стал его расспрашивать, где же и как, и чем он с родителями живет. Все ответы его были, так сказать, удивляющи, а вместе составили продолжение приведенного мною выше рассказа, слышанного мною как раз незадолго до случая с этим мальчиком. „Мама моя рисует, только образа пишет и больше ничего; вам она образа не напишет, потому что на посторонних людей не делает, а как напишет, отвозит к бабушке“. — „Какому?“ — „Бабушке Амвросию, в Оптину пустынь“. — „Как же она его знает?“ — „Мы с ним давно знакомы. Он такой добрый, как никто“. — „И ты его видел?“ — „Меня-то он особенно и любит.

Мы в год раза два к нему бываем. И всякий раз он поведет к себе в келлию и ласкает, ласкает меня и всегда мне дает гостинцев. И веселый он, превеселый, постоянно шутит и смеется, мне же позволяет все делать у себя, и я у него как у себя в доме“. Между тем из других рассказов мне было известно, что о. Амвросий бывает серьезен, наставителен, а временами даже суров... Очевидно, здесь была связь исключительная. Старец спас своим советом молодую женщину, спас и мальчика; и возлюбил их особенною любовью, как свое творенье, усыновил их себе; а благодарная женщина вся отдалась именно благодарному религиозному чувству, выразившемуся в писании икон.

Как я расспросил и узнал, суровый отец ей выдавал немного денег на содержание, но в дом ее не впускал, и сам, и семья его сношений с нею не имели»^[61] .

Одной овдовевшей женщине, оставшейся с дочерью и внучкой и вовсе без всяких средств, без пенсии и помощи, но имевшей дом, старец сказал: «Дом и думать не смей продавать». За дом можно было получить тысячи две и начать перебиваться; на первое бы время хватило. Но старец рассчитал не первое время, а именно далекое. Запрет его был равен закону. Жили три сироты в холодном и голодном доме; но помогли на первые месяцы родные, а затем нашелся жилец, стал «на хозяйский харч», и семья перебивалась десятый уже год, с трудом, но не впав в разорение и нищенство, которых бы без дома не избежать.

Еще случай: «Взрослый сын, уже учительствовавший в городской школе, пропадал от пьянства. Пьянство это было так неудержимо и вместе для всех несносно, что отец и вся родня давно не хотели ни видеть молодого человека, ни даже впускать его в чистый и благообразный дом. Только одна мать от него не отступалась. За выгоном из дома он уже ночевал на огороде, в бане, находили его пьяным на улице, и вообще сраму было много. Между тем в редкие трезвые минуты несчастный был разумен, приветливого со всеми обращения, застенчивый и скромный. Пить его приучили в юности худые товарищи по семинарии. Приходившая в отчаяние его мать возила его несколько раз к „батюшке Амвросию“, — и вот ее-то, эту заботливейшую и неистощимую в терпении мать, он и стучал посохом по спине (как сказано, знак особого старческого благоволения, а иногда и особый вид строго-воспитательного воздействия); с пьянчужкою же обращался непрерывно ласково „и удостоивал слова“. Думали сына уже в солдаты сдать, что можно было и по кроткому его характеру, и потому, что пьянство было очевидной неисправимой болезнью. Но это запретил старец, а матери он указал неизменно беречь его, о нем же самом „предсказал дивную судьбу, что он священником станет возносить молитву перед Престолом Божиим“. Таковое предсказание даже расхолодило желание обращаться дальше к нему за советами: пивший молодой человек не был даже посвящен

хотя бы в псаломщики, а проходил учительскую службу, главное же, был в таком безобразном виде. Но по-прежнему ходила за ним мать, а там женила; а там жена свезла пьяного мужа к какому-то лекарю... Дальше открылось после смерти отца диаконское место, он посвятился и, наконец, стал священником, а рассказывавшая этот случай мать жила у него в доме и распорядилась всем обильным хозяйством и нянчила сыновей и дочь».

Под любящим и заботливым руководством о. Амвросия иногда коренным образом изменялось направление жизни людей, как это можно видеть из следующего рассказа монахини N. «Я поступила в монастырь по благословению батюшки Амвросия, а ранее мое устройство было совсем не монастырское, хотя я и получила воспитание и образование в духовном училище. Рядом с нашим училищем был женский монастырь. Мы часто посещали его, познакомились таким образом с жизнью монашеской, и она нам не нравилась, так что мы, сверстницы, давали слово никогда не поступать в монастырь. По окончании курса я поступила домашнею учительницею в светские дома и, живя так шесть лет, еще более втянулась в светскую жизнь.

О монастыре и помину не было. Но Промысл Божий, имиже весть судьбами, устраивает наше спасение. Один из моих братьев, священник, проживши два года с женою, овдовел, остался одиноким и просил меня приехать к нему. Я оставила свое учительство и поселилась у брата. Нужно сказать, что брат мой был духовного устройства и, еще будучи семинаристом, стремился в монастырь, но батюшка Амвросий, с которым он вел об этом переписку, велел ему сначала окончить курс учения. По окончании курса брат мой должен был помогать матери и поддерживать младших братьев и потому сначала сделался учителем, а потом, по желанию матери, и священником. Господь видел его духовное устройство и послал ему жену больную, которая скоро и умерла. Во время ее болезни брат через странника, к которому питал большое доверие, обращался к батюшке Амвросию, прося его помолиться о болящей, и получил такой ответ: „Пусть бдит, насаждает сад, чаще поливает, плодов будет много. Июль месяц будет для него скорбен“.

Действительно, в июле жена его умерла. И вот собрались мы к нему: я, сестра и мать. И задумал он кого-либо из нас устроить на свое место, а за решением *кого* — отправились мы с матерью вдвоем в Оптину, к батюшке Амвросию, который на общем благословении, ударив меня по голове, сказал: „А в монастырь не хочешь?“

Я смутилась и не нашлась, что ответить. Он взял мать, беседовал с нею и велел через год опять явиться к нему; ни той, ни другой сестре не благословил выходить замуж, а о младшей сказал даже, что она больная, куда ей замуж, хотя не видел ее ни разу. Пустынная жизнь отшельников и пустынное пение произвели на меня глубокое впечатление, а пронизательный взор старца, его горячая отеческая любовь ко всем скорбящим и страждущим пересоздали меня совсем, и я стала помышлять о монастыре, оставила наряды, увеселения, выезды, пищу употребляла только молочную; так провела год и снова явилась к старцу. Этот раз беседовала с ним, исповедовалась и получила благословение поступать в монастырь. Еще через год я совсем приехала, хотя и трудно было преодолеть все препятствия. Проживя год в монастыре, получаю известие, что брат заболел горловою чахоткою, и что московские доктора признали его безнадежным. Я приехала с этою скорбью к батюшке, а он сказал: „Ему надо в монастырь, а мать держит; поезжай, скажи матери, что ей легче — чтобы он умер или чтобы пошел в монастырь?“ Приехав домой, я передала эти слова матери. Мать заплакала и сказала: „Бог благословит! Пусть едет!“ Наутро началась распродажа имущества. Дом батюшка благословил забить, а покупателей не дожидаться.

Спустя несколько времени я возвратилась к себе в монастырь, взяв с собою и сестру погостить. Сестре очень понравилась монастырская жизнь, и она осталась у меня. Только постигла ее какая-то болезнь, и она два года болела, доктора не могли помочь ей, а батюшка и ее вылечил, поил ее лапушным корнем. Когда она поправилась, ее одели и поставили на клирос. После нашего приезда с сестрою в монастырь, и брат приехал в Оптину. Батюшка принял его к себе и дал послушание — письмоводство и петь на клиросе. Брат усомнился и говорит: „У меня горло больное, петь трудно“. „Ничего, пройдет!“ — сказал батюшка. И, действительно, болезнь горла прошла бесследно. После

этого брат прожил в скиту 23 года, был духовником шамординских сестер, а потом был назначен архимандритом в Боровский монастырь.

Спустя шесть лет после моего приезда с сестрою в монастырь, приехала к нам и мать и осталась с нами. Она прожила в монастыре десять лет, два раза была пострижена батюшкою Амвросием и умерла схимницей.

Вот какой великий и святой был старец Амвросий, — заканчивает свой бесхитростный рассказ монахиня, — как он умел направлять к лучшему людей и устраивать их душевное спасение и телесное благополучие».

Настоятельница Каширского женского монастыря игумения Тихона рассказывала о себе, как она на себе самой испытала силу духовного влияния старца Амвросия и как ей было полезно руководство батюшки:

«После кончины незабвенного оптинского старца отца Макария, по его благословию, келлия наша, и я в том числе, начали относиться в скорбях, недоумениях и в духовных нуждах к ученику почившего старца, отцу Илариону, — мужу мудрому, крепкому в вере и как бы непоколебимому алмазиту в послушании, которого он безусловно требовал от своих чад духовных. После кончины сего незабвенного духовного мужа, последовавшей в 1873 году, я осталась без руководителя, имея всего от роду 25 лет; по искушению и по совету лукавого ненавистника пользы и спасения нашего согласилась с его внушением жить по своей воле, не стесняя себя и не подчиняясь воле нового старца; тем более, что порою строгость почившего отца Илариона казалась тяжелою своенравной и грешной душе, уже вкусившей отчасти горький плод своеволия во время продолжительной болезни старца. Между тем почившая мать игумения Павлина, зная по опыту, как юным опасно самочинное жительство, неоднократно предлагала мне и настаивала, чтоб я ехала в Оптину и там обратилась бы к руководству батюшки отца Амвросия. Не желая более противиться воле игумении, я поехала Великим постом, в такое именно время, когда особо много народа бывает у старца. Находясь под влиянием искушения, я рассчитывала на то, что за многолюдством

будет батюшке не до меня, и думала так: „Посижу, посмотрю и поеду обратно, тем самым успокою матушку игумению, так настойчиво желавшую меня вновь направить в Оптину“. Вот здесь-то и проявилась во всей силе духовная мощь и благодать, обитающая в батюшке. Видел он мое холодное отношение к нему и, сожалея о душе, близкой к гибели, особенно внимательно обошелся со мною и, долго не задерживая, взял на исповедь. Когда я вошла к нему в келлию, батюшка, оставя меня одну, вышел в свою спальню. Темно было совсем; только одна лампада ярко освещала лик Богоматери. — Помню, что когда я вошла, холод и пустота наполняли мою душу; мало того, я как-то озлобленно и с иронией относилась ко всему окружающему старца и с таким-то отвратительным чувством пришла я на исповедь. От батюшки не скрылось это: духовным оком проник он грешную душу и, оставя меня, — думаю — пошел помолиться в свою келлию.

В эту пору, конечно, не подозревая этого, стояла я в ожидании старца, и вот, передать словами затрудняюсь, что вдруг произошло в душе моей: свет какой-то, какая-то теплота согрела и осветила меня, упала я на колени пред иконою Царицы Небесной; слезы сами обильно полились; это были слезы мирные, особенные, радостные слезы и, когда со свечою вошел батюшка, встала я с молитвы и обратилась к нему со словами: „Отец мой! Спасайте меня! Душу свою хочу открыть вам; искренно говорить хочу, искренно каяться, хочу быть послушной и преданной вам; руководите меня ко спасению, умоляю вас!“ — С этого момента точно все во мне преобразилось: страшно отвратительным казалось мне самой мое прежнее настроение. Для того, чтобы старцу открыть душу на исповеди, я кратко рассказала ему всю жизнь свою и последнее искушение — желание своеволия, так сильно опутавшее еще юное сердце! — Что же это, как не благодатная сила молитвы о мне старца?!

Уезжая из Оптиной, я вполне была покойна и счастлива; все меня приводило в восторг: та же дорога, тот же знакомый сосновый лес! Но другим мне казался он... сердце чувствовало близость Бога, так что и в творениях Его познавала я величие Создателя Бога, и вот, с тех пор, стала я искренно преданною, духовною дочерью старца о. Амвросия

до самой кончины его. Неоднократно испытывала я на себе благодатную силу молитв и влияния старца; сравнительно он много снисходительнее был почивших о. Макария и о. Илариона. Помню, слышала я такой отзыв людей опытных в духовной жизни, что если к почившим вышеупомянутым старцам подходило наименование отцов, мудрых руководителей, — то к батюшке о. Амвросию к этому наименованию следовало добавить название нежной, любвеобильной матери. Мягкостью батюшка делал очень много; оставя других, скажу о себе, — что я готова была идти на все, чтобы только исполнить желание старца. Приходилось многим жертвовать, отказывать себе во всех мнимых удовольствиях и самых малых развлечениях, не всегда допускаемых в монастыре. Если можно так выразиться, особая какая-то тактика была у батюшки; никогда он строго не взыскивал и не запрещал; бывало, каешься ему, что разрешаю на рыбу мясоедом в среду или пяток, именно в такие дни, когда устав сего не дозволяет. И скажет только батюшка: „Вижу я, что тебе наскучило быть здоровой; вот ты и ешь рыбу, когда это не должно!“ — Конечно, после этих слов, из страха прогневить Бога и не навлечь наказания болезни, и не станешь более разрешать на рыбу, и внушение такое остается памятным на всю жизнь.

Таким образом и в других случаях батюшка действовал мягкостью, но вместе действовал так сильно, что слово его оставалось как бы законом и более не нарушалось. Однажды каялась я на исповеди старцу, что покупая в лавке разные предметы, при расчете с купцом, — последний ошибся и отпустил мне одну вещь вместо другой, более ценную, — здесь я не заметила, а когда дома узнала, то подумала, что не стоит возвращать и оставила так у себя. Однако, поступок этот тяготил совесть, и я, сознавая грех свой, каялась старцу. На это батюшка рассказал мне случай из своей жизни. „Когда еще учился я в семинарии, — говорил старец, — зашли мы, несколько товарищей, в лавку купить различные учебные принадлежности; при расчете купец обчелся, сдал нам лишнее, что-то больше рубля. В то время мы, школьники, рады были случаю и поделили между собою эти деньги. Совсем позабыв об этом, я уже в Оптиной вспомнил, и совесть слегка начала тревожить; затем, все дальше — больше и больше стало тяготить; и чтоб успокоить ее, сколько делал? Сколько подавал

бедным, — впоследствии сколько жертвовал на храмы, на разные богоугодные учреждения, и все с целью выплатить неправильно присвоенное, хотя, в сущности, и пустяки, но вот и до сих пор это обстоятельство томит меня, и дорого бы дал я, если бы кто мог мне указать хоть бы наследников того купца, которого и фамилии не помню, чтоб я мог им вернуть захваченное неправдою. Вот поэтому советую тебе, — продолжал батюшка, — возвратясь домой, немедля отнеси в лавку и скажи купцу, что по ошибке у тебя оказалось „то-то и то-то“. — Еще говорил батюшка, что долги после смерти тяжело ложатся на душу, надо избегать их! Бог безгранично милостив, прощает кающихся грешников, но люди все — не таковы; другие прощают, а есть, которые долгов и не прощают, но жалуются и негодуют на умерших своих должников, и тем самым тяготится душа после смерти!

Еще говорил: „Большой ответ отдадут Богу за нехранение уставов Церкви в отношении несоблюдения постов, ответят же именно за то, что за грех не считают постом есть скоромное; во всем другом сознают себя грешными и каются, но в нарушении постов и каются не думают, а между тем преступают завещание Св. матери Церкви и, по учению св. апостолов, уподобляются за преслушание язычнику и мытарю“.

Помню: раз пришли к старцу на благословение молодые светские барыни, их привело одно любопытство. Дожидаясь с нами в хибарке выхода батюшки, они негодовали на всю обстановку и, говоря между собою по-французски, все подшучивали и над нами, и над старцем, — и говорили между прочим: „Чего мы ждем? Что интересного можем услышать от о. Амвросия? Что он понимает?“ Тут вдруг отворилась дверь хибарки, и вышел батюшка с обычною ему улыбкою и прежде всех остановил свое внимание на вновь приехавших вышеупомянутых посетительницах. Благословив их, ничего не спрашивая, кто они и откуда, он прямо занялся их туалетом, стал перебирать зонтики, кружева и перья шляп и повел с ними разговор на эту тему дамских нарядов. Так говорил он долго; мы слушали, а барыни те конфузились, сознавая пустоту своих обычных разговоров, в которых так мудро обличил их старец, что они присмирели, и сами после с большим

уважением относились к старцу, от которого раньше не ждали ничего особого.

Живя в монастыре в Белеве, проходила я клиросное послушание, и меня неоднократно посылали на монастырскую дачу для обучения пению живущих там сестер, ибо на даче устроен был храм, и по временам совершалось богослужение.

Так три года подряд пришлось мне Великий пост и Пасху встречать на даче, и был такой случай: раз пришла одна бедная деревенская женщина попросить творогу на пасху; экономка же дачная хорошая монахиня, но была слишком экономна и отказала просительнице. Затем вскоре пошли сестры брать себе творог для пасхи и были поражены, когда увидели, что большую полную кадку творога всю до дна перерыла крыса, и сама тут же околела в кадке.

При свидании с батюшкой я рассказала ему этот случай, и он мне весьма знаменательно ответил: „Помни и знай: тебе это пригодится и будет уроком, когда сама будешь игуменией. В том монастыре, где экономка щедрая, там всегда все в изобилии; и обратно, где скупятся и экономят, то всегда такие-то постигают наказания от Бога, как это случилось на вашей даче с творогом“.

Неоднократно и после батюшка предрекал мне игуменство, что и сбылось впоследствии; только при этом говорил мне старец: „Если когда будут приходить эти мысли, или желание начальствовать, то надо как можно стараться сопротивляться этим помыслам“.

Говорил батюшка: „По опыту знаю я, что тяжелый начальнический крест вдвое тяжелым становится тем, кто желал начальства, и вовсе бывает неудобноносим для тех, кто добивается оно“.

Раз приехавши в Оптину в сане уже игумении, я просила наставления старца, как держать себя с сестрами в монастыре. Батюшка сказал мне так: „В душе своей глубже сознавай свое ничтожество; мысленно повергай себя к ногам сестер, но виду им не показывай; помни, что вручен жезл тебе, не игрушка какая-нибудь, потому берегись шуток, берегись фамильярного с их стороны обращения; избегай иметь особо

приближенных; делай так, чтобы тебя боялись, и любили, и слушали. Знай, что не только за себя, но и за сестер своих дашь ответ Богу; главное, старайся не столько словами, сколько собственным примером внушать им страх Божий и в храме, и в трапезе, и в рукодельных послушаниях“.

Действительно, тяжелое иго начальническое порою мне, немощной, было не под силу, унывала я духом, находясь вдалеке от старца, по неопытности нуждаясь постоянно в его советах и наставлениях.

Помню, как я горько плакала у батюшки, говорила ему, что боюсь, погибну сама и другим не послужу ко спасению, а на это батюшка, утешая, говорил: „Так же и наш о. архимандрит Исаакий плакал целый год и унывал, тоже боялся за себя и за свое спасение, а ему на это почивший о. Иларион раз и сказал: „Что это ты малодушествуешь, врага веселишь?! Посмотри-ка в святцах, кто там святые?! Архиереи все да игумены; ведь за них молятся все, и паства, и братия; за молитвы-то их они и спасаются“. Так и ты не робей! За молитвы сестер спасешься и ты; только больше смиряйся, считай себя мысленно под всеми, недостойною всех“.

В начале моего поступления на игуменство, при постройке соборного храма и по другим делам обители много ездить, хлопотать приходилось мне, иногда очень трудно доставалось — во всякую погоду и далеко на лошадях приходилось ехать под дождем. Бывши у батюшки, я со слезами и горем жаловалась на свою долю, прося его св. молитв; на это старец отвечал: „Много раз замечал я, всякий человек, имеющий какую-либо особо выдающуюся слабость в молодости, — под старость ею же наказуется“. И тут же, приводя себя в пример, продолжал: „Когда был я молод, любил поговорить, пошутить; был я келейником у старца отца Макария. Бывало, по делу пошлют меня, а я заговорюсь и забуду; — меня ждут, ждут, да за мною еще другого пошлют. — Теперь под старость что же? Язык не ворочается, лыка не вяжет порою, а тут кругом люди ждут, ропщут, и поневоле надо говорить. Вот так и ты, — молодая все рвалась куда-нибудь проехать; вспомни, какая была охота к путешествию! Зато теперь поневоле приходится странствовать“. — Так батюшка, ободряя, всегда

приводил какой-нибудь пример либо из своей жизни, либо притчу какую-нибудь скажет и так утешит, что точно печаль или скорбь рукою снимет!

Памятным на всю жизнь осталось руководство старцев оптинских: теперь никакое дело, никакое начинание не дерзаю предпринимать, не призвавши на помощь молитвы и благословение почивших св. отцов и руководителей наших.

Да хранят нас и обитель нашу и вперед их сильные, могучие молитвы у престола Господа славы!»

До знакомства со старцем Амвросием некоторые по неведению и предубеждению относились к нему иногда недоброжелательно. Иным даже казалось странным, когда им советовали поехать в Оптину. «Что у нас с ним может быть общего? Наверное, какой-нибудь лицемер, который ищет славы. Знакомая удочка; да только попадут на нее одни простецы». Так некоторые рассуждали и не хотели ехать в Оптину; а для успокоения своей совести не хотели верить тому доброму, что рассказывали о старце. Кто же из таких по любопытству заезжал в Оптину, начинал большею частью с осуждения. В Оптиной принято между монахами ради смирения становиться пред старцем на колени. По доброй воле поступали так и некоторые миряне. Сам же старец незнакомых мирских посетителей всегда приглашал садиться против него на стул; иногда даже упрашивал не стоять пред ним на коленях. А сколько насчет этого бывало нехороших речей! — «С какой стати мне пред всяким монахом на колени становиться! Вот где их смирение!» Точно кому-то было досадно, что люди идут к старцу, и кто-то старался сеять смуту.

И когда приходила минута первого свидания, некоторые смотрели на старца с недовольным сердцем и с желанием разоблачить старого монаха. Но иногда это недоверие разом рассеивалось и уступало место самому теплomu чувству.

У старца в летний день множество народа. Одна молодая женщина, которую уговорили посетить батюшку, находится в раздраженном состоянии, что ее заставляют ждать. Вдруг дверь широко отворяется.

Старец с ясным лицом появляется на пороге и громко говорит: «Кто здесь нетерпеливые, подойдите ко мне». Приближается к молодой женщине и ведет ее к себе. После беседы с ним она становится частой гостьей Оптиной и посетительницей о. Амвросия.

Одна сестра из большой помещичьей семьи, часто бывавшая у старца, долго умоляла свою любимую сестру, с очень живым и нетерпеливым характером, поехать вместе с ней в Оптину. Та, наконец, соглашается, чтобы доставить удовольствие сестре, но всю дорогу громко ворчит; а пришедши к старцу и сидя в приемной, чем-то возмущается: «Я не стану на колени, к чему это унижение?» Она быстро ходит по комнате из угла в угол. Отворяется дверь, так что ее совсем закрывает в ее углу. Все опускаются на колени. Старец подходит прямо к двери, откидывает ее и весело спрашивает: «Что это за великан тут стоит?» И затем говорит молодой девушке: «Это — Вера пришла смотреть лицемера!» Знакомство сделано. Вера выходит замуж, вдовев и возвращается под крылышко батюшки в Шамордино.

Одна молодая девушка с хорошим образованием, с хорошими стремлениями, но измученная своею внутреннею раздвоенностью, сомнениями, пустотою жизни и интересов окружающей ее среды, безотчетно, под влиянием рассказов о старце, поехала к нему в Оптину, не имея в виду никакой определенной цели. У старца в келлии шло всенощное бдение. Было много народа. Стоя в числе других, девушка почувствовала какое-то неизъяснимое волнение. Благодатная теплота охватила ее сердце. Глядя на большой образ Богоматери «Достойно есть» она как бы почувствовала на себе ласку Самой Царицы Небесной и, не замечая сама, стала горько плакать. Вдруг из своей келлии выходит старец и с лицом, полным сострадательной любви и участия, спрашивает: «Кто здесь так горько плачет?» Ему ответили: «Никто, батюшка, не плачет». «Нет, — повторил старец, — здесь плачет кто-то». Видя эту чуткую, искреннюю любовь старца, отзывчивую на всякое человеческое страдание, девушка была глубоко поражена, и сама полюбила старца. С этого момента ее судьба была решена. Она просила старца принять ее в Шамордино. Ее мать приехала, по ее словам, вырвать свою дочь из «этого ужасного монашеского мира». Со скорбью и упреками вошла она к батюшке.

Старец предложил ей стул. Прошло несколько минут разговора, и огорченная мать невольно, не понимая сама, что с нею делается, встает со стула и опускается около старца на колени. Беседа длится.

В скором времени с дочерью-монахиней соединяется и мать-монахиня.

Одна молодая девушка жила со своей матерью, женщиной очень религиозной и благочестивой; веровала она, как говорится, «по-старинному», твердо и неуклонно; в таком же духе воспитывала и дочь, которая в раннем возрасте была также очень религиозна, но затем, уже находясь в гимназии, она поддавалась влиянию своих подруг и совершенно охладела к вере. Окончив курс и сделавшись учительницей, она познакомилась с одним молодым человеком, за которого и собралась выходить замуж. Человек он был хороший, но он был католик, и этого было достаточно, чтобы мать ее наотрез отказала. Взаимное расположение молодых людей было настолько глубоко, что они не хотели остановиться перед этим препятствием, и молодая девушка уговорила его принять православие, что он вскоре и исполнил. Но в простоте верующая мать не признала этого перехода и вторично отказалась дать свое согласие на этот брак. Положение дочери было очень тяжелое: с одной стороны, личная привязанность и неловкость перед невольно обманутым женихом, а с другой — боязнь оскорбить мать. Хорошие ее знакомые, зная, какую душевную борьбу она переживает, посоветовали ей обратиться к о. Амвросию. Девушка, и раньше слышавшая о мудрости и святости о. Амвросия и отчасти на себе испытывавшая уже силу его молитв (она страдала сильными головными болями и писала о. Амвросию, после чего боли навсегда исчезли), согласилась принять этот совет, решив в душе подчиниться в точности решению старца. Вскоре она получила ответ, в котором старец советовал ей по возможности удаляться от жениха, но совсем ему не отказывать. Прошло после этого девять месяцев. Неопределенность и неловкость положения тяготили девушку, и она снова написала старцу, прося его решить чем-нибудь этот вопрос. Старец написал ей, чтобы она приехала сама. Отец Амвросий жил в то время в Шамордине, и когда она вошла в приемную и увидела батюшку сидящим на диване, то была поражена его видом: он весь

был как бы в лучах. Пораженная, она бросилась перед ним на колени и зарыдала. Сказать она ничего не могла, и старец отпустил ее, тоже ничего не сказав. Молодая девушка живет в Шамордине несколько дней, видит старца только на общих благословениях, причем старец не обращает на нее внимания. Между тем в ее душе идет усиленная работа и совершается непонятный ей перелом. У нее складывается определенное решение идти в монастырь, она чувствует, что никуда не может отсюда уехать, но она решает молчать об этом. Наконец, срок ее отпуска кончается, и старец зовет ее к себе. Окинув ее пронизательным и глубоким своим взглядом, он быстро и решительно задает ей вопрос: «Ну, говори свое желание?» Не ожидавшая такого прямого вопроса, она говорит: «Батюшка, в настоящее время у меня одно желание — остаться в монастыре». — «Ну и оставайся», — ответил ей старец просто, как и всегда просто он решал сложные вопросы. «Точно тяжесть какая спала с меня, — говорит она, — мне так стало легко и отрадно, только я не могла понять, как меня, такую неподготовленную, старец берет в монастырь. Да еще смущала меня мысль, что я недобросовестно поступаю против человека, который ради меня даже отказался от своей веры. Когда я высказала это батюшке, то он ответил: „А разве ты этим ему зло причинила?“»

Так она осталась в монастыре вполне спокойная и, несмотря на то, что не имела решительно никаких средств к жизни, по молитвам старца, никогда не видала нужды.

Вот старец ходит по скиту, опираясь на свою палку; много мужчин подходят к нему. Несколько сзади идет келейник. Один иеромонах подводит к батюшке двух молодых людей. Они очень хорошо одеты и имеют очень воспитанный вид. Но старший совершенно равнодушен относительно веры в Бога; а другой почему-то очень осуждал его, когда о нем рассказывали; а теперь очень недоволен, что несколько дней подряд старец не мог их принять. Он усиленно следит за старцем и старается отгадать, что это за человек. Иеромонах просит благословить их. Батюшка скоро, не глядя, благословляет и идет дальше. Несколько крестьян из дальней губернии поджидают его. «Мы к тебе с поклоном, — говорят они. — Прослышали, что у тебя ножки болят; вот тебе мягкие сапожки сделали, — носи их на здоровье».

Старец берет их сапоги и говорит с каждым. А второй из молодых людей все это видит. И вдруг ему представилась трудовая жизнь старца, и все чужие бремена, которые он подымлет, и вера, с которою на него смотрят все эти люди, и любовь крестьян, принесших ему сапожки; и сомнения, лежавшие камнем у него на сердце, исчезли. Он опять близ батюшки и робко говорит: «Батюшка! Благословите меня!» Старец обертывается, весело смотрит на него и начинает с ним говорить о его учебных занятиях и о жизни. Он всю дорогу думает о батюшке; и на следующее лето опять приезжает к нему, уже по влечению сердца.

Подходит к о. Амвросию измученный человек, потерявший все устои и не отыскавший цели жизни. Он искал ее в обширном труде, в беседе Толстого — и отовсюду бежал. Он говорит батюшке, что пришел его посмотреть. — «Что ж, смотрите!» — отвечает старец. Он встает затем со своей кровати, выпрямляется во весь рост и вглядывается в человека своим ясным взором. От этого взора какое-то тепло, нечто похожее на примирение, льется в наболевшую душу. Неверующий поселяется близ батюшки и всякий день ведет с ним долгую беседу. Проходит много времени. В одно утро он говорит батюшке: «Я уверовал».

Как неотразимо было влияние личности старца Амвросия, видно еще из очень интересного рассказа одного москвича, В. В. Ящерова: «Мое знакомство с о. Амвросием, — пишет он, — произошло при довольно своеобразных обстоятельствах. В 1882 году, во время своего отпуска из Южной Болгарии, я, живя в Москве, встретился и познакомился с одной женщиной, родственницей очень близкого мне семейства. Эта женщина и была причиною моего знакомства и сближения с праведным старцем; ибо он был ее постоянным духовным отцом в течение нескольких лет. Надо заметить, что это была замечательно религиозная особа; в посты, например, она ежедневно посещала все церковные службы, являясь в церковь ранее всех и уходя последней. Мне, человеку тогда с другим совсем направлением, все это казалось не чем иным, как ханжеством и даже недугом душевным. Но вскоре мне пришлось переменить свой образ мыслей.

Между прочим, моя знакомая до такой степени увлекалась послушанием еще тогда мне неизвестному какому-то оптинскому старцу, что была готова исполнить всякое его малейшее требование и желание. В один октябрьский день эта особа показала мне полученную ею чрез какую-то монахиню записку от о. Амвросия, писанную карандашом, в которой ей приказывалось немедленно бросить все и приехать к нему в Оптину. Что особенно ее беспокоило, — это приписка — взять с собою пенсионную книжку. „Видно, батюшка надолго вызывает меня“, — говорила она с грустью. Напрасно я убеждал ее не верить никаким „старцам“ или „юродивым“ и оставаться дома. На следующее утро я получил от нее по городской почте записку, что, не смея ослушаться батюшки, она уезжает в Оптину; а через восемь дней ко мне пришло от нее уведомление, что о. Амвросий приказывает ей остаться в Оптиной на весь Рождественский пост; а пока отсылает ее в женский монастырь в Белев.

Это письмо меня сильно раздражило, чтобы не сказать более. Считая поведение моей знакомой плодом окончательного душевного расстройствa и обвиняя в этом исключительно старца Амвросия, я взял два больших листа почтовой бумаги и написал ему длинейшее письмо, в котором в самых вежливых и почтительных выражениях высказал много резкостей, приправляя каждую текстами Св. Писания и протолковывая эти тексты на свой лад. Не прочитав написанного, я тотчас отправил письмо по почте. И что же? Через пять дней моя знакомая возвратилась; рассказала мне, что, к ее изумлению, о. Амвросий не только остался доволен моим письмом, но приказал ей немедленно возвратиться в Москву; прислал мне просфору и просил передать мне его желание видеть меня в Оптиной. Я был тронут таким результатом моего послания и решил исполнить желание старца при первой возможности, чувствуя себя виноватым пред ним за необузданность моего пера.

На четвертой неделе Великого поста 1883 года я выехал в Оптину через Тулу и Калугу; из последнего города пришлось ехать верст 60 на почтовых^[62]. Я выехал из Калуги в понедельник утром и в Оптину приехал уже поздним вечером. Утомленный дорогою, я наскоро напился чаю и лег спать. Когда я сидел на другой день утром за чаем,

ко мне явился келейник о. Амвросия с приглашением „пожаловать к батюшке“. Я нисколько, впрочем, не удивился этому, предполагая, что ему доносят о каждом приезде. Оптинская пустынь состоит из двух частей: собственно монастыря с храмами, корпусами монашеских келлий, скотным и конным дворами, которые, кстати сказать, содержатся в образцовом виде как по постройкам, так и относительно животных, гостиницами и разными хозяйственными зданиями, — и скита, где в то время жили только строгие подвижники. В ограду скита женщины не допускаются. Мы с послушником пошли мимо собора, через фруктовый сад, пересекая всю площадь монастыря, и вышли, наконец, за ограду. Перед нами во все стороны густо раскинулся оголенный зимою лес, а прямо убегала тропинка, протоптанная среди высоких сугробов снега массою почитателей преподобного старца. Она-то и вела, через лес, к скиту, отстоящему от монастыря на полверсты. Мы вышли на поляну, — и пред нами открылась белая ограда. Вправо от входных ворот виделся небольшой, белый, каменный флигелек, одною половиною выходящий наружу, а другою прятанный внутри ограды. Пред крыльцом наружной части домика, который женщины почему-то называют „хибаркою“ стояла толпа человек в пятьдесят женщин и высокородных, и простого звания, в ожидании увидеть о. Амвросия. Большая часть из них пришли или приехали издалека, и во всех них царила твердая вера, что у него они найдут и утешение в горе, и добрый совет в трудных обстоятельствах, и даже исцеление в болезнях. Но случилось, что, походивши безуспешно к заветному крыльцу несколько дней подряд, иная богомолка, не принятая старцем, в сильном смущении должна была уезжать ни с чем домой, так и не видав его.

Войдя в ограду (скита), мы повернули направо к внутреннему крыльцу флигеля, который оказался обширнее, чем представлялось снаружи. Прямо с крыльца дверь отворялась в коридор, разделявший флигель пополам: направо первая комната небольшая, но чисто меблированная, — приемная для мужчин, налево собственное помещение о. Амвросия; а далее комнаты для послушников и приемная для женщин. Послушник, приняв от меня пальто, пригласил меня в приемную направо, пока доложит батюшке. Через минуту он вышел и сказал, что батюшка просит меня подождать немного, пока окончит беседу с

посетителем. Я принялся осматривать приемную. Приглашение послушника пожаловать к батюшке прервало мой осмотр, и я отправился вслед за ним по коридору, уставленному по обе стороны скамьями, на которых ожидали с десятков посетителей.

Повернув налево, через маленькую переднюю я прошел в узенькую дверь и очутился в каморке аршина четыре в длину и около трех в ширину, с довольно низким потолком. Прямо против двери было небольшое окно, и под ним маленький столик с выдвижным ящиком и шкафчиком; правой стороны я не помню, ибо левая сторона каморки привлекла все мое внимание. На постели аршин двух с половиною длины и четверти три ширины, сделанной из досок, покрытых тонким, дюйма в два ковром или матрацем (не разглядел), полулежал на левом боку в черном поношенном подряснике и такой же скуфейке, облокотясь левою рукою на ситцевую подушку и перебирая правую зерна четок, маленький старичок с небольшою клинообразною бородкой, с пронизательными добрыми глазами и чрезвычайно симпатичным лицом, — решительный контраст старцу, рисовавшемуся в моем воображении! Я остановился, ожидая приглашения приблизиться. Старичок, внимательно и не шевелясь, вглядывался в меня с минуту. Наконец он немного приподнялся, улыбнулся и сделал мне знак рукою подойти. Я подошел и поневоле должен был опуститься на колени, чтобы принять его благословение. Благословив меня, о. Амвросий взял мою руку, еще пристально посмотрел мне в глаза и мягким и веселым голосом произнес: „Так вот он какой, этот свирепый защитник своего счастья!“ Я пробормотал что-то вроде извинения, но он остановил меня и, указав на лежащее на столе мое письмо, продолжал: „Нечего извиняться! Я очень доволен этим письмом, чему доказательством служит мое желание вас видеть. Какая это на вас форма?“ — Я ответил, что я команду Южно-Болгарской дружиной, и что это форма Восточно-Румелийских войск. — „Первое название хорошо, а второму и быть бы не следовало!“ — серьезно произнес он. „Мне очень приятно, батюшка, слышать, что вы совершенно согласны в вашем взгляде с покойным Скобелевым и со всеми истинно-русскими!“ — ответил я с почтительным поклоном. „Вы ведь были и в Сербии добровольцем, как мне говорила С. Кстати, как ее здоровье? Я слышал, что она была больна после поездки в

Петербург“. — „Слава Богу, поправилась“, — сказал я. Старец опять улыбнулся и сказал: „Я вас не удерживаю более; вы видели, сколько людей ожидают слова утешения. Ступайте, мы потом поговорим. Да, вы надолго приехали сюда?“ — „Я думаю еще съездить взглянуть на ваш знаменитый Козельск и выехать из Оптиной в четверг“. — „Вот и прекрасно! Значит, вы можете и отгответь здесь“. — „Отец Амвросий! Сегодня вторник, когда же я успею отгответь? Четверг послезавтра!“ — возразил я немного удивленным тоном. — „Для истинного покаяния нужны не годы и не дни, а одно мгновение, — заметил он серьезно, почти строго, — сегодня вы будете у вечерней службы, завтра у заутрени и Преждеосвященной Литургии, а после вечерни придете ко мне на исповедь; в четверг приобщитесь Св. Таин и вечером можете выехать в Москву“.

Выйдя из ограды, я обратил внимание на какое-то особое движение в группе женщин. Любопытствуя узнать, в чем дело, я приблизился к ним. Какая-то довольно пожилая женщина, с болезненным лицом, сидя на пне, рассказывала, что она шла с больными ногами пешком из Воронежа, надеясь, что старец Амвросий исцелит ее, что, пройдя пчельник, в семи верстах от монастыря, она заблудилась, выбилась из сил, попав на занесенные снегом тропинки, и в слезах упала на сваленное бревно; но что к ней подошел какой-то старичок в подряснике и скуфейке, спросил о причине ее слез и указал ей клюкой направление дороги. Она пошла в указанную сторону и, повернув за кусты, тотчас увидела монастырь. Все решили, что это монастырский лесник или кто-либо из келейников; как вдруг на крылечко вышел уже знакомый мне служка и громко спросил: „Где тут Авдотья из Воронежа?“ Все молчали, переглядываясь. Служка повторил свой вопрос громче, прибавив, что ее зовет батюшка. — „Голубушки мои! Да ведь Авдотья из Воронежа я самая и есть!“ — воскликнула только что пришедшая рассказчица с больными ногами, приподымаясь с пня. Все молча расступились, и странница, проковыляв до крылечка, скрылась в его дверях. Мне показалось странным, как успел о. Амвросий узнать так быстро об этой страннице и откуда она пришла. Я решил дождаться ее возвращения. Минут через пятнадцать она вышла из домика вся в слезах и, на посыпавшиеся на нее вопросы, чуть не рыдая, отвечала, что старичок, указавший ей дорогу в лесу,

был не кто иной, как сам о. Амвросий, или кто-либо уж очень похожий на него. В большом раздумье вернулся я в гостиницу. Что же это такое, думалось мне. Положим, сходство; но, во-первых, в монастыре нет никого похожего на о. Амвросия, а во-вторых, два таких странных совпадения: о. Амвросий, как всем известно было, по болезненности в зимнее время до теплых летних дней не мог выходить из келлии, а тут вдруг в холодное время явился в лесу указателем дороги страннице, и затем, через какие-нибудь полчаса, почти в минуту ее прихода к его „хибарке“ он уже знает о ней подробно. Я решился исполнить обряд моего короткого говенья по всем правилам религии: выдержал пост по-монастырски и все церковные службы также. В среду вечером, после вечерни, я прямо из церкви отправился в скит. Старец принял меня только через полчаса после моего прихода. Войдя в каморку, я застал его в том же положении, как и в первый раз и, став на колени, принял благословение. „Ну, теперь я могу поговорить с тобою подолее, подвинься сюда поближе“, — сказал мне ласково старец. Я предполагал, что мне порядком достанется на исповеди, ибо не говел целых шесть лет, и приготовился вынести грозу. Отец Амвросий начал меня расспрашивать о моем детстве, воспитании, службе, более замечательных лицах, с которыми мне приходилось сталкиваться в жизни, о моем несчастном браке, о Сербии, Болгарии и Турции, пересыпая завязавшийся разговор замечаниями и улыбками. Я, который и в церкви-то не мог стоять на коленях от боли в ногах, не заметил, что наш разговор продолжался час и семь минут, — до того разговор старца был мил, увлекателен и разумно-наставителен! С каждой его фразой мне казалось, что я более и более сродняюсь с ним и душою и сердцем.

„Передай мне епитрахиль и крест“, — сказал мне вдруг о. Амвросий, помолчав минуты две. Я подал то и другое. Надев на себя епитрахиль, он приказал мне нагнуться и, накрыв епитрахилью, начал читать разрешительную молитву. Я живо выдернул голову из-под епитрахили и воскликнул: „Батюшка! А исповедь? Ведь я грешник великий!“ Старец взглянул на меня, если можно так выразиться, ласково-строгим взглядом, накрыл опять епитрахилью и, dokonчив молитву, дал поцеловать крест. „Можешь идти теперь, сын мой! Завтра, после литургии, зайди ко мне!“ И ласково отпустил меня.

Никогда в жизни не совершал я такой чудной прогулки, как в этот раз, от скита до монастыря. Точно какое-то громадное облегчение чувствовалось во всем существе моем; а вокруг меня лучи полного месяца так и играли мириадами алмазных искр по снегу полян и фантастическим хлопьям, причудливо лепившимся кой-где по ветвям оголенных деревьев. Я и не заметил, как дошел до своего номера и как затем заснул.

На следующий день, приобщившись Св. Таин, после литургии, я отправился к моему новому духовному отцу. Старец ласково встретил меня, благословил просфорою и подарил получасовую беседу, в которой высказал мне несколько наставлений и указаний в пути моей жизни, которых я никогда не забуду и которые поныне служат часто мне и утешением, и поддержкой в трудные минуты. Прощаясь, он опять благословил и поцеловал меня, и дал завернутую в бумагу просфору для передачи его духовной дочери...

Вернувшись в гостиницу, я застал приготовленный для меня прекрасный грибной обед. Распорядившись относительно лошадей, я потрапезовал в обществе о. гостиника и, отслушав вечерню, помчался на почтовой тройке по направлению к Калуге, унося с собой самое лучшее воспоминание о приветливой Оптиной пустыни, а в сердце своем — любовь и уважение к старцу о. Амвросию, этому великому наставнику и целителю душ и сердец человеческих».

Вот еще пример замечательного влияния личности старца. Отец одной шамординской монахини, по ее собственным словам, был человеком неверующим. Приехав в Оптину и остановившись в гостинице, он вдруг почувствовал в душе такую тревогу и противление против о. Амвросия, что решил сейчас же вернуться обратно. За поздним временем гостиник уговорил его подождать до утра, обещая послать за лошадьми. Утром приезжий, находясь в том же раздраженном настроении, торопился уезжать, а опытный в подобных случаях гостиник предложил ему, в ожидании лошадей, осмотреть монастырь и скит. От нетерпения гость согласился. В скиту гостиник, между прочим, предложил ему заглянуть в хибарку старца, но господин решительно запротестовал, говоря, что он старца видеть не желает.

«Да я вас не зову к старцу, а только предлагаю вам взглянуть на его келлию, обстановку», — ответил гостиник... Вошли в приемную; там вошедший случайно разговорился с одним посетителем, а в это время старец вышел на общее благословение. Все присутствующие приблизились к старцу, но приезжий, застигнутый врасплох, намеренно отошел в противоположный угол и неприязненно посматривал на старца. Между тем прозорливый старец, минуя всех остальных, прямо подошел к нему и молча положил ему на голову свою руку. «Я ничего не могу сказать и объяснить, как и почему это случилось, но знаю только одно, что я опустился перед старцем на колени, — рассказывал он потом, — затем батюшка, взяв меня за руку, повел в свою келлию и, сев на кровать, спросил меня, говею ли я. Я ответил, что ни во что не верю, и потому говеть считаю лишним. После этого совершилось чудо, от которого у меня, как говорится, волос дыбом стал. Старец начал задавать мне вопросы, проходя, таким образом, последовательно шаг за шагом всю мою жизнь, вникая и открывая со властью все тайники моего сердца, обнаруживая все, что было известно только мне одному. Исповедь эта была настолько своеобразна, что она потрясла меня до глубины. Окончив ее, старец благословил меня и велел идти домой; вечером того же дня я уже сам пошел к о. Амвросию и сказал ему, что я хочу верить и хочу говеть». Два месяца отпуска, взятые им для поправления здоровья, он провел безвыездно в Оптиной, посещая все службы и подолгу беседуя со старцем. С тех пор он сделался глубоко верующим христианином, до конца питая благоговеющую любовь к старцу, и умер мирной христианской кончиной.

Сильное впечатление произвел о. Амвросий и на графа Л. Н. Толстого, о приезде которого в Оптину пустынь сказано нами выше.

Свое впечатление от разговора со старцем Толстой передавал так: «Этот о. Амвросий совсем святой человек. Поговорил с ним, и как-то легко стало и отрадно у меня на душе. Вот когда с таким человеком говоришь, то чувствуешь близость Бога». Это было сказано графом Толстым в 1881 г. А в 1890 г., выйдя от старца, он сказал окружающим его лицам: «Я растроган, растроган».

И не только при жизни, но и по смерти старца — его личность производила неотразимое впечатление на многих.

Одна молодая девушка, очень религиозная и серьезная, стремилась всей душой в монастырь. По окончании гимназии она сделалась учительницей, а сама между тем стала присматриваться и прочитывать всевозможные описания разных женских обителей, но никак не могла остановиться в выборе. Много прочла она очень пространных и интересных описаний монастырей и их основательниц, но все что-то говорило ей, что это не ее место, что не здесь ей быть, а где — она не могла дать себе ясного отчета. В 1891 г., перелистывая полученный журнал «Нива», она увидела портрет о. Амвросия Оптинского и очень коротенькую при нем заметку о том, что старец этот скончался в устроенной им Казанской женской общине. Несмотря на то, что изображение старца Амвросия в журнале было довольно плохое, оно поразило молодую девушку. Взгляд его пронизательных и вместе бесконечно добрых глаз даже с картинки проник прямо ей в душу и она тут же почувствовала, что должна быть в обители, основанной этим старцем. В журнальной заметке ни о самом старце, ни об обители ничего особенного сказано не было, но в душе ее уже сложилось твердое решение. Вскоре она тайно от матери уехала в Оптину пустынь, а оттуда в Шамордино, где и осталась навсегда.

Обращение о. Амвросия со всеми приходившими к нему было, как мы уже показали, самое приветливое. Но каждому он давал то и столько, что и сколько каждый мог вместить по своему душевному устроению. Люди, которые не нуждались в его духовных советах, а должны были видеть его по какому-либо делу, отзывались о нем: «Очень умный человек!» Старец мог говорить о всяком вопросе, поддерживал беседу столько времени, сколько требовало приличие, и расставался с такими посетителями. Тут он был очень выдержан, в высшей степени вежлив, и только... Зато с преданными ему людьми батюшка был совершенно другим. Он всегда оставался добрым и ласковым, но в такие отношения влагал самую искреннюю задушевность. Старец не имел обыкновения прямо и резко обличать кого-либо пред людьми; но так искусно обличал, что обличение его, несмотря на присутствие множества народа, понятно было только одному тому, к кому оно

относилось. И не столько угрозою, сколько любовью умел батюшка вести людей к исправлению, вселяя в души их веру, что не все потеряно, и можно, при помощи Божией, одолеть врага. До конца старец сохранил свою природную живость, которая была выражением разносторонности, доброты и заботливости его характера. Когда люди, знавшие батюшку, входили к нему со своими скорбями и невзгодами, душам их становилось вдруг легко и свободно. Все как-то прояснялось и было невыразимо утешительно. Ничто не могло сравниться с тем счастьем, какое испытывали духовные дети старца при свидании с ним после долгой разлуки. Это одни из тех минут, которых описать нельзя, а нужно пережить. Скажем еще несколько слов о внешности о. Амвросия.

Это был благообразный старец, немного выше среднего роста и несколько от старости сутуловат. Будучи смолоду очень красивым, как передавали знавшие его в то время лично, он и в старости не потерял приятности в своем лице, несмотря на его бледность и худобу. На голове спереди имел небольшую лысину, которая, впрочем, нисколько его не безобразила и даже как будто шла к его лицу, а сзади несколько прядей коротких, темно-русых, с проседью волос; на лбу две-три морщины, которые при случае совершенно сглаживались; глаза светло-карие, живые, пронизательные, видящие душу насквозь; губы обыкновенные; борода довольно длинная, редкая, седая, в конце раздвоенная.

От живости батюшки выражение лица его постоянно менялось. То он с лаской глядел на вас, то смеялся с вами молодым одушевленным смехом, то радостно сочувствовал, если вы были довольны, то тихо склонял голову, если вы рассказывали ему что-нибудь печальное, то на минуту погружался в размышление, когда вы хотели, чтобы он сказал вам, как поступить в каком-либо деле, то решительно принимался качать головой, когда отсоветовал какую-нибудь вещь, то разумно и подробно, глядя на вас, все ли вы понимаете, начинал объяснять, как надо устроить ваше дело.

И вы чувствовали, что эти глаза видят все, что в вас есть дурного и хорошего; и вас радовало, что это так, и что в вас не может быть для

него никакой тайны.

•

Глава IX. ПОСЛЕДНИЙ ПОДВИГ ЛЮБВИ СТАРЦА О. АМВРОСИЯ — УЧРЕЖДЕНИЕ ШАМОРДИНСКОЙ КАЗАНСКОЙ ЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ И ЗАБОТА О НЕЙ

Аще бо и многи пестуны имате о Христе, но не многи отцы: о Христе бо Иисусе благовествованием аз вы родих. Молю же вас: подобни мне бывайте, якоже аз Христу.

(1 Кор. 4, 15, 16)

Всех нас заступи, о Госпоже, Царице и Владычице!

(Тропарь Богородице. 22 октября)

Какую, думаешь ты, может получить мзду тот, кто ста девам, собравшимся в обитель для служения Богу, даст возможность не рассеяться по разным местам или обратиться в мир? Хорошо помочь и погоревшим, но тут одна лишь скорбь, по большей части приносящая пользу людям, для какой причины пожар и попускается от Провидения свыше; но стократно выше то, если сохранить или дать возможность сохраниться многим от явного душевного вреда...» Так писал о. Амвросий одной своей духовной дочери, убеждая ее не отказываться пожертвовать некоторую сумму на устройство одной женской обители, и в этих своих кратких словах указал высокий жизненный и духовный смысл подобной жертвы^[63].

Со всех концов России прибегали к старцу Амвросию за советами и письменно, и словесно и монашествующие, и миряне. Кто искал духовного утешения, кто просил разрешения сомнений в вере; кто — наставления, как вести жизнь. Желаящие посвятить себя иноческой жизни просили у старца благословения, в какую обитель поступить, и

как там жить, как относиться к родным, и как устроить домашние свои дела. Но в особенности много было забот у старца о женщинах — вдовах, бедных девицах и детях сиротах. Ибо очень-очень много было таких женщин и девиц, которые, желая проводить благочестивую жизнь, не имели средств поступить в женскую обитель и не знали, где главу приклонить.

Почти все женские монастыри в России принимают в число сестер только таких, которые в состоянии купить для себя келлию, сделать хотя небольшой взнос в обитель и содержать себя своими средствами или трудами, так как монастыри эти не имеют возможности доставлять полное содержание монашествующим. И редко-редко где примут в монастырь женщину без взноса денег, рассчитывая на одну ее телесную силу и здоровье, как могущую исполнять тяжелые монастырские послушания. Поэтому многие из женщин, не имеющих возможности попасть в монастырь, живут в селах по келлиям и трудятся, чтобы только пропитать себя, а успевшие поместиться в обители живут в непрерывных трудах. Для здоровых, впрочем, такая жизнь еще не очень обременительна; да и сами они твердо убеждены, что Бог труды любит, и что их труды исходатайствуют им вечное спасение. Иное дело — женщина с плохим здоровьем. Ее нигде в женском монастыре не примут, — даже если бы она и средства небольшие имела, из опасения, что в случае продолжительной болезни и неспособности к трудам она может обременить монастырь. Вот таких-то бедных и обездоленных старец Амвросий и принимал на свое попечение, стараясь как-нибудь их пристроить.

Для этого он склонял некоторых благочестивых состоятельных людей к устройению женских общин, и сам, сколько мог, содействовал этому святому делу. По его совету и указаниям устроена была в 1879 году Предтеченская женская община в г. Кромы Орловской губернии. Особенно много забот употреблял он в 70-х годах на устройство Ахтырской Гусевской женской общины в Саратовской губернии. По его же благословению устроились благотворителями — Козельщанская община в Полтавской губернии, Николо-Тихвинская в Воронежской. Старцу приходилось не только рассматривать планы, давать советы и благословлять людей на дело, но и защищать как благотворителей, так

и насельниц общин от различных злоключений и препятствий со стороны некоторых недоброжелательных мирян. По этому случаю входил он иногда даже в переписку с епархиальными архиереями и членами Св. Синода.

Но во всех этих случаях старец только других благословлял на дело, только другими руководил при устройстве общин, сам же не принимал в этом деле непосредственного участия.

Настало время, когда, по особым путям Промысла Божия, ему самому пришлось принять на себя близкое его сердцу дело попечения о бесприютных в материальном и духовном смысле лицах женского пола, желавших проводить благочестивую жизнь и искавших его помощи и поддержки. Обстоятельства этого дела складывались медленно и постепенно. Все шло как будто бы случайно.

Началось с того, что один состоятельный петербургский господин просил старца купить для него неподалеку от Оптиной пустыни небольшую дачку, чтобы ему можно было там проживать со своим семейством. Верстах в двенадцати от Оптиной, по большой Калужской дороге, несколько влево стоит деревня Шамордино. В некотором расстоянии от деревни жил старичок помещик, некто Калыгин, вдвоем со своею женою старушкою. При личном свидании с Калыгиным (посещавшим иногда скит), о. Амвросий среди разговора спросил его, не продаст ли он свое имение. Калыгин согласился с тем условием, если ему с женою позволят дожить остаток жизни в Оптиной пустыни, на гостинице. Однако петербургский господин вскоре, по каким-то своим соображениям, отказался от покупки Калыгинского имения; тогда его с радостью оставила за собой духовная дочь старца г-жа Ключарева, в монашестве м. Амвросия, также желавшая приобрести имение поблизости от Оптиной. Старец сказал ей при этом: «Вот, мать, жребий выпадает тебе взять это имение для себя. Будешь жить там, как на даче, со своими внучками, а мы будем ездить к тебе в гости». Нужно заметить, что у Ключаревой был единственный сын, первая жена которого, родивши двух дочерей близнят, вскоре после этого скончалась. Отец их женился на другой, а эти полусироты остались на попечении бабушки и жили вместе с ней. Крестным отцом их, по

желанию бабушки, был отец Амвросий, который о них чрезвычайно заботился. В будущее обеспечение этих внучек Ключарева и купила Калыгинское имение.

Покупка Калыгинского имения совершена была осенью 1875 года. Замечательно, что за год до продажи имения старику Калыгину было особое видение, — ему представлялась в его имении церковь в облаках. Имение Калыгина состояло из пятидесяти десятин земли. Наверху крутой высокой горы стоял более чем скромный одноэтажный деревянный дом Калыгиных, в 26 аршин длины и 12 аршин ширины. Одну половину дома занимали старики хозяева, другая же часть без пола служила вместо амбара. Крыша на доме соломенная от времени почернела, углы кое-где посгнили... Зато вид отсюда на окрестности был прекрасный.

Весь огромный склон горы покрыт густым лиственным лесом. А там глубоко-глубоко, у подошвы горы в ложбине, среди изумрудной зелени, серебряной лентой изгибается небольшая речка Серена. За нею луга, а далее вправо — к юго-западу — холмистая местность, сливающаяся с голубым небом. Все это летом зеленеет и пестреет от множества мелких цветов, рассыпанных щедрою рукою Творца. Левее, на юго-восток, глаз любопытного наблюдателя, чрез крестьянские поля, засеянные разным зерновым хлебом, пробегает пространство верст в десять, если не более. И там, в конечной дали, виднеется Оптинский хутор над р. Жиздрюю, а за ним вековой бор, отуманенный прозрачною воздушною синевою.

В первое же лето после покупки имения, в июле 1876 года, старец о. Амвросий приехал в Шамордино посмотреть местность. При входе в дом он сказал присутствующим: *«Мир имейте и святыню со всеми, кроме же сих никтоже узрит Господа»*. Осматривая место, он благословил построить здесь для матери Амвросии и ее внучек новый дом, как раз на том месте, над которым, как передают, Калыгин когда-то видел церковь в облаках и сказал при этом: *«У нас здесь будет монастырь!»* Дом этот был окончен в следующем году, и сам старец окропил его святою водою.

Замечательно, что в доме большой зал, по указанию старца, занимал восточную часть, а комнаты внучек Ключаревой приходились на север, несмотря на то, что такое расположение дома самой Ключаревой и не нравилось. Не раз после батюшка вспоминал об этом, говоря: «Она строила детям дом, а нам нужна была церковь». В приготовленный таким образом дом Ключарева поместила на жительство своих внучек, а с ними вместе и сестер, послушниц (бывших ее крепостных), которые ей долго служили. К этим женщинам по времени стали присоединяться их родственницы, даже и молодые, искавшие тишины и молитвы, потому что благочестивое настроение самой Ключаревой отражалось на всем, что было к ней близко. В новом имении и тогда уже текла жизнь, близкая к монашеской. Сама же Ключарева продолжала жить по-прежнему на гостином дворе при Оптиной пустыни, впрочем так, что со своими внучками она была почти неразлучна; то сама подолгу гостила в имении, то их брала к себе. Заботясь об обеспечении своих внучек, Ключарева, по благословию о. Амвросия, приобрела поблизости к Калыгинскому имению еще дачу — Руднево, а также определила на внучек и часть своего капитала с тем условием, что, в случае неожиданной их кончины, в Калыгинском имении будет устроена женская община; а купленная поблизости дача и капитал пойдут на ее обеспечение. Хорошо было жить обитательницам Калыгинского дома в тишине и молитве. Одного не доставало — храма Божия, так как сельская церковь была далеко от Шамордина. И вот по благословию старца м. Амвросия стала хлопотать о разрешении ей выстроить у себя в доме церковь. Это было в 1881 году. Архиепископ Григорий сочувственно отнесся к просьбе Ключаревой, но наступившие события — мученическая кончина императора Александра II и последовавшая вскоре за тем смерть самого архиепископа Григория — помешали осуществлению этой просьбы. Между тем заболела и сама Ключарева и, проболев все лето, скончалась 23 августа 1881 года.

Внучки Ключаревой со своими нянями и воспитательницами продолжали некоторое время жить в Шамордине, где главной распорядительницею по смерти м. Амвросии стала, по благословию старца, одна из ближайших к ней сотрудниц, старушка монахиня Алипия. Но здесь они жили недолго. По благословию батюшки они

были помещены в орловский пансион, состоявший в ведении одной духовной дочери старца, где и оставались до 1883 года. В этом году, весною, по окончании учебных занятий, девочки приехали в Оптину пустынь для свидания со старцем Амвросием, которого горячо любили, и здесь вдруг обе заболели дифтеритом в один и тот же день — 31 мая. Девочек разъединили. Болезнь их быстро развивалась. Их напутствовали исповедием и причастием Св. Христовых Таин. Пока они были в силах, они постоянно писали батюшке записочки, прося его св. молитв и благословения. 4 июня скончалась одна из них — Вера. Ходившие за больными послушницы не сказали об этом оставшейся в живых Любви, чтобы не растревожить ее. Но бывшая в дремоте больная, вдруг очнувшись, спросила сидевшую подле нее сестру: «Вера умерла?» Та начала было говорить, что жива, но она быстро возразила: «Как жива? Мне сейчас няня сказала, что умерла». А няни тут вовсе и не было. 8 июня скончалась и Любовь. Обе сестры, нежно любившие друг друга, погребены рядом на Оптинском кладбище около могилы их бабушки, м. Амвросии, и недалеко от того места, где был погребен впоследствии старец Амвросий. Замечательна жизнь и судьба этих девочек. Родившись в один день, получив имена Вера и Любовь, они всю свою краткую жизнь жили верою и любовью. Тихие и кроткие, они горячо были привязаны друг к другу и никогда не разлучались; никогда не шалили; одевались просто; любили выслушивать долгие монастырские богослужения, любили тихую, уединенную жизнь иноческую. Смерти они не боялись. Не раз они говорили окружающим: «Мы не хотим жить дольше 12-ти лет; что хорошего в этой жизни». И действительно, смерть постигла их в 12-летнем возрасте, и как вместе они вошли в жизнь, так вместе и ушли из нее, в светлом ореоле детской чистоты, нежной взаимной любви и глубокой веры^[64].

По смерти девочек Ключаревых, согласно духовному завещанию м. Амвросии, в бывшем Калыгинском имении должна была возникнуть женская община. Тотчас по кончине детей-наследниц, еще до открытия общины, в имении закипела работа, и старцем снова было возбуждено ходатайство о разрешении построить в Ключаревском имении церковь, а также и об открытии женской общины. Ходатайство было удовлетворено. Для устройства церкви потребовалось сделать

немного. К большому залу, обращенному на восток, пристроен был алтарь; а иконостас поновлен был старый из Оптинской церкви во имя праведной Анны и преп. Марии Египетской, где о. Амвросием устроен был новый иконостас.

Когда в половине семидесятых годов о. Амвросий в первый раз вошел в новоотстроенный Ключаревский дом, он увидел в зале большую Казанскую икону Божией Матери; остановившись перед нею, он долго на нее смотрел и наконец сказал: «Ваша Казанская икона Божией Матери несомненно чудотворная: молитесь ей и храните ее». Во имя этой-то святой иконы и была освящена первая домовая церковь в Ключаревском доме; потому и открытая здесь женская община стала называться Казанскою.

Незадолго перед тем, именно в 1882 году, приехала к старцу тульская помещица, вдова средних лет Софья Михайловна Янькова, урожденная Болотова, вступившая вскоре затем, по благословению старца, во второй брак с жившим вблизи Оптиной пустыни пожилым помещиком Николаем Ивановичем Астафьевым, тоже вдовцом. Астафьев скоро после брака заболел, а потом через год с двумя месяцами и скончался. Софья Михайловна, видя в этом указание Божие, с этих пор всецело посвятила себя на служение Богу, сделавшись во всем преданною послушницею старца Амвросия. Ее-то, как женщину умную, способную, имевшую прекрасный дар слова, о. Амвросий всюду посылал с поручениями по делам открывающейся общины, она-то назначена была потом и первою ее настоятельницею. Освящение храма и открытие общины совершены были 1 октября 1884 года Калужским преосвященным Владимиром.

Старец на весь этот день затворился в своей келлии и молился.

Мать София была незаменимой помощницей старца по устройению юной обители, его, что называется, правой рукой. К сожалению, ее управление продолжалось недолго. Разумная, хорошо понимавшая и жизнь духовную, и дела хозяйственные, всею душою преданная старцу, она, под его непосредственным руководством, вступив на путь иноческой жизни и приняв самое тяжелое в обители послушание начальницы, стала подвигаться с великою ревностью. С малолетства

жившая всегда в неге и вовсе не знакомая с телесными трудами, она теперь неустанно трудилась и совсем не жалела себя. В мокрую, холодную осеннюю погоду, случалось по целому дню, с утра до вечера, ходила она сама по всей обители, следя за всеми монастырскими работами, и уже к ночи возвращалась в свою келлию, вся промокшая и прозябшая. Эти труды и заботы, в соединении со строгою подвижническою жизнью, вскоре сломили ее крепкое здоровье. Она постепенно стала чахнуть и мало-помалу таяла, как свеча; наконец, 24 января 1888 года уснула вечным сном праведницы, получив от Господа воздаяние, соответствующее ее великой святой ревности и трудам. Впоследствии старец Амвросий, при воспоминании о ней, говаривал нередко с особенным чувством умиления: «Ах, мать! Обрела милость у Бога».

По кончине матушки Софии, по указанию старца Амвросия, начальницею в Шамординской общине была назначена монахиня Белевского монастыря м. Евфросиния (Розова), бывшая с 1860 года и до самой кончины старца его преданной и искренней ученицей и помощницей.

Избирая начальницами Шамординской общины ревностных и опытных подвижниц и своих преданных духовных дочерей, о. Амвросий не переставал быть главным руководителем и вдохновителем всей жизни юной обители. Он изыскивал средства для ее существования, что было не легко, при громадном числе принятых им сестер; без его совета и благословения ничего не предпринималось в обители, по его указанию принимались сестры... Вследствие громадного стечения сестер, он, правда, не имел возможности быть духовным отцом каждой из них и потому передал их в руки одного из своих ближайших учеников, скитоначальника о. иеросхимонаха Анатолия, который относился к ним с самою заботливою отеческою любовью, как это видно и из его «Писем к монахиням».

Между тем в новой общине строились корпус за корпусом. Но желавших поступить в открывающуюся общину столько вдруг нахлынуло, что едва построят дом, как уже вдвое более ждут нового помещения. А кого старец принимал и помещал в устрояемую им

общину? Большею частью находившихся в крайней бедности, вдов и сирот, а еще слепых, хромым, болезненным и вообще самых обездоленных судьбою женщин и девиц. Приходит, например, к батюшке молодая женщина, оставшаяся больною вдовою в чужой семье. Свекровь ее гонит и говорит: «Ты бы, горемычная, хоть удавилась, — тебе не грешно». Старец внимательно выслушивает ее, всматривается и наконец говорит: «Ступай в Шамордино». Или вот пример. Рассказывал бывший благочинный Оптиной пустыни иеросхимонах Иларион: «Замужняя моя сестра подверглась тяжкому недугу, и муж оставил ее на произвол судьбы. Привезли ее, больную, в Оптину к старцу. Было лето. Батюшка вышел к больной; посмотрел на нее и, благословив, шутливо промолвил мне: „Ну этот хлам-то у нас сойдет; отвезти ее в Шамордино!“ Около десяти лет прожила она там в богадельне и скончалась, быв пострижена пред кончиною келейно в схиму». — Или еще. Приходит один бедняк из Сибири и отдает батюшке свою малолетнюю дочку. — «Возьмите, — говорит он, — у нее нет матери, — что я с ней буду делать?» Старец и эту отправляет в Шамордино. Из таких-то девочек-сирот образовался там детский приют. Среди приютянок была одна, принятая старцем с двух лет. Батюшка тогда спросил ее: «Кем ты будешь?» Ребенок, еле умевший говорить, ясно произнес: «Истинной монашкой». — «Смотри не обмани», — заключил батюшка. Из убогих же девиц и женщин образовалась богадельня человек на пятнадцать. А сколько таких было по келлиям, сколько еще по дачам общины! — «Батюшка, у вас именно, что монастырь», — говорил иногда старцу его духовник о. Феодор. — «А что?» — «Да в какую келлию не войдешь — там слепая, там хромая, а тут и вовсе без ног, — поневоле все уединенные»^[65]. Кстати сказать, у старца Амвросия и в Козельске был особый дом для призрения тех из женского пола, которые не имели полного рассудка.

Впрочем, не одни только простые, нуждающиеся, больные и убогие женщины и девицы находили себе убежище у старца.

Под его кров приходили и женщины состоятельные, образованные, с высоким иногда общественным положением, приходили потому, что жизнь не давала им нравственного удовлетворения, а здесь, под

руководством старца, они начинали понимать и истинный смысл жизни, и истинное счастье души.

С 1888 года старец ежегодно в теплую летнюю пору имел обыкновение приезжать в Шамордино, чтобы самому лично посмотреть, что есть в обители и чего еще ей недостает. Посещения эти были для сестер большим праздником. Вот как они сами описывают одно из этих посещений, бывшее именно в 1888 году. Приводим это описание полностью, как рисующее картину жизни батюшки о. Амвросия в Шамордине.

«Еще в первых числах июля пронесся слух у нас, что батюшка собирается к нам после Казанской погостить; но нам казалось это такой несбыточной мечтой, что мы боялись и радоваться, боялись даже и говорить об этом. Наконец, уже за неделю так до приезда батюшки, слух этот стал все чаще и чаще повторяться слышавшими от него самого. А мы все еще не смели этому верить. Наконец, в понедельник 18-го начали стекаться к нам для встречи батюшки с разных сторон посетители. Тройка за тройкой так и мчится к Шамордину. На гостинице номера все были заняты. Пришлось поместить некоторых приезжих из монашествующих в особых келлиях. — Здесь уж сомнения наши прекратились, и мы стали убеждаться, что точно ожидает нас великая радость...

Наконец, настал и вторник. Тотчас после обедницы, часов в 7 утра, начали устраивать для батюшки помещение в церковном доме, в большой комнате, откуда ему можно было слышать и даже видеть службу и выходить в церковь, когда ему вздумается. К 9 часам комната для батюшки была готова. Ее устлали всю коврами, сделали небольшой иконостасец, вставили в окно жалюзи, — и все это менее, чем в два часа, так как делалось все сообща, дружно и живо...

Церковь также преобразилась. Пол в ней устлали коврами, столбы и колонны разукрасили гирляндами папоротника и живых цветов. Но еще более праздничный вид придавали ей радостные, сияющие лица сестер, которые то и дело забегали туда узнать, — не приехал ли кто из Оптиной, не слышно ли что-нибудь о родном батюшке. В 4 часа приезжает, наконец, одна из наших сестер с радостною вестью, что в 3

часа батюшка намерен выехать из Оптиной, и что нужно ожидать его с минуты на минуту. Весть эта в один миг облетела весь монастырь, и все уже были наготове. В 5 часов прискакал верховой с известием, что батюшка проехал уже Полошково. Тотчас собрались все в церковь; зажжено было паникадило; от паперти до Святых монастырских ворот разостлали ковровую дорожку, по обеим сторонам которой расставлены были сестры, все в полной форме. В Святых воротах ожидали батюшку священник о. Иоанн со св. крестом, матушка настоятельница с нашим чудотворным образом Казанской Божией Матери, казначея м. Елевферия с большим хлебом и просфорой на блюде, украшенном живыми цветами, и все певчие.

„Сестры! Матушка просит вас не разговаривать!“ — повторяла приказание матушки наша благочинная, устанавливая сестер в линию. Да и не до разговоров тут было. Каждой хотелось сосредоточиться в себе, собраться, как говорится, со своими чувствами. Воцарилась глубокая благоговейная тишина. Чувств, которые наполняли каждую из нас, которые переживались нами в эти минуты, никогда уже не испытать нам более; они не повторяются, редкие они гости на земле; их и не передать. Раздался благовест, трезвон, наконец появилась и давно ожидаемая карета, подкатила к воротам, но дверца оставалась запертою, и батюшка не показывался. Прошло минуты 3–4, появился, наконец, и батюшка с противоположной стороны кареты в полной форме — в мантии и крестах. — Запели: „Днесь благодать Святаго Духа нас собра, и вси вземше крест Твой глоголем: благословен грядый во имя Господне!“ Батюшка между тем сделал три земных поклона и, приложившись к кресту и образу Царицы Небесной, взял икону на руки и, в сопровождении матушки, помогавшей ему нести образ, двинулся к церкви. Все мы поклонились ему до земли, но никто не подходил к нему и не теснил его. На глазах у батюшки были слезы. Да и большинство присутствовавших плакали, но тихо, чтобы не нарушать тишины и стройного пения встречного гимна. Когда вошел батюшка в церковь, запели „Достойно есть“, затем следовала ектения и т. д., как вообще принято встречать высоких посетителей. Батюшка между тем ходил в алтарь, прикладывался к образам и затем через южные двери прошел на могилу дорогой покойной матушки Софии. Нужно было видеть только выражение лица батюшки в то время, когда

он прикладывался к образу Царицы Небесной в Св. воротах, шел с иконой к церкви и молился на могилке, чтобы оно никогда не изгладилось из памяти! Серьезное, сосредоточенное, какое-то вдохновенное, и взор его, казалось, так и проникал небеса. По возвращении в церковь и по окончании многолетия ему батюшка взошел на возвышенное местечко, нарочно для него приготовленное, сел в кресло и стал благословлять всех присутствовавших. После благословения батюшка несколько времени отдыхал, а затем в тот же день несколько раз выходил в церковь, осматривал ее и благословлял всех, кто случался там в это время. Вечером была всенощная, а на другой день обедня и молебен... После молебна был крестный ход вокруг церкви и вокруг всего монастыря... Батюшка сам участвовал в крестном ходе и благословил, чтобы все наши больные, расслабленные и калеки также принимали в нем участие. Так что за толпой сестер и мирских следовал еще поезд больных, калек и расслабленных, кто в линейке, кто в повозке, кто в чем... Когда все было кончено, батюшка вышел прикладываться к образам; потом ходил на могилку и на колокольню и везде долго молился с земными поклонами. В тот же день ездил батюшка в корпус матушки, в часовню св. Амвросия, ходил даже на террасу, откуда проехал в Тихоновскую часовню, а оттуда пешком пришел в хибарку. Везде батюшка молился с земными поклонами и внимательно все осматривал. В хибарке, остановившись пред большим портретом матушки Софии (в схиме), батюшка сказал: „Мать все видит, что тут делается“. — И затем, взглянув на шкафы с книгами, прибавил: „Читать и понимать читаемое!“ Из хибарки батюшка вышел в дверь на террасу, прошел по галерейке, посидел на ступеньках, где любила сидеть дорогая матушка София, и, спустившись затем с лестницы, сделал несколько шагов вниз, по скату горы. — „А какое место-то выбрала мать для своей хибарки!“ Из хибарки прошел батюшка в „молчанку“. Все ему здесь очень понравилось: „Я и не ожидал, что у вас тут так хорошо, — говорил он, — просто сам остался бы, кажется, жить тут с вами“. Потом, подошедши к окну и заглянув через него вниз к оврагу, сказал: „Да, у вас просто лучше Афона здесь, лучше Афона“. Из „молчанки“ батюшка возвратился домой и больше никуда в этот день не ездил.

В четверг после обедни была панихида по матушке Софии и матери Амвросии, и затем общее благословение. В то время как благословлял батюшка, певчие пели ему обыкновенно различные церковные песни: „Заступнице усердная“, тропарь св. Амвросию и т. д. Пели также и „Торжествуй, наша обитель“. В этот же день, после нескольких других священных песней, запели пасхальный канон. Между тем батюшка кончил уже благословлять; слушал и молился. Когда кончили канон, батюшка сам благословил пропеть „Да воскреснет Бог“ — и по окончании этой песни быстро поднялся со своего места и скрылся за дверь. Пение всегда слишком сильно действовало на батюшку... В тот же день утром, после краткого отдыха, батюшка ездил на скотный двор, осматривал постройки, заходил и в „маленький приют“ и долго там оставался. Заходил в каждую комнатку, благословлял всех детей и беседовал с ними. „Большая“ сказала батюшке стихи сочинения их надзирательницы, и сказала их очень мило. Батюшку тронули они до слез. Вот эти стихи.

*Отец родной, отец святой!
Как благодарить тебя, не знаем.
Ты нас призрел, ты нас одел,
Ты нас от бедности избавил.
Быть может, мы теперь бы все
Скитались по миру с сумою,
Не знали б крова мы нигде,
И враждовали бы с судьбою.
А здесь мы молим лишь Творца,
И за тебя Его мы славим;
Мы молим Господа Отца,
Чтоб нас, сироток, не оставил!*

Стихи эти впоследствии положены были какоюто сестрою на ноты. И после того, каждый раз как старец посещал в общине приют, дети пели для него этот кант. Серьезно, задумчиво слушал старец эти детские моления, и часто крупные слезы катились по его впалым щекам. Что думал он в эти минуты — неизвестно. Но можно предполагать, что он в это время обращался сердцем к Царице Неба и земли с молитвою не

оставить, после его смерти, собранных им сирот Своим всемогущим покровом.

Отношение старца к детям всегда было самое нежное, отечески-ласковое. Одна из его близких духовных учениц пишет: „Я была свидетельницей того, как батюшка ежедневно, несмотря на свою слабость, ездил в больницу проводить больных детей; как баловал их, — даст то конфетку, то пряник, приласкает их, пошутит“.

Из приюта батюшка ездил вниз к огородам. Заходил в сторожку, где живут наши огородницы, гулял по горам, благословлял все колодцы; зашел на водокачку, заставлял при себе накачивать воду, осматривал устройство ее и возвратился домой прямо ко всенощной. На другой день после обедни и общего благословения батюшка, отдохнув немного, пошел на могилку. Помолившись и благословив ее три раза, как всегда, он прошел на место водоосвящения и на колокольню и опять всюду усердно и долго молился. С колокольни же прошел прямо в трапезную. Помолившись здесь пред образом Царицы Небесной, он прошел прямо к настоятельскому месту, сел там и благословил подавать ему весь обед по порядку. Каждое кушанье он благословлял и, отведав немного, звонил в колокольчик, как это делает обыкновенно матушка, давая этим знак трапезницам подавать следующее блюдо. Кушанье из чашек, благословленных батюшкой, вылили потом в котлы и ведра, откуда разливали по чашкам всем сестрам за трапезой. Из трапезной батюшка прошел в кухню, осматривал устройство печки, плиты и котлов, и делал распоряжение насчет различных изменений, которые нашел нужным сделать, а именно — насчет расширения трапезной, а также и хлебни, куда он заходил прямо из трапезной. Осмотрев все эти хозяйственные учреждения наши и посидев несколько минут среди дворика, вокруг которого расположены эти постройки, батюшка сел в пролеточку свою и доехал в ней до крыльца, чтобы избавить матушку от великих хлопот, ежеминутно повторяемых просьб и приказаний не напирать на батюшку, не теснить его, которые она принуждена была бы употреблять, чтобы доставить батюшке свободный проход от хлебни до церкви. Сам батюшка, сидя близ хлебни и осматривая расположение зданий, не раз обращался к сестрам с просьбою стоять поодаль, чтобы ему лучше можно было

осмотреть все. „Вас-то я не раз видел, а постройки-то еще не видал“, — говорил он... В тот же день после обеда батюшка ездил в гостиницу, посетил некоторых лиц и возвратился домой уже в седьмом часу вечера. Во все время, пока был у нас батюшка, в те дни, когда не положено всенощной, утрени бывали у нас с вечера, вслед за вечерней, чтобы не прерывать покоя батюшки поутру. День же проводил батюшка так: после обедни выходил он прикладываться к образам, затем шел на могилку или же начинал всех благословлять... Отдохнув несколько времени, батюшка начинал принимать приезжих посетителей, иногда в своей комнате, иногда же в церкви, где садился для этого на скамеечке близ свечного ящика.

Часов в 11 подавали батюшке лошадь, и он отправлялся объезжать корпуса и постройки, в сопровождении особо ехавшей матушки, которая помогала ему выходить из экипажа, ограждала его от толпы, и с которою он нередко тут же и занимался насчет перемещения сестер, переделов, перестроек и т. д., и в сопровождении толпы сестер и мирских, бежавших за батюшкиной пролеткой... Возвращался батюшка домой часу во втором, кушал, отдыхал, а после отдыха снова отправлялся объезжать корпуса до всенощной или вечерни. За время своего пребывания у нас батюшка посетил все корпуса, не пропустил ни одной келлии, был во всех сараях и амбарах... Принесли батюшке носилки, приготовленные сестрам для ношения камней на постройку храма. Батюшка благословил их и сам пробовал, ловки ли они. Настал, наконец, день отъезда батюшки... После обедни, молебна и общего благословения батюшка принимал многих сестер и мирских; затем подали ему кушать. Мы же все почти разошлись по келлиям с тою мыслью, что батюшка, вероятно, будет теперь отдыхать, а там мы снова отправимся в церковь караулить выход его, чтобы хоть лишний разок взглянуть на него; как вдруг прибегают кто-то и говорит: „Скорее, скорее собирайтесь в церковь, и в форме, сейчас будет напутственный молебен для батюшки“. Собрались мы все, и узнать нельзя, что это те же лица, которые накануне еще можно было видеть такими сияющими. Головы опущены; кто плачет, кто едва удерживается от слез. Молчание глубокое. Начался молебен Царице Небесной и для путешествующих... После молебна батюшка, серьезный,

сосредоточенный, приложился к образам, вышел на могилку в последний раз, три раза ее благословил и возвратился в свою комнату.

Переодевшись там, он снова вышел и пешком прошел в „молчанку“, где, по его благословению, сооружалась какая-то постройка, очень его интересующая. Здесь несколько минут беседовал батюшка со счастливецем нашим Кузьмою и, переодевшись и благословив нас, снова прошел в церковь. Здесь в последний раз он всех благословил и прошел в свою комнату.

Сестер снова расставили в два ряда, от церковной паперти до Святых ворот, где снова, как при встрече, ожидали батюшку матушка с образом Царицы Небесной и певчие. Настала вновь тишина, столь же благоговейная, как и прежде, но с оттенком скрытой грусти... Когда же появился батюшка, и певчие запели „Достойно есть“, заплакали почти все. Батюшка шел быстро и благословлял на обе стороны. Там, где он проходил, кланялись ему в ноги. Когда же, сделав три земных поклона пред иконой Царицы Небесной и приложившись к ней, батюшка взял ее на руки и, стоя в Святых воротах, в последний раз благословил ею сестер и обитель, как бы поручая их Божественному Покрову нашей Заступницы усердной, все вместе поклонились мы в землю и горько заплакали. Батюшка же, между тем давши матушке приложиться к иконе, вновь передал ее ей в руки и быстро скрылся в карете. Дверца захлопнулась, и карета помчалась. Долго, долго еще, стоя у Святых ворот, глядели мы вслед удалявшейся карете и не могли тронуться с места. Какая-то тихая грусть наполнила душу, и жаль было расстаться с нею. Как пусто стало вдруг в Шамордине, и долго не могли мы свыкнуться с этою пустотою, пока снова не вошли в свою обычную колею».

Летом следующего 1889 года старец снова провел несколько дней в Шамордине. Как и в предыдущем году, он был занят здесь целые дни то хозяйственными распоряжениями и осмотром различных построек и помещений, то приемом монашествующих и мирских. О его образе жизни и занятиях здесь в этом году можно судить по следующему рассказу одной посетившей его в это время мирянки... «По приезде в Шамордино, — пишет она в журнале „Душеполезное чтение“ за 1899

год, — я прежде всего была поражена огромными толпами народа, которые с раннего утра окружали то помещение, в котором находился батюшка, в надежде увидеть его и получить его благословение. И так велика была любовь к нему народа, так сильно желание видеть его и получить его наставление и утешение, что в числе этого, не знавшего утомления и пришедшего из дальних стран, народа были и такие, которые ждали по две недели и не теряли надежды быть принятыми им, батюшкою о. Амвросием. Когда я подошла ближе, узнала, что ждут выхода батюшки, — он поедет сейчас посетить богадельню, сиротский приют и другие благотворительные учреждения, устроенные им при содействии благотворителей. Не имея возможности протиснуться к выходу, я стала поодаль. Вот растворились двери; народ заволновался, — слышались восклицания: „Батюшка, ты наш, батюшка!“... Вот и он, возлюбленный батюшка отец Амвросий, уже согбенный, но благолепный старец, простой, ласковый, доступный; только его прозорливые глаза светились мудростию и проникали в самую глубину души. Благословив ближайших из толпы, старец сел в экипаж и шагом поехал вдоль монастыря. Народ не отставал, — по бокам и впереди и сзади бежали, ловя его взгляд, благословляющую руку, и, радостные, уступали место другим. Я издали следила за этим умиляющим душу и совершенно новым для меня зрелищем.

В тот же день вечером в небольшой домово́й церкви Шамординской обители совершалось всенощное бдение. Стройно, благоговейно пели и читали монахини. Усердно молились богомольцы. А в прилегающем к церкви темном коридорчике опять теснились пришельцы, томясь с раннего утра и терпеливо ожидая, когда отворится заветная дверь в батюшкину келлию, освещенную горевшей пред иконою лампадой. Кто стоял, кто сидел здесь. А у самой двери, прислонясь от слабости к стене головой, сидела молоденькая больная монахиня, и здесь же какая-то молодая женщина, истерично рыдающая. Вот отворилась дверь. Все встрепенулись. Батюшка, весь в белом, зорко окинув взглядом всех, взял за руку больную монахиню и ввел ее за собою. Дверь опять затворилась. В это время плачущая женщина вскрикнула: „Батюшка, возьмите же и меня! А то я умру с горя“, — и зарыдала еще сильнее. Вдруг опять отворилась дверь. Батюшка с доброю улыбкою взглянул на нее и сказал: „Кто это тут умирать собирается? Еще,

пожалуй, хоронить придется. Ну иди, иди“. Дверь снова затворилась за ними. И когда вышла эта скорбящая душою женщина, лицо ее просветлело. Слезы хотя катились еще по лицу, но это были уже не прежние слезы, и что-то радостное, спокойное светилось в ее глазах. Когда я с участием спросила ее, утешил ли ее батюшка, она сказала: „О, как еще утешил-то! Точно отец родной! Только очень велико мое горе-то, — не скоро излечишь его!“

В этот момент из церкви неслось пение: „Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа!“ Глубоко растроганная всем виденным мною, я молилась, прося великой милости у Бога — быть принятой великим старцем. Прошло несколько минут, опять отворилась келлия. Сам батюшка показался в ней и назвал меня по имени... Я вздрогнула от радости и, творя крестное знамение, вошла вслед за ним в его небольшую, полуосвещенную заходящим солнцем келлию»...

Открыв старцу свое горе — ожидание предстоящей страшной операции и получив его благословение — ничего не бояться, операции не делать и молиться Богу, причем старец напомнил ей забытые ею тяжкие грехи, рассказчица продолжает: «Невозможно описать и выразить словами того, что чувствовалось тогда на душе. Это был и благоговейный трепет пред праведником, проникнувшим своею прозорливостью в мою грешную и настрадавшуюся душу, и какая-то неземная, восторженная радость от общения, веяния этого мира духовного... Когда, поздно вечером, собрались мы в монастырской гостинице, в коридоре столпились в кружок люди, съехавшиеся из разных и дальних сторон, незнакомые, чужие доселе друг другу, а здесь перезнакомившиеся и откровенно, по-братски, делившие своею радостью и своими впечатлениями по поводу сказанного батюшкою утешения, вразумления или мудрого совета...

Утром рано, едва я открыла глаза, как опять то же радостное настроение охватило мою душу, то же благоговение к благодатному старцу и горячая беззаветная любовь к нему. Вышедши из гостиницы, я с умилением глядела на окна той скромной смиренной келлии, где находился тогда наш дорогой батюшка; земно поклонилась я ему, заочно прося его святых молитв о грешной душе моей; и радостная,

счастливая выехала из этой юной еще обители, которую не променяла бы тогда на все сокровища мира. На возвратном пути я свято исполнила все, что приказано было мне батюшкой. По молитвам старца, болезнь моя не возвращалась ко мне с тех пор, и этому уже девять лет». Наступило лето 1890 года, последнее лето пребывания о. Амвросия в скиту и в Оптиной пустыни, так как именно этим летом он совершил свою последнюю поездку в Шамордино, откуда уже не возвращался в Оптину до самой своей кончины.

Много было в свое время толков и предположений разного рода по поводу этого последнего пребывания старца Амвросия в Шамордине. По слову его жизнеописателя о. архимандрита Агапита, «о старце каждый толковал по своему, — его судили и осуждали многие. По всем местам России, где только было известно имя старца Амвросия, пронесся о нем зол глагол».

Осуждали его и за оставление скита, и за пребывание в женской обители. Указывали лиц, из-за которых будто бы старец должен был покинуть Оптину пустынь. Все эти толки и предположения не заслуживают, конечно, никакого доверия. Прожив в скиту Оптиной пустыни 50 лет, старец за это долгое время испытал, конечно, немало всякого рода скорбей и неприятностей и, однако, не находил нужным удаляться из обители. Теперь ли, на склоне лет своих, достигнув высшей опытности и мудрости в различении всевозможных путей Промысла Божия в жизни человеческой, привыкнув всецело полагаться во всем на благую и всесовершенную волю Божию, теперь ли не потерпел бы он новых скорбей и решил бы малодушно уходить от них?! Это представляется нам совершенно невероятным, несогласным со всею жизнью, со всеми наставлениями старца, с заветами старчества, которых он был бдительным охранителем. Такое предположение могло возникнуть в умах только тех людей, которые совсем не знали и не понимали великого старца.

Более вероятно то предположение, что старец переместился в Шамордино с целью более близко и непосредственно наблюдать за ходом тамошних дел и производимыми там постройками и работами, также для руководства духовною жизнью новоустроившейся обители.

В Шамордине, с самого открытия общины, производились большие постройки; поэтому там было множество рабочих, а хорошего присмотра за ними не было. Сама новая настоятельница была здоровья слабого и не имела надлежащей опытности в делах хозяйственных. Не было у нее и достаточно опытных помощников. Затем — материальных средств ни в строящейся обители, ни у самого старца не было никаких, хотя этого никто не знал. Все были уверены, напротив, судя по производимым работам, что средства старца неисчерпаемы.

Да как было и не быть в этом уверенными, когда в довершение всех шамординских построек старец задумал воздвигнуть в общине огромный каменный храм, к сооружению которого и было приступлено в 1889 году.

Все эти сложные и разнообразные хозяйственные и духовные начинания и заботы и побудили старца, как полагают некоторые, переместиться в Шамордино для личного распоряжения на месте.

Как бы то ни было, нужно, однако, думать, что и самый переезд старца в Шамордино, и его продолжительное пребывание здесь зависели не столько от воли самого старца, сколько от «особенного промысления Божия», как говорил старец.

Есть основание думать, что старец, уезжая из скита, предчувствовал, что он уже не возвратится в него обратно. В предыдущие годы, уезжая летом в Шамордино, он всегда брал туда с собою своего старшего келейника иеромонаха Иосифа; теперь же он оставил о. Иосифа в скиту, как бы предуказывая его будущее назначение, а с собою взял своего младшего келейника о. Исаию.

Был и еще замечательный случай. Незадолго до отъезда о. Амвросия из скита ему была прислана большая, прекрасно написанная икона «Споручница грешных», которая и была помещена в келлии о. Иосифа, смежной со старцевой.

Уезжая в последний раз в Шамордино, старец велел о. Иосифу поместить эту икону над своим изголовьем и затеплить пред нею неугасимую лампаду, что и было исполнено о. Иосифом по отъезде

старца. Таким образом, покидая скит, о. Амвросий как бы поручал его, а с ним и всю Оптинскую обитель Матери Божией! Еще одно обстоятельство. В самый день отъезда, поручив братии служить напутственный молебен пред Казанской иконою Божией Матери в соборе, о. Амвросий послал одну из своих духовных дочерей в Козельск отслужить и там путевой о нем молебен пред чудотворной Ахтырской иконой Божией Матери, чего прежде также не делалось.

Настало, наконец, 2-е число июля, и старец выехал из скита, направляясь на Шамординскую дачу — Руднево^[66]. В день отъезда старца погода была самая благоприятная. День стоял ясный и теплый. Проводы были многолюдные.

Хотя старца, по его благословению, сопровождал только один его келейник о. Исаия, который и собирал его в дорогу и вез все необходимое для него, но уже на другой день появились в Рудневе толпой почитатели, и в том числе оптинские монахи со своими духовными нуждами.

Вообще, во время пребывания старца в Шамордине братия Оптиной, от старших до младших, ежедневно посещали его: они не могли оставаться без его духовного окормления и, помимо переписки, спешили при первой возможности лично в Шамордино. Не обходили Шамордина и монахи, шедшие помолиться в Тихонову обитель, чтобы предварительно испросить благословение старца.

Почему, однако, старец выехал не прямо в Шамордино, как это делалось раньше, а в Руднево? На это была следующая причина. Незадолго до отъезда старца из скита было ему доставлено письмо от неизвестного «любителя благочестия». В этом письме говорилось, что много лет тому назад, в помещичьем имении, которое теперь принадлежит Шамординской общине под именем Рудневской дачи, был вырыт какими-то подвижниками колодец, утолявший жажду многих путников, а теперь это место находится в пренебрежении. Еще до получения этого письма, осенью 1889 года, настоятельница Шамординской общины м. Евфросиния, находясь однажды в Рудневе и наблюдая там за работами около сажелки, почувствовала, что нога ее проваливается в землю... Она рассказала об этом старцу, по

распоряжению которого против того места, где провалилась настоятельница, стали рыть землю и скоро напали на сруб колодца. Был открыт источник воды; но странно — все говорили одно: когда стали давать эту воду бесноватым, страдания их увеличивались.

Отправляясь 2 июля 1890 года в Шамордино, старец решил лично побывать сначала в Рудневе. Прибыв туда, старец сам осматривал место вблизи вырытого колодца, несколько ниже. Он предварительно стал на молитву, приказав и всем, бывшим с ним, молиться. После молитвы сам начал рыть землю, а потом приказал рыть и другим. Когда показалась вода, старец приказал устроить здесь второй колодец.

Колодец был приведен в благоустроенный вид, и к нему посылал потом батюшка некоторых больных обдаваться из него водою; также раздавал из него воду и глину, которые оказались целебными. После близ целебного колодца построен был сарайчик, приспособленный к тому, чтобы обдаваться водою. Проведя в Рудневе один день, старец прибыл оттуда в Шамордино.

Прибытие о. Амвросия в Шамордино вызвало здесь обычную радость сестер, встретивших его, как своего дорогого отца. Дни проходили за днями. Пребывание старца в обители затягивалось. Вместо десяти дней, предположенных старцем, он живет в Шамордине уже недели четыре.

Батюшка, по словам близких к нему лиц, постоянно собирался уезжать, но то одно дело его задерживало, то другое. Батюшка, видимо, торопился: неутомимо был сам на всех постройках и принимал народ, стекавшийся в Шамордино в огромном количестве: монахов, монахинь и мирских. Гостиниц для посетителей не хватало; народ по ночам занимал всю площадь против гостиниц.

В последних числах июля батюшка, наконец, собрался уезжать в Оптину и распорядился, чтобы в назначенный день с утра все подготавливали к его отъезду. Это стало известно и в Оптиной. И потому к шести часам вечера народ уже стал собираться около скита, другие ушли к парому, а некоторые отправились даже за реку встречать батюшку.

Однако, к 8 часам вечера получено было известие из Шамордина, что батюшка сегодня не приедет, что к его отъезду уже все было готово, но он внезапно почувствовал такую слабость, что не только ехать, даже и принимать никого не мог. Ожидали батюшку в Оптину пустынь на другой день. Но и в этот день повторилось то же самое: утром старец принимал в Шамордине посетителей, собирался ехать, а к вечеру, в те же часы, что и вчера, почувствовал себя очень нехорошо. Пришлось отложить отъезд на неопределенное время.

Наступил Успенский пост, во время которого старец исповедовал всех без отказа, начиная с архимандрита и монахов оптинских и кончая множеством мирского народа. К 29 августа, скитскому празднику, старец опять стал собираться в скит. Стали служить ему напутственный молебен. Однако ему снова сделалось так дурно, что пришлось оставить всякую мысль об отъезде. Говорили даже, что старца нашли лежавшим на полу в крайнем изнеможении.

Замечательно при этом, что старец, приходивший в крайнее болезненное изнеможение при попытках ехать в Оптину, совершал в то же время неоднократные поездки в Руднево и чувствовал себя при этом совершенно бодрым.

После последней неудачной попытки старца вернуться в скит к празднику Усекновения Главы Иоанна Предтечи, всем стало ясно, что старцу придется остаться на всю зиму в Шамордине. Погода в это время уже менялась на осеннюю, а старец не мог выходить, когда было меньше 15 градусов тепла.

Оптинские иноки тревожились и волновались долгим отсутствием старца. Настоятель, о. архимандрит Исаакий, сильно скорбел. Старец утешал его, убеждая смириться под крепкую руку Божию, а оптинской братии послал собственноручное письмо, в котором, между прочим, было сказано: «Я доселе задержался в Шамордине по особенному промыслению Божию; а почему — это должно означиться после». Письмо это было прочитано в монастырской трапезе вслух всем братьям.

Между тем в Шамордине готовили для старца зимнее помещение. Убедившись, что старец остается у них на всю зиму, сестры были в восторге.

Оставшись в Шамордине на неопределенное время, о. Амвросий установил здесь у себя такой же образ жизни, как и в скиту. Так же, как и в скиту, ежедневно выслушивал положенные молитвословия. Так же под праздники бывали у него всенощные бдения, которые первое время служил он сам, т. е. произносил возгласы и в свое время читал Евангелие, а сестры пели и читали положенное. Чудные были эти минуты, замечают шамординские очевидицы, когда на середину комнаты выходил согбенный старец, в коротенькой мантии и епитрахили, с открытой седой головой, и каким-то детски-старческим, слабым голосом читал внятно слова благовестия Христова, которых сам был ревностным исполнителем и проповедником... Впрочем, так было недолго. Болезненный старец не в силах был сам служить. Для этого большею частью приезжал из скита бывший его письмоводитель иеромонах о. В. Особенное благоговение всегда имел старец Амвросий к Божией Матери, почему ни одного Богородичного праздника не пропускал без того, чтобы не отправить пред Ее св. иконою келейного бдения.

В 1890 году прислана была ему в скит настоятельницею Болховского женского монастыря особенная икона Божией Матери, написанная по указанию старца. Царица Небесная представлена сидящею на облаках. Руки Ее простерты на благословение. А внизу, среди травы и цветов, стоят и лежат ржаные снопы. Ржаные снопы написаны были по желанию и назначению о. Амвросия, который и дал этой иконе наименование «Спорительница хлебов». Горячие молитвы возносил старец пред этою иконою; учил и понуждал молиться пред нею и собранных им в общине духовных чад своих. В последний же год своей жизни он делал снимки с этой иконы и раздавал и рассылал многим и из посторонних своих почитателей. А незадолго до последней своей болезни он составил в честь этой иконы особый припев к обычному богородичному акафисту: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою! Подаждь и нам, недостойным, росу благодати Твоея и яви милосердие Твое!» Припев этот сестры пели по благословию

старца, когда в келлии его читался акафист Божией Матери. Празднование этой иконе старец заповедал своим чадам духовным 15 октября. Усердная молитва перед этою иконою Божией Матери не раз сопровождалась чудесами милости Пресвятой Богородицы. Так снимок с этой иконы послан был в Пятницкую женскую общину Воронежской епархии. По случаю сильной засухи, грозившей неминуемым голодом, там было совершено молебствие перед нею; после чего вскоре пошел дождь, и обитель с окрестностями была спасена от голода. Сказывают еще, что весною 1897 года, или около того, священник с. Озерского приехал в Руднево как приходский пастырь, и там, по случаю бездождия, служил на полях молебен Божией Матери пред Ее св. иконою «Спорительница хлебов», с акафистом. Во время служения молебна давно не бывший дождь стал накрапывать. Когда же после молебна отслужена была еще панихида по старцу Амвросию, то пролил обильный дождь.

С неумолкаемою молитвою старец соединял разнообразные заботы о водворении внутреннего порядка в юной своей обители: о благочинном отправлении служб церковных, о разумном и внятном чтении и пении, о должном отношении сестер к своей начальнице и между собою и т. п. Затем старец по-прежнему входил во все хозяйственные дела. Все постройки производились по его плану и указанию. Вызвав из скита некоторых монахов, понимающих строительное дело и вообще хозяйство, старец через них делал свои распоряжения. Кроме того, старец по-прежнему же с утра и до вечера принимал народ и занимался перепиской с просившими у него советов и наставлений.

Так незаметно прошло время до 7 декабря, — дня Ангела батюшки. Этот день Шамординская обитель отпраздновала с особенною торжественностью. Накануне этого дня приехали из Оптиной несколько иеромонахов, во главе которых был настоятель Оптиной пустыни архимандрит Исаакий. Отслужили бдение и на следующий день собором литургию с молебном святому, с возглашением многолетия имениннику. Затем все служившие пришли поздравить батюшку с днем Ангела. Лицо у него в это время казалось очень бледным и истомленным. Принимая с благодарностью поздравления от

монахов, он только смиренно все повторял: «Уж очень много параду сделали». После братии приходили поздравлять дорогого именинника и все сестры. Каждая из них поднесла ему какой-нибудь подарок своей работы, кто — четки, кто — носки, кто — фуфайку, кто — икону... Батюшка с веселым лицом принимал от них подарки, благодарил всех, шутил и оделял пирогом и лакомствами.

Несмотря, однако, на видимую веселость, о. Амвросий внутренне глубоко скорбел.

На новый год, когда пришли его поздравить, он долго не выходил и никого не принимал. Наконец, всех позвали в приемную, батюшка сидел на диванчике и вместо поздравления и приветствия заставил приехавшую из Оптиной пустыни свою духовную дочь прочитать Троицкий листок, который кончался молитвою пастыря о своих чадах, где он говорит ко Господу: «Се аз и дети мои...» и прощается со своею паствою. Всем присутствующим стало грустно. У многих навернулись слезы. Сам старец плакал.

На Страстной неделе 1891 года одна близкая к старцу особа привезла ему образ Спасителя в терновом венце, отысканный ею по его указанию. Батюшка с великою радостью принял образ и сказал: «Ну что же лучше этого тернового венца!» — и поцеловал образ. Затем прибавил: «Хорошо быть у креста Спасителя, но еще много лучше пострадать за Него на этом кресте».

Когда старец произносил эти слова, лицо его было какое-то особенное: что-то неземное светилось в его глазах.

Настала Св. Пасха. На первый день праздника, после литургии, настоятельница по обычаю пришла поздравить старца со светлым праздником; а за нею уже и все сестры и некоторые миряне приходили «христосоваться» с батюшкой, который всем подавал по красному яйцу и по куску кулича и пасхи. Поистине, замечают шамординские сестры, светлый был праздник. У всех на душе было радостно. Да и как же могло быть иначе? Пасха — и великий старец разделяет вместе это великое торжество. Каждый день, во всю Светлую седмицу, сестры пели у него утреню, часы и вечерню. Батюшка сам подпевал; иногда

задавал певчим тон, поправлял ошибки и делал разные замечания. По окончании же седмицы, когда певчие стали благодарить старца за то утешение, какое он им доставил в эту Пасху он ласково им сказал: «Спаси, Господи!» А потом прибавил: «Будете вы вспоминать эту Святую». Никто не понял и не мог понять тогда этих слов, которыми старец намекал на предстоящую свою кончину.

С наступлением лета о. Амвросий возобновил свои прогулки. Он ходил по постройкам и ездил в Руднево, где гостил иногда недели по две. Если случался какой-нибудь праздник, он непременно возвращался в Шамордино — «домой», как он говорил.

В это лето прибыл к старцу в Шамордино человек Божий, именем Гаврюша, лет сорока от роду, один из тех, которых Господь уподобил детям, сказав, что таковых есть Царствие Божие. Он жил в Ливенском уезде Орловской губернии, был расслаблен, трясся всем телом и еле мог говорить и принимать пищу. Ноги его не действовали; он лежал и молился Богу. Примечали, что ему многое открыто. Последнею весною ему явился старец Амвросий и сказал: «Приходи ко мне в Шамордино, я тебя успокою». В то же время он встал на ноги и объявил, что идет в Шамордино. Но так как ноги его были весьма слабы и походка неровная, то его хотели везти по железной дороге, но он отказался от этой услуги. Старца он встретил под Шамординым. Тот тихо ехал откуда-то. Вокруг него был народ. «Батюшка! — закричал Гаврюша своим малопонятным языком, — ты меня звал, я пришел». Батюшка тотчас вышел из экипажа, подошел к нему и сказал: «Здорово, гость дорогой! Ну, живи тут». И прибавил окружавшим: «Такого у меня еще не было». Батюшка очень ласкал Гаврюшу. Он устроил ему уголок в Шамордине, а впоследствии и в Рудневе, и Гаврюша все порывался туда ехать. — «Батюшка! Не хочу в Шамордине; поедем в Руднево; в Руднево хочу». А батюшка все успокаивал его, что когда приготовят для Гаврюши в Рудневе помещение, они туда и поедут. Было умилительно смотреть, как батюшка занимался беседой с Гаврюшей, и как они ходили по келлии: один ковыляя на кривых ногах, а другой, согбенный, опираясь на свою палочку.

Мы уже говорили выше, что о. Амвросий переживал в Шамордине великую душевную скорбь, о которой и высказывался окружающим иногда намеками, косвенно, а иногда и прямо, как, например, однажды окружавшим его сестрам: «Матери и сестры! Я у вас здесь на кресте!» И действительно, жизнь его, по словам близких лиц, была в это время невозможно трудной. Ни днем, ни ночью он не имел покоя и по неудобству помещения (которое до самой его кончины все только устраивалось и подготавливалось), и от множества дел и окружавшего его народа. Болело сердце его и за оптинцев, оставшихся без своего духовного руководителя. Когда являлся к нему кто-нибудь из них, батюшка уже не заставлял его долго ждать, — а с особенною любовью принимал и утешал.

Но очень часто после таких посещений он делался чрезвычайно озабоченным и расстроенным. Принесут, бывало, ему обед, — постоит в келлии, так и унесут назад, — ни к чему и не дотронется.

Притом и здоровье старца с течением времени стало ослабевать до последней крайности, а ропот на него посетителей увеличивался, так как в особенности теперь, при огромном стечении народа, многим из них приходилось очень долго ждать его приема. А старец и рад был бы удовлетворить всех, но силы совсем оставляли его. Часто приходилось видеть его, как передают шамординские сестры, лежащим навзничь в полном изнеможении. Бледное, истомленное лицо его выражало страдание; голос совершенно покидал его, и глаза были закрыты. При взгляде на полуживого старца сердце сжималось от жалости. Сам он нередко со скорбью говорил: «Ведь не верят, что я слаб, — ропщут». И однако же этот полуживой семидесятидевятилетний старец не только никогда не терял присутствия духа, но также всегда был спокоен и весел, как и при самых благоприятных обстоятельствах, и своею веселостью и шутливыми рассказами умел разгонять в окружавших его самое мрачное уныние. В эту последнюю зиму пребывания его в Шамординской общине все сестры обители, от чрезмерной слабости старца и от других разных неприятностей, были однажды в особенно мрачном настроении духа. Болезненный старец собрал последние свои силы и с веселым видом вышел в комнату, куда собрались и сестры. Сначала он кое-кому из них поодиночке говорил что-нибудь в

утешение, отчего все лица мало-помалу прояснились; а наконец, вообще пред всеми так насмешил, что разогнал и последние остатки уныния. А в другой раз окружавшие старца сестры стали говорить ему со скорбью: «Какое нам счастье жить при вас и иметь вас, батюшка! А придет время, — не станет вас с нами. Что мы тогда будем делать?» — Батюшка улыбнулся, оглянул всех присутствующих с такою любовью, с какою умел глядеть он один и, покачав укоризненно головою, сказал им: «Уж если я тут с вами все возился, то там-то от вас уж верно не уйдешь».

После Пасхи 1891 года старца постигла новая неожиданная скорбь. Избранная им настоятельница обители м. Евфросиния, его ближайшая помощница и исполнительница его предначертаний, тяжело заболела. Войдя однажды в его келлию по какому-то делу, она вдруг почувствовала себя очень нехорошо. Лицо ее помертвело, дыхание прекратилось, она едва не упала. Смутился старец. Сам, еле передвигая ноги, подошел к видимо умиравшей, затем позвал сестер, которые и уложили ее на стоявший вблизи диван; тогда старец, глядя на нее и как бы прося ее не покидать его, удрученного болезнями и скорбями, сказал дрожащим от волнения голосом: «Мать, подыши еще!» И скоро, по молитвам старца, дыхание ее возобновилось, и она была приобщена Св. Христовых Таин. После этого случая м. Евфросиния стала слепнуть. К середине лета она уже ничего не могла видеть, — могла только различать белый цвет от черного. Тяготясь, вследствие потери зрения, должностью настоятельницы, она просила старца позволить ей подать прошение об отставке, но старец не благословил, сказав: «Сама не подавай, а если велит подать начальство, то подай». При этом он старался всячески утешать ее и ободрять, говоря: «Мать! Претерпевай и не унывай!» В довершение всех скорбей старца обрушилось на него и неблаговоление епархиального начальства, особенно обострившееся к концу его жизни. В 1890 году в Калугу был назначен новый архиерей, перемещенный из Тамбова, преосвященный Виталий. Прибыл он на епархию осенью, когда старец Амвросий уже имел свое пребывание в Шамординской общине. Преосвященному Виталию очень хотелось видеть известного всему православному миру старца Амвросия, но, узнав, что старец живет в женской обители, медлил ехать в Оптину

пустынь, ожидая возвращения старца в скит. Между тем время шло, а старец не возвращался. Это было неприятно владыке, тем более, что старец переместился в Шамордино без разрешения своего епархиального начальства.

Распространявшиеся недоброжелателями о. Амвросия нелепые о нем слухи по поводу его пребывания в Шамордине доходили и до владыки и смущали его еще более, так что он даже говорил с тревогою: «Что это у них там делается?», — и несколько раз поручал благочинному монастырей потребовать от старца немедленного возвращения в свой скит. Болезненный, умирающий старец, конечно, не мог исполнить этого распоряжения, но в Калуге не верили этому и принимали его слова за одну пустую отговорку. Старцу стали угрожать, что его силою отвезут в Оптину, на что он отвечал: «Я знаю, что не доеду до Оптиной; если меня отсюда увезут, я на дороге умру».

Собственно говоря, епархиальному начальству не было никакого основания волноваться и можно было бы относиться к старцу с тем же доверием и благоговением, с каким относился к нему, например, великий молитвенник о. Иоанн Кронштадтский, говоривший приезжавшим к нему шамординским сестрам: «А, это от старца Амвросия; о, великий старец! Земной поклон ему от меня!» Но, очевидно, кому-то нужно было омрачить последние дни земной жизни о. Амвросия, увеличить тяжесть несомого им креста, так что на нем исполнялись слова Господа: *«Блажени изгнани правды ради: яко тех есть Царствие Небесное. Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех: тако бо изгнаша пророки, иже беша прежде вас».* (Мф. 5, 10–12). Возлюбив свое последнее и любимейшее детище, Шамординскую обитель, своею последнею и сильнейшею любовью, старец, претерпевая за эту обитель великие скорби, тем самым показал, что *возлюбль своя сущия в мире, до конца возлюби их.* (Ин. 13, 1), возлюбил *не словом ниже языком, но делом и истиною* (1 Ин. 3, 18). Весною разнесся слух, будто владыка, расстроенный разными толками и сообщениями, сказал: «Я сам поеду в Шамордино, посажу старца в карету и увезу в Оптину!» Когда одна из духовных дочерей старца передала ему эти слова

преосвященного, о. Амвросий ответил: «Жив Господь Бог мой, и жива будет душа моя; а ты знай, что над всеми владыками есть Вышний Владыка; ехать в Оптину я не собираюсь; да и куда я теперь поеду?! Разве только...» И старец последние слова сказал так тихо, что их невозможно было расслышать. Другая монахиня, также встревоженная ходившими слухами, обратилась к старцу: «Батюшка! Говорят, владыка сюда едет; что вы ему скажете?» — «Я скажу, — тихо ответил старец, — я скажу: ищите прежде воли Божией...»

В это время о. Амвросий стал уже многим намекать, хотя они и не понимали или не хотели, боялись понять это, о своей близкой кончине.

Приехал к нему проживавший в Оптиной пустыни его духовный сын К. Н. Леонтьев, чтобы получить от него благословение поехать в Москву для лечения. Прощаясь с ним, старец неоднократно обнимал его, говоря: «Прости, прости меня!» Такое прощание показалось Леонтьеву знаменательным. И действительно, оно было последним.

Все лето 1891 года в Шамордине ожидали своего нового архипастыря. Настоятельница и сестры тревожились и волновались, и обращались к старцу с разными вопросами. — «Батюшка! Как нам встречать владыку?» Старец отвечал: «Не мы его, а он нас будет встречать!» — «Что для владыки петь?» — Старец сказал: «Мы ему аллилуиа пропоем!» Еще как-то сказали ему: «Говорят, владыка хочет много спрашивать у вас». Он ответил: «Мы с ним потихоньку будем говорить, — никто не услышит!» Такими ответами старец, очевидно, намекал на свою близкую кончину, но этих намеков никто из окружавших его в то время не понимал. У некоторых сестер даже было предчувствие близкой кончины батюшки, но ему не хотелось верить, думалось, напротив, что старцу невозможно так скоро умереть. Вот какие строки читаем мы в дневнике одной близкой к старцу сестры: «Несмотря на великое счастье, что батюшка у нас, все предчувствие чего-то страшного не давало мне покоя; и мысль — не последние ли дни батюшка наш проводит с нами, — все отравляла. Я боялась с кем-нибудь заговорить об этом, чтобы не услышать от других, что и им приходят те же мысли. Как-то в разговоре с матушкой я решилась спросить, как она думает об этом. Матушка мне на это тоже сказала,

что она боится очень радоваться, — Бог знает, надолго ли так будет. Вероятно, и многим приходила эта мысль. От батюшки мы никогда не слышали прямого указания на его близкую кончину. Некоторые распоряжения его как будто указывали на это; но тогда все как-то иначе объяснялось, и только после кончины старца стало все понятным».

За несколько месяцев до кончины батюшки один петербургский художник, который иногда обращался к старцу за денежной помощью, прислал ему Казанскую икону Божией Матери, копию с чудотворного Ее образа, и при ней имена своей семьи, прося батюшку помолиться за них. Батюшка велел положить записку в киот за икону и сказал: «Царица Небесная Сама будет молиться за них». Один бедный семейный человек, которому батюшка много раз помогал, пред последнею его болезнью письменно обратился к старцу с просьбою помочь ему купить теплую одежду. Батюшка послал ему, сколько было нужно, и при этом прибавил в конце своего письма: «Помни, что это тебе последняя от меня помощь». Монахиня, которой пришлось писать эту записку, говорит, что «последние слова ее меня нисколько не смутили. Я объяснила их себе так, что нужно было написать это ему в предупреждение, чтобы не слишком надеялся».

Раз одна приезжая игумения, сидя в приемной келлии в ожидании приема батюшки, увидела на иконе Спасителя в терновом венце, которая долгое время стояла у него в приемной на столе, выступившие капли наподобие мира, и сообщила о сем матушке. Когда принесли икону к батюшке, рассказав ему о появившихся на ней чудесных каплях, то он долго смотрел на нее и сказал: «Будут скорби и тому, кто первый увидел это, и живущим здесь». Через несколько дней после отъезда этой игумении батюшка получил от нее письмо, в котором она уведомляла его, что тотчас по возвращении в свой монастырь ей пришлось перенести неожиданно большую скорбь. Это было в начале сентября; а через месяц и Шамординской обители пришлось переживать потерю незабвенного великого старца, отца и благодетеля.

В ту же осень старец говорил в шутовском тоне окружавшим его сестрам: «Смотрите, — будет осень и там и сям, достанется и уткам и

гусям». Затем, усмехнувшись, прибавил: «Гуси потащут, а утки поплачут».

О внешнем виде старца в это последнее время его жизни можно судить по следующему отрывку из письма одного кандидата Московской духовной академии, посетившего старца в конце августа, за полтора месяца до кончины: «Когда я вошел в комнату и — надо признаться — не без некоторого трепета и замирания сердца, то увидел маленького старичка (когда-то он был высок ростом), лет под восемьдесят, в простеньком теплом подряснике и в монашеской шапочке, сидящего в кресле, бледного и слабого до последней степени. Кожа едва облегает кости, нижняя губа трясется, так и думаешь, что он вот-вот сейчас умрет. Если что живо в этом почти мертвом теле, так это глаза — небольшие, светло-карего цвета, лучистые, добрые, наблюдательные и проницательные. В них будто сосредоточивается вся жизнь, и они представляют удивительный контраст с мертвенною бледностью лица и поразительною слабостью тела. Подлинно — дух бодр, плоть же немощна».

И действительно, какую надо было иметь бодрость духа, чтобы выносить то тяжелое положение, в котором тогда находился старец! В устроенной им общине было более 300 сестер, приют, богадельня, больница. Год голодный, хлеб поэтому дорогой. На обители накопился большой долг. Настоятельница слепая. Сам старец в опале у начальства, обесславлен, на краю гроба... Только благодать Божия и поддерживала старца при таких обстоятельствах!

•

Глава X. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ СТАРЦА ИЕРОСХИМОНАХА АМВРОСИЯ, ЕГО КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ

Аз бо уже жрен бываю, и время моего отшествия наста. Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох.

(2 Тим. 4, 6-7)

О последних днях жизни о. Амвросия мы будем говорить, руководствуясь записками и рассказами шамординских сестер, по возможности — подробнее, день за днем.

21 сентября была суббота. По обыкновению, приехал из скита иеромонах служить у старца бдение, но батюшка с утра чувствовал себя слабее обыкновенного, а к концу дня так ослабел, что не мог слышать пения и чувствовал озноб. «Батюшка ослабел, батюшка захворал», — слышалось во всех концах монастыря. Все сильно встревожились, хорошо понимая, что для слабого, почти восьмидесятилетнего старца нужно немного, чтобы подкосить его жизнь. С другой стороны, мысль о том, что батюшка может умереть, была так ужасна и казалась такой невероятной, что никто на ней не останавливался. Все успокаивали себя тем, что «Бог милостив; да батюшке и нельзя умирать, — он так еще нужен».

22-го, в воскресенье, батюшка стал жаловаться на боль в ушах; несмотря на то, он продолжал заниматься монастырскими делами, даже принимать некоторых посетителей, шутил и вообще был весел.

На следующий день, 23-го, боль в ушах старца усилилась; он стал плохо слышать и очень мало принимал посетителей, так как говорить ему было трудно. И все просили его дать себе отдых, но батюшка вставал, ходил по келлии и брал по несколько человек на

благословение. Вечером старец велел читать ему вслух. Когда его спросили, не трудно ли будет ему слушать при боли в ушах, он ничего не ответил, задумался на несколько минут и сказал: «Это последнее испытание — потерял слух и голос». Голос у старца, впрочем, давно уже стал ослабевать, так что к вечеру он говорил иногда совсем шепотом. Следующие за тем два дня старец был все в том же положении и почти не принимал, так как совершенно потерял слух и голос. Народ с утра до вечера не отходил от крыльца его келлии. Сколько было скорби, сколько пролито слез! Некоторым нельзя было долго ждать; просили через келейника заочно благословения и ответа на свои вопросы. Чтобы не утруждать батюшку разговорами, в крайних случаях вопросы предлагали ему письменно. 26-го, в четверг, старец чувствовал себя еще хуже — жаловался на сильную боль в ушах, голове, лице и во всем теле. В одном его ухе оказался нарыв. Ухудшение здоровья старца всех очень смутило. Решено было вызвать телеграммой из Москвы доктора Бабушкина, раньше лечившего о. Амвросия. Батюшка согласился на это. 27-го нарыв в ухе прорвался, и боль понемногу утихла. Вечером приехал московский доктор и, осмотрев больного, успокоил всех, сказав, что ничего опасного нет, что это инфлуэнца. Он предписал больному полнейшее спокойствие и дал некоторые успокоительные средства. Кстати сказать, бывая и раньше у старца, этот врач всегда говорил: «Я бываю здесь для формы; если бы это был обыкновенный больной, то я сказал бы, что ему жизни на полчаса; но ведь это о. Амвросий — он может и годы прожить».

28-го в состоянии здоровья о. Амвросия продолжалось улучшение. 29-го, в воскресенье, батюшка вдруг вышел из своей келлии и сказал, что он забыл помолиться перед иконою Царицы Небесной «Всех скорбящих Радость». По его желанию был отслужен перед этою иконою в его келлии молебен. Сестры и мирские толпились у дверей, чтобы помолиться о выздоровлении дорогого отца, 1 октября одной из своих духовных дочерей старец сказал: «Устроить для вас я больше уже ничего не могу; я вас отдал Царице Небесной». Доктор, пробыв при старце до 2 октября, уехал на время. Старец сам провожал доктора в другую комнату и много говорил с ним. Первые два дня после того больной чувствовал себя порядочно. И хотя боль в ушах не уменьшалась, и появлялись малые нарывчики то в том ухе, то в

другом, но лихорадочного состояния не было. Батюшка продолжал употреблять прописанные доктором средства, и в обители все были спокойны.

4-го, в пятницу, старец сказал, что боль в голове у него усиливается, а к вечеру был жар. Все последующие за тем дни у него была лихорадка через день, причем большую часть дня он проводил как бы в забытьи. Впрочем, несмотря на свою крайнюю слабость, он по временам мог без посторонней помощи вставать с постели, ходил по комнате и даже призывал некоторых нужных ему людей и делал распоряжения по постройкам. В этот день один из ближайших учеников старца, иеромонах Иосиф, бывши в Шамордине, пожелал у него исповедоваться; но видя, что старец очень слаб, боялся беспокоить его. Между тем, лишь только он сделал маленький намек, что желал бы исповедоваться, батюшка сейчас же надел епитрахиль и поручи и сам подал ему исповедную книжку. И отец Иосиф имел счастье поисповедоваться у него в этот день в последний раз, после чего, простившись со старцем, уехал в скит. В наступившую затем ночь, по рассказу о. Иосифа, долго он почему-то не мог заснуть и в это время слышал, что будто кто-то проговорил: «Старец умрет». Слова слышались явственно. Под 6 октября у старца было бдение. В половине всенощной батюшка почувствовал себя дурно и стал тяжело дышать. Отворили все двери настежь. Все перепугались. Началось тяжелое время. Духовные дети старца не выходили из приемной и молча, затаив дыхание, ожидали известий. Почти все время по очереди читали акафисты. Шестого октября произошел следующий замечательный случай. После обеда старец позвонил и вошедшему келейнику сказал: «Пойди, посмотри, кто там на крыльце просится опять в монастырь». Когда келейник сказал, что там много народа, старец опять строго сказал ему: «Пойди сейчас, узнай». Через несколько минут келейник возвратился и говорит, что действительно там стоит бывший оптинский послушник, брат М., который ушел из Оптиной на Афон, а теперь, уже в мирском платье, пришел просить у батюшки совета, в какой монастырь ему опять поступить. Батюшка сейчас же велел позвать его, несколько минут говорил с ним и благословил ему идти в Глинскую пустынь.

Седьмого октября настоятельница обители испытывала невыносимую тоску. Душа ее находилась в таком безотрадном состоянии, что нигде и ничто не могло ей дать ни малейшего утешения. Это, как она выражалась, было как бы предощущением адских мучений. Вошедши в келлию болящего старца, она объяснила ему свое страшно тяжелое состояние. Оказалось, что и сам старец переживал такое же невыразимо-томительное искушение. Вероятно, ему промыслительно было попущено испытать, на некоторое время, как бы оставление его Богом, дабы дать ему вполне уразуметь бедность и немощь человеческого естества. Выслушав настоятельницу, старец сказал:

«Я чувствую то, чего во всю жизнь мою не испытывал».

По объяснению старца о. Иосифа, батюшка в это время томился скорбями и грехами своих многочисленных духовных детей. В один из предсмертных дней старца духовник его, о. Феодор, сказал ему: «Батюшка, вот вы умираете, на кого обитель свою оставляете?» Старец ответил ему следующими словами: «Обитель оставляю Царице Небесной; а я свой крест позолотил».

Восьмого октября, в шесть часов утра, старец сказал, что его очень знобит, и в лице он очень изменился. Спустя несколько минут с больным сделался жар, и он забылся. Через час попросил ухи, но вдруг так ослабел, что с трудом мог назвать — чего хотел. Жар усилился, и начался бред. Тотчас же послали в скит за скитона начальником о. иеромонахом Анатолием и за о. иеросхимонахом Иосифом. Последний вскоре приехал и по приезде тотчас же торопливо прошел к старцу. Выйдя от него через несколько минут, он сказал присутствующим: «Напрасно вы здесь толпитесь: ведь старец не говорит, и нет надежды на его выздоровление». Вскоре приехал и о. Анатолий. Весь этот день больной все более и более слабел, так что уже и говорить не мог. Жар у него усиливался, доходя до 40 градусов. Вероятно, старец испытывал в это время мучительные в теле боли, не дававшие ему спокойно лежать в постели, потому что он то и дело подавал знак бывшим при нем о. Иосифу с келейником о. Александром, чтобы его подняли; но лишь только поднимут, он опять давал знак, чтобы его положили в постель. Вместе с тем его трясло, как в лихорадке. К вечеру возвратился

московский доктор, но уже нашел старца безнадежным. Ему вдруг сделалось так плохо, что думали — он уже кончается, и потому о. Иосиф прочитал для него отходную. Решено было, наконец, старца особоровать. Пока шли приготовления к соборованию, было уже 11 часов вечера. И вот скитоначальник о. Анатолий с о. Иосифом и духовником старца о. Феодором начали чин елеосвящения, во время которого батюшка лежал уже без сознания. Тяжелое, хриплое дыхание его, вероятно от скопившейся мокроты, которую старец не имел силы откашлянуть, слышно было за две комнаты. Сестры стояли в приемной и молились. Когда кончилось соборование, стоявшие тут молитвенницы входили к старцу по трое, чтобы взглянуть на свое угасавшее светило и навеки проститься с дорогим, любвеобильным отцом, к которому они привыкли прибегать во всякой скорби, и который всегда так утешал их и ободрял. Едва сдерживая рыдания, боясь нарушить тишину, сестры молча кланялись старцу в ноги и целовали без движения лежавшую его руку, которая горела огнем, заглядывали в лицо, желая яснее запечатлеть в себе дорогие черты, затем тотчас же выходили в противоположную дверь. У некоторых таилась еще слабая надежда, что, быть может, это еще не конец, быть может, снова откроются эти глаза и будут ласково смотреть на них, быть может, рука эта еще не раз осенит их крестным знамением или с отеческою любовью похлопает по голове виновную. Но нет, — то была напрасная надежда.

После 12 часов ночи у старца показалась испарина, и жар начал спадать. Это несколько ободрило всех. Потом он пришел в сознание, и этим моментом воспользовались, чтобы приобщить его Св. Христовых Таин. Это было около двух часов ночи. Приобщал о. Иосиф.

В эту ночь одна из близких учениц старца несколько раз входила вместе с другой монахиней в комнату батюшки посмотреть на больного, и их обеих поражало необыкновенно светлое выражение лица старца. Глаза его были пристально устремлены вдаль, и он как будто бы беседовал с кем-то видимым только одному ему. Весь следующий день старец не терял сознания, выпил несколько глотков кофе, встал с постели, когда понадобилось отодвинуть от стены его кровать, сделал даже несколько шагов к своему столику. Но это было

самое короткое время. Когда подошла к нему настоятельница, он уже опять лежал и, ласково посмотрев на нее, тихо промолвил: «Плохо, мать!» Всем окружавшим его и ухаживавшим за ним, или особенно потрудившимся по исполнению его распоряжений, он выражал в эти дни самую трогательную признательность. Так, будучи еще в силах, он однажды с любовью обнял помогавшего ему по устройству обители о. Иоиля и долго что-то говорил ему, но уже так тихо, что тот ничего не мог понять.

Узнавши о чрезмерной слабости старца, Оптинский настоятель о. архимандрит Исаакий с иеромонахом Макарием приехали в этот день (9 октября) проститься с ним. При виде крайне изнемогшего больного оба они плакали. Батюшка узнал их и, устремив на них глубокий, пристальный взгляд, поднял руку и снял с себя шапочку. Весь этот день, как и в предыдущие дни, сестры непрерывно со слезами молились в храме пред чудотворным ликом Богоматери. Безостановочно служились молебны с коленопреклонением, и все почитатели старца, как один человек, с воплями просили выздоровления своему дорогому батюшке. Но Господь судил иначе!..

И вот в этот столь прискорбный для Шамордина день вдруг получается от Калужского губернатора телеграмма о том, что 10 октября Калужский преосвященный Виталий выезжает из Калуги в Шамординскую обитель. Всем в обители была известна цель этого приезда, и потому это известие привело всех сестер обители в крайнее смущение.

А старцу становилось все труднее. К вечеру у него опять появился сильный жар, а с шести часов он уже не поднимал головы и лежал в одном положении. Всю ночь дыхание его было тяжелое. Глаза были устремлены кверху, а уста быстро шевелились. Как видно было, больной вплоть до утра шептал молитву. Наступило 10 октября. К утру этого дня силы старца совсем оставили его. Он лежал без движения. Глаза опустились вниз и остановились на какой-то точке. Уста перестали шевелиться. Пульс становился все слабее и слабее. Дыхание было редкое, но спокойное.

Видя, что старец совсем приблизился к исходу, о. Иосиф поспешил отправиться в скит, чтобы взять оттуда хранившиеся в келлии старца для его погребения вещи, — мухояровую старую мантию, в которую он некогда был облечен при пострижении, и власяницу, да еще холщовую рубашку старца Макария, к которому батюшка о. Амвросий во всю свою жизнь питал глубокую преданность и уважение. На этой рубашке была собственноручная надпись старца Амвросия: «По смерти моей надеть на меня неотменно».

Нечего и говорить, что в эти последние дни жизни старца братия Оптиной, встревоженные ухудшением в болезненном положении старца, собирались в еще большем количестве, нежели раньше. Многие готовы были оставаться безотлучно, если бы не послушания и краткость отпуска. Когда старец отходил, то в келлии, где лежал умирающий, находились: о. Исаия (ныне ризничий в Оптиной), о. Александр (ныне о. Анатолий — духовник Оптиной и Шамордина), о. Иоиль и другие. Когда в Оптиной получено было известие о выезде преосвященного, то для встречи его был назначен о. Ксенофонт, тогда казначей, а ныне настоятель обители. Выехав из Оптиной, он узнал на пути, что владыка остановится на ночлег в Троицком Лютиковом монастыре. Пользуясь свободным временем, о. Ксенофонт поспешил в Шамордино. Здесь ожидали его самые безотрадные вести: старец кончался. Присоединившись к своим оптинским собратиям, о. Ксенофонт не отходил до самой последней минуты от умирающего старца и удостоился быть свидетелем его блаженной кончины.

В 11 часов дня духовник старца о. Феодор в последний раз прочитал канон Божией Матери на исход души и осенил старца крестом. Лицо старца покрылось мертвенною бледностью. Дыхание становилось все короче и короче. Наконец, он сильно потянул в себя воздух. Минуты через две это повторилось. Затем, по словам очевидцев, старец поднял правую руку, сложив ее для крестного знамения, донес ее до лба, потом на грудь, на правое плечо и, донеся до левого, сильно стукнул о левое плечо, видно потому, что это ему стоило большого усилия. Потом он еще вздохнул в третий и последний раз... Было ровно половина 12-го часа дня... Земная жизнь старца кончилась.

Долго еще стояли окружавшие одр мирно почившего старца, боясь нарушить торжественную минуту разлучения праведной души с телом. Все находились как бы в оцепенении, не веря себе, не понимая, что это — сон или правда. Но святая душа его уже отлетела в иной мир, дабы предстать престолу Всевышнего в сиянии той любви, которою он полон был на земле. Светел и покоен был его старческий лик. Неземная улыбка озаряла его.

Едва только все опомнились, как поднялся страшный вопль и рыдание. Весть о кончине старца с быстротою молнии облетела весь монастырь, и раздирающие душу крики шамординских насельниц слились в один какой-то общий ужасающий стон беспомощности и безнадежности. Потом этот первый взрыв страшного горя немного поутих и перешел в тихую скорбь.

Отец Ксенофонт тотчас по кончине старца, выйдя в соседние комнаты и едва слышным от волнения голосом сообщив о великом горе толпившимся тут почитателям старца, поспешил с этим печальным известием, не мешкая, в Оптину. Печальный гул большого колокола возвестил оптинцам о горестном для них событии, и повергнутые в несказанное горе братия потянулись в собор на первое «аллилуиа» по новопреставленном старце Амвросии, а о. Иосиф, взяв все необходимое для опрятания, сейчас же выехал, спеша поспеть к поостывшему телу дорогого наставника, чтобы в последний раз послужить ему и облобызать, если возможно, его еще теплую руку.

Между тем в Шамордине началось приготовление тела старца к погребению. Как раз к этому времени возвратился из скита иеромонах Иосиф с нужными для опрятания старцева тела вещами и с монахом Гавриилом, обязанным за послушание опрятывать тела покойников. Сначала, по завещанию старца, надели на него холщовую рубашку старца Макария, потом сверх этой рубашки власяницу, а затем уже, по обычаю, прочие монашеские одежды и схиму. Пока монахи опрятывали тело, тут же рядом читали Псалтирь. Опрятанное тело на тюфяке руками старцевых учеников вынесено было в зал настоятельницы. При виде безжизненного, холодного тела дорогого отца, сестры снова разразились громкими рыданиями. В зале тело

было положено на приготовленный стол, и сейчас же совершена была первая панихида о упокоении новопреставленного старца иеросхимонаха Амвросия.

Тотчас же, по случаю кончины старца, разослано было множество телеграмм в разные концы России ко всем особенно близким к нему почитателям и духовным его детям.

Отправлена была телеграмма и в Калугу к местному епископу, преосвященному Виталию, но она уже не застала его в Калуге. В самую минуту кончины старца Амвросия владыка выезжал из Калуги, направляясь в Шамординскую общину. Как болезненный человек, отъехав от Калуги только 28 верст, он остановился для отдыха и ночлега в находящемся на пути Перемышльском Троицком Лютиковом монастыре. Здесь и было получено им известие о кончине старца. Преосвященный с настоятелем монастыря сидели в зале, беседа о разных предметах; между прочим, преосвященный высказывал неудовольствие, что старец, по его выражению, не имеет послушания высшей власти. Как раз в это время келейник подал о. настоятелю телеграмму. Тот, ничего особенного не подозревая, тут же в присутствии владыки раскрыл телеграмму. Но лишь только прочитал он, что старец иеросхимонах Амвросий скончался, руки у него задрожали и слезы полились из глаз. Глядя на него, преосвященный спросил: «Что там такое?» — «Грустное известие, ваше преосвященство!» — «Да что такое?» — Вместо ответа настоятель подал преосвященному телеграмму. Взглянув в нее, епископ сказал: «Это что же такое? Старец скончался?» — «Как видите», — ответил настоятель. Владыка был поражен. Он обратился к св. иконам, всплеснул руками и воскликнул: «Боже мой! Что же это такое? Неисповедимы судьбы Господни!»

Наутро вместо Шамординской общины преосвященный выехал в Оптину пустынь. Здесь он узнал, что старец скончался в половине 12-го часа дня, в то самое время, когда он садился в экипаж для того, чтобы выехать из Калуги.

«Теперь я вижу, что это старец пригласил меня на отпевание. Простых иеромонахов епископы не отпевают; но этот старец так велик, что его

неприменно должен отпеть епископ. Меня доктора отпустили с условием, чтобы я нигде не служил; но теперь я считаю обязанностью отпеть старца», — сказал владыка.

Между тем в Шамордине тело старца Амвросия было переложено иеромонахами в простой, обитый простою черною материей гроб и покрыто до половины также простым, общим для всех монастырских покойников покровом. Сестры попеременно читали Псалтирь, и всякий раз, когда произносилось имя «новопреставленного отца нашего, старца иеросхимонаха Амвросия», все находившиеся в зале клали земные поклоны. На следующий день, 11 октября, как в Шамординской общине, так и в Оптиной пустыни, и во многих других местах совершены были по старцу Амвросию заупокойные литургии. Во втором часу дня отслужили последнюю над телом в келлии панихиду, и затем гроб с телом почившего был вынесен из настоятельского корпуса в церковь, где продолжалось чтение Псалтири, и неумолчно пелись панихиды, при неутешном плаче наполнявших храм духовных чад и почитателей старца.

Вследствие разосланных телеграмм и распространившихся известий со всех сторон начинали прибывать в Шамордино почитатели старца, желавшие присутствовать на его погребении, так что всего ко дню погребения скопилось в Шамордине до восьми тысяч человек.

Между тем из любви и уважения к почившему старцу между Оптиной и Шамординым возникло недоразумение по вопросу о том, где погребсти тело дорогого для обеих сторон покойника, в Оптиной или в Шамордине. По распоряжению Св. Синода тело должно было быть предано земле в Оптиной пустыни.

Всю следующую на 12 октября ночь у гроба почившего, по желанию сестер и посетителей, непрерывно совершались панихиды. Народ во все время, пока открыто было тело почившего, приносил платки, куски холста и другие вещи, прося приложить их к телу старца, и принимал их обратно с верою и благоговением, как святыню. Некоторые матери прикладывали к нему своих маленьких детей.

12 октября, в субботу настоятелем Лихвинского Покровского Доброго монастыря игуменом Агапитом^[67], прибывшим к погребению старца, его бывшим письмоводителем и учеником, отслужены были соборные молебны с акафистом пред чудотворною Казанскою иконою Божией Матери^[68], литургия и панихида над гробом старца. Затем опять продолжались весь день и ночь частные панихиды.

13 октября, в воскресенье, назначено было преосвященным Виталием отпевание в Бозе почившего старца иеросхимонаха Амвросия. День был ясный и теплый, какие редко бывают в октябре. Яркие лучи утреннего солнца обливали блеском тихую Шамординскую обитель и, проникая через окна в церковь, весело играли на золотых украшениях иконостаса и на больших подсвечниках, стоявших около гроба. Вся церковь и площадь перед церковью были заполнены густою толпою народа. Все имело вид не присутствия в храме покойника, а какого-то необыкновенно светлого, духовного торжества.

Наконец, в половине девятого звон колоколов возвестил приближение архипастыря, имевшего ночлег в Оптиной пустыни. Подъехав к корпусу, где ему приготовлено было помещение, он спросил: «Где находится тело почившего старца?» Узнав же, что оно находится в церкви, владыка пожелал прежде всего поклониться ему и, не входя в дом, пошел пешком в церковь. Между тем, в церкви не ожидали в это время преосвященного и пели панихиду. Владыка неожиданно вошел в храм как раз в то время, когда по окончании непорочных пели «аллилуиа» и, таким образом, исполнились слова почившего старца, ответившего на вопрос сестер о том, что петь владыке при входе его в церковь: «Мы споем ему аллилуиа».

Сестры, увидев преосвященного в церкви, не выдержали натиска воспоминаний и громко разрыдались.

Потом, придя в себя, они начали петь владыке входное. Владыка прошел в алтарь, приложился к св. престолу и к св. иконам, подошел ко гробу, низко поклонился, трижды осенил усопшего крестным знаменем и удалился из храма.

Спустя несколько времени преосвященный снова прибыл в церковь для служения Божественной литургии и на этот раз был встречен установленным порядком: двумя архимандритами, двумя игуменами и четырьмя иеромонахами, готовившимися к сослужению с ним. За литургией на правом клиросе пел хор архиерейских певчих, а на левом — сестры общины. После причастного стиха, с благословения преосвященного, на амвон вышел студент Московской духовной академии иеромонах Григорий (Борисоглебский), нарочито прибывший из Сергиева Посада на погребение старца Амвросия, и произнес прекрасное слово, ясно обрисовавшее значение покойного старца как в частности для Оптиной пустыни и Шамординской общины, так и вообще для монашества и для всей России. Слова проповедника нередко заглушались рыданиями слушателей.

Проповедник говорил: «Не удивляйтесь сему многочисленному стечению молящегося народа... В этой бедной обители жил человек, которого знала вся святая Русь, к которому издавна еще шли несметные толпы народа со всех ее концов... Имя этого человека было известно и в царских палатах, и в деревенских избах. Это — батюшка, старец Амвросий, великий пастырь-печальник Русской земли. Он-то и привлек сюда ныне сей великий сонм его почитателей...

В чем же заключались заслуги этого человека? Он возвращал падшим людям образ Божий, учил покаянию. Печальник Русской земли умел заставить плакать тех, которые забыли слезы с самого детства, плакать слезами умиления, слезами покаяния, слезами возрождения к новой духовной жизни... И потому скорби, святая Русь! Ты лишилась в этом нищем духом и телом отшельнике, своего великого печальника, любившего тебя всею силой христианской любви, отдавшего тебе всю свою жизнь и, можно сказать, принесшего тебе ее в жертву. Уж больше ты не придешь к о. Амвросию со своими скорбями и горестями за утешением, не пошлешь к нему своих Достоевских и Толстых поучиться у простого монаха высшей науке: умению жить по-человечески, по-христиански. Возрыдай горько, святая Оптинская обитель! Ты лишилась своего старца, который был носителем святых преданий старчества, издавна украшавшим тебя...

Уж больше вы, оптинские иноки, в минуты, когда тяжесть иноческого креста сильнее сдавит силы вашего духа, когда душа восскорбит и востоскует глубже обыкновенного, не пойдете за верным облегчением к дорогому батюшке о. Амвросию. Плачь горькими слезами и ты, здешняя Шамординская община! В почившем ты лишилась своего духовного отца, который любил тебя всею силою своей самоотверженной пастырской любви. Он тебя родил рождением духовным на свет Божий; он, как нежная мать, лелеял тебя во дни твоего младенчества; он отдавал тебе все стекавшиеся к нему пожертвования; он устроил тебе сей храм святой; он отдал тебе все последние дни своей многострадальной жизни, которые провел в твоих стенах, чтобы на закате своих дней, своим присутствием, своим глазом и словом сильнее вдохновить трудящихся над твоим устройством духовным и телесным».

Далее проповедник напоминал слушателям заветы старца и убеждал их следовать им. Обращаясь к православным мирянам, он говорил: «Итак, забывающий Бога христианский мир! Приди сюда и посмотри, как нужно устроить свою жизнь. Опомнись! Оставь суету мирскую и познай, что на земле нужно жить только для неба... Не думай, что жить на земле только для Бога — нельзя. Се гроб, который обличит тебя...

Оставив мир, родных и знакомых, о. Амвросий еще смолоду пошел в монастырь, где, живя в убогой келлии, питаясь самою скудною пищею, когда достаточно окреп в борьбе с плотским человеком, всего себя отдал на служение ближнему. С утра до вечера он жил только на пользу ближних. Он никому и никогда не отказывал в советах. Со всеми обращался ласково. Часто к вечеру у больного старца до того утомлялся язык, что он не мог даже и говорить. А сколько он благодетельствовал! Скольких людей он поднял на ноги не одним только советом, но и денежною помощью! А посмотрите на эту обитель: ее создала и воспитала его любовь. Он жил жизнью других, радовался и печаловался радостями и печалью ближних. У него, можно сказать, не было своей личной жизни. Итак, христианин, приди к этому гробу и научись тому, что на земле надо жить только для неба, что такое

жизнеустроение возможно и осуществимо, и что основание этой жизни — в полном, деятельном самоотречении во благо ближних».

Обращаясь затем к инокам, проповедник сначала изображает старца Амвросия как высокого подвижника и молитвенника. «Его тесная келлия, — говорит он, — расскажет вам, как этот постоянно болеющий, почти всегда умирающий старец, утомленный непрерывно тянувшейся дневной беседой с посетителями, с измученной грехами каявшихся пастырской совестью, бывало, став на постели, внимательно, слезно выслушивал всенощную. А сколько одиноких теплых молений, горьких слез, глубоких поклонов видели эти стены! Это их тайна! Да, это был подвижник, каких можно редко найти. И теперь его мертвые уста вслух всего иночества вещают об усиленно строгом хранении иноческих обетов и уставов.

Но в отце Амвросии была еще одна черта, высшая черта христианского подвижничества, которая несколько забыта в последнее время, но которой иноки должны поучиться у почившего. Живя вне мира и бегая его, он умел жить для него... Поверьте, что ни в одной приемной комнате любого мирского человека, пастыря или сановника, не перебивало столько мирян, сколько побывало их в тесной, убогой келлии этого отшельника. Поверьте, что этот весь во зле лежащий мир ни от кого не получил столько советов и наставлений, и письменных, и устных, сколько дал их ему усопший... Он умел силою своей веры и любви раздвигать тесные стены своей келлии на необъятные пространства. Он, как пастырь, знал, что там, в грешном, но ищущем Бога мире много алчущих и жаждущих Христова слова любви и веры, любил этот мир и отдал ему всю свою жизнь... К нему шли из мира все труждающиеся и обремененные, и он успокаивал их».

В этом служении любви иноки должны подражать старцу... «И ты, иночество, служи, служи искренно и беззаветно, как служил покойный о. Амвросий мирскому люду. Благоговейно, с чувством горячей, слезной любви совершай службы Божии. Где мирянину, как не в монастыре, послушать настоящей службы, справляемой по уставу? Где ему послушать настоящего, истинно-церковного, древнерусского пения, как не в храмах святых обителей? И ты, иночество, свято храни

устава и церковное пение и служи сим миру. Где мирянин настраивается особенно религиозно? Опять в монастыре. Идет он в стены св. обители, где почивают ли мощи св. угодника, пребывает ли чудотворная св. икона, идет, и благоговейного страха полна его душа. Он прислушивается к каждому звуку, он назидается каждою надписью, каждой священной картиной. Знай это, иночество, и благоговейно храни эту религиозную настроенность мирянина. Служи ему в обители всем, чем можешь, проповедай ему неустанно; поверь, что монастырскую проповедь он сохранит надолго, пройди с ним по всем своим святыням, по всем церквам, все покажи и расскажи ему. Прими под свой кров убогого, больного, сироту. Когда ты, инок или инокия, станешь на молитву, то не забудь усердно помолиться и за грешный мир: ему нужна твоя молитва. Итак, русское иночество, помни и свято блюди посмертный завет старца Амвросия: люби и грешных людей и служи им, чем можешь».

Обращаясь, наконец, к пастырям Церкви, проповедник и их приглашает поучиться у старца, поучиться прежде всего его высокому духовному настроению, которое не всегда можно найти у современных пастырей. «Сравните вы отношение пасомых к любому священнику и приходящих к покойному старцу. Там они — каждый — твердо помнят свое положение и звание: мужик подходит после барина, богатый прежде бедняка. Придите вы к священнику в семью как знакомый; зачастую вы просидите целый вечер и не услышите ни слова о духовном, о Церкви, о Небе; все те же разговоры о мирском, что и у вас.

Не так у старца. Пред ним всякий человек чувствовал себя только мирянином; княжеские титулы и графские достоинства, слава, и богатство, и знатность, преимущества образования — все оставалось за порогом его келлии... Все говорили с ним, и он всем говорил лишь о духовном; сказанное им что-либо и житейское непременно истолковывалось, как речь о чем-либо духовном... На батюшку смотрели только, как на служителя Бога... Он был врач больной совести.

Но еще больше надо поучиться у старца его всеобъемлющей пастырской любви, той любви, которая, по апостолу, *долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине*».

Сказав еще несколько утешительных слов шамординским сестрам по поводу того, что у них не будет могилы столь любимого ими старца, и посоветовав им «бережно хранить в целостности и чистоте духовный образ почившего, что будет и ему приятно, и им полезно», проповедник закончил свое слово, произведшее на всех слушателей сильное впечатление.

По окончании литургии преосвященный Виталий и с ним 28 священнослужителей, все в белых облачениях, выступили на средину храма для отпевания... Величественно и трогательно было это священное зрелище. Благоговейное служение архипастыря, стройное пение обоих хоров, трогательные песнопения погребального монашеского чина, множество молящихся с горящими в руках свечами, и, наконец, среди блестящей обстановки, бедный гроб с лежащим в нем, повитым схимою, дорогим для всех присутствующих покойником, — все это производило на всех потрясающее впечатление. Многие плакали навзрыд. Пред пением «Со святыми упокой» студент Московской духовной академии иеромонах Трифон^[69], лично знавший почившего и бывший его послушником и учеником и вместе с иеромонахом Григорием нарочито прибывший к погребению старца, произнес краткую, но глубоко прочувствованную речь. Отметив удивительное, поистине чудесное обстоятельство, как постоянно умирающий старец непрерывно воскрешал омертвелый дух своих ближних, и указав некоторые случаи своих личных отношений к усопшему, проповедник живо и душевно обрисовал основную черту настроения старца — его христианскую ко всем любовь.

Это — «не та пристрастная, языческая любовь, любящая только любящего ее и делающая добро только тем, которые почему-нибудь полезны или приятны для нее. Но та любовь, которая во всех людях видит прежде всего образ и подобие Божие, — и любит его, и плачет

об его искажениях, если замечает их. И не гордым словом упрека встречает слабости и немощи человеческие, но все их несет на себе. Та любовь, которая душу свою кладет за ближних своих, выше которой, как засвидетельствовано словом Божиим, ничего не может быть. Та любовь, которая заставила одного святого в молитвах с дерзновением воззвать к Богу: „Господи, если я приобрел благодать пред Тобою, если я достиг Царства Небесного, то вели и братьям моим войти со мною; а без них и я не пойду туда...“ Вот этою-то любовью было проникнуто все существо батюшки»...

Как на одну из особенностей нравственного облика старца Амвросия, о. Трифон указал на его любовь к детям. «Пусть близко стоявшие к делу расскажут, в каком иногда ужасном виде поступали дети в основанный им детский женский приют. Всех принимали и всем давали истинно-христианское воспитание, и некоторые из них соделались уже невестами Христовыми.

Надо было видеть нашего батюшку посреди детей, окружавших его, обнимающих и ласкающих, — как был он тут особенно трогателен, как часто видели мы тут его слезы душевного умиления»... Свою речь о. Трифон заключил поклонением гробу старца.

Настал, наконец, час обычного прощания с покойным. Раздались печальные, стройные звуки дивно высокой священной песни «Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему»... Снова вопли и рыдания огласили храм.

Первым подошел ко гробу преосвященный. Он взял лежавшую на аналое пред гробом Казанскую икону Божией Матери и с глубоким молитвенным чувством трижды благословил ею усопшего, низко поклонился ему, облобызав его главу и руки и еще троекратно благословил его своим святительским благословением. За владыкой стали прощаться духовенство, настоятельница, сестры и народ.

Долго длилось это искреннее, слезное последнее целование. Наконец, уже около трех часов пополудни, преосвященный сделал отпуст. Провозглашена была старцу вечная память. На тело почившего о Господе возлит был владыкою крестообразно елей с вином,

освященный во время соборования, и посыпана была, по чину Св. Церкви, земля. Затем тотчас же наглухо прибита была гробовая крышка. В три часа все окончилось. Священнослужащие во главе с владыкою и прочие гости отправились в покои настоятельницы, а гроб остался на прежнем месте, и опять начались непрерывные панихиды...

Всю ночь с воскресенья на понедельник Шамординский храм был полон народа. Около гроба почившего старца, как и прежде, горело множество свечей. То и дело клубился фимиам, пелись панихиды, а в стороне продолжалось чтение Псалтири. Почитатели старца безостановочно прикладывались ко гробу.

14-го, в понедельник, заупокойную литургию совершил скитоначальник иеромонах Анатолий соборне. По окончании литургии и панихиды, в 11-м часу дня, гроб был поднят руками сестер, поставлен на носилки и, в преднесении св. икон и хоругвей, сначала обнесен был вокруг церкви, а затем через монастырь, мимо настоятельского корпуса и заложенного старцем каменного собора, направился [процессия направилась] в Оптину пустынь.

Погода в этот день была ненастная. Холодный осенний ветер насквозь пронизывал путников, а непрерывный дождь, то стихая, то усиливаясь, совершенно растворил землю.

Гроб несли попеременно то сестры общины, то оптинские монахи, то мирские лица, желавшие до самого конца оказать свою любовь и преданность к своему почившему наставнику. Тысячи народа, на протяжении более версты, шли и ехали за гробом. Шествие было медленное. Часто, несмотря на дождь и холод, останавливались для совершения заупокойных литий. Когда подходили к лежащим на пути селам, в церквах начинался погребальный колокольный перезвон. Священники в облачениях, с хоругвями и иконами, выходили навстречу. Выступали поселяне, молились, многие из них целовали гроб покойного и затем присоединялись к погребальному шествию.

Таким образом, по мере приближения к Оптиной пустыни, толпа все росла и росла. Замечательно, что горевшие свечи, с которыми несли

тело покойного старца, во все продолжение пути, несмотря на сильный дождь и ветер, не угасали.

Наступал вечер, и уже несколько стемнело, когда гроб старца проносили через последнюю деревню Стенино, находящуюся в версте от Оптиной.

Уныло гудел большой семисотенный оптинский колокол, редкими мерными ударами потрясая воздух и далеко разнося печальную весть о наступлении момента последнего прощания с усопшим великим старцем. Из города Козельска навстречу погребальному шествию выступило местное духовенство и многие горожане. Высоко над головами народа, сквозь вечерний полумрак, виднелся черный гроб, таинственно освещаемый ярким пламенем горевших свечей. Колеблясь от шествия несших его, он точно плыл по воздуху. Поистине, это трогательное печально-торжественное перенесение тела почившего старца, по замечанию многих, скорее походило на перенесение мощей и производило на всех присутствовавших умирительно-благодатное впечатление.

На неширокой реке Жиздре, протекающей под самым монастырем, через которую обычно переезжают на пароме, на этот раз временно устроен был мост.

Сюда-то, навстречу усопшему старцу, вышел из монастыря крестный ход во главе с двумя архимандритами и в сопровождении множества монашествующих и мирян. Величественное было зрелище, когда перенесенный через мост гроб старца внесен был в ряды многочисленного сонма священнослужителей в блестящих облачениях, и несметные толпы народа с той и другой стороны соединились вместе. Похоронный перезвон колоколов, пение певчих, развевавшиеся хоругви, и это необозримое множество народа и впереди, и сзади, далеко-далеко за рекой, и, наконец, этот бедный гроб, к которому устремлены взоры всех присутствующих, к которому неслись со всех сторон сердечные вздохи, с горячей мольбой о упокоении души почившего в небесных обителях, с тайною скорбью сердца о потере дорогого отца и с прошением его ходатайства у

престола Всевышнего Отца Небесного, — все это поражало сердца всех, собравшихся отдать последний долг старцу.

Было пять часов вечера. Шествие направилось к Святым вратам обители. Внесенный в обитель гроб с телом почившего старца поставлен был в холодном Введенском соборе, который блистал праздничным освещением. Настоятель обители о. архимандрит Исаакий, в сослужении нескольких иеромонахов, совершил панихиду над почившим. Спустя немного времени началось торжественное всенощное бдение в теплом Казанском храме, между тем как в Введенском храме, где оставалось тело старца, непрерывно всю ночь совершались панихиды и шло прощание народа с почившим.

На следующий день, 15 октября, гроб перенесен был в Казанский храм. В десятом часу началась литургия, которую, несмотря на свое слабое здоровье, совершал опять сам преосвященный Виталий, в сослужении двух архимандритов Моисея и Исаакия, трех игуменов и пяти иеромонахов. На правом клиросе пел хор архиерейских певчих, а на левом — монастырских.

В конце Божественной литургии владыка, обратившись к народу, произнес прекрасную, трогательную речь, в которой изобразил сущность старчества и живо обрисовал нравственный облик доблестного хранителя заветов старчества — о. иеросхимонаха Амвросия.

По окончании литургии преосвященным отслужена была панихида, в которой участвовали сорок священнослужителей, все в белом парчовом облачении. В конце панихиды, после 9-й песни, еще раз выступил с кратким прощальным словом к старцу иеромонах Григорий (Борисоглебский). В этом слове он выразил старцу последнее приветствие от лица Московской духовной академии, с которой старец имел живые, духовные отношения, и для которой он всегда был высоким примером веры и жизни и духовным руководителем. «Мы, питомцы духовных школ, — говорил о. Григорий, — готовящиеся к пастырству, и наши руководители смотрели на тебя, как на образец и пример пастырствования. Начальники, наставники и питомцы нашей Московской академии, все были при твоей жизни проникнуты

чувством благоговейного уважения к тебе, многие из них пользовались твоими советами, и ты, любя духовное юношество, умел поселять в обращавшихся к тебе истинный дух пастырства — аскетический, самоотверженный, дышащий любовью. Поверь же, что память о тебе русское духовенство, русское духовное юношество сохранит всегда свято и благоговейно».

Свое слово юный проповедник-студент заключил земным поклонением усопшему старцу.

После панихиды гроб почившего поднят был на руки священнослужителями, и, в преднесении св. икон и хоругвей, погребальное шествие направилось к приготовленной могиле. За гробом шествовал преосвященный в полном архиерейском облачении с прочими священнослужителями. Печальный похоронный перезвон, сливаясь с пением погребальных песнопений, сопровождал тело святопочившего старца к месту его последнего земного упокоения. Могила для старца Амвросия была приготовлена рядом с могилой его великого учителя, старца иеросхимонаха Макария, близ юго-восточной стены летнего Введенского собора.

После заупокойной литии, совершенной владыкой, и по возглашении почившему вечной памяти, гроб был опущен в могилу.

Когда батюшку схоронили, замечает один наблюдатель из светских лиц, кто-то из ближайших к нему монахов^[70] стоял у могилы, сложив руки на груди крестообразно и опустив глаза. Все отправились в трапезу. Прошло часа два времени. Тот же монах все еще стоял в том же самом положении у могилы батюшки.

Удивительно при этом, говорит тот же наблюдатель, что в обоих монастырях (Оптинском и Шамординском) скорбь о батюшке, хотя и глубока и искренна, но вместе с тем светла и не безнадежна.

С самым близким к батюшке лицом можно говорить о нем. Все спокойны, сдержанны и делают свое дело. Только иногда как-то с болью передернется лицо монаха, или застанешь его в тяжелой задумчивости. А иногда, среди разговоров о старце, кто-нибудь вдруг

тихо промолвит со вздохом: «Эх, батюшка, батюшка!» И столько покорной скорби послышится в этих коротких словах! С кем ни заговоришь о нем, все его любят, все им облагодетельствованы... «Да кого он-то не любил?» — Вот общий, единодушный голос.

Кстати, приведем здесь отрывок из стихотворения, посвященного памяти почившего старца, одной из монахинь Шамординской обители:

*Почил наш старец! Смолкло слово!
Угас светильник на земле!
Погас, чтоб возгореться снова
В далекой горней стороне...
Сложил тяжелое он бремя
Великих пастырских трудов,
Настало радостное время —
Свобода от земных оков...*

.....
*О, горе нам! Как одиноко,
Как мрачно стало на земле!..*

.....
*Кто в усыпленьи нас пробудит?
В смятеньи кротко утишит?
Мысль непокорную осудит,
А покаянную простит?..
Но верим мы: ты не оставишь,
Ты не покинешь до конца,
И души чад своих представишь
Престолу Вечного Отца!..
Не твой ли голос раздается
В душе покинутых детей?
Теперь призывом он несется
Из горней родины своей...
Не то же ль бдительное око
Нас зрит с твердыни голубой,
Что проникало здесь глубоко
В изгибы совести больной...*

Так закончилось земное странствование приснопамятного оптинского старца, о. иеросхимонаха Амвросия! Закончилось земное странствование, но не закончилась, а только началась его истинная, вечная и, веруем, блаженная жизнь на Небе.

Веруем в это потому, что уже здесь, на земле, в нем очевидно для всех светился отблеск небесной блаженной славы, светился в чертах его нравственного облика, светился в той невыразимой отраде и душевном мире, которые он проливал в душу каждого человека, приходившего с ним в близкое или отдаленное духовное соприкосновение, светился в том глубоком нравственном обновлении и возрождении, которое совершалось в людях иногда под влиянием одного только слова или взгляда о. Амвросия, светился, наконец, в тех особенных, благодатных дарованиях прозорливости и чудотворения, которые, по общему единодушному свидетельству очевидцев, были присущи старцу Амвросию. Вот об этих-то его дарованиях мы и хотим сказать теперь, когда мы уже закончили наше повествование о земном странствовании старца, ибо они вводят нас в область уже не временной, земной, а вечной и небесной жизни старца и с особенною ясностью удостоверяют нас в том, что батюшка о. Амвросий, согревавший столь многих своею любовью здесь на земле, не перестает и не перестанет заботиться о нас и по своем переселении в небесные обители, потому с тем большим упованием и дерзновением мы и можем просить его святых молитв о нас пред Престолом Божиим, особенно же в тех или других скорбных и трудных обстоятельствах нашей жизни!

•

Глава XI. ОСОБЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ БЛАГОДАТНОЙ СИЛЫ БОЖИЕЙ В СТАРЦЕ О. АМВРОСИИ

И рече ми: довлеет ти благодать Моя: сила бо Моя в немощи совершается.

(2 Кор. 12, 9)

Все знавшие батюшку о. Амвросия единогласно говорят о свойственном ему даровании прозорливости. Для него не существовало тайн. Незнакомый человек мог придти к нему и молчать, а он знал его жизнь и ее обстоятельства, его душевное состояние и зачем он сюда пришел. Отец Амвросий расспрашивал своих посетителей, но внимательному человеку, по тому, как и какие вопросы он ставил, было ясно, что батюшке известно дело. Так, однажды к нему подошел молодой человек из мещан с рукой на перевязи и стал жаловаться, что никак не может ее вылечить. У старца был еще один монах и несколько мирян. Не успел тот договорить: «Все болит, шибко болит», — как старец его перебил: «И будет болеть, зачем мать обидел?»

Калужский преосвященный Макарий передавал о себе следующее. Когда он был еще мирским священником, законоучителем в Орловском институте благородных девиц, пришлось ему вместе с ректором Орловской духовной семинарии быть в Оптиной пустыни у старца Амвросия. Побеседовав с гостями, старец на прощание подарил им обоим по книжке одинакового содержания, именно о монашестве. «Я, как священник, — говорил владыка, — подумал тогда: к чему мне такая книга?» И старец, как бы опомнившись, сказал: «Да, вам бы не то», — но затем присовокупил: «Ну да, так и быть». По времени, овдовев, бывший священник и законоучитель, как известно, принял

монашество. Иеромонах Оптиной пустыни Дорофей рассказывал, что однажды пришел он к старцу и долго дождался его приема. Было уже десять часов вечера. Сидит он и думает: «Вот все называют старца святым. А какая это святость, когда заставляет так долго дожидаться своего выхода. Придется из-за этого и правило вечернее опустить, и утреню проспять. За всех ему грех будет». Вдруг слышит он в эту минуту голос старца из его келлии: «Сейчас, сейчас!» Смотрит, выходит батюшка. Благословивши его, берет его за бороду и, слегка ударяя по щеке, говорит: «Вот монахини иногда по месяцу живут в гостинице, дожидаясь, пока мне придется их принять. Другая, может быть, приехала за тысячу верст и тоже терпит и дожидается. Их нужно вперед отпустить. Из-за них я отказываю иногда и братьям в приеме. Всех сразу я не могу принять. А ты и немного не хочешь подождать! Мне одному за всех грех будет!» Вразумленный словами старца, о. Дорофей спокойный и радостный пошел от него в свою келлию и уже никогда не дерзал роптать на него, если иногда и подолгу приходилось дожидаться его выхода.

Отец иеромонах В. рассказывал о себе следующее: «По окончании курса в Смоленской духовной семинарии, я занял место священника в с. Чеботове Дорогобужского уезда. Имя мое было Виктор Дьяконов. Вскоре заболела моя жена, по-видимому, впрочем, не опасно. Заходит в это время к нам в дом странник, который держал путь в Оптину пустынь. Я послал с ним рубль денег для передачи батюшке о. Амвросию, прося его помолиться о болящей. По приходе странника в монастырь старец, при свидании с ним, спрашивает его: „Ты тем же путем назад пойдешь?“ Тот отвечает: „Тем же“. — „Зайди же опять к о. Виктору, — говорит ему батюшка, — и благодари его, что он меня помнит. Скажи, что и я его не забыл“. Замечу при этом, что, будучи еще воспитанником среднего отделения семинарии, я был у о. Амвросия лично на благословении. Поступив же во священника, всегда поминал его на проскомидии. Старец это и припомнил. „Подвиг его ждет, — продолжал старец. — Пусть возвращает сад и чаще поливает, — плодов много будет. Июль месяц будет для него скорбный; мы увидимся с ним“. 29 июля того же года скончалась моя жена, и я отправился в Оптину пустынь. Прихожу к старцу, а он подает мне четки и книгу „Царский путь Креста Господня“ и велит готовиться к

монашескому чину — продать все пожитки, какие у меня были, и подать прошение владыке об увольнении в заштат по болезни, что я и исполнил. Прибыв затем к батюшке в скит, я в непродолжительном времени был пострижен в мантию».

Тот же иеромонах В. рассказывал о другом окончившем курс Смоленской духовной семинарии, Павле Семеновиче Соколове. По окончании семинарии он занял место сельского учителя и несколько раз лично просил у старца Амвросия благословения поступить в священники. Но батюшка всегда отклонял его просьбу, советуя подождать. Прошло так два года. Павел Семенович вновь обратился к батюшке письменно, выражая желание занять место священника в городе Вязьме. Старец на этот раз отвечал ему: «Над тобою терновый венец висит, и скоро он на тебя низойдет, — подожди». Так и случилось. Спустя месяца два Павел Семенович заболел и скончался.

Монах И. рассказывал о себе: «Находясь в миру, я был женат, но через четыре года овдовел. В это время брат мой отправился в Оптину к старцу Амвросию, и я пожелал через брата узнать, как старец благословит мне жить. Возвратившись, брат передал мне ответ старца: „Пусть годок подождет жениться и приедет к нам“. Подумал я: „Не хотят ли меня сделать монахом?“ Я тогда не имел намерения поступать в монастырь. Год прошел, и я вступил во второй брак, не побывав предварительно в Оптине и не получив от старца на это благословения. Но прошло три с половиною месяца, и вторая жена моя умерла. Через два месяца после сего я поехал в Оптину. Прихожу к старцу. Он мне и говорит: „Поди сюда. Где твоя жена? Почему ты не послушался меня?“ Я отвечаю: „Простите, батюшка! Вот я приехал спросить вас о том, должен ли я жениться или поступить в монастырь?“ Батюшка на это сказал: „Третьего брака нет. Прямой твой долг оставаться в монастыре и быть монахом“. После этого я вернулся домой, а через два месяца уже совсем прибыл в Оптину и поступил в число братства в скит».

По словам скитского монаха Г., был в скиту уставщик иеромонах о. Палладий. Отслужил он однажды в скитской церкви в воскресный день литургию, чувствуя себя здоровым. Но вот батюшка в тот же день

присылает к нему келейника и велит ему немедленно особороваться и постричься в схиму. Отец Палладий был очень этим удивлен и сказал келейнику, что он здоров. Батюшка еще в другой и третий раз присылает к нему келейника с тем же предложением, но тот продолжает отказываться. Наступил понедельник. Утром в этот день батюшка в четвертый и последний раз присылает к о. Палладию келейника опять с тем же предложением. Но пока он делал приготовления к соборованию, с ним сделался удар. Впрочем, хотя отнялся у него язык, однако он был в памяти. Его успели особоровать и причастить Св. Христовых Таин. Вечером в тот же день он и скончался.

Рассказывал о себе монах Геннадий: «Сильно смущали меня хульные помыслы. Пришел я по этому случаю к батюшке о. Амвросию поздно вечером, — было уже темно. Вышел батюшка в коридор и начал поочередно благословлять братию, стоявшую на коленях. Подходит и ко мне. Лица моего он не мог видеть в темноте, но вдруг, обращаясь ко мне, говорит: „Ты что?“ И начал по лицу моему гладить рукой, как бы смывая с него грязь, и затем благословил, ничего мне не сказав. Но я внезапно почувствовал, что на душе у меня стало легко. Помыслы хульные отступили от меня, и радость наполнила мое сердце».

Замечательный случай рассказывала о себе монахиня Белевского монастыря Варвара Энгельгардт: «В 1875 году брат мой, окончив курс в Михайловском артиллерийском училище, поступил на службу офицером в артиллерию. Затем, через два года, в 1877 году, он назначен был в состав действующей армии против турок. В то время ему было около 20 лет. Сама я тогда была в Зосимовской пустыни Верейского уезда Московской губернии. Однажды я получила письмо от одного из товарищей моего брата, в котором он сообщил мне ужасную весть о том, что брат мой застрелился. В страшном горе я отправилась в Оптину пустынь к старцу Амвросию. Являюсь к нему вся в слезах и все рассказываю. Батюшка, как мог, постарался меня утешить. На вопрос мой: „Можно ли мне молиться за брата?“ — батюшка отвечал, что Церковь за самоубийц не молится, но что он даст мне молитву, по которой можно мне келейно молиться за брата.

Прихожу я к нему на другой день. Батюшка встречает меня радостный и объявляет, что брат мой жив и здоров. На вопрос мой: „Увижу ли я его?“ — батюшка отвечал, что узнаю о нем лет через десять.

Предсказание батюшки исполнилось. Через 10 лет я получила из Америки письмо от брата, который извещал меня, что он жив и здоров и просит у меня прощения, что так долго не давал о себе никаких известий».

Одна из преданных духовных дочерей старца, А. А. Шишкова, передавала о себе: «В одно из моих посещений старца он благословил меня книгою „Царский путь Креста Господня, вводящий в жизнь вечную“, прибавив: „Чаще читай ее“. Я ему сказала: „Вы мне уже такую книгу дали в прошлый раз“. — „А прочла ли ты ее?“ — возразил старец. — „Кажется, что читала“, — был мой ответ. — „То-то кажется; не развернув ее, подарила“.

Тут я вспомнила, что именно это я сделала, и попросила прощения. Батюшка со своей обычною добротою, подавая мне снова книгу, сказал: „Читай же эту почаще“».

Той же самой А. А. Шишковой батюшка о. Амвросий, за семь лет до кончины внучек м. Амвросии Ключаревой, ясно указал на это событие. Когда она, по поручению Ключаревой, просила старца разрешить нанять к девочкам француженку, он ответил: «Нет, ты этого не делай; детям не надо француженки. Я к ним поместил отличную, благочестивую русскую особу, которая их наставит и приготовит к будущей жизни. Знаешь ли, — дети жить не будут, а на место их в имении будут за них молитвенницы. Ты только этого не говори м. Амвросии».

Приезжают как-то к старцу из Петербурга две сестры. Младшая — невеста с веселым настроением; старшая — тихая, задумчивая, богомольная. Одна просит благословенья вступить в брак, а другая в монастырь. Старец невесте подает четки, а старшей говорит: «Какой монастырь? Ты замуж выйдешь, да не дома; вот тебе что!» — и назвал губернию, куда они никогда не ездили. Обе возвращаются в столицу. Невеста узнает, что жених ей изменил. Это произвело в ней страшную перемену, потому что привязанность ее была глубока. Она постигла

суетность того, что прежде ее занимало, ее мысли обратились к Богу, и вскоре она поступила в монастырь. Между тем старшая получила письмо из дальней губернии от забытой тетки, набожной женщины, жившей по соседству с женским монастырем. Она звала ее присмотреться к жизни монахинь. Но вышло иначе: живя у тетки, племянница познакомилась с человеком, уже немолодым, очень подходящим к ней по характеру, и вышла за него замуж.

Бедную мешанку за красоту сватал богатый купец. А старец и говорит матери: «Вашему жениху отказать надо». Мать так и вскинулась. — «Что ты, батюшка? Да нам и во сне такой не снился; послал Бог сироте, а ты — отказать». А батюшка в ответ: «Этому откажите, у меня для дочери твоей другой жених есть, лучше этого». — «Да какого нам лучше надо? Не за князя же ей выходить?» — толкует свое мать. — «Такой у меня великий жених, что и сказать трудно; откажите купцу». Купцу отказали, а девушка заболела и умерла. Тогда поняли, о каком женихе говорил старец.

Молодой крестьянин из-под Тихоновой пустыни, что около Калуги, задумал жениться, потому что старуха мать ослабела, а других женщин в доме не было. Пошел он на праздник Успения к старцу, а тот посоветовал ему подождать до Покрова. Между тем мать очень недовольна была советом старца. Пришел на Покров; а батюшка говорит: «Обожди до Крещения, — тогда посмотрим». Старуха очень расстроилась, — малому от нее покоя нет: «Только путает старец, — некогда прохлаждаться». Пришел малый к старцу на Крещение и объявляет, что материной брани терпеть не может. А батюшка ему в ответ: «Боюсь, что не послушаешь меня; а мой совет — никак тебе жениться не надо, — обожди». Крестьянин ушел и женился, а через два месяца после свадьбы умер.

У одного из жителей Козельска, по имени Капитон, был единственный сын, взрослый юноша, ловкий, красивый. Отец решил отдать его в люди и привел его к старцу, чтобы получить от него благословение на задуманное дело. Сидят оба в коридоре, и около них несколько монахов. Выходит к ним старец. Капитон, получивши с сыном благословение, объясняет, что хочет сына отдать в люди. Старец

одобряет намерение и советует отправляться сыну в Курск. Капитон начинает старца оспаривать. — «В Курске, — говорит, — у нас нет знакомых; а благословите, батюшка, в Москву». Старец в шутливом тоне отвечает: «Москва бьет с носка и колотит досками; пусть едет в Курск». Но Капитон все-таки не послушал старца и отправил сына в Москву, где тот вскоре поступил на хорошее место. У хозяина, к которому он поступил, строилось в это время какое-то здание. Вдруг сверху упало несколько досок, которые и раздробили молодому человеку обе ноги. Тотчас же телеграммой уведомлен был об этом его отец. С горькими слезами пришел он к старцу поведать о своем горе. Но горю этому помочь уже нельзя было. Больного сына привезли из Москвы. Долго он хворал, и хотя раны закрылись, но он уже остался на весь век калекой, не способным ни к какой работе.

Один скитский брат просил старца Амвросия благословить ему поехать на Афон. Батюшка, по своему обычаю, говорит ему шутя: «Поедешь на Афон, будешь Агафон». Долго этот брат странствовал по монастырям и, наконец, скончался в Тихоновой пустыни, приняв перед смертью пострижение в мантию с именем Агафон. Другой инок передавал: «Моя родственница, старая девушка, пришла в Оптину пустынь помолиться и спросить батюшку Амвросия, что ей делать: поступать ли ей в монастырь или жить дома в семье? Батюшка ответил: „Иди домой, отец купит тебе какой-нибудь овин, поставит на огороде, и будешь жить“. Когда она возвратилась домой, отец, поздоровавшись с ней, говорит: „А я купил для тебя овин, поставлю его на огороде, ты и будешь там жить, как в монастыре“».

6 августа 1883 года пришла в Оптину женщина из Белевского уезда и добивалась увидеть о. Амвросия, но за многолюдством никак не могла пробиться до хибарки, где принимал женщин о. Амвросий. Наконец, она разыскала земляка-монаха и попросила его спросить у батюшки, как он велит молиться ей за сына — о здравии или за упокой? У нее был взрослый сын, глухой и глупый, так что сам не мог просить себе хлеба. В Казанскую, 8 июля, он пошел в сельскую церковь и пропал: ни в лесу и нигде кругом его не нашли. Старец ответил: «Зачем поминать за упокой; надобно поминать о здравии — найдется!.. Быть может, и скоро приведут его». Затем батюшка прибавил: «Сынок-то,

сын, да сама-то как живет? Пусть она свою жизнь переменит!»
Когда эти слова старца передали женщине, она зарыдала и созналась в тяжком грехе... Сына же ее, действительно, нашли через несколько времени в Одоевском уезде.

В 1874 году один молодой приказчик из г. Б. собрался ехать в Москву искать себе там места, но предварительно заехал к батюшке о. Амвросию попросить совета и благословения. Батюшка, приняв его, говорит: «Не всем жить в Москве, а поезжай в Воронеж». — «Но у меня там нет никого знакомых!» — отозвался молодой человек. — «Ничего, познакомишься!» — сказал батюшка. По благословию старца, поехал он в Воронеж, прожил там с неделю и, не найдя места, с горечью направился обратно. Доехав до Тулы, он остановился в гостинице и здесь познакомился с одним воронежским мучным торговцем, который и нанял его к себе на службу. Через три года он женился и теперь продолжает жить в Воронежской губернии и ведет большую торговлю хлебом.

Вдова протоиерея обратилась за советом: женить ли сына, кончившего курс семинарии, или продолжать ему учиться дальше? Старец благословил продолжать учение. Но совета не послушали. Прельстившись хорошим местом, богатою и красивою невестой, семинарист занял место священника. Однако он был счастлив недолго. Семейная жизнь его сложилась очень печально, и через 7 лет он умер от чахотки в доме своих родителей.

Священник С. рассказывал об одном известном ему священнике, что он, будучи еще молодым человеком, задумал жениться на своей троюродной сестре. Его отец, благочестивый старик-священник, не одобрял брака с родственницей и не давал своего благословения. Матери жениха и невесты, наоборот, очень хотели этого брака. Ввиду разногласия решено было обратиться за советом к тогда еще живому старцу Амвросию. Написали ему письмо, в котором изложили все обстоятельства дела и просили его благословения на предполагаемый брак. Старец ответил: «Жениться по церковным правилам можно, но брак будет несчастным».

Матери, которым очень хотелось устроить этот брак, не обратили внимания на последние слова ответа и говорили даже: «Старец — не пророк, да ведь и сам он пишет — жениться можно, так чего же еще раздумывать!»

Брак состоялся. Молодой муж вскоре получил место народного учителя и уехал с женою на место службы. Прошло несколько времени, и жене предстояло уже стать матерью. В это время приехал в школу для ревизии инспектор народных училищ и потребовал удаления из школьного помещения жены учителя. Не зная, что делать, учитель решился, наконец, отправить свою жену в город, в земскую больницу, где ее, по ошибке, положили в отделение для заразных больных. Здесь, на ее глазах, умерла от родов больная тифом женщина. Все это так потрясло ее, что с нею сделалось острое помешательство, во время которого она и родила здорового младенца. С этих пор она уже никогда не приходила в полное сознание. Временами ей становилось лучше, но раз в месяц всегда повторялся припадок буйства, во время которого за нею надо было строго следить, чтобы она не причинила вреда себе или другим. И вот однажды (в это время у них на квартире жил какой-то пиротехник), когда больную по неосторожности оставили одну в доме, она взяла бывшую в комнате у пиротехника бутылку с порохом и бросила ее в горящую печь.

Раздался страшный взрыв. Дом разрушился. Обломками дома тяжело была ранена больная. Впоследствии муж этой несчастной принял священство и, вспоминая предсказание старца и свое послушание, с терпением нес свой тяжкий крест, видя в нем особое действие Промысла Божия, скорбями ведущего его ко спасению.

Одна монахиня задумала ради батюшки о. Амвросия перейти из богатого монастыря Западного края в бедную Шамординскую Казанскую общину.

Но потом на нее напал страх: что же будет с нею по смерти батюшки? С такими мыслями пришла она в хибарку на благословение и стояла там позади всех. Вдруг батюшка, как бы отвечая на ее сомнение, сказал: «Помните, что старцы и по смерти своей не оставляют своих обителей». Эти слова батюшки ее совершенно успокоили.

С другою шамординскою сестрою был следующий случай. Ей нужно было обратиться к старцу за разъяснением некоторых важных вопросов своей внутренней жизни. Это было Успенским постом, в последний год его жизни. Народу было много. Старец сильно уставал, и она, не надеясь попасть к нему на беседу, написала ему письмо. Дня через два она была у старца, и он на все пункты ее письма дал полные ответы, вспоминая сам, что еще там было написано. Сестра ушла от старца утешенная и успокоенная, не подозревая, однако, какое чудо прозорливости старца совершилось над ней. В октябре старец скончался, и через шесть недель, при разборке его келейных бумаг, нашли нераспечатанное письмо на его имя; так как на конверте было также надписано и от кого оно, то его и возвратили по принадлежности. Каково же было удивление той сестры, когда она увидела то самое свое письмо, которое писала Успенским постом и на которое тогда же получила такие подробные ответы, нераспечатанным.

Бывшая Каширская игумения Тихона рассказывает.

«После кончины старца о. Макария осиротевшая Белевская женская обитель стала относиться в лице настоятельницы игумении Павлины и сестер к двум ближайшим ученикам почившего старца — иеросхимонахам Амвросию и Илариону. Пишущая ниже следующий рассказ о старце о. Амвросии сперва относилась со своими духовными нуждами к о. Илариону, а по кончине его предалась в полное послушание старцу о. Амвросию. Настоящий рассказ записан ею еще в 1870 году, когда она еще не была духовною дочерью старца о. Амвросия, а потому тем достовернее ее беспристрастное отношение к дивной прозорливости старца, поразившей тогда всю Белевскую обитель. В число сестер поступили в 70-х годах две пожилые сестры — Параскева и Мария, — родом из орловских мещан, их так и величали „Орловскими“, потому и фамилия их не была известна сестрам монастыря. В то время белевская игумения Павлина начала постройку храма; по этому делу она ездила не один раз в С.-Петербург к преосвященному епископу Никандру, который был вызван на очередь в Св. Синод. В одну из ее отлучек заболела воспалением старшая сестра, Параскева Орловская, в третий день она скончалась, и за отсутствием м. игумении ее не постригли в мантию, как это раньше

всегда делалось в Белевском монастыре. Для оставшейся в живых младшей сестры, Марии, этот случай был весьма печален; она обливалась горькими слезами и со своею скорбью поехала в Оптину к батюшке о. Амвросию. Старец утешал ее, успокаивал насчет участи почившей сестры, приводил в утешение пример из Киевского патерика, где написано об иноке, принявшем пострижение от невидимой руки Ангела Божия. Мария спокойнее стала относиться к смерти сестры. Мысль ее и заботы перешли на починку и поправку келлии, которая требовала ремонта, и она на общем благословении у старца говорила ему и просила благословения на это дело, но батюшка при всех (а тут много было белевских), ответил ей: „Не заботься о келлии: твоя келлия — гроб в три доски! Приложи все старание о переходе в загробную жизнь“. А обращаясь к белевским сестрам, тут же бывшим, певчим, сказал им: „Оставайтесь исповедоваться; надо вас домой скорее отпускать, Машу хоронить!“ Те очень скоро вернулись домой и, на вопрос сестер белевских: „Почему так скоро приехали?“ — говорили, что батюшка поспешил их отправить для похорон Марии Орловской, которая, полная сил и здоровья, осталась по благословию старца еще на неделю в Оптине. Ей было приказано поговорить и готовиться к пострижению в мантию, вместе и особороваться и приобщиться Св. Таин. Мария повиновалась беспрекословно воле старца. Он сам ее постриг с переименованием имени Мариониллы и, при отправлении ее в Белев, написал собственноручно м. игумении Павлине, что нашел необходимым постричь Марию и просил прощенья, что поступил так, заранее не снесясь о сем с игуменией. Мария вернулась вполне здоровою; понятно, как сестры встречали ее, изумленные извещением заранее о наступающей ее кончине. И что же?.. После приезда, представившись м. игумении, передавши ей письмо старца и испросив прощение за все с ней случившееся, она вернулась в келлию. В ту же ночь заболела воспалением мозга, три дня была без памяти и на четвертый скончалась мирно, спокойно, точно заснула. Кончина Марии произвела на всех тогда поражающее впечатление».

Рассказывал о себе известный ныне священник села Спас-Чекряк Орловской губернии о. Георгий Коссов.

«Когда я приехал на свой приход, меня оторопь взяла: что мне тут делать?! Жить не в чем, служить не в чем! Дом — старый-престарый; церковь — пойдешь служить, того и гляди — задавит. Доходов почти никаких, — прихожане удалены и от храма, и от причта. Народ бедный; самим в пору еле прокормиться. Что мне было тут делать? Священник я в то время был молодой, неопытный, к тому и здоровьем был очень слаб, кровью кашлял. Матушка моя была сиротой, бедной, без всякого приданого. Поддержки, стало быть, ни оттуда, ни отсюда не было, а на руках у меня были еще младшие братья. Осталось бежать. Так я и замыслил. На ту пору велика была слава отца Амвросия. Пустынь Оптиная от нас верстах в шестидесяти. Как-то по лету — ночь бессонная — взгомозился я от думушек ни свет ни заря; котомку за плечи, да и пошел к нему отмахивать за благословением: уходить мне из прихода. Часа в четыре дня я уже был в Оптиной. Батюшка меня не знал ни по виду, ни по слуху. Прихожу в его „хибарку“ а уже народу там — тьмы: дожидаются выхода батюшки. Стал и я в сторонке дожидаться. Смотрю — он выходит да прямо меня через всех и манит к себе: „Ты, иерей, что там такое задумал? Приход бросать? А? Ты знаешь — Кто иереев-то ставит? А ты — бросать?! Храм, вишь, у него стар, заваливаться стал... А ты строй новый, да большой, каменный, да теплый, да полы в нем чтобы были деревянные: больных привозить будут, так им чтоб тепло было. Ступай, иерей, домой, ступай, да дурь-то из головы выкинь... Помни: храм, храм-то строй, как я тебе сказываю. Ступай, иерей, Бог тебя благословит!“

А на мне никакого-то и знака иерейского не было. Я слова не мог вымолвить. Пошел я домой тут же. Иду да думаю: что же это такое? Мне строить каменный храм? С голоду дома чуть не умираешь, а тут храм строить. Ловко утешает, нечего сказать.

Пришел домой, кое-как отделался от вопросов жены: ну, что ей было говорить?! Сказал только, что не благословил старец просить перевода. Что у меня тогда в душе происходило, кажется, и не передашь...

Напала на меня тоска неотвязная. Молиться хочу — молитва на ум нейдет. С людьми, с женой даже не разговариваю. Задумываться стал.

И стал я слышать и ночью, и днем, больше ночью, какие-то странные голоса: „Уходи, — говорят, — скорее! Ты один, а нас много! Где тебе с нами бороться! Мы тебя совсем со свету сживем!..“ Галлюцинация, должно быть... Ну, что бы там ни было, только дошло до того, что не только во мне молитвы не стало, мысли богохульные стали лезть в голову... А придет ночь, — сна нет, и какая-то сила прямо с постели стала сбрасывать меня на пол, да не во сне, а прямо въяве, так-таки поднимет и швырнет с постели на пол. А голоса-то все страшнее, все грознее, все настойчивее: „Ступай, ступай вон от нас!“

Я в ужасе, едва не мешаясь рассудком от перенесенных страхов, опять кинулся к о. Амвросию.

Отец Амвросий, как увидал меня, да прямо, ничего у меня не спрашивая, и говорит мне:

— Ну, чего испугался, иерей? Он один, а вас двое.

— Как же это так, — говорю, — батюшка?

— Христос Бог да ты — вот и выходит двое. А враг-то — он один. Ступай, — говорит, — домой — ничего вперед не бойся, да храм-то, храм-то большой, каменный, да чтобы теплый, не забудь строить. Бог тебя благословит!

С тем я и ушел. Прихожу домой, с сердца точно гора свалилась. И отпали от меня все страхования. Стал я тут и Богу молиться. Поставишь в церкви себе аналойчик за левым клиросом пред иконой Царицы Небесной, затеплишь лампадочку, зажжешь свечку да и начнешь в одиночку в храме канон Ей читать. Кое-что из других молитв стал добавлять.

Смотрю, так, через недельку-другую, один пришел в церковь, стал себе в уголку, да со мной Богу вместе молится, там — другой, третий, а тут уже и вся церковь полна стала набираться»...

Прибавим к этому, что теперь у о. Георгия выстроены его попечением большой храм каменный, странноприимная, приюты, школы; и идут к нему со всех концов России богомольцы за советом, благословением, молитвой и утешением.

Еще поразительный случай. Иконостасный мастер из К. передавал следующее: «Незадолго до кончины старца, годочка этак за два, надо было мне ехать в Оптину за деньгами. Иконостас там мы делали, и приходилось мне за эту работу от настоятеля получить довольно крупную сумму денег. Получил я свои деньги и перед отъездом зашел к старцу Амвросию благословиться на обратный путь. Домой ехать я торопился: ждал на следующий день получить заказ большой — тысяч на десять, и заказчики должны были быть непременно на другой день у меня в К. Народу в этот день у старца, по обыкновению, была гибель. Прознал он это про меня, что я дожидаюсь, да и велел мне сказать чрез своего келейника, чтобы я вечером зашел к нему чай пить.

Хоть и надо мне было торопиться ко двору, да честь и радость быть у старца и чай с ним пить были так велики, что я рассудил отложить свою поездку до вечера, в полной уверенности, что хоть всю ночь проеду, а успею вовремя попасть. Приходит вечер, пошел я к старцу. Принял меня старец такой-то веселый, такой-то радостный, что я и земли под собою не чувствую. Продержал меня батюшка, ангел наш, довольно-таки долго, уже почти смерклося, да и говорит мне: „Ну, ступай с Богом. Здесь ночуй, а завтра благословляю тебя идти к обедне, а от обедни чай пить заходи ко мне“. „Как же это так?“ — думаю я. Да не посмел старцу перечить. Переночевал, был у обедни, пошел к старцу чай пить, а сам скорблю о своих заказчиках и все соображаю: авось, мол, успею хотя к вечеру попасть в К. Как бы не так! Отпили чай. Хочу это я старцу сказать: „Благословите домой ехать“, — а он мне и слова не дал выговорить. „Приходи, — говорит, — сегодня ночевать ко мне“. У меня даже ноги подкосились, а возражать не смею. Прошел день, прошла ночь! Наутро я уже осмелел и думаю: была не была, а уж сегодня я уеду; авось денек-то мои заказчики меня подождали. Куда тебе! И рта мне не дал старец разинуть. „Ступай-ка, — говорит, — ко всенощной сегодня, а завтра к обедне. У меня опять сегодня заночуй!“ Что за притча такая! Тут уж я

совсем заскорбел и, признаться, погрешил на старца: вот-те и прозорливец! Точно не знает, что у меня, по его милости, ушло теперь из рук выгодное дело. И так-то я был на старца непокоен, что и передать вам не могу. Уж не до молитвы мне было в тот раз у всенощной — так и толкает в голову: вот тебе твой старец! Вот тебе и прозорливец!.. Свистит теперь твой заработок... Ах, как мне было в то время досадно!

А старец мой, как на грех, ну, точно вот, прости Господи, в издевку мне, такой меня, после всенощной, радостный встречает!.. Горько, обидно мне стало: и чему, думаю я, он радуется... А скорби своей все-таки вслух высказать не осмеливаюсь. Заночевал я таким-то порядком и третью ночь. За ночь скорбь моя понемногу поулеглась: не воротишь того, что плыло, да сквозь пальцы уплыло... Наутро прихожу от обедни к старцу, а он мне: „Ну, теперь пора тебе и ко двору! Ступай с Богом! Бог благословит! Да по времени не забудь Бога поблагодарить!..“

И отпала тут от меня всякая скорбь. Выехал я себе из Оптиной пустыни, а на сердце-то так легко и радостно, что и передать невозможно... К чему только сказал это батюшка: „По времени не забудь Бога поблагодарить!..“ Должно, думаю, за то, что Господь в храме три дня подряд удостоил побывать. Еду я домой неспешно и о заказчиках своих вовсе не думаю: уж очень мне отрадно было, что батюшка со мною так обошелся.

Приехал я домой, и что бы вы думали? Я в ворота, а заказчики мои за мной; опоздали, значит, против уговору на трое суток приехать. Ну, думаю: „Ах ты, мой старчик благодатный! Уж подлинно — дивны дела Твои, Господи!..“ Однако не тем еще все это кончилось. Вы послушайте-ка, что дальше-то было! Прошло с того времени не мало. Помер наш отец Амвросий. Года два спустя после его праведной кончины заболевает у меня мой старший мастер. Доверенный он был у меня человек, и не работник был, а прямо — золото. Жил он у меня безысходно годов поболее двадцати. Заболевает к смерти. Послали мы за священником, чтобы поисповедовать и причастить, пока в памяти. Только, смотрю, идет ко мне от умирающего священник да и говорит:

„Больной вас к себе зовет, видеть вас хочет. Торопитесь, как бы не помер“. Прихожу к больному, а он, как увидел меня, приподнялся кое-как на взлокоточки, глянул на меня да как заплачет: „Прости мой грех, хозяин! Я ведь тебя убить хотел...“

— Что ты, Бог с тобой! Бредишь ты...

— Нет, хозяин, верно тебя убить хотел. Помнишь, ты из Оптиной запоздал на трое суток приехать. Ведь нас трое, по моему уговору, три ночи подряд тебя на дороге под мостом караулили; на деньги, что ты за иконостас из Оптиной вез, позавиствовали. Не быть бы тебе в ту пору живым, да Господь, за чьи-то молитвы, отвел тебя от смерти без покаяния... Прости меня, окаянного, отпусти, Бога ради, с миром мою душеньку.

— Бог тебя прости, как я прощаю!

Тут мой больной захрипел и кончаться начал. Царствие Небесное его душеньке! Велик был грех, да велико и покаяние!»

Замечателен случай, бывший с К. Н. Леонтьевым^[71], проживавшим тогда в Оптиной пустыни. По переселении старца в Шамордино он задумал уходить отсюда. В августе 1891 года, месяца за два до кончины старца, он приехал к нему в Шамордино и, получив от него благословение на перемещение в Сергиевский Посад, простился с ним. Старец с особенною любовью благословил его и сказал при этом: «Скоро увидимся». К. Н. Леонтьев не придавал сначала этим словам особенного значения, но когда, два месяца спустя, узнал о кончине старца, взволновался и стал говорить: «Значит, и я скоро умру!» И действительно, не прошло и сорока дней после смерти старца, как К. Н. заболел воспалением легких и скончался в ноябре того же 1891 года. — Замечательно еще, что К. Н. Леонтьев, страдая очень тяжелою внутреннею болезнью, со страхом думал о том, что его смерть от этой болезни будет очень мучительной. Но старец его всегда успокаивал и говорил: «Нет, ты не от этой болезни умрешь». Так и вышло: К. Н. Леонтьев умер от воспаления легких, одной из наименее мучительных болезней.

Тот же К. Н. Леонтьев сообщает в одном из своих писем следующий случай прозорливости старца Амвросия.

«Около бывшего моим Кудинова в Мещевском уезде есть деревня Карманово г. Раевского; в Карманове есть молодой мужик Егор; был в солдатах и пришлось ему в числе других 15 человек вынимать жребий, кому возвращаться домой с билетом. Он помолился: „Илья пророк! Отец Амвросий! Успенье Божией Матери! помогите, чтобы домой уйти!“ Жребий выпал сообразный его желанию. Егор обещал сходить в Оптину. Возвратившись домой, стал, как водится, откладывать, забывая. Вдруг он тяжело заболевает. Лежал долго, но в памяти. Конечно, стал каяться и снова молиться. Однажды лежит он и видит: входит старичок монах в коротенькой свиточке, в старой шапочке, подходит и говорит ему: „Бог тебе поможет, а исполнить обещание надо“. И ушел. Были родные в избе, но кроме [н]его [старичка] никто не видал. Так как это было не во сне (что свидетельствуют и родные, т. е. что он не спал), то его это сильно поразило, конечно. Вскоре после этого он поправился, рассказал родным о видении своем, и так как он не только никогда самого о. Амвросия не видал, но даже и портрета его, а слышал, что у помещика есть карточка, то пошел к Раевскому и увидал, что это тот самый старичок! На днях он пришел сюда, и старец его принял. Когда он рассказал ему все, о. Амвросий сказал ему: „Это по твоей вере — Бог тебе послал, и за то, что ты не пьяница, в семье хорошо живешь и черным словом никогда не бранишься“. Это и Егора и нас всех особенно поразило. Действительно, Егор таков и никогда дурными словами не ругается! Отец же Амвросий до этого свидания, конечно, и понятия о нем не имел (его деревня верст 70 отсюда)...»

Одним из последних случаев прозорливости старца был следующий. Во время поминальной трапезы в Шамордине, тотчас после отпевания батюшки отца Амвросия, произошло событие, которое произвело на всех присутствовавших сильное впечатление. Одна из присутствовавших за трапезой вместе со своим мужем духовная дочь старца просила как-то у батюшки совета и благословения — взять какого-либо ребенка на воспитание. В 1890 году, почти в самую же половину октября, старец сказал ей в ответ на ее просьбу: «Погодите, через год я сам укажу вам для усыновления ребенка». За обедом

приехавшие на похороны супруги с горестью вспомнили слова старца и пожалели, что кончина батюшки не дала ему исполнить своего обещания. Но еще не успел окончиться обед, как пронесся слух, что у крыльца начальнического корпуса, где гости обедали, нашли подкинутого младенца. Когда об этом услышала бездетная супруга, она кинулась к малютке и с чувством глубокого умиления воскликнула: «Это батюшка послал мне дочку». И ребенок был увезен ею с собою и впоследствии усыновлен.

Кроме случаев прозорливости известны еще многие случаи, когда по молитвам старца больные получали исцеление. Такие случаи бывали как при жизни старца, так и по кончине его.

При жизни батюшки многие обращались к нему с просьбою помолиться об исцелении от тяжких болезней. И большею частью, в крайних случаях, когда врачебное искусство оказывалось бессильным. В таких случаях старец чаще всего советовал воспользоваться Таинством Елеосвящения, причем объяснял и в письмах, и лично, что посредством сего Св. Таинства человек получает разрешение от всех забвенных и недоуменных грехов, и что многие совершенно неправильно отлагают совершение этого таинства до самой кончины.

Иногда же старец назначал служить молебны пред местными чудотворными иконами или посылал в Тихонову пустынь (18 верст от Калуги) помолиться угоднику Божию Тихону Калужскому и покупаться в его целебном колодце. Но иногда, по данной ему от Господа благодати, исцелял и своею непосредственною молитвою, как показывают следующие, например, случаи. Вышеупомянутая духовная дочь о. Амвросия, А. А. Шишкова, рассказывает о себе: «В 1877 году я очень хворала, почти год, сильною горловою болезнью, вследствие простуды. Едва могла я глотать одну жидкую пищу. Жила я тогда в деревне и лечилась. Доктора, видя, что болезнь моя усиливается, посоветовали мне ехать в Москву, созвать консилиум и жить за границей в теплом климате. В это время в соседний женский Троекуровский монастырь приехала г-жа Ключарева, жившая со своими внучками при Оптиной пустыни, где вблизи было у нее свое имение. Узнав, что я так хвораю, она предложила монахиням передать

мне ее совет — обратиться к оптинскому старцу о. Амвросию письменно и просить его молитв. Сначала я не обратила внимания на эти слова. Но, видя ухудшение своего болезненного состояния, решила написать старцу (хотя и не знала его), прося его молитв за меня, болящую. Батюшка скоро мне ответил: „Приезжай в Оптину, ничтоже сумняся; только отслужи молебен Спасителю, Божией Матери, св. Иоанну Воину и свт. Николаю Чудотворцу“. Предложение поехать в Оптину пустынь меня сильно устало, ибо я знала, какой длинный и трудный путь предстояло мне совершить, между тем как от истощения сил я не могла вставать.

„Как я поеду?“ — думалось мне. Но подчеркнутые слова — „ничтоже сумняся“ — подкрепили мой дух и мои силы, и я, несмотря на просьбу детей не ехать и на убеждение доктора, пригласила священника, отслужила молебен и на другой же день поехала, сначала в карете, а там по железной дороге и снова на лошадах. По приезде в Оптину я просила узнать у батюшки в скиту, когда могу к нему приехать. Он приказал мне сказать, чтобы я сейчас отдыхала, а на другой день пошла бы к обедне и оттуда к нему... Так я и сделала... Когда я вошла к батюшке в комнату с госпожою Ключаревой, она, ставши перед ним на колени, начала со слезами просить: „Батюшка, исцелите ее, как вы умеете исцелять“. Сильно старец разгневался на эти слова и приказал г-же Ключаревой немедленно удалиться. Мне же сказал: „Не я исцеляю, а Царица Небесная; обратись и помолись Ей“. В углу комнаты висел образ Пресвятой Богородицы. Потом он спросил, где болит горло. Я показала правую сторону горла. Старец с молитвою три раза перекрестил больное место. Тут же как будто некоторую бодрость я получила. Приняв благословение у батюшки и поблагодарив его за милостивый прием, я удалилась. Прихожу в гостиницу, где меня ожидал муж и одна знакомая дама, В. Д. М.-П. При них-то я попробовала проглотить кусочек хлеба, чтобы удостовериться, лучше ли мне стало за молитвами старца. Прежде я не могла глотать ничего твердого. И вдруг — какая же была моя радость! — я без боли, очень легко, могла все есть, и до сих пор боль ни разу не возвращалась, — вот уже прошло тому 15 лет!»

Приводим рассказ г-жи В. Д. М.-П. о чудесном выздоровлении ее сына.

«27 мая 1878 года четырнадцатилетний сын наш Дмитрий заболел непонятным для нас недугом: страданием уха, головы и челюстей, с сильною течью из правого уха и жаром, доходившим до 40 градусов. При этом он лишился слуха. Ночью он стонал, кричал от боли, бредил. Его сон был беспокойным, прерывистым; но часто ночи проходили совсем без сна. Мы приписывали эти страдания внутреннему нарыву в ухе и очень боялись последствий. Приглашенный доктор — специалист по ушным болезням г. Беляев, — по тщательном осмотре больного, объявил нам, что у нашего сына очень серьезный случай ушного катара, происшедшего вследствие воспаления среднего уха, и что этот упорный катар произвел прободение барабанной перепонки. Эта болезнь признается неизлечимою. Доктор Беляев, между прочим, стал нас утешать, говоря, что надежда есть на молодые годы больного, что в этой болезни необходимо большое терпение, что в отдаленном будущем можно надеяться на поправку и т. п. Присутствие же нарыва он положительно отрицал. После двух недель то усиливающихся, то ослабевающих страданий доктор посоветовал нам перевезти сына в деревню на чистый воздух, так как у больного явилось сильное малокровие, страшная бледность и упадок сил. Повинуясь совету врача, мы бережно перевезли сына в деревню (в Можайском уезде Московской губернии), надеясь на благотворное влияние перемены воздуха. В самый день приезда страдания больного до того усилились, что лицо его искажалось, глаза с трудом открывались, и очень часто мучительные крики стали раздаваться по всему дому... С каждым днем страдания и слабость усиливались, так что больному трудно было приподнимать голову с подушки, и малейший шум или даже звук причиняли ему крайние страдания. Вообще состояние его казалось безнадежным, но Господь велик и милостив. 24 июня мой муж приехал из Москвы в деревню и предложил мне всей семьей ехать помолиться и поговорить в Оптину пустынь и там попросить благословения и св. молитв о. Амвросия. Уезжая, мы поручили больного сына попечению учителя и старой няни, которые оба его любили и в которых мы были уверены.

Приехав 26 июня в Оптину пустынь, муж мой, две дочери, племянник, воспитанница, горничная и я — все мы отправились в скит к о. Амвросию и передали батюшке о состоянии нашего больного сына и просили его св. молитв о болящем. Батюшка спокойно ответил нам, приветливо улыбаясь: „Ничего, ничего, успокойтесь, все пройдет; молитесь только Богу“. Каждый день мы стали посещать о. Амвросия, и батюшка был настолько милостив, что беседовал с нами подолгу и тем подкреплял нас всех, говоря, что „молитва родителей доходна до Бога; веруйте только в Его милосердие и молитесь, и Господь вас утешит“. Мы говорили ему что не надеемся на свои грешные молитвы, а уповаем на его ходатайство и св. молитвы. Он дал нам понять, что Господь нас обрадует. По совету и благословию старца мы пробыли в Оптине еще три дня, чтобы поговорить. Исповедь у него оставила в нас глубокое впечатление... 1 июля, получив известие о сыне, что его невыносимо-болезненное состояние ухудшается с каждым днем, и что по-видимому надо ожидать близкого конца, мы решились, не медля, приняв благословение о. Амвросия, тотчас пуститься в обратный путь. Но батюшка благословил нас выехать только на другой день. 2 июля, после ранней обедни, в 9 часов утра мы все пришли к старцу. Он всех нас благословил с лаской и напутственным словом и, обращаясь к моему мужу и мне, сказал: „Не беспокойтесь и не огорчайтесь; поезжайте с миром, надейтесь на милосердие Божие, и вы будете утешены. Молитесь Богу, молитесь Богу! Вы будете обрадованы“. Потом он подал мне два небольших креста, надетых на пояски с вытканными на них молитвами: одна св. Тихону Задонскому, а другая — свт. Николаю Чудотворцу — для меня и для нашего сына со словами: „Передай сыну мое благословение“. Уходя, мы еще раз усердно просили его молитв. „Хорошо, хорошо“, — отвечал он поспешно и тотчас прибавил: „И вы молитесь Богу“. Благословивши всех, он нас отпустил.

Через час мы пустились в обратный путь домой к сыну. На станцию (в 10 верстах от имения) мы прибыли 3 июля в четыре часа утра. Кучера, ожидавшие нас с экипажами, передали нам, что страдания нашего сына с нашего отъезда все усиливались, и состояние его здоровья ухудшалось с каждым днем; особенно 2 июля он страдал невыносимо, и крики его раздирали душу каждого, до кого они доносились. Сна не

было целый день, так же как и две предыдущие ночи, и силы больного совсем упали. Учитель и няня собирались было уже послать в Москву за доктором, когда получена была наша телеграмма о нашем возвращении из Оптиной. С невыразимым трепетом и сердечной тоской мы поехали со станции... Вдруг, не доезжая двух верст до нашего имения, мысли мои были прерваны внезапной остановкой нашего экипажа. Воспитатель нашего сына на всем скаку подъезжал к нам, и в эту минуту я подумала, что верно все кончено, и его уже нет на свете. Но воспитатель, которому сын наш был поручен, объявил нам с большой радостью, что с больным произошел какой-то необычный случай, или кризис (как он сказал), и что он в настоящее время совершенно здоров. — „Здоров?“ — Ушам не верилось. „Да, — повторил он, — слава Богу, Дмитрий совершенно здоров“. В коротких словах он передал нам, как произошло чудесное выздоровление. После мучительно проведенных суток (2 июля) умирающий мальчик, изнуренный и разбитый, заснул вдруг крепким сном в 11 часов ночи, — и сон его был тих и покоен. Таким образом он проспал до 4½ часов утра (3 июля). Когда он проснулся, то был совершенно здоров, бодр и силен. Течь из уха прекратилась, и слух вернулся; осталась только бледность. „Теперь он встает, — прибавил воспитатель, — и одевается, хочет вас встретить на ногах“... Трудно передать то, что мы почувствовали при этом известии. Слезы радости и глубокой благодарности к Господу текли из глаз наших. В душе мы горячо славили и благодарили Бога и любвеобильного молитвенника о. Амвросия... Мы спешили домой. Мы не ехали, а летели. Когда мы вошли в залу нашего дома, дверь Митиной комнаты отворилась, и на пороге ее явился еще страшно бледный, но здоровый и веселый сын наш. Голова его еще укутана была белыми платками. В эту минуту он напоминал собою воскресшего Лазаря. Он радостно бросился нас обнимать, и обоюдным расспросам не было конца. Я передала ему привезенный мною крест, присланный ему о. Амвросием, и Митя приложился к нему и надел на себя с благоговением. С этого дня силы его все более и более укреплялись, аппетит вернулся; течь из уха более не возвращалась, и слух стал одинаково хорош на оба уха. Через неделю он уже мог приняться за умственные занятия и ездил верхом... В этом же году мы пригласили докторов на консилиум, и г. Беляев, после долгого осмотра нашего сына, не мог определить, в каком

именно ухе было прободение барабанной перепонки; и только после того, как мы указали ему правое ухо, он заметил небольшой рубец и должен был признать это дело сверхъестественным. Вот совершенно истинная, хотя, быть может, и неумелая передача чудесного события, совершившегося в нашей семье по молитвам любвеобильного, дорогого старца Оптиной пустыни, родного батюшки о. Амвросия, память о котором никогда не изгладится из наших признательных сердец».

Одну свою духовную дочь, г-жу Б., и ее сына старец настойчиво задержал в Оптиной пустыни на одни сутки и тем предохранил их от поездки в том самом поезде, с которым произошла Кукуевская катастрофа.

«Однажды летом, — рассказывал оптинский монах о. П. — пришлось мне быть в Калуге. На возвратном пути в Оптину пустынь догнал меня священник с женою и мальчик лет одиннадцати. Разговорившись про батюшку о. Амвросия, священник о. Иоанн сказал, что приход его недалеко от станции Подборок, и что мальчик этот, его сын, рожден по св. молитвам старца о. Амвросия. Жена священника подтвердила слова мужа. „Истинная правда, — сказала она. У нас деток не было. Мы скучали и часто приезжали к батюшке, который нас утешал, говоря, что он молится за нас Богу. У нас и родился вот этот самый мальчик. Кроме него у нас детей нет“. Священник рассказал при этом следующее: „В одно время заболел у нашего сына глаз. Поехали мы с женой и с ним в Козельск к доктору, но предварительно заехали в Оптину и пришли к о. Амвросию. Старец, благословив мальчика, начал слегка ударять по больному глазу. У меня волос дыбом встал из опасения, что старец повредит мальчику глаз. Мать заплакала. И что же оказалось? Приходим мы от старца в гостиницу, и мальчик заявляет нам, что глазу его лучше, и боль в нем утишилась, а затем и совсем прошла. Поблагодарив батюшку, мы возвратились домой, славя и благодаря Бога“».

Интересен рассказ скитского монаха Нестора. «1873 г. 1 декабря я с некоторыми из братии был пострижен в мантию, от которой принял меня под свое духовное руководство приснопамятный старец, батюшка

о. Амвросий. В мае месяце следующего года я имел намерение побывать на своей родине. Помолившись на могилках наших приснопамятных старцев, пошел я к настоятелю, батюшке о. Исаакию, и объяснил ему свою просьбу. Выслушав меня, он и говорит: „Что же, у старца был?“ — Отвечаю: „Нет, батюшка, еще не был!“ — „Ну, так иди к нему, — что он скажет. А я, брат, решаю решенное. Если он благословит и найдет, что эта поездка не послужит тебе во вред, то я удерживать не стану; но только долго не заживайся там, а чем скорее в свою келлийку, тем лучше; иноку в миру долго жить — знаешь — не полезно; там хорошо, только не для нашего брата“. Пошел я к старцу очень воодушевленный, но в этот день не мог его видеть, так как у него было много народу, и мирян и монахинь. Уверенный, что старец не задержит меня, я некоторым из братии сообщил, что скоро еду на родину. Между тем прошло более недели, а я все никак не мог попасть к старцу. Наконец, мне удалось застать его одного. Вошел я к батюшке в келлию, помолился на св. иконы, а потом поклонился ему, чтобы принять благословение. Благословляя меня, он сказал: „Бог благословит доброе творить“. Еще ничего не успел я ему сказать, а он уже отвечает на мои мысли: „Ты пришел решать насчет своей поездки?“ Говорю: „Точно так, батюшка“. — „Вот что, брат, не возвещается мне тебя отпустить, как ты хочешь, смотри сам, чтобы после не раскаиваться, когда будет уже поздно“. Я крайне был озадачен этою неожиданностью. Говорю ему: „Что же, милостивый батюшка, вероятно, со мною дорогой что-нибудь может случиться неблагоприятное?“ Батюшка говорит: „Я, брат, дара пророчества не имею, не знаю, что может случиться с тобой, а вот что мне возвестилось о тебе, то и говорю; да, правду сказать, что-то мне жалко тебя отпускать“. Эти слова батюшка так милостиво-отечески мне сказал, что я даже не мог удержаться от слез; так почему-то заныло мое сердце, и мне очень стало жалко расставаться со старцем.

Говорю: „Батюшка, я уже решаюсь остаться, — не поеду“. „И благо тебе, — сказал старец, — родина не уйдет; можно и на будущий год там побывать, если будем живы и здоровы“. Говорю ему: „Простите, батюшка, за мою откровенность, пред братьями мне будет неловко; совестно, что столько времени собирался, ходил к о. игумену проситься и потом остаюсь“. На что батюшка положительно сказал:

„Что за беда? Стыд не дым, в глаза не лезет. Монаху, брат, стыдно исполнять свою волю, так что лучше быть учеником ученика, нежели жить по своей воле. Об этом и в отеческих писаниях сказано. Стыдно должно быть не перед другими, а перед Богом и своею совестью — она судья неподкупный, бескорыстный. А послушаться совета своего отца духовного не стыдно, но душеспасительно и необходимо, и кто не слушается доброго совета, тот бывает наказан. Спрашивать у тебя никто не станет, никому нет надобности, а если кто и спросит, скажи, — верно, нет воли Божией на мое путешествие“... После этих мудрых и любвеобильных слов старца так стало мне отрадно на душе. Я готов был благодарить старца, что он меня не отпустил, точно он меня оградил от какой-то беды... Что же произошло дальше? Спустя неделю я вдруг совершенно неожиданно заболел тифозной горячкой. Болезнь во мне быстро развивалась и не поддавалась лечению. Быстрый упадок сил. Мне становилось все хуже и хуже. Я был между жизнью и смертью. Врачи — монастырский о. Нифонт и козельский Кустов — заявили, что надежды на выздоровление нет никакой, и меня особоровали и каждый день причащали Святых Таин. Затем, по благословию настоятеля и старца, постригли меня в схиму, как обыкновенно постригают близких к смерти монахов. Мне тогда было только 28 лет. Отцы и братия приходили со мною прощаться.

Память мне не изменяла, — я всех узнавал, но был так слаб, что не мог глаза открыть и говорить мне было весьма трудно... Наконец, пришел проститься и благословить меня в загробный мир наш о. игумен. Здесь был наш доктор о. Нифонт. Хотя слабо, но все-таки слышу, о. игумен говорит доктору: „Вот, отче, наша жизнь! Давно ли он приходил ко мне совершенно здоровым, просясь на родину? Хорошо, что старец так благоразумно, — верно уже по внушению Божию, — сделал, что отсоветовал ему ехать; а я думал его отпустить. Вот и отпустил бы на тот свет. А после было бы на совести!“

Доктор говорит: „Он непременно дорогой бы заболел и умер, но только, вероятно, скорее. Здесь мы его все-таки лечим. Да, наконец, тяжко больных много укрепляет приобщение Св. Таин. А в дороге, конечно, этого ничего бы не было. Теперь его каждый день приобщают, после чего он бывает веселее“.

Отец игумен подошел ко мне и, благословив меня, сказал: „Прости, о. Нестор! Ты, насколько возможно, приговорен, а там да будет воля Божия! Нам всем необходимо когда-нибудь умирать; это путь неизбежный, только приведи, Господи, с чистым покаянием умереть“.

В продолжение моей болезни я мысленно призывал себе на помощь молитвы старца, отца моего духовного, батюшки Амвросия, а в часы невыносимых моих страданий даже и посылал к нему просить его св. молитв, чтобы мне или умереть, или хотя малое иметь облегчение, так как не было возможности терпеть. Но каждый раз, как придут, бывало, от старца и скажут: „Батюшка о тебе молится и посылает тебе благословение“, мне станет несколько легче и как будто отраднее. Помню, один раз — это было рано утром, и наверно старец в это время отдыхал после утреннего правила, мне стало так трудно, что я решился его побеспокоить, т. е. попросить его св. молитв. Посланный скоро возвратился и принес мне от батюшки запечатанный пузырек св. воды из Почаева, которую он велел вылить в бутылку, добавить чистой воды, чтоб была она полная, и давать мне понемногу пить и примачивать ею голову. Ходившие за мной добрые люди — братия — исполнили усердно его приказание, и, за молитвы старца, с этого времени мне стало легче: жар начал постепенно ослабевать, и я начал мало-помалу оживать к удивлению многих, а особенно врачей моих, которые окончательно приговорили меня к смерти, так что в последнее время уже ничем меня не лечили, а оставили на волю Божию... Доктор наш о. Нифонт с недоумением после того спрашивал старца: каким чудом я остался жив? На это старец ответил ему: „Невозможное от человек возможно есть от Бога, Который живет и мертвит... Над такими трудно и безнадежно больными исполняется слово Богоотца Давида, который говорит: „*Наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде мя*“».

Шамординская монахиня А. рассказывала о себе. «Весною 1882 года, на Пасху, заболело у меня горло, — образовалась в нем рана, и я не могла ни есть, ни пить. Доктор объявил, что у меня горловая чахотка, и я должна ожидать смерти. Отправилась я к батюшке. Он и говорит мне: „Из колодезя, что за скитом, бери в рот воды и ежедневно полощи горло до трех раз“. Через три дня он сам позвал меня к себе. Достав

из-под подушки три яйца и вынув желтки, вложил белки один в другой. Потом благословил о. Иосифу, бывшему келейнику, принести воды из колодезя. Благословив воду, он велел ей растереться мне у себя в келлии, а яичные белки съесть. По приходе в келлию меня растерли водой и дали мне яичные белки, которые я проглотила без боли. После этого я спала целые сутки и, проснувшись, почувствовала, что болезнь моя пропала, и я совершенно выздоровела. Не медля, я отправилась к старцу. Монахини меня не узнали, подумав, что это не я, а родная моя сестра. Батюшка же встретил меня и благословил, сказав при этом, что исцелил меня св. Тихон Калужский. С тех пор я не страдаю горлом. Когда я объявила доктору о своем исцелении, он сказал, что это совершилось надо мною чудо, и что болезнь моя естественными средствами не могла быть излечена».

Подражая одному из своих предшественников по старчеству, иеросхимонаху Леониду, о. Амвросий любил иногда прикрыть свою чудесную помощь шутливым словом или движением, чтобы таким образом отвлечь несколько в сторону внимание свидетелей. Пришел, например, к старцу один монах с ужасною зубною болью. Проходя мимо него, старец ударил его из всей силы кулаком в зубы и еще весело спросил: «Ну что, ловко?» — «Ловко, батюшка, — отвечал монах при общем смехе, — да уж больно очень». Но, выходя от старца, он почувствовал, что боль его прошла, да и после уж не возвращалась.

Крестьянки очень хорошо подметили эту черту о. Амвросия, и те из них, кто страдал головными болями, приходя к нему просили его: «Батюшка „Абросим“, побей меня — у меня голова болит».

Были еще более удивительные случаи. Не выезжая никуда по болезненности из обители, старец Амвросий в то же время являлся за сотни верст людям, которые никогда его не видали и даже не слышали о нем; и при этом или предостерегал их от какой-либо опасности, или давал больным наставление, как избавиться от болезни, или тут же исцелял.

Так скитский иеромонах В. рассказывал: «Г-жа А. Д. К. была тяжело больна и лежала в постели несколько дней, не вставая. В одно время она увидела, что старец Амвросий входит в ее комнату, подходит к

постели, берет ее за руку и говорит: „Вставай, полно тебе болеть!“ И потом в виду ее скрылся. Она в то же время почувствовала себя настолько крепкою, что встала от болезненного одра своего и на другой день отправилась пешком из г. Козельска в Шамордино (где проживал тогда батюшка) поблагодарить его за исцеление. Батюшка ее принял, но разглашать об этом до кончины своей не благословил».

Монахиня Каширского женского монастыря Тульской губернии Илариона (Пономарева) передавала о себе письменно следующее: «Будучи сильно больна, дня за два до Николина дня (6 декабря 1888 г.) я скорбела и плакала о том, что в настоящий праздник по болезни буду сидеть в келлии, не имея возможности пойти в храм Божий. И так сильно вся я разболелась, что в девять часов вечера легла в постель и заснула. Но вот вижу во сне: подходит ко мне батюшка о. Амвросий и говорит: „Что ты прежде времени скорбишь?“ — С этими словами он так сильно ударил меня в правое ухо, что у меня кровь потекла из него. „Ступай, — прибавил он, — в церковь, дура, на праздник!“ Проснувшись, я увидела, что подушка, на которой я лежала, и халат, в котором была одета, были залиты кровью. Но в тот же час я почувствовала себя совершенно здоровою, и следов болезни моей не осталось».

Приведем отрывки из замечательного рассказа о себе одной духовной дочери старца, г-жи N.

«Мирская женщина, рано вышедшая замуж, я кроме своей семейной жизни ничего не знала. О монастырях, монахах и их старцах хотя и слыхала и видала их еще в детстве, но имела самое смутное и даже превратное понятие, которое мне было втолковано такими же, как я, ничего не понимающими людьми. А узнавать что-либо подробнее о них не считала нужным; короче сказать — вовсе не думала о том.

При всей моей согласной с мужем жизни Господь часто посещал меня разными скорбями, то потерей детей, то болезнями.

Но во всю мою многолетнюю замужнюю жизнь ни разу мне не было так тяжело, безотраднo, как в 1884-й и последующие за тем годы... Потеря, вследствие дерзкого обмана, материальных средств,

собранных многолетним трудом моего мужа, настолько повлияла на него, что он нажил болезнь — постепенный паралич мозга и при этом грудную жабу. Невыразимы были и его и мои страдания. Между прочим, положение в свете, его служба, которую он вначале мог еще продолжать, и дочь, молодая девушка, требовали от меня, как мне казалось тогда, поддержки знакомства и светской жизни, что мне, при душевном моем расстройстве, было не легко. К тому же еще немалую скорбь и заботу доставляло нам с мужем предполагавшееся замужество дочери за избранника нашего родительского сердца, впрочем, не без согласия на то и ее самой. Дело это, по-видимому, не без причины тянулось и откладывалось с году на год. Занятия молодого человека требовали его постоянного присутствия на месте его жительства, обещали ему блестящую будущность, за которой он гнался, как за привидением, и тем затягивал и себя и нас...

На все же то была воля Божия. Не будь всего этого, не попала бы я к дорогому батюшке о. Амвросию и никогда бы не увидала и не знала жизни, противоположной той, которую я вела до той поры».

Чудесным образом привлек к себе о. Амвросий эту особу.

«Раз, — продолжает она свой рассказ, — вернувшись с большого бала перед самым утром (это было в начале зимы 1884 года, ровно за два года перед тем, как мне попасть к батюшке) с пустотой в сердце, а тяжестью в голове, как это всегда бывает при подобных развлечениях, почти не помолившись Богу, я бросилась, утомленная, в постель и тотчас же забылась. И вот вижу в легком сне: очутилась я в дремучем вековом лесу, — в таком, какой мне приходилось видеть только в панорамах. Шла я одна по утоптанной дорожке, которая скоро привела меня к какому-то строению, и я очутилась пред небольшими св. воротами с изображением по сторонам св. угодников. Ворота были открыты, и я вошла в прекрасный сад. Шла я прямо по усыпанной песком дорожке. С обеих сторон были цветы. Скоро дорожка эта привела меня к небольшой деревянной церкви. Вошла я по ступенькам на паперть. Железная, окрашенная зеленой краской, дверь церкви была изнутри заперта. Когда я подошла к ней, кто-то отодвинул изнутри железный засов и отворил мне дверь. Я увидала пред собою высокого

роста старца с обнаженной головой, в мантии и епитрахили. Он крепко взял меня за правую руку, ввел в церковь, круто повернул направо к стене, поставил меня перед иконою Божией Матери (Феодоровской, как я после узнала), коротко и строго сказал: „Молись“. Я и во сне, помню, поражена была наружностью старца и спросила его: „Кто вы, батюшка?“ Он мне ответил: „Я — оптинский старец Амвросий“. И, оставив меня одну, он вышел в противоположную дверь церкви. Оставшись одна и помолившись пред иконою Царицы Небесной, пред которой меня поставил старец, я взглянула налево от себя и увидела гробницу или плащаницу. (Действительно, тут и лежит плащаница круглый год, кроме Великого пятка и субботы.) Я подошла к ней, помолилась, потом посмотрела назад на всю церковь. Это был чудный маленький храм с розовой завесой на Царских дверях, весь залитый как бы солнечным светом. И, странно, я очутилась вдруг посреди него в белой рубашке с распущенными волосами и босая и так молилась и плакала, как никогда наяву. Вслед за тем я проснулась. Вся подушка моя была залита слезами. Станный, небывалый сон произвел на меня глубокое впечатление и заставил меня задуматься. Мысль же поехать или обратиться к старцу письменно не пришла мне тогда в голову. Но виденный мною сон не выходил и не изглаждался из моей памяти.

Прошло еще два года телесных страданий мужа и моих душевных мук. Но вот Господь восхотел еще испытать до конца нас, для нашего вразумления. Заболел тифом мой муж. Болезнь осложнилась. Неизвестно отчего заболела у него нога, в верхней части которой сделалась опухоль с острой болью по временам, особенно по ночам, которые больной проводил без сна, мечась от боли из стороны в сторону. Притом нога все больше пухла и рдела. Почему-то решили наложить бинт на всю ногу. Был приглашен для этого хирург. При осматривании ноги этот последний определил внутри нее нарыв и нашел, что нога полна гноя. Сделан был разрез в три вершка, и выпущена материя. Больной получил облегчение, но далеко не выздоровление. Через несколько дней начались опять те же страдания. Нога опять пухла. Пришлось в другом месте сделать прокол. Потом опять и опять прокалывали несколько раз. И ранки, выделив материю, затягивались. Дошло до того, что невозможно было дальше делать проколов. Все ранки, несмотря на тщательный уход, загнаивались.

Больной лежал на спине три месяца сряду. Нога была как бревно. Нервы были так чувствительны, что прикосновение белья причиняло ему боль.

Опухоль ноги шла все выше и выше. Я не выдержала и опять послала за доктором. Но тот, осмотревши ногу, отнял у меня уже всякую надежду на выздоровление больного.

Вот тут-то мысль обратиться к молитвам великого старца в первый раз пришла мне в голову, что я тогда немедля и исполнила. Я написала одной моей родственнице, духовной дочери старца, гостившей в то время в Оптиной, письмо с подробным описанием состояния больного мужа, прося ее передать все батюшке и попросить его св. молитв.

Через несколько дней после того как письмо было отослано, переменяя положение ноги больного, я с ужасом увидала, что опухоль уже захватила низ живота. Притом страдания больного так были велики в ту минуту, что, не зная, чем их облегчить, я вздумала почему-то вдруг сделать бинт и перевязать около паха ногу. Руки у меня тряслись. Туго сделать я боялась. И конечно, мой бинт, пришедший почему-то мне в голову, был только утешением для меня самой. Но вот не прошло и часу как больной громко позвал меня, сказав: „Посмотри, что-то у меня все мокро кругом ноги“. Открыв ногу, я увидала, что самая первая ранка, т. е. первый прорез, сделанный доктором за три месяца до этого, открыт во всю его бывшую глубину, и из него бьет материя фонтаном. Трое суток шла материя беспрерывно; после чего больной стал заметно поправляться в силах. Списавшись об этом со своей родственницей как можно было подробно, я, к моему крайнему изумлению, узнала, что день и час открытия ранки на больной ноге мужа совпадали с днем и часом прочтения моего письма старцу моею родственницею.

Настала весна. Здоровье мужа моего настолько поправилось, что он мог выходить на воздух».

Это было второе напоминание о себе старца Амвросия. Вскоре последовало и третье.

«Пораженная тяжким семейным горем (недобросовестным поступком жениха дочери), я, — продолжает рассказывать эта госпожа, — придумала пойти пешком на богомолье к местному угоднику, в надежде телесной усталостью убить душевную муку... От непривычки ходить и от потрясенных горем нервов силы мне изменяли. К вечеру разболелась у меня голова, руки и ноги, и я едва дотащилась до места. Сделался жар во всем теле, и отнялась правая рука со стороны больного виска — чего прежде со мною не было. Придя в монастырь, где находятся мощи угодника (под спудом), я упала на первый попавшийся камень, не имея сил двинуться дальше, и послала горничную, которую взяла с собою, поискать себе места в гостинице. Но она скоро вернулась, сказав, что за большим стечением народа нет нигде свободного уголка.

Пришлось идти в село, которое при самом монастыре, и там искать себе приюта. Там, в общем с другими богомольцами помещении, нашелся и для меня уголок; досталась мне одна голая скамья, да хозяйка, из жалости ко мне, такой больной и слабой, дала мне свою подушку. От боли почти не сознавая себя, я, как была одетая, так и бросилась на скамью. Но крик гуляющего на улице народа и шум проходящих к моей хозяйке гостей не давали мне покоя всю ночь. К тому еще невыразимая боль всего тела не давала мне возможности даже удобнее лечь. К утру стих уличный крик, и я забылась легким сном, который меня перенес домой. Представилось мне, будто я в своей гостиной на диване. Но сон мой был так легок, что боль во всем теле и во сне ощущалась. Вдруг будто двери комнаты отворились, и ко мне подошел старец-монах. Протянув руки, он поднял меня, посадил и заботливо спросил: „Что у тебя болит?“ Я, очень помню, ему ответила: „Руки и ноги, батюшка, а больше всего голова“, которую и положила ему на руки. Старец своими руками схватил мои больные руки и ноги, а по голове, по больному месту, три раза ударил. Тут я спросила кого-то, стоявшего за старцем: „Кто это?“ И получила ответ: „Да это же — старец оптинский Амвросий!“ Вдруг голос моей хозяйки разбудил меня: „Уж пять часов, благовестят к обедне! Пойдешь, барыня?“ Я вскочила на ноги. Ни боли головы, ни боли в теле не ощущалось, — я была здоровая, бодрая, вся как-то ожившая. Я перекрестилась и, всполоснув лицо холодной водой, пошла в церковь; отстояла обедню,

молебен с акафистом угоднику и уже собиралась идти подкрепиться чаем, чтобы потом пуститься в обратный путь. „Как? — говорит моя горничная. — Неужели мы, бывши здесь, не пойдём купаться в святом колодце угодника?“ Я попробовала было отказаться, но, вспомнив свое дивное исцеление старцем в эту ночь, пошла. Мы искупались. А потом я отправилась в обратный путь, который и совершила так легко и бодро, что удивила всех своим ранним приходом. Вот тут уже я решила не смотреть ни на какие препятствия, а ехать в Оптину пустынь к старцу, батюшке о. Амвросию, таким дивным образом призывавшему меня, грешную, к себе».

Далее следует подробный рассказ о прибытии к старцу, о знакомстве с ним и о дальнейшем отношении к нему, но мы уже не последуем за рассказчицей, так как это не входит в задачу нашего настоящего повествования.

Проникнутый любовью к страждущему человечеству, старец Амвросий своими святыми молитвами и советами избавлял некоторых и от разных худых и пагубных привычек.

Однажды приехал к старцу крестьянин Тульской губернии, который страдал от пьянства и, так как не мог отстать от этой пагубной привычки, то хотел несколько раз наложить на себя руки. Пришел он к старцу, а говорить ничего не может. Но старец сам в обличение ему сказал, что он страдает от винопития за то, что, еще будучи мальчиком, крал деньги у дедушки, который был церковным старостою, и на эти деньги покупал вино. Дал ему травки, чтобы пил дома. Крестьянин избавился от запоя и стал совершенно здоров.

Петербургский житель Алексей Степанович Майоров, чрезмерно пристрастясь к курению табака, чувствовал от этого вред для своего здоровья. Он обратился письменно к старцу о. Амвросию, прося заочно у него совета, как бы избавиться от этой страсти.

В ответ на эту просьбу старец прислал Майорову письмо от 12 октября 1888 года, в котором было написано следующее: «Пишете, что не можете оставить табак курить. Невозможное от человек — возможно при помощи Божией, только стоит твердо решиться оставить, сознавая

от него вред для души и тела, так как табак расслабляет душу, умножает и усиливает страсти, омрачает разум и разрушает телесное здоровье медленной смертью. Раздражительность и тоска — это следствие болезненности души от табакокурения.

Советую вам употребить против этой страсти духовное врачество: подробно исповедуйтесь во всех грехах с семи лет и за всю жизнь, причаститесь Св. Таин и читайте ежедневно, стоя, Евангелие по главе или более; а когда нападёт тоска, тогда читайте опять, пока не пройдет тоска; опять нападёт, — и опять читайте Евангелие. Или вместо этого кладите наедине по 33 больших поклонов, в память земной жизни Спасителя и в честь Святой Троицы».

Получив с почты это письмо, Алексей Степанович прочитал его и закурил папиросу, но вдруг почувствовал сильную боль в голове, а вместе и отвращение к табачному дыму, и ночью не курил. На другой день принимался, по привычке, закурить папиросу четыре раза, а дым глотать не мог от сильной боли в голове. И отстал от курения легко, между тем как в предшествовавшие два года, как ни принуждал себя отвыкнуть от курения, не мог. И хотя сделался болен, но все-таки курил по 75 раз в день.

В Борисовской женской пустыни Курской губернии в числе сестер обители находилась одна молодая послушница, которая так пристрастилась к одному мирскому семейству, что часто, несмотря на запрещение м. игумении, посещала его, притом даже против своего желания. По совету некоторых сестер, она письменно обратилась к батюшке о. Амвросию, открыв свою немощь, и просила его св. молитв. Вскоре она увидела во сне, будто какой-то благолепный старец привел ее к иконе Божией Матери и сказал: «Помолимся Царице Небесной!» С этими словами старца послушница проснулась и рассказала сестрам виденное. Ей объяснили, что это являлся ей старец Амвросий, которого она до того времени никогда не видала. Вскоре затем она получила от батюшки ответ на свое письмо, который ее очень успокоил. Когда ей после этого опять приходило желание пойти для свидания с упомянутым семейством, она всегда прочитывала письмо старца, и желание ее проходило. Впоследствии она совершенно

освободилась от этой привычки и начала жить по-монашески, прекратив близкое знакомство с мирянами.

Охранял о. Амвросий своих духовных детей и от вражеских искушений. Так иеромонах Дорофей рассказывает о себе следующее: «По поступлении моем в 1874 году в Оптину пустынь мне поручено было поварское послушание. Прошло полгода, и вот в келлии моей начались по ночам вражеские страхования. Представлялось мне, будто ко мне приходит какой-то старик, который невнятно произносит молитву; посуда в келлии гремела без всякой причины; кровать моя тряслась, и на меня наваливался враг. А когда, бывало, при этом от страха я закричу или вздохну, то слышу явственно голос и слова: „Уж хуже этого нет — ох!“ Пошел я сначала к о. Анатолию и рассказал ему о вражеских страхованиях, но тот послал меня к батюшке Амвросию. Старец, выслушав меня, сказал, что бояться я не должен, а для отгнания вражеского страха должен произносить молитву Иисусову. После сего все страхования прекратились, и я всегда спокойно оставался в келлии».

Нечто подобное происходило несколько раз и в Шамордине; слышались стуки в двери и в окна и т. п. Когда батюшке сообщили об этом, он сказал: «Ну, больше не будет стучать». — «А кто же это стучит, батюшка?» — спросили его. — «Кто стучал, не будет больше стучать», — ответил опять старец.

Теперь нам остается сказать еще о том, как батюшка о. Амвросий и после своей кончины не оставлял своею помощью нуждающихся в ней.

В октябрьской книжке «Душеполезного чтения» за 1897 год помещено письмо некоего Николая Яковлевича Широкова Вятской губернии Глазовского уезда к оптинскому старцу иеросхимонаху Иосифу следующего содержания: «Я, — пишет Широков, — был весьма болен, страдал болью ног и головы. 26 ноября прошлого 1896 года приносит отец мой от сельского нашего священника книгу «Душеполезное чтение», в которой я и нашел статью про о. Амвросия. Прочитав ее и размыслив немного, начал я душевно молиться к о. Амвросию об исцелении моих недугов и, помолившись, тонким сном уснул. Только

что успел заснуть, как вдруг заблистал передо мною необычайный свет, который вскоре исчез, только остался один след от него в виде облака. И вдруг слышу шаги идущего человека. В скором времени вижу пред собою мужа, украшенного сединами, в мантии, с крестом на груди. При сем я постараюсь описать его приметы: росту он невысокого, лицо истощенное постом, и потому оно весьма светлое; нос с горбинкой, волосы седые, не весьма густые, борода седая тоже не густая, а голос его весьма звучный. Кроме того, на левой его руке были четки, а в правой руке посох. Вот он подошел к моему ложу и говорит: «Чадю Николае! Восстань, поспеши в церковь, отслужи молебен св. Амвросию Медиоланскому, и получишь облегчение скорое». Он взял меня за руку, благословил и дотронулся своим посохом до моих ног, которые и почувствовали скорое облегчение. Дал мне что-то вроде просфоры поесть, и вдруг в голове у меня зашумело. Я тогда весьма ужаснулся и подумал, что уж головы у меня нет на плечах. Но вот сей старец покрыл ее мантией, и вскоре я почувствовал облегчение. Старец еще раз благословил меня, и я сподобился облобызать его светлую руку и при сем осмелился спросить его: „Как вас звать по имени?“ Он мне ответил: „Кому, — говорит, — я велел тебе отслужить молебен, того и имя я ношу, я — иеросхимонах Амвросий из Оптиной пустыни“. Сказав это, он сделался невидимым. Пробудившись, я очень обрадовался, что выздоровел. И родные этому тоже очень обрадовались. Все-таки об этом явлении я не открыл им вскоре, а записал его только в свою памятную книжку. Но вот ныне опять явление это повторилось. Отец Амвросий явился мне во гробе лежащим, повитым в схиму, и говорит: „Что же ты, раб Божий Николай, умалчиваешь о делах милости Божией, т. е. не сообщаем Оптиной пустыни об исцелении?“ Только поэтому-то я и осмелился сообщить о вышесказанном Вашему Высокопреподобию и при сем просить вас, о. Иосиф, не оставить без внимания мой рассказ и для пользы другим поместить его в жизнеописании отца Амвросия».

Подобный же случай рассказывается в письме к Л. О. Р., живущей в Шамордине, от 23 февраля 1898 года. «Вчера приезжал В. и рассказывал, что одна дама, родственница Л., ему писала из Москвы, что у нее муж был очень болен. Доктора отказались лечить, и он совсем умирал. В одну ночь видит он около своей постели старца,

который над ним молится и говорит: „Отслужи молебен св. Амвросию Медиоланскому“, — и скрылся. Больной сказал это жене, и они отслужили молебен. Он приобщился и с тех пор начал поправляться, даже встал с постели, но никому не говорил об этом явлении старца. Когда же он стал чувствовать себя совсем хорошо, ему опять явился этот же старец (бывший больной его узнал) и говорит: „Ты теперь совсем здоров; зачем же ты скрываешь и не говоришь о своем исцелении? Надо говорить; а старец пред тобой — Оптинский Амвросий“. И скрылся.

Когда В. рассказывал об этом случае, — продолжает автор письма, — я позавидовала, а на душе как-то радостно стало, — я не могу и высказать. Родной наш и нас, может быть, не оставляет».

Одна шамординская послушница, под влиянием постигших ее скорбей и неприятностей, хотела уйти из монастыря. В это время является ей во сне покойный старец Амвросий и говорит: «Никуда не уходи, а живи на одном месте. От скорбей не уйдешь, а лучше не найдешь. Надо терпеть!» Послушница успокоилась и осталась в обители.

Вот еще замечательный рассказ С. А. М. «В 1880 г. я окончила курс в институте. 1881 года 3 февраля я открыла школу с пансионом для детей обоего пола. Школу открывала я с матерью совершенно без всяких средств, так как я и мать ушли от женатого брата, который решительно ничего нам не дал. Моя мать была очень верующая старушка, и на мой вопрос, на кого она надеется, открывая школу без средств, она мне кротко ответила, указывая при этом на большой образ Спасителя: „Вот на Кого я надеюсь! Он мне поможет“. Я сильно раздражилась ее ответом и резко ей сказала: „Что же? Он вам что-нибудь скажет?“ Она опять кротко ответила мне: „Да, Он мне скажет!“

Итак, несмотря на мой протест и моих сестер, мать моя все-таки энергично принялась за устройство школы. С первого же месяца дела наши пошли отлично, так что к концу года помещение оказалось недостаточным, и мы принуждены были снять большую квартиру. Не долго мне пришлось поработать с моею дорогою старушкою матерью. В 1882 году она внезапно заболела, и в три дня ее не стало. Осталась я одна и продолжала работать, а дело пошло еще лучше, так что я уже

начала хлопотать об устройстве прогимназии. Но Бог судил иное: случился переворот в моей жизни и неожиданный, и ужасный для меня.

1887 г. 26 августа, окончив занятия в школе, я поехала в имение на именины к моей подруге. В этот день вполне здоровая, довольная, я была необыкновенно весела. После обеда одна из моих подруг просила меня проделать с нею опыт внушения мыслей. Я хотя и очень любила этим заниматься, но тут почему-то стала упорно отказываться. Долго меня уговаривали, и я наконец согласилась. Надо было взять какой-либо предмет и заставить внушаемую перенести его с одного места на другое. Подхожу к комоду, на котором было много разных вещей; тут же стояла девятичинная просфора, которую священник привез имениннице. Вот, недолго думая, я беру просфору и переношу ее на умывальник и говорю присутствующим: „Вот, господа, Женя (подруга) должна взять эту просфору и перенести ее на комод“. Все согласилось. Зову Женю из другой комнаты, завязываю ей глаза, беру ее за руки и усиленно начинаю ей внушать, чтобы она подошла к умывальнику, взяла бы просфору и отнесла ее на комод. Она быстро подошла к умывальнику, но, немного постояв, начала кружиться и тут же упала без чувств, к просфоре же даже руки не протянула. Ее подняли, понесли на балкон и скоро привели в чувство, а я пошла в столовую, села к столу и только сказала: „Господи, как ужасно“, — и с этими словами упала в сильнейшем припадке, который повторялся в час до 20 раз, так что я совершенно ослабела, меня уложили в постель и послали за доктором. При всем том, всю ночь, до 4-х часов утра, были со мною припадки; наконец, я попросила отвезти меня домой. По приезде домой припадки опять начались, и, несмотря ни на какое лечение, ни на тщательный уход, болезнь все усиливалась и усиливалась, так что в конце сентября, после консилиума, врачи настоятельно потребовали закрыть школу и меня поместить в деревню. Но и при полной изоляции в деревне было мне не легче; наоборот, к припадкам прибавилась еще и сильнейшая тоска. В таком состоянии я прожила у племянника, земского врача, три года. Наконец, он уехал в Москву, а меня оставил опять у своей матери. Тут мне делалось все хуже и хуже. Один раз, помню, мне было особенно тяжело; тоска меня мучила до такой степени, что я решила лишиться себя жизни. В

сильнейшей тоске еду к своей сестре, плачу, мечусь и говорю, что больше не могу жить. Сестра меня начинает уговаривать и, между прочим, просит меня приобщиться, так как я три года, т. е. как заболела, не была в церкви и не приобщалась Св. Таин. Но я и слышать не хотела о причащении. Не знаю уж как, но все-таки меня уговорили приобщиться. Повезли меня на другой день в Троицкий мужской монастырь; там я отстояла обедню; после обедни подходит ко мне иеромонах, которого просила сестра, и предлагает мне идти в келлию на исповедь. Я исповедовалась, а после и говорю ему: „Ну, батюшка, а завтра приобщаться я не приеду“. Он меня начал уговаривать, а я и слышать не хочу. Но все-таки на другой день приехала к утрени и обедне. Обедню стояла спокойно, а как запели „Отче наш“, так я не могла с собою справиться и хотела бежать из храма; но иеромонах стоял около меня и не пустил. Я вся побледнела, начала трястись, и лишь только вынесли Св. Дары, как со мной сделался демонический припадок, так что священник с Дарами ушел обратно в алтарь, боясь, что я могла вытолкнуть чашу. Восемь монахов едва со мной справились, подвели и приобщили, но я уже ничего не помнила, только после успокоилась. Иеромонах, видя, что со мной произошло, посоветовал мне как можно чаще приобщаться, что я и делала.

Каждый раз, как приобщаться, так наступали демонические припадки, и я мучилась ужасно. Наконец, я поехала в Воронеж к угоднику Митрофану. Там со мной перед причащением сделался жестокий припадок, так что я бежала из храма, разорвала на себе кофточку и чуть не вытолкнула сосуд. В Воронеже меня отчитывал иеромонах, и вот, когда он стал надо мною читать Евангелие, мне стало так тяжело, что я сломала кресло, на котором сидела, и вырвала крест из рук иеромонаха. По приезде из Воронежа, видя, что молитва мне не помогает, я охладела к Богу окончательно и даже стала богохульствовать; обратилась опять к врачам и, по совету их, легла в психиатрическую лечебницу, где мое здоровье еще более ухудшилось: у меня в месяц было 90 припадков; я так ослабела, что уже не могла ходить.

Пролежав в лечебнице 3 месяца, я была переведена в хроническое отделение больницы — в приют. Припадки стали все реже и реже, но они заменились припадками тоски; тоска до того была сильна, что я не раз покушалась на самоубийство, всегда думала, как бы лишиться себя жизни, что и пробовала делать, но покушение никогда не удавалось.

Так я страдала 18 лет, но приобщаться Св. Таин стала уже без припадков. Последний приступ ужасной тоски был 3 июня 1905 г. Тоска была так сильна, что я начала душить себя, и только благодаря одной больной мне не удалось задушить себя. После этого припадка я написала сестре своей письмо, в котором просила ее взять меня из приюта и устроить где-нибудь в деревне: мне казалось, что тоска у меня именно от больничной обстановки и что с переменой места тоска пройдет. Приехала ко мне сестра и вместо деревни предложила мне поехать в Оптину пустынь, которая стоит в лесу и отличается прекрасным местоположением; сосновый лес, который должен принести мне пользу, тянется кругом на много верст. Полное уединение и жизнь в лесу меня очень прельстили, и я решила туда ехать с целью пожить так, как на даче, с месяц. Когда же пришло время ехать в Оптину, то я страшно стала сердиться на сестру, что она меня посылает в совершенно незнакомую местность; стала волноваться и говорю ей: „Ты меня с твоим мужем окончательно хотите погубить; ну, куда я еду одна и больная?! Не поеду я“. Сестра на меня рассердилась, и мы с ней поспорили. Но несмотря на это, я все-таки уехала. Приехала я в Оптину пустынь 7 июля 1905 года. Утром я пошла в скит к старцу, который меня скоро принял и сказал, что гостить у них долго не позволено и что мне долго и делать-то нечего в Оптиной пустыни. Проходит день-другой, а мне все не по себе и не нравится ничего; в церковь захожу на минуту, не могу долго стоять. 10-го числа мне почему-то очень захотелось почитать жизнеописание старца Амвросия; я спросила эту книгу у монаха-гостиника и зачиталась далеко за полночь, и во время чтения стала испытывать какое-то необычайно приятное состояние души, которого я в жизни не испытывала. И вот во время чтения решила отслужить панихиду на могиле старца Амвросия. На другой день спешу к ранней обедне, а после обедни прошу отслужить панихиду. Мне долго пришлось ждать иеромонаха, который служил панихиды на других могилах. В

ожидании панихиды я осталась на могиле старца Амвросия и стала плакать, да так горько, что будто открылся источник слез. Во время панихиды я все время плакала, слезы пошли на весь день. В этот день я должна была исповедоваться. Старец меня послал к духовнику. Пришла я к нему в слезах и стала говорить о своей больной душе; бережно он обошелся с моей больной, настрадавшейся душой. После исповеди он прочитал надо мною особенную молитву, во время которой мне стало очень дурно, и я все просила его поскорее кончить. После окончания молитвы я почувствовала необыкновенную слабость. Выйдя от него, я успокоилась и перестала плакать.

На другой день приобщилась Св. Таин совершенно спокойно и в этот же день выехала в Тихонову пустынь. Когда я из Оптиной пустыни приехала на вокзал, то со мной произошло что-то необыкновенное: весь мой душевный строй сразу изменился, мне стало необыкновенно жаль Оптину пустынь, так что если бы предложили выбрать одно из двух: или все сокровища мира, или Оптину пустынь, то я бы взяла последнее. И вот уже год, как я переродилась; год, как у меня не было ни одного припадка тоски, стала меньше раздражаться, у меня явилась вера в Бога, в загробную жизнь, я поняла цель жизни. Мысль о самоубийстве совсем меня оставила, я считаю теперь себя счастливым человеком, хотя обстановка моей жизни ничуть не переменилась. Я верю, что Господь исцелил меня, по молитвам старца Амвросия, от жестокого недуга, которым я страдала 18 лет.

Мое физическое состояние здоровья плохо, что не позволяет мне оставить приют, но что такое физическая болезнь сравнительно с душевною? Даже и сравнить нельзя. После моей первой поездки какая-то необычайная сила потянула меня в Оптину пустынь, и Господь привел еще побывать на могилке старца Амвросия в том же году в сентябре, потом на Пасху 1906 года и теперь.

Прошел год, как я психически здорова, и не знаю, как мне благодарить Бога и старца Амвросия за такую великую милость».

В дополнение к изложенному можем прибавить, что летом 1911 года мы видели в Оптиной пустыни исцеленную, которая, подтвердив справедливость всего вышеизложенного, с радостью и с глубокою

благодарностью к Богу и к старцу Амвросию заявила, что в течение минувших шести лет, прошедших после ее чудесного исцеления, прежнее ужасное состояние невыносимой тоски и припадков к ней ни разу не возвращалось. Она чувствует себя спокойной и жизнерадостной, несмотря на тяжелые внешние условия своего существования. Врачи, лечившие ее раньше, видя ее настоящее состояние, говорят ей, что она вылечилась посредством внушения, но это совершенно неверно. Когда ее лечили в Москве посредством внушения в лечебнице, то ей не только не становилось лучше, а делалось хуже, так, что когда она уезжала из Москвы обратно, то должны были вносить ее в вагон на руках, между тем как отправляясь в Москву для лечения, она еще в состоянии была ходить сама. Не могли оказать на нее влияния в Оптиной пустыни и благоприятные климатические условия, так как она провела тогда в Оптиной всего только пять дней. С. А. имеет твердую и непоколебимую уверенность, что о. Амвросий, исцеливший ее от тяжелой болезни, не оставляет и ныне ее своим попечением. С того момента, как она получила исцеление в Оптиной пустыни, эта обитель, как она говорит и в своей записке, сделалась ей чрезвычайно дорога и, кроме того, сделалась для нее необходимым источником нравственной силы и духовного подъема, так что она стала чувствовать потребность каждое лето бывать в ней для духовного обновления и укрепления. Но при полной своей материальной необеспеченности она не имела никакой возможности предпринимать подобные путешествия. И вот тут-то и сказалась снова заботливость о ней о. Амвросия. Каждый раз, когда наступало лето, обстоятельства складывались так, что у С. А. являлись необходимые средства для поездки, и вот уже шестой год, как она ежегодно бывает в Оптиной пустыни и проводит здесь по несколько времени исключительно милостию любвеобильного старца Амвросия.

Вышепомянутая С. А. рассказала еще следующий случай: «В сентябре 1908 г. сиделка в приюте св. Елизаветы при Т. губернской больнице, Л. Г., заболела тяжелой формой возвратного тифа вскоре после ее возвращения из Оптиной пустыни. Температура у больной все время держалась очень высокая, и особенно она жаловалась на сильнейшую головную боль. В ночь с 9 на 10 октября (под день памяти батюшки Амвросия) она впала в забытие и видит ясно, что она, больная, лежит в

зале на полу в квартире г. N. В дверь входит батюшка Амвросий, подходит к ней и, подавая ей просфору, велит съесть ее, но больная ему отвечает, что она не может есть, потому что язык пересох и потрескался. Батюшка Амвросий говорит ей: „Ступай скорей домой (в приют) и там возьми у высокой барыни, которая ко мне часто ездит, артоса и воды из моего колодца, размочи артос в этой воде и съешь!“ После этого больная очнулась, температура дошла до 41 градуса, и она чувствовала себя очень плохо. В этот день ее пришла навестить ее сослуживица, сиделка Е., которую больная ждала с нетерпением. Лишь только она пришла, как Л. стала ее просить поскорее сходить ко мне и взять у меня артос и воду, при этом она рассказала свой сон.

Приходит ко мне сиделка Е. и передает просьбу больной; я, конечно, сейчас же дала ей артос и воду, но была очень удивлена, так как кроме меня одной никто не знал, что у меня есть артос и вода из скитского колодца, которую я привезла из Оптиной в августе.

Больная, после того как съела артос, крепко уснула; проснувшись, она уже не чувствовала головной боли, температура пала до нормы, и был сильный пот, после этого она стала поправляться. Выписавшись из заразного отделения, Л. опять заняла свое место сиделки и лично рассказала мне о своем сне. Я ее спрашивала, знала ли она, что у меня есть артос и вода из батюшкиного колодца. Она сказала, что не знала, да и правда, — она не могла знать, так как я никому не говорила».

Приводим еще рассказ рясофорной послушницы Крайшевского Свято-Тихвинского монастыря, Саратовской губернии Аткарского уезда Ксении Алексеевны Шершевой. «Почитаю святым долгом известить вас, — пишет она настоятелю Оптиной пустыни о. архимандриту Ксенофону, — о полученном мною исцелении по молитвам в Бозе почившего старца о. Амвросия. До 30 июля 1906 года я с месяц хворала головою болью, сопровождавшеюся иногда лихорадкою. 30 июля 1906 года утром я, по послушанию своему молочницы, кипятила в печи молоко в горшочке. Вскипятив молоко, я, как помнится, стала закрывать печь и вдруг упала на пол; со мной произошел припадок. Далее я ничего не помню. Когда очнулась, то на вопросы окружающим не могла отвечать, не могла произнести ни одного слова, сделалась

совершенно немою. Доктор в слободе Елань, Аткарского уезда, верстах в 15 от нашей обители, к которому я раза два ездила, заявил, что надежда на полное излечение мала, и что если и будет поправка, то незначительная; говорить будет едва понятно, неправильно, а как раньше говорила — не будет говорить. По благословию нашей матушки игумении я отправилась в сопровождении наших монахинь в Оптину пустынь, для поклонения и испрошения св. молитв старца батюшки о. Амвросия, куда и прибыла 14 августа 1906 года. В Оптиной пустыни в первый же день приезда моего я отслужала панихиду у могилки батюшки. Затем исповедовалась, приобщилась Св. Таин и особоровалась. Сначала я не могла нагибаться для поклонов по болезни шеи. Я брала песочек с могилки о. Амвросия, глотала его, а также — опустив его в бутылку с водою — пила эту воду и мочила ею голову. Ходила часто на панихиду при могилке батюшки. 21-го и 22-го я натошак пила масло от лампы у образа на могилке батюшки. 22 же августа после обеда пошла в скит, и по дороге, около колодца батюшки Амвросия, случился у меня пароксизм кашля, во время которого в горле что-то оторвалось, и я проглотила. По совету спутницы-монахини я подошла к колодцу, напилась воды из него, и на вопросы ее, обращенные ко мне, вдруг стала отвечать ей ясно, отчетливо, сама в то же время удивляясь этому обстоятельству. Я заплакала от этой радостной неожиданности, а монашенка с удивлением отступила от меня, слыша меня говорящею. С того времени я говорю совершенно свободно, как и прежде, до припадка, без всяких затруднений в речи. С глубокою благодарностью отношу свое исцеление к молитвенному заступлению батюшки о. Амвросия, к которому я прибегала за помощью, бывая часто на могилке его и прося молитв его о мне, грешной. Засвидетельствовать же болезнь мою и приключившееся мне в монастыре внезапное и чудесное исцеление могут сопровождавшие меня из нашего монастыря в Оптину пустынь: казначея монахиня Ангелина, монахиня Евфимия, рясофорные послушницы Евфимия, Домника, Мария. 1906 года августа 24 дня. Козельская Оптина пустынь. Рясофорная послушница Ксения».

Глава XII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Господи, во свете Твоем узрим свет!

(Великое Славословие)

Мы закончили наше повествование о жизни, высоких подвигах и благодатных дарованиях батюшки о. Амвросия. Окидывая последним, общим взглядом всю его необычайную, святую, подвижническую жизнь, мы видим, что наиболее характерною чертою его духовного облика была одушевлявшая его деятельная, спасающая любовь. Он не был равнодушным зрителем человеческих скорбей, он горячо откликался на них, принимал их в свое широкое сердце и своим богоспросвещенным разумом изыскивал средства к их уврачеванию. Скорби людей бывают различные — есть скорби материальные: нужда, телесные болезни; есть скорби духовные: муки души от сознания своей испорченности, своего неумения жить, непонимания смысла жизни, духовной растерянности.

Есть люди, их особенно много среди образованной молодежи, неравнодушные к горю ближних, но не видящие далее материального горя, горя бедности. Они готовы самоотверженно идти на помощь страдающему ближнему, но на помощь исключительно внешнего характера: избавить от материальной нужды, изменить внешние условия существования. Не такова истинная, всеобъемлющая любовь христианская.

Она и внешнему горю сострадает, но она видит и чувствует несравненно глубже; она проникает в самую душу человека и там видит ее коренное страдание; то страдание, которое не излечивается внешними мерами, а требует духовного воздействия искренней, возрождающей, спасающей во имя Бога любви. И о. Амвросий в высшей степени обладал этим даром. Как мы видели, он и внешними способами облегчал материальное человеческое горе, но вместе с тем он охватывал своим любящим чувством всю душу человека, умел постигать ее сокровенную духовную скорбь и на нее именно изливать целительный елей своей сострадательной заботливости и ласки, возводить ее к Небу, к Богу. Вот почему люди, приходившие к нему с душою разбитой и, казалось, навеки умершей, выходили от него воскресенные, оживленные, радостные, спасенные, верующие. Мы

видели на страницах жизнеописания много примеров подобного духовного возрождения. И едва ли мы ошибемся, если скажем, что значительное большинство насельниц Шамордина и многие из обитателей Оптиной именно спасающей любви старца Амвросия обязаны началом своей духовной жизни.

Русское общество поняло эту черту духовного облика старца Амвросия. Оно поняло, что этот человек не был ни суровым монахом-отшельником, ни жестким обличителем человеческих недостатков и немощей, ни отвлеченным богословом; он был сама живая любовь, умевшая стать в непосредственную близость со всякою скорбящею и обремененною душою, принять на себя ее немощи и скорби, согреть, утешить и воззвать ее к новой, бодрой, чистой и радостной жизни. И потому-то он и стал духовным центром, притягивавшим к себе не только простолюдинов, стремившихся к нему, как к человеку Божию, человеку святой, богоугодной жизни, но и людей образованных, искавших в нем учителя жизни, указывавшего путь к истинному счастью души, научавшего знать и любить Бога.

Отец Амвросий разрешил для русского общества его давний и столь трудно разрешимый вопрос о том, что делать, как жить, для чего жить; он разрешил русскому обществу и другой роковой вопрос о слиянии образованных классов с простым народом. Он сказал русскому обществу, что смысл жизни заключается в любви, но не в той гуманистической, безрелигиозной любви, которую провозглашает некоторая часть нашей интеллигенции и которая выражается в мерах внешнего исправления жизни, а той истинной, глубокой, христианской любви, которая охватывает всю душу своего ближнего и исцеляет своею живительною силою ее самые глубокие и мучительные язвы. Отец Амвросий разрешил и вопрос о слиянии интеллигенции с народом, объединив их в своей келлии в одном общем чувстве покаянной веры в Бога. Таким образом, о. Амвросий указал русскому обществу единый спасительный путь жизни, указал ему истинное и прочное основание его благополучия, во-первых, духовного, а затем, как следствие, и материального.

Спрашивается теперь, на какой почве возрос этот дивный учитель жизни нашего времени? Он возрос на почве православия, он воспитан Православною Церковью. И невольно хочется еще раз повторить то, что было сказано нами в предисловии. Что бы ни говорили враги Церкви, враги православия, как бы ни поносили они эту нашу народную святыню, но не оскудела еще Православная Церковь и, в частности, наша Русская Церковь, благодатию Божиею! Еще действует в ней эта благодать, еще возвращает великих светильников веры и благочестия для нашего вразумления, для нашего утешения. Признаем этот многозначительный и радостный факт не с чувством гордости и тщеславия, не для пустой похвальбы своими праведниками, а для смиренного благодарения Господа, милующего нас и спасающего, признаем для того, чтобы еще более оценить и полюбить нашу Святую Православную Церковь со всем ее спасительным строем; чтобы укрепиться в искреннем, детском и разумно-сознательном послушании ей, чтобы ничего так не страшиться и не опасаться, как сознательного или бессознательного отпадения от нее, от ее вековых путей и заветов! Своим высоким примером о. Амвросий ясно показывает нам, что лишь в Церкви Христовой достигается полнота истинного христианского совершенства, находится прямой и верный путь к вечному спасению, а потому, кто хочет совершенствоваться и возрасть во Христе, кто хочет достигнуть жизни вечной, тому нет иного пути, кроме указанного Церковью Христовой, носительницею вечной истины и благодати.

Вместе с тем пожелаем, чтобы тот дух смиренной веры, святой простоты и искреннего братолюбия, которым был проникнут старец Амвросий, как и его великие наставники, не оскудевал, а, наоборот, ярко горел в наших святых обителях, в том числе и в Оптиной пустыни, и в Казанской Амвросиевской обители, чтобы они, напоенные этим духом, являлись бы крепкою, несокрушимую духовной поддержкой русским людям, мятущимся в волнах житейских попечений, и давали бы им, по завету старца Амвросия, духовное просветление, ободрение и утешение всякий раз, как они, измученные жизнью, придут со своею опустошенною и разбитою душою под их святой и благодатный кров искать духовной помощи и внутреннего мира! В этом, именно в этом, состоит высокое, жизненное значение

наших святых обителей. Удаленные от мира, они служат миру тем, что, сберегая в себе самих образ Христов и правду Христову, являют их, когда нужно, заблудившемуся и удалившемуся от Христа миру! Монастыри всегда были центром духовной жизни и христианского возрастания русского народа; будем уповать, что таковыми они останутся и впредь, соблюдая вместе со всею Православною Русскою Церковью христианскую истину во всей ее чистоте, без примесей человеческих вымыслов и человеческого суемудрия, во всей неприкосновенности апостольского и святоотеческого предания, как драгоценнейшее сокровище, воспринятое от лет древних русским народом для бережного хранения и передачи последующим поколениям.

Мудрому же и любвеобильному оптинскому старцу иеросхимонаху Амвросию, показавшему нам живой пример высокой христианской жизни и согревшему сердца столь многим своею отеческою любовью, да будет вечная и благодарная память в русском народе!

Конец

•

Примечания

1

Протоиерей Сергей Четвериков. Мой отклик. (Как я сделался православным пастырем и о моем пастырстве в Р. С. Х. Д. Ко дню 50-летия моего священства. 10/23-ХП-1946 г.) // Вестник церковной жизни. № 8. Париж. Июль, 1947. (Далее — Мой отклик.) С. 28.

[\(обратно\)](#)

2

Мой отклик. С. 28.

[\(обратно\)](#)

3

Мой отклик. С. 28.

[\(обратно\)](#)

4

Мой отклик. С. 29.

[\(обратно\)](#)

5

Протоиерей Сергей Четвериков. Оптина Пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж. 1926. (Далее — Оптина Пустынь). С. 5.

[\(обратно\)](#)

6

Впоследствии митрополит, первоиерарх Русской Зарубежной Церкви.

[\(обратно\)](#)

7

Мой отклик. С. 29.

[\(обратно\)](#)

8

Оптина Пустынь. С. 6.

[\(обратно\)](#)

9

Мой отклик. С. 29.

[\(обратно\)](#)

10

«На службе Богу — на службе ближним. Какую пользу приносят русскому народу православные монастыри? (По письмам Оптиных старцев о. Амвросия и о. Анатолия.) С видом Оптиной Пустыни и портретами старцев. (Священника.....)» [так на титульном листе]. Четвертое издание Козельской Оптиной пустыни, значительно дополненное и переработанное. Типография Казанской Амвросиевской женской пустыни, 1909.

[\(обратно\)](#)

11

Оптина Пустынь. С. 7.

[\(обратно\)](#)

12

Мой отклик. С. 31.

[\(обратно\)](#)

13

Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М.: Московский рабочий. Издательский отдел Всецерковного Православного Молодежного Движения, 1994. С. 420–421.

[\(обратно\)](#)

14

Оптина Пустынь. С. 7.

[\(обратно\)](#)

15

Протоиерей Сергей Четвериков. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. [Париж]: YMCA-PRESS, 1988.

[\(обратно\)](#)

16

Канонизация святых. Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня. 1988 г. С. 145.

[\(обратно\)](#)

17

Акафист преподобному и богоносному отцу нашему Амвросию, старцу Оптинскому и всея России чудотворцу. Кондак 12.

[\(обратно\)](#)

18

Иоанн (Маслов), архим. Иеросхимонах Амвросий Оптинский (Гренков) и его эпистолярное наследие. Приложение: Избранные изречения Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия, извлеченные из разных источников и расположенные в алфавитном порядке.

[\(обратно\)](#)

-

19

Е[раст] В[ытропский]. Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). Издание Оптиной пустыни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1902.

[\(обратно\)](#)

20

Протоиерей Сергей Четвериков. Описание жизни блаженныя памяти Оптинского Старца Иеросхимонаха Амвросия в связи с историей Оптиной Пустыни и ее старчества. Составлено по прежним жизнеописаниям и по новым источникам. Издание Козельской Оптиной пустыни. Типография Казанской Амвросиевской Шамординской женской пустыни, 1912.

[\(обратно\)](#)

21

Материалы для книги о. Сергию были предоставлены Оптиной пустыню, о чем сохранилась переписка (ОР РГБ. Ф. 213. 74. 22), — указано в книге: Неизвестный Нилус / Сост. Р. Багдасаров и С. Фомин. М.: Православный Паломник, 1995. Т. 2. С. 518.

[\(обратно\)](#)

22

Ныне рядом с могилами братьев Киреевских, у ног старца Амвросия, появилась еще одна свежая могила — старца о. иеросхимонаха Иосифа, смиренного, кроткого и мудрого ученика великого старца.

[\(обратно\)](#)

23

Для лиц, не знакомых со строем оптинской и вообще монастырской жизни, заметим, что скитская жизнь по сравнению с монастырской является более строгой и уединенной, не говоря уже о том, что в скиту нет такого множества богомольцев, как в монастыре, сами скитские братия живут гораздо более уединенно, нежели монастырские. В то время как в монастыре церковное богослужение совершается ежедневно, в скиту оно совершается лишь по субботам и воскресным дням, а также и в некоторые праздники. В остальные дни в скитской церкви лишь вычитывается Псалтирь с поминовением благодетелей. Молитвенное правило скитяне совершают у себя по келлиям, в которых вообще проводят большую часть своего времени в уединенном богомыслии и чтении духовных книг. Зашедший в скит посетитель редко-редко встретит кого из обитателей скита, и скит производит впечатление глубокой пустыни. Для отдыха скитяне занимаются у себя по келлиям ручным трудом — переплетным, футлярным, токарным, ложечным и краснописанием (писанием уставом). Пищу скитяне употребляют во весь год постную, кроме Рождества Христова, Пасхи и сплошных недель. Для проверки себя в духовном отношении скитяне должны обращаться как можно чаще к старцу, исповедуя ему все самые тончайшие свои помыслы.

[\(обратно\)](#)

24

Желающие больших подробностей об Оптиной пустыни и ските при ней найдут их в изданных Оптиной пустынью «Историческом описании Козельской Оптиной Пустыни» и «Историческом описании скита во имя св. Иоанна Предтечи Господня, находящегося при Козельской Введенской Оптиной Пустыни».

[\(обратно\)](#)

25

Слова преп. Симеона, Нового Богослова, в переводе еп. Феофана т. 1. Слово 2. С. 30.

[\(обратно\)](#)

26

Слова преп. Симеона, Нового Богослова, в переводе еп. Феофана т. 1. Слово 2. С. 31.

[\(обратно\)](#)

27

Там же. Слово 11. С. 98.

[\(обратно\)](#)

28

Лествица. Изд. Козельской Введенской пустыни. С. 4.

[\(обратно\)](#)

29

Там же. С. 251.

[\(обратно\)](#)

30

Преп. Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова. С. 278.

[\(обратно\)](#)

31

Добротолубие в рус. пер. Т. 2. С. 150. Преп. Кассиана Римлянина — о руководстве в духовной жизни.

[\(обратно\)](#)

32

Лествица. С. 58.

[\(обратно\)](#)

33

Там же. С. 66.

[\(обратно\)](#)

34

Желающие познакомиться с ними более подробно найдут их в творениях аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Симеона Нового Богослова, в Добротолюбии, а также в сборнике писем оптинского старца иеросхимонаха Макария, особенно в 4-й части — к монахиням.

[\(обратно\)](#)

35

О. Антоний (Путилов) был одним из замечательнейших подвижников Оптиной пустыни. О нем см.: Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена Антония. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Москва, 1870 г.

[\(обратно\)](#)

36

Подробные сведения о нем помещены в книге «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария, составленное И. Л.» Изд. Оптиной пустыни. 1861 г.

[\(обратно\)](#)

37

Впоследствии был уставщиком, певчим и канонархом.

[\(обратно\)](#)

38

Канифас — легкая плотная хлопчатобумажная ткань с рельефным тканым рисунком.

[\(обратно\)](#)

39

Мухояр — старинная пестрая ткань из смеси льна, шерсти, реже хлопка.

[\(обратно\)](#)

40

Драдедам — легкое тонкое сукно.

[\(обратно\)](#)

41

Перевод с новогреческого. Общее ее содержание — о борьбе со страстями. Переписывание этой рукописи, наполняя досуг А. М., знакомило его вместе с тем с превосходной наукой внутренней духовной жизни.

[\(обратно\)](#)

42

Рассказ этот, может быть, не совсем точен в подробностях, но он интересен как личное воспоминание старца о первых годах его жизни в обители.

[\(обратно\)](#)

43

Судьба этой рукописи особенно замечательна: она была прислана от старца Паисия к С.-Петербургскому митрополиту Гавриилу с собственноручною надписью. Писана полууставом на белой лощеной бумаге в лист более половины рукою ближнего ученика старца схимонаха Феодора, а докончена другом последнего — схимонахом Николаем. Рукопись эта, по кончине владыки, перешла неизвестно каким образом в частные руки и привезена была барышником на продажу в Валаамский монастырь, где и была приобретена жившим в то время на Валааме схимонахом Феодором, который очень обрадовался утраченному и снова обретенному сокровищу. После

блаженной кончины о. Феодора книга эта досталась любимому ученику и спутнику всей его жизни иеросхимонаху о. Леониду. Он подарил ее еще при жизни своей своему ученику схимонаху Антиоху, по кончине которого она перешла к другому ученику о. Леонида, о. Иоанникию, жившему тогда в Александро-Невской Лавре. Он отдал ее в дар духовной дочери о. Леонида старице Е. Т. Л., от которой эта книга перешла в 1849 году к иеромонаху о. Ефрему, подарившему ее духовному сыну своему монаху Авраамию, а этот последний, отъезжая в 1858 году на Афон, принес эту рукопись в дар иеросхимонаху Макарию, благословившему ее перед своею кончиною иеромонаха Леонида (Кавелина), скончавшегося впоследствии наместником Троице-Сергиевой Лавры.

[\(обратно\)](#)

44

В. Лясковский. Братья Киреевские, жизнь и труды их. С. 48 и др.

[\(обратно\)](#)

45

Впоследствии архиепископ Литовский и Виленский.

[\(обратно\)](#)

46

Впоследствии наместник Троице-Сергиевой Лавры.

[\(обратно\)](#)

47

Духовник старца о. Амвросия и богомольцев Оптиной пустыни.

[\(обратно\)](#)

48

Было время, когда ревнители иноческой жизни и христианского любомудрия платили за рукописные экземпляры этой книги по 100 и более рублей ассигнациями, но трудно было достать, тем более, что напечатанный в Нямецком монастыре в 1812 году Паисиев перевод этой книги мог попадать к нам в Россию только случайно, из-за существующего до сих пор запрещения ввозить из-за границы к нам книги славянской печати безотносительно к их содержанию.

[\(обратно\)](#)

49

Суперинтендент — духовное лицо, стоящее во главе церковного округа (у протестантов).

[\(обратно\)](#)

50

Его жизнь описана К. Н. Леонтьевым в книге «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной Пустыни», изданной Казанской

Амвросиевской женской пустыню.

[\(обратно\)](#)

51

К. Н. Леонтьев приехал тогда из Салоник, где был российским консулом.

[\(обратно\)](#)

52

Паки — опять, снова.

[\(обратно\)](#)

53

Все письмо очень интересно.

[\(обратно\)](#)

54

Ов (ово) — или, либо.

[\(обратно\)](#)

55

Письма о. Амвросия к монашествующим изданы Оптиною пустынью в 2-х выпусках.

[\(обратно\)](#)

56

Смушка — шкурка, снятая с новорожденного ягненка.

[\(обратно\)](#)

57

Мухояр — пестрая ткань из смеси льна, шерсти, реже хлопка, окрашивавшихся в пряже.

[\(обратно\)](#)

58

Существует предположение, что этим таинственным странником был не кто иной, как один из епископов, отказавшийся от кафедры и избравший подвиг странничества. Не этому ли страннику принадлежат известные «Откровенные рассказы странника о благодатном действии молитвы Иисусовой», рукопись которых, после смерти о. Амвросия, была найдена в его бумагах и составление которых некоторыми приписывается самому о. Амвросию? (См. предисловие к книге «Из

рассказов странника о благодатном действии молитвы Иисусовой», изд. Оптиной пустыни, написанное епископом Никоном.) Кстати, приведем здесь очень интересный рассказ духовной дочери старца об одном также загадочном страннике, может быть, имеющем отношение к тому страннику, с которым переписывался старец. Один судебный следователь по важнейшим делам, человек добрый и благочестивый, передавал следующее. Однажды, на Пасхе, он с женою и дочерью сидели вечером на галерее, идущей вдоль их дома, и собирались ужинать. Вдруг раздается со двора приятный, звучный голос. «Дайте милостыньку Христа ради, я три дня не ел». Следователь выглянул в окно галереи (галерея была на втором этаже) и видит странника, не похожего на нищего, одетого в подрясник, перепоясанного кожаным поясом и с ранцем через плечо. Лицо у него было замечательно приятное. Следователь сунул руку в карман, достал оттуда коп. 30 денег, сколько попало в руку, сунул их горничной и говорит: «Беги, отдай ему». Но тут же опомнился: человек просит есть, а он сует ему деньги. Кинулся он вслед за горничной и говорит ему: «Пойди с нами поужинай, мы только что сели». — «Нет, — говорит тот, — ужинать я не буду, а дай мне того квасу, который у вас стоит на табуретке». Следователь тотчас же исполнил просьбу странника. Странник перелил квас из бутылки к себе и ушел. Возвращаясь, следователь начал соображать: «Как же он, стоя внизу на дворе или даже около парадной двери, мог видеть, что стоит у нас квас в углу на табуретке? Должно быть, человек тот не простой!» Кинулся он обратно за ним в погоню, но ни на дворе, ни на улице его уже не было, и никто его не видал. Когда духовная дочь рассказала об этом случае старцу, батюшка спрашивает: «А не описывал ли он тебе его наружность? Высокий, белокурый, горбоносый?» Рассказчица была поражена. «Да вы-то, батюшка, как же его знаете?» — «Дурак! Ну, знаю, что ходит такой. Потребуется квасу, перельет к себе, да и уйдет». — «Но почему же никто из других не видал его и куда же он скрылся?» — «Ну, понимаешь, высокой жизни человек, с плотию утонченной», — сказал батюшка. Расспрашивать больше рассказчица не посмела.

(обратно)

59

Слова эти были сказаны м. Евфросинии, когда она была еще послушницей Белевского монастыря, и должны были послужить ей предостережением от самомнения.

[\(обратно\)](#)

60

Конечно, старец не отвергал православного обычая, но наставлял, с каким чувством его надо исполнять. (Прим. цензора)

[\(обратно\)](#)

61

О том, с какою любовью старец относился к детям, рассказывают еще, что в Оптиной пустыни, в его время, по летам проживала иногда одна семья, в которой были маленькие дети. Чтобы дети не скучали, по приказанию старца был устроен для них маленький домик, где они могли играть. Сами дети так были расположены к старцу, что, рисуя свои картинки, отдавали их ему на сохранение. И старец заботливо берег их. Когда эти дети уже выросли и совершенно забыли о своих рисунках, старец однажды показал им их, спрашивая, что с ними делать? Так свято хранил он все порученное ему даже детьми.

[\(обратно\)](#)

62

Железной дороги тогда в Оптину пустынь еще не было. Теперь едут до станции Козельск Рязанско-Уральской жел. дороги в трех верстах от Оптиной пустыни.

(обратно)

63

Кстати, приведем здесь отрывок из недавно найденного и нигде еще не напечатанного письма старца к К. Н. Леонтьеву, в котором он высказывает свое суждение о монашестве по поводу появившихся тогда в печати нападок на это древнее учреждение.

...Мнение, что в монастырях монахи и иеромонахи должны быть образованные, имело бы некоторую вероятность, если бы двенадцать избранных учеников Христа Спасителя были образованные. Но Господь, чтобы посрамить гордость и надменность человеческую, избрал Себе учеников простых рыбаков, которые просто и скоро уверовали в его учение. А чтобы обратить и привести к вере образованного Савла, нужно было его прежде наказывать слепотою. Потому что образованные неудобно веруют и нелегко смиряются, надываясь научным знанием.

Правда, что и в монастырях бывают плохие личности. Но зло всегда и везде мешалось с добром и как бы еще забегало всегда вперед. Каин родился прежде Авеля, Исав прежде Иакова. Между тремя сыновьями Ноя, видевшими потоп, явился опять ненавистный Хам. Между избранными учениками Христа Спасителя оказался Иуда предатель. Злые всегда гнали добрых, но не одолевали, а всегда были постыжены и унижены. Всего хуже, если злые из образованных, каковы, например, еретики ариане. Сколько они сделали зла и

оскорблений правоверующим христианам и вообще Церкви Христовой.

Если бы велеречивый проповедник против монашества хоть месяца три пожил бы в каком-либо пустынном монастыре и походил бы на все церковные службы, вставая ежедневно утром в два часа и ранее, тогда бы он опытом узнал, как монахи в монастырях ничего не делают.

Как ни плохо монашество, а лукавому сатане всячески желается уничтожить и плохое монашество. Видно, оно солоно ему и много препятствует его козням и злоухищрениям. Потому он покорных себе образованников и возбуждает против монашествующих.

Монахи, по слову св. Димитрия Ростовского, сухие колья, которыми поддерживается виноград Церкви Христовой. Виноград, не поддерживаемый кольями, не может приносить плодов, будучи заглушаем травами снизу.

Велеречивые толкуны толкуют, что в монастыре ничего не делают, а даром хлеб едят. Однако никто из них не изъявляет охоты и усердия поступить в монастырь на даровой хлеб. Многие лучше желают побираться по миру, нежели поступить в монастырь. Есть анекдот про цыгана, которому пришлось пожить в монастыре на первой неделе Великого поста. Откуда он тайно бежал и, увидевши мужика, который вел в лес собаку удавить, сказал ему: «Отведи в монастырь, и так околеет».

Во всяком обществе потребны люди образованные, средние и простые. Если бы все были образованные, то кто бы исполнял дела меньшие...

[\(обратно\)](#)

64

Для характеристики одной из этих девочек, Любви, приведен следующий рассказ ее няни, ныне живущей в богадельне

Шамординского монастыря, 80-летней старушки Александры: «Когда Любе было еще четыре года, однажды, на Страстной неделе, в среду, когда в монастыре еще не отошла Литургия Преждеосвященных даров (жили тогда при Оптиной пустыни), захотелось мне попить кофейку (а обычно мы до окончания литургии ничего не ели и не пили чаю). Стала я варить себе кофе, приготовила чашку. Люба сидит и смотрит, ничего не говорит. Сварила я кофе, стала наливать, а Люба вдруг и говорит: „Няечка, а ведь грех“. Так у меня и руки опустились».

[\(обратно\)](#)

65

Монах — значит уединенный, один.

[\(обратно\)](#)

66

Руднево отстоит от Шамордина по проезжей дороге на семь верст, а по ближайшей пешеходной — на три версты.

[\(обратно\)](#)

67

Ныне (в 1912 году) архимандрит, живущий на покое в Оптиной пустыни.

[\(обратно\)](#)

68

Этот молебен совершается в обители еженедельно по субботам, по заповеди старца.

[\(обратно\)](#)

69

Ныне (в 1912 году) епископ Дмитровский, старший vikарий Московской митрополии.

[\(обратно\)](#)

70

То был о. Исаия — келейник старца.

[\(обратно\)](#)

71

К. Н. Леонтьев, известный писатель и публицист, был одно время российским консулом в Турции. Совершенно холодный и равнодушный к вере и религии, он, в одно из своих посещений Афона, под влиянием бесед с тамошними старцами Иеронимом и Макарием, совершенно возродился духовно и стал глубоко верующим христианином. Затем, по возвращении в Россию, он познакомился и с Оптиной пустыней и ее старцем Амвросием.

Отец Амвросий имел сильное влияние на К. Н. Леонтьева в последние годы его жизни. Сам Леонтьев рассказывает в одном из своих писем, что в первые пять лет своего знакомства со старцем он никак не мог подойти к нему, сблизиться с ним и получать от него духовную пользу, однако постоянное и мягкое воздействие старца оказало свое влияние на Леонтьева, и в 1879 году в его отношении к старцу произошла резкая перемена, — он стал с любовью во всем его слушаться и с этих пор, до конца своей жизни, в продолжение 11 лет оставался его верным и преданным учеником.

«...В 1847 году я приехал из Турции, „обвеянный Афонским воздухом“, и вскоре поехал в Оптину. Отец Амвросий мне чрезвычайно понравился, но я все-таки в течение 5 лет не получал от него тех утешений, которые получал от более сурового Иеронима Афонского. А душевная моя жизнь была очень сложная, трудная, очень запутанная — и сердечно, и хозяйственно и т. д. Ужаснее всего было то, что надо было говорить о. Амвросию все кратко, все только в окончательном выводе, без всяких объяснений. Это была мука — после Иеронима, который со мной беседовал, расспрашивал, про себя рассказывал, объяснял, благословлял и т. д., — слышать всякий раз: „Вы покороче; я утомлен; я очень слаб; вы без предисловий; ждет игуменья; ждет одна купчиха-вдова уже 3-й день. Поскорее!“ и т. д.

Климент выручал, конечно; он рассуждал за старца; он употреблял все усилия, чтобы приучить меня к нему. Я старался — 5 лет ездил в Оптину и очень любил туда ездить, но гораздо больше через Климента, чем через о. Амвросия.

Когда Климент умер, и я сидел в зальце о. Амвросия, ожидая, чтобы меня позвали, — я помолился на образ Спаса и сказал про себя: „Господи! Наставь же старца так, чтобы он был опорой и утешением! Ты знаешь мою борьбу“. И вот о. Амвросий на этот раз продержал меня долго, успокоил, наставил, и с той минуты все пошло совсем иначе. Я стал с любовью его слушаться, и он, видимо, очень меня любил и всячески меня утешал!..»

[\(обратно\)](#)

Взято с сайта <https://lib.rus.ec>

Больше книг на Golden-Ship.ru